

Э

К

Л

В

Л

В

Е

Р

Н

И

ПОСЛЕДНИЙ

УДАР

ЭЛЕКТРОННЫЕ
ФОРМЫ

Annotation

Страсть к путешествиям и светским развлечениям привела начинающего литератора и детектива-любителя Эллери Квина в гости к издателю Артуру Б. Крейгу, в доме которого произошло убийство («Последний удар»). Минули годы, и Эллери уже специально отправляется в путешествие, чтобы найти сюжеты для своих романов, а получает желаемое, вернувшись домой, в Нью-Йорк, потрясенный убийством некогда знаменитой певицы («Лицом к лицу»).

- [Собрание сочинений Эллери Квина](#)
 - [«ПОСЛЕДНИЙ УДАР»](#)
 -
 - [Книга первая](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Книга вторая](#)
 -
 -
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)

- [Книга третья](#)
 -
 -
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
- [«ЛИЦОМ К ЛИЦУ»](#)
 - [Часть первая](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Часть вторая](#)
 -
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)

- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)

- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

Эллери Квин

«ПОСЛЕДНИЙ УДАР»

Действующие лица:

Клер и Джон Себастианы — богатая молодая пара. Их потомство поставило перед Эллери Куином задачу, к окончательному решению которой он пришел только через двадцать семь лет.

Доктор Корнелиус Ф. Холл — таинственный врач, который был свидетелем рождения и смерти, скрываемых с равной тщательностью.

Эллери Куин — молодой человек двадцати пяти лет. Впервые самостоятельно расследуя убийство, он распутал сложнейший клубок улик, но свойственная молодости неуверенность заставила его усомниться в собственном решении — на двадцать семь лет.

Джон Себастиан — молодой человек тоже двадцати пяти лет. Поэт, любитель эффектных поз и сюрпризов — но среди подарков, полученных им на Рождество, были и такие сюрпризы, на которые даже он не рассчитывал.

Артур Б. Крейг — выдающийся мастер печатного дела и опекун Джона Себастиана. В его загородном особняке и происходили роковые празднества.

Расти Браун — очаровательная рыжеволосая художница, дизайнер по одежде и украшениям в авангардистском стиле, а также властительница сердца Джона.

Миссис Оливетт Браун — мать Расти, страстная любительница спиритических сеансов. Ее «магический кристалл» показал тайну, которую, как считал Джон Себастиан, знал только он один.

Эллен Крейг — миленькая студенточка из Уэлсли, племянница Артура Б. Крейга. Она преследовала Эллери почти с тем же рвением, с каким тот преследовал убийцу.

Валентина Уоррен — начинающая актриса. Свою лучшую роль она надеялась сыграть перед Джоном Себастианом.

Мариус Карло — сердитый молодой музыкант, имевший виды на художницу.

Доктор Сэм Дарк — старый семейный врач, во время вынужденного отпуска ставший патологоанатомом по совместительству.

Дэн З. Фримен — издатель Эллери, обладавший кротким нравом. Его рождественские праздники были омрачены угрозой неминуемого падения «Дома Фримена».

Роланд Пейн — семейный адвокат с безупречными манерами и небезупречным прошлым.

Достопочтенный Эндрю Гардинер — кроткий пастырь, обнаруживший черную овцу в своем стаде.

Лейтенант Луриа — неглупый и решительный полицейский, по велению которого праздники растянулись на две недели.

Сержант Девоу — симпатичный патрульный, которому в этом деле досталась роль сторожевого пса, что некоторым из дам пришлось даже по вкусу.

Инспектор Куин — Хотя в расследовании солировал Эллери, но как-то в полночь явился его отец и внес свой посильный вклад — который оказался сильнейшим потрясением для Эллери.

Сержант Вели — первый помощник инспектора Куина, явившийся прямо из Нью-Йорка с огорчительными сведениями — и неопровержимыми доказательствами.

Книга первая

МАКСИМАЛЬНО РАЗРЕШЕННАЯ СКОРОСТЬ ДЛЯ САМОДВИЖУЩИХСЯ ЭКИПАЖЕЙ

*В тесно застроенных районах: 10 миль в час.
В городках или крупных городах за пределами
густонаселенных зон: 15 миль в час.
В сельской местности или вне населенных
пунктов: 20 миль в час.*

*Из «Кодекса законов штата Нью-Йорк»,
1904 г.*

Глава 1

ЗА 25 ЛЕТ ДО... — ЯНВАРЬ 1905 ГОДА

***В которой леди в интересном положении попадает в беду из-за
капризов природы и упрямства мужа***

Для Клер Себастьян Новый год начался радостно. Младенец был необычайно активен.

— Тебе не кажется, что там жеребенок, Джон?

В уединении гостиничной спальни она даже позволила мужу потрогать маленькое существо, лежащее в ее животе. На этой неделе они часто смеялись.

Поехать в Нью-Йорк на Новый год и несколько следующих дней было идеей Джона.

— Я знаю, как тебе не хватало веселья последние месяцы здесь, в Рае, — сказал он Клер. — Думаю, ты имеешь право покутить

напоследок, прежде чем посвятишь себя тяжелой ответственности материнства.

В глубине души Клер считала рискованным окунаться в ее положении в водоворот нью-йоркской жизни. Но, отвернувшись в очередной раз от своей раздавленной фигуры в зеркале, она ощутила прилив бесшабашности. Пускай городские бабы плятятся на нее!

До среды 4 января все шло чудесно. Джон снял апартаменты в «Уолдорфе» и на время каникул повернулся массивной спиной к делам компании «Себастьян и Крейг».

— Это твоя неделя, дорогая, — заверял он жену. — Издательский бизнес и Артур Крейг могут несколько дней обойтись без меня. — Джон поцеловал Клер, которая покраснела, чувствуя себя как во время медового месяца.

— Ты зациклился на поцелуях, Джон, — хихикнула она. — Думаешь, мы можем пойти куда-нибудь потанцевать под этот кошмарный регтайм?

Но на сей раз Джон твердо ответил «нет».

Впрочем, у Клер не было времени горевать по этому поводу. Они провели канун Нового года в роскошном доме одного из друзей-издателей Джона, среди литературных знаменитостей. Шампанское и разговоры лились рекой, а Клер даже попросили высказать мнение о бестселлерах сезона — «Перекрестке» Уинстона Черчилля, «Маленьком пастыре грядущего царствия» Джона Фокса-младшего, «Ребекке с фермы Саннибрук» миссис Уиггин — и произведениях современных молодых авторов типа Джека Лондона, Джорджа Бэрра Мак-Катчена, Линкольна Стивенса и Джозефа К. Линкольна. Клер редко делила с мужем его утонченную нью-йоркскую жизнь и была в восторге от вечера.

Утром Джон настоял на том, чтобы она позавтракала в постели, пока он просматривал газеты, читая некоторые отрывки вслух. Клер казалось, что весь мир отмечает скорое появление на свет ее ребенка особыми событиями. Последние дни она напряженно следила за осадой Порт-Артура, как будто это касалось ее лично, и, когда утром 2 января газеты сообщили, что русский генерал Стессель сдался генералу Ноги, ее удивило мрачное замечание мужа:

— Когда-нибудь нам придется иметь дело с этими нахальными японцами, попомни мои слова.

Сначала Клер обиделась, что Джон портит ей настроение, но потом засмеялась, когда он прочитал ей предложение президента Рузвельта, великолепно подражая лающему голосу Тедди, подвергать порке у позорного столба мужчин, которые бьют своих жен.

Они обедали у «Райзенбергера», посещая каждый вечер театры и поздно ужиная у «Дельмонико». В воскресенье 1 января они смотрели Сазерна и Марлоу в «Ромео и Джульетте», в понедельник — миссис Фиске в «Гедде Габлер», а во вторник — несмотря на начавшийся после полудня сильный снегопад — Дейвида Уорфилда в «Учителе музыки».

Во второй половине дня Клер делала покупки на Бродвее. В магазине Арнолда Констейбла на Девятнадцатой улице она по необходимости приобрела несколько платьев для последних месяцев беременности, но у Лорда и Тейлора на Пятой авеню и у Б. Олтмена на Шестой она отбросила здравый смысл и предалась оргии покупок «на потом»: нижние юбки, шуршащие кружевом, короткие юбки, доходящие только до туфель, — последний дерзкий крик моды, лайковые туфли пастельных тонов на изогнутом высоком каблуке для повседневной носки, сетки из тонкой проволоки для поддержания прически «помпадур», даже длинные шляпные булавки, которые, как заверила ее продавщица у Олтмена, были куда изящнее коротких, и, разумеется, множество платьев.

— Ты не сердисься? — с беспокойством спрашивала она мужа. Но он только смеялся и снова целовал ее.

Все было чудесно. До начала метели.

Снегопад, сквозь который их такси пробиралось во вторник вечером к театру, продолжался всю ночь. Утром, когда город оделся в белую смирительную рубашку, снег все еще шел. «Геральд» сообщала, что Нью-Йорк парализован, движение транспорта по направлению в город и из него остановилось, многие поезда застряли в заносах и покинуты пассажирами, а Лонг-Айленд оказался в изоляции.

Себастьяны провели среду в «Уолдорфе». Настроение Джона испортилось. Когда стало очевидным, что им не удастся воспользоваться билетами в театр (этим вечером они собирались смотреть Уильяма Фейвершема в «Летти»), он заказал бутылку ржаного виски «Ред топ», которое мрачно потягивал весь вечер. Клер начала жалеть, что они не остались в скучном Рае.

К утру четверга город стал понемногу выкапываться из-под снега. Оставив Клер завтракать в одиночестве, Джон надолго покинул апартаменты, а вернувшись, кратко сообщил:

— Я везу тебя домой.

— Хорошо, Джон, — спокойно ответила Клер. — Поезда уже ходят?

— Еще нет, и никто не знает, когда они пойдут. Может начаться дождь, все превратится в лед и слякоть, и тогда мы застрянем всерьез. — Он не упомянул подлинную причину своего намерения увезти жену из города — сообщение, что комиссар полиции Макаду требует подкрепления в полторы тысячи человек, сомневаясь в способности подчиненных ему сил справиться с волной грабежей, захлестнувшей Верхний Вест-Сайд. — Чем скорее мы выедем, тем лучше.

— Но, Джон, как же мы доберемся домой?

— Так же, как приехали.

— На автомобиле? — Клер побледнела. — Но каким образом, если дороги...

— Не беспокойся, «пирс» проедет везде, — уверенно заявил Джон. — Одевайся и собирай вещи, дорогая. Мы выезжаем немедленно.

Клер встала с кровати, понимая, что бессмысленно спорить с Джоном Себастьяном, коли речь зашла о его любимых автомобилях.

Она так и не смогла преодолеть страх перед безлошадными экипажами, хотя всегда изображала энтузиазм. В 1903 году Джон продал свой «хейнс-эпперсон-сарри» как слишком медленный. Теперь у них был «пирс-грейт-эрроу», за который он заплатил четыре тысячи долларов, с мотором в 28-32 лошадиные силы, переключателем скорости на рулевом стержне, газовыми фонарями и люком для инструментов под передним сиденьем. Но даже это было недостаточно современно для Джона. Недавно он приобрел один из знаменитых гоночных «паровиков» Уайта, известный также как «Свистун Билли», который мог ехать быстрее мили в минуту. Клер молча благодарила Бога за то, что ее муж выбрал «пирс» для поездки в Нью-Йорк.

Она ждала на тротуаре перед «Уолдорфом», пока Джон наблюдал за погрузкой багажа и ее покупок через заднюю дверцу салона «пирс-грейт-эрроу». Повозки и кебы, запряженные лошадьми, осторожно продвигались по частично расчищенным улицам, а представитель

созданной только в прошлом сентябре нью-йоркской конной полиции, сидя в седле, пытался освободить от транспортной пробки перекресток Тридцать четвертой улицы и Пятой авеню. Автомобилей нигде не было видно.

Клер ежилась под меховой шапкой и плотной русской «автомобильной» курткой. Джон насвистывал «Беделию», свою любимую популярную песню, словно его ничто не беспокоило.

Он закутал жену в мех, прикрепил сверху прорезиненную полость, опустил темные очки на козырек фуражки — мотор грелся уже полчаса, — бросил доллар коридорным, и автомобиль тронулся с места.

* * *

Этот день — четверг, 5 января 1905 года, самый значительный день в жизни Клер Себастьян — был сплошным кошмаром, состоящим из запаха бензина, холода и грозящего смертью гололеда. Но хуже всего была бодрость Джона Себастьяна. Казалось, будто снежные сугробы, похожие на застывшие в полете белые птичьи крылья, коварные рытвины, пасмурное небо, брошенный на городских улицах транспорт, торчащие кое-где ноги мертвых лошадей бросают Себастьяну вызов. Но он сражался с ними час за часом с уверенностью человека, знающего, что его сила и воля должны одержать верх. Сидящая рядом с мужем беременная женщина дрожала под мехом, иногда со страхом глядя сквозь обледеневшие черные очки и тщетно закутывая шарфом онемевшее лицо, полумертвая от голода и холода и полностью деморализованная.

Но Себастьян был обеспокоен только утратой удовольствий, которых его лишила метель. Он продолжал изрыгать проклятия по адресу стихии, вынудившей их пропустить завтрашнее представление «Аиды» в «Метрополитен» с мадам Нордика, Скотти и новой итальянской звездой Энрико Карузо, которого критики именовали «наследником Жана де Решке в привязанности американской публики». Опера и театр были двумя пристрастиями Себастьяна — почти что единственными, как думала Клер, — которые она могла чистосердечно разделять. Несмотря на холод и страх, мысли о

вечернем платье, в котором она собиралась отправиться в «Мет» — из розового атласа с коралловым орнаментом, отороченном черным бархатом и дополненным диадемой и ниткой жемчуга, — пробуждали в ней сочувствие мужу и самой себе.

Когда они выехали из Бронкса на Бостонскую почтовую дорогу, начался дождь. Клер вцепилась в руку мужа.

— Джон, мы не должны ехать дальше! — прокричала она сквозь рев мотора. — Мы наверняка опрокинемся!

— Ну и где ты предлагаешь остановиться? — крикнул он в ответ. — Не бойся, Клер, все будет в порядке. До сих пор «пирс» нас не подводил, верно? Ты будешь дома еще до ночи.

Задолго до захода солнца ему пришлось остановиться и зажечь фары. Дальше они поползли со скоростью пять миль в час. Клер чувствовала, как скользят шины «пирса», цепляясь за быстро леденеющий снег.

Себастьян уже не ругался — он вообще перестал говорить.

Спустя продолжительное время Клер открыла глаза. «Пирс» остановился перед старым извозчичьим двором рядом с маленьким каркасным домом. Керосиновые фонари мерцали на ветру. Она с тоской наблюдала, как ее муж вылез из машины и заковылял к дому. В ответ на стук дверь открылась, и мужчина в рваном свитере изумленно уставился на него.

— Я заметил вашу вывеску, — услышала Клер громкий голос мужа. — Мне нужен бензин. У вас есть немного на продажу? — Она увидела, как мужчина кивнул. — А моей жене не помешали бы чашка горячего кофе и сэндвич.

Джону пришлось нести жену на руках в маленькую душную кухню. Она была грязной и засиженной мухами с прошлого лета, но Клер думала, что еще никогда не бывала в более благословенном месте. Присев у плиты, она потягивала обжигающий кофе, на вкус похожий на амброзию, сваренную из грязи, и чувствовала, как ее тело понемногу оживает.

— Бедный малыш, — услышала Клер собственное бормотание. — Ты все еще там? — Нелепость вопроса заставила ее рассмеяться, и она с тревогой поняла, что близка к истерике. Клер сделала большой глоток, чтобы разом выжечь глупые мысли.

Но Джон быстро выпил свой кофе, и Клер поняла, что все начинается снова.

— Должны ли мы ехать дальше? — спросила она, пытаясь изгнать из голоса дрожь, Джон терпеть не мог робких женщин. — Я предпочла бы остаться здесь. Это становится опасным. Если ты не беспокоишься за себя и за меня, подумай о ребенке.

— Ничего не случится ни с тобой, ни с ребенком.

— Ваша жена беременна? — осведомился человек в рваном свитере. — Я бы в такой вечер козу на дорогу не выпустил. Конечно, это не особняк миссис Астор^[1], но я готов уступить вам свою кровать, леди.

— Вы очень любезны, — тихо отозвалась Клер. Она понимала, что это бесполезно. Любые возражения и критические замечания делали ее мужа еще более сердитым и упрямым.

— Ты готова, Клер?

— Вы рехнулись, мистер! — воскликнул мужчина в рваном свитере.

Джон Себастьян бросил несколько монет на кухонный стол, взял жену за руку, вывел ее из дома в ночную тьму и молча усадил в «пирс».

— Этой ночью тебе нужна собственная кровать, — проворчал он, садясь рядом с ней. — Кроме того, я проехал так далеко не для того, чтобы теперь отступить.

Нет, подумала Клер, для Джона Себастьяна самое важное — никогда не отступить, чего бы это ни стоило.

Ее страхи тотчас же вернулись, и она прижала руки к животу.

Катастрофа произошла внезапно. Дождь продолжался, покрывая талый снег ледяной коркой. «Пирс» заколебался на вершине подъема, а потом покатился вниз, теряя управление.

Каждый мускул в теле Клер напрягся до предела. Она уперлась ногами в пол, уставясь в темноту. «Пирс» набирал скорость с вызывающей тошноту быстротой. Джон Себастьян бешено вращал в разные стороны бесполезное рулевое колесо.

Потом машину занесло.

— Джон! — завизжала Клер.

Это было последнее, что Себастьян слышал перед ударом.

Джону казалось, что кто-то изо всех сил колотит по его голове. Наконец боль заставила его очнуться в ледяном мраке. Его выбросило из машины в сугроб у дороги. Должно быть, он пролежал там некоторое время, так как светила луна и дождь прекратился. Джон сел в снегу и стиснул виски руками, но стук в голове не исчезал. Он с трудом поднялся. Все тело болело, но вроде бы ничего не было сломано.

«Мне повезло», — подумал Джон Себастьян.

Внезапно он вспомнил о Клер и с ужасом взгляделся в темноту.

Сначала Джон не мог ее найти. «Пирс» лежал на крыше, как мертвое животное, наполовину съехав с дороги. Он врезался в большое дерево и перевернулся. Багаж и покупки Клер рассыпались по дороге.

Потом Джон увидел жену.

Клер вывалилась из автомобиля, и он упал на нее, придавив левую ногу. Она громко стонала.

— Клер! — крикнул Джон, благодаря Небо.

Он заковылял к ней, стараясь не поскользнуться.

Клер была без сознания; на льду в том месте, где она ударилась затылком, темнело пятно крови. Себастьян ухватился за автомобиль, пытаясь поднять его, но матерчатый верх накрепко прилип ко льду. Его охватил гнев. Он напрягал силы, покуда материал не затрещал и не поддался, но не сумел одновременно поднять машину и вытащить из-под нее жену.

Охваченный паникой, Джон какое-то время смотрел на синеющее лицо Клер, потом пустился бегом по пустынной дороге. Один раз он поскользнулся, упал, но тут же поднялся и побежал дальше, несмотря на обжигающую боль в правом локте и бедре.

В нескольких футах вверх по дороге, словно по волшебству, возник украшенный снегом белый забор, за которым виднелись обледенелые деревья, а за ними маленький дом с освещенными окнами. У ограды стоял железный столб, на котором покачивалась вывеска с поблескивающими в лунном свете золотыми буквами.

Себастьян уставился на нее, тяжело дыша.

Вывеска гласила: «Корнелиус Ф. Холл, доктор медицины».

Великая радость охватила Джона. Он открыл калитку, спотыкаясь, добежал по дорожке к дому доктора и начал стучать в дверь.

* * *

— Боюсь, дело серьезнее, чем сломанная нога и рана на голове, мистер Себастьян, — сказал доктор Холл, медлительный человечек лет сорока с рыжими торчащими волосами и усталыми карими глазами. — Я сделал что смог, хотя еще не знаю степени сотрясения мозга. Но это не самое главное.

Джон Себастьян с трудом разбирал слова маленького доктора. Шум в висках превратился в рев, сквозь который с трудом пробивались звуки реального мира. Он едва помнил, как им удалось освободить Клер и принести ее в дом. Больше двух часов Джон просидел в холодной гостиной у камина с тлеющими дровами, пока доктор и его тонкогубая неразговорчивая жена — опытная медсестра, как заверил его доктор, — трудились над Клер за закрытой дверью. Чай, который принесла ему миссис Холл, остыл в его ледяных руках.

— Тогда что самое главное? — тупо спросил он. Доктор бросил на него резкий взгляд.

— Вы уверены, что с вами все в порядке, мистер Себастьян? Лучше я осмотрю вас сейчас, пока у меня есть возможность.

— Нет. Позаботьтесь о моей жене. Не стойте здесь, приятель! Что с ней такое?

— Травмы и шок спровоцировали преждевременные роды, мистер Себастьян. — Доктор Холл выглядел удрученным. — Миссис Холл все готовит. Если вы меня извините...

— Подождите, я не понял, — пробормотал издатель. Одна из нескольких репродукций Гибсона из журнала «Коллиерс» на стенах гостиной висела косо, и это отвлекало его. — Вы имеете в виду, что моя жена собирается рожать здесь?

— Да, мистер Себастьян.

— Но это невозможно! Она не должна...

Светлая кожа доктора Холла покраснела.

— Человек предполагает, а Бог располагает, сэр. Боюсь, у вас нет выбора.

— Я не могу этого допустить! — Кровь стучала в висках Себастьяна. — Ее лечащий врач в Рае... Где ваш телефон?

— У меня нет телефона, мистер Себастьян.

— Тогда автомобиль... сани... что-нибудь! Что вы за шарлатан! Я поеду за ее врачом!

— У меня нет автомобиля, сэр, а в санях треснул полоз, когда я сегодня возвращался от больного. Моя повозка в сарае, но по такому льду ни вы, ни лошадь не проедете и пятидесяти ярдов. — Голос доктора стал жестким. — Задерживая меня, вы с каждой минутой подвергаете все большей опасности жизнь вашей жены, мистер Себастьян. Конечно, решать вам, но советую не тянуть с этим слишком долго.

Себастьян опустил^[2] в моррисовское кресло. Доктор Холл сердито смотрел на него. Таинственная дверь открылась, и миссис Холл позвала мужа.

Джон разглядел за дверью Клер, лежащую на кровати, как труп, но скулящую, как собака. Дверь закрылась снова.

— Решайте скорее, мистер Себастьян. Мне приступить или нет?

— Да, — пробормотал издатель. — Вы сделаете все возможное, доктор?

— Вы должны понимать, мистер Себастьян, что ваша жена в крайне серьезном состоянии.

— Понимаю. Ради бога, идите к ней!

Минуты казались веками.

Сначала Себастьян думал, что, если крики не прекратятся, его голова взорвется. Но когда крики смолкли, он стал молиться, чтобы они зазвучали вновь.

Мысли путались у него в голове. Джон видел все сквозь туманную пелену: поникший каучуконос, хромофотографию какого-то бородача над камином, дорожку с бахромой из шариков на пианино, стереоскоп с коробкой видов на столе, зеленые портьеры, скрывающие темную прихожую. Один раз он встал с кресла, чтобы поправить рамку с гибсоновской гравюрой, так как больше не мог видеть ее покосившейся. На стенах висели и другие гравюры — репродукции Фредерика Ремингтона, оранжевые сцены перестрелок на Диком Западе. Но, отвернувшись, Себастьян тут же позабыл, что они изображают.

Затем, словно видение, возник доктор Холл. Он вышел бесшумными шажками, потягивая чай и глядя на Себастьяна поверх ободка чашки. На его халате виднелись длинные красные полосы, как будто он в спешке вытирал о него руки.

Джон уставился на полосы как замороженный.

— У вас сын, сэр, — сообщил врач. — Родился в час ноль девять ночи. Поздравляю.

— В час ноль девять, — повторил Себастьян. — Какой сегодня день, доктор?

— Уже пятница, 6 января. — Доктор Холл говорил бодро, но его усталые карие глаза смотрели настороженно. — Ребенок весит очень мало, мистер Себастьян, по-моему, всего около четырех фунтов.

— Где находится этот дом? — пробормотал издатель.

— На окраине Маунт-Кидрона, неподалеку от Пелем-Мэнора. Четыре фунта не так уж плохо для родившегося преждевременно, и малыш крепок, как доллар. Как только все закончится, мистер Себастьян, я должен буду осмотреть вас.

— Маунт-Кидрон... — Себастьян оторвал взгляд от окровавленного халата. — А моя жена?

— При данных обстоятельствах я вынужден говорить откровенно. Состояние вашей жены критическое. Фактически... Но, сэр, я сделаю все, что могу.

— Да, — с трудом вымолвил Себастьян.

— Вам также следует знать, сэр, что она собирается родить еще одного ребенка.

— Что? — хрипло произнес издатель. — Что вы сказали?

— Понимаете, первые роды ослабили ее до крайней степени. Вторые... — Маленький доктор покачал головой — его рыжие волосы, казалось, вот-вот разлетятся во все стороны. — Лучше отдохните, пока я займусь вашей женой. Допейте чай.

— Но это убьет ее! — Себастьян поднялся, дернув воротник рубашки; казалось, он готов испепелить доктора взглядом.

— Будем надеяться, что нет, мистер Себастьян.

— Удалите ребенка! Пусть он умрет, только спасите ей жизнь!

— При состоянии вашей жены хирургическое вмешательство почти наверняка станет роковым. Кроме того, ребенок родится естественным путем.

— Я хочу видеть жену!

Доктор Холл устремил на Джона печальные карие глаза.

— Мистер Себастьян, она не хочет вас видеть.

И он снова удалился.

Себастьян упал в кресло, хватаясь за подлокотники и не чувствуя, что горячий чай проливается ему на ногу из чашки, которую врач сунул ему в руку.

Близнец...

Будь он проклят!

«Она не хочет вас видеть...»

Чашка выскользнула из руки Себастьяна и разбилась о выступ камина, выплеснув жидкость в огонь, который яростно зашипел.

Но Джон слышал только упреки совести. Он сидел, стиснув в отчаянии кулаки и сгорбившись под тяжестью своей вины.

* * *

Себастьян поднял голову.

— Ну? — резко осведомился он.

Бесполоая невзрачная фигура миссис Холл оставалась у закрытой двери; ее тонкие губы были едва видны, а пальцы так крепко стискивали ручку голубой фарфоровой чашки, что казались совсем белыми.

Доктор Холл медленно подошел к человеку в кресле. Он снял халат, оставшись в рубашке с закатанными выше локтей рукавами. Его веснушчатые руки были сморщенными и побелевшими, как будто он долго мыл их, очищая от смерти.

— Ну? — повторил Себастьян, повысив голос.

— Мистер Себастьян... — Маленький доктор сделал паузу. — Второй мальчик — однояйцевый близнец — родился в дванадцать ночи...

— Это не важно! Как моя жена?

— Очень сожалею, сэр. Она скончалась.

Последовало молчание.

— Если хотите ее видеть...

Себастьян покачал головой.

— Тогда если хотите взглянуть на малышей...

— Нет! — Издатель поднялся. Его лицо окаменело. — Сколько сейчас времени?

Доктор Холл достал из жилетного кармана никелированные часы.

— Две минуты пятого. — Он откашлялся. — Мистер Себастьян...

— Если вы заботитесь о гонораре, назовите сумму, и я выпишу чек.

— Нет-нет, сэр, дело не в том, что...

— Вы выписали свидетельство о смерти?

— Еще нет. Сэр...

— Пожалуйста, сделайте это. Я позабочусь, чтобы из похоронного бюро сюда приехали как можно скорее. Что касается ребенка, должен просить вас и миссис Холл позаботиться о нем, пока я не смогу его забрать. Врач миссис Себастьян, несомненно, пришлет медсестру для перевозки ребенка в Рай.

— Ребенка? — Доктор Холл быстро заморгал. — Вы, конечно, имеете в виду детей?

— Я сказал «ребенка». Того, который родился первым.

— Но, сэр...

— Моя жена подарила мне только одного сына, доктор. Второй ребенок убил ее, и он никогда не будет моим сыном. Я не желаю иметь с ним ничего общего. Фактически мне будет трудно даже с первым...

— Он отвернулся.

Врач обменялся взглядами с женой.

— Вы не можете говорить это так серьезно, мистер Себастьян.

— Где я могу взять напрокат или купить сани и лошадь?

— Неужели вы без всяких угрызений совести отвернетесь от вашей плоти и крови, сэр?

— Вы не понимаете, — с раздражением произнес издатель. — Маленький монстр убил мою жену.

Доктор молчал. Миссис Холл беспокойно шевельнулась у двери.

— Вы должны принять решение относительно... второго ребенка, — заговорил наконец врач. — Что вы намерены с ним делать?

— Я буду оплачивать вам его содержание, пока мои поверенные не поместят его куда-нибудь. Конечно, если это для вас затруднительно...

— Что вы, несколько, — быстро сказала миссис Холл.

— Да, — подхватил ее муж. — Возможно, это рука Провидения, мистер Себастьян. У нас с женой никогда не было детей, и это было большим несчастьем. Если кончина миссис Себастьян побуждает вас взять только сына, который родился первым...

— Вы имеете в виду, доктор, что хотели бы оставить себе второго ребенка?

— Если вы отдадите его нам.

Себастьян с горечью махнул рукой.

— Он ваш. Может быть, он принесет вам больше удачи, чем мне.

Миссис Холл негромко вскрикнула и тихо, как мышка, скрылась в соседней комнате.

— Но все должно быть оформлено по закону, — продолжал доктор Холл. — Чтобы вы не могли передумать. Это было бы слишком жестоко. Вы понимаете меня, сэр? Вы должны предоставить нам документы.

— Вы их получите. Я даже создам для ребенка трастовый фонд. При первой же возможности, доктор, поговорю об этом с моими поверенными.

— Благодарю вас, мистер Себастьян. От своего имени и от имени миссис Холл.

— Не стоит благодарности, — сухо отозвался Себастьян. Внезапно он пошатнулся и ухватился за спинку кресла.

— Мистер Себастьян! — Доктор шагнул вперед.

— Нет-нет, со мной все в порядке. Просто закружилась голова...

— Вам лучше прилечь, сэр.

— Нет. — Издатель выпрямился. — Вы не ответили на мой вопрос. Где я могу раздобыть сани?

— Возможно, это к лучшему, — пробормотал доктор Холл. — Около мили вверх по почтовой дороге...

* * *

— Мистер Себастьян, пришел мистер Манси, — плачущим голосом доложила пожилая служанка. — Вы не должны ни с кем видеться, сэр. Если бы вы позволили нам вызвать доктора...

— Перестаньте причитать и позовите Манси, — отозвался с кровати Себастьян.

Была вторая половина среды, 11 января 1905 года. С широкой кровати с пологом на четырех столбиках, где лежал Джон Себастьян, можно было видеть волны, заливающие пляж Рая, такие же холодные, как холод, который ощущал Джон, и который ощущала бы Клер, если бы могла что-то чувствовать...

— Ну, мистер Себастьян... — произнес дружелюбный голос.

— Входите и садитесь, Манси.

— Мне сказали, что вы больны, мистер Себастьян. — Адвокат сел возле кровати. — В этом нет преувеличения. Выглядите вы скверно.

— Манси... — раздраженно начал Себастьян.

— Насколько я понял, с вами еще до похорон случился приступ головокружения, и теперь эти приступы стали постоянными. К тому же последние пять дней у вас были провалы памяти. Почему вы не разрешаете вызвать врача?

— Мне не нужен врач! Манси, я хочу написать новое завещание.

— Сейчас? — Адвокат выглядел растерянным.

— Конечно, сейчас! Или вы не понимаете по-английски?

— Не было бы разумнее, мистер Себастьян, подождать, пока вы полностью оправитесь после несчастного случая?

Себастьян бросил на адвоката взгляд.

— Вы считаете меня недееспособным?

— Нет-нет, — поспешно сказал Манси, открывая портфель. — Каким образом, сэр, вы желаете изменить теперешнее завещание?

— Наследство слугам и служащим фирмы «Себастьян и Крейг» остается прежним. Но основная часть моего состояния и состояния моей жены, когда юридическая неразбериха наконец утрясется и оно отойдет ко мне, переходит моему сыну Джону. — Себастьян приподнялся в постели. — Вы знаете, какого сына я имею в виду, Манси?

— Конечно. — Адвокат казался удивленным. — Ребенка в детской, за которым присматривает няня и который, похоже, вырастет отличным парнем. — Он кашлянул. — Не лучше ли отложить это на другой день, сэр?

— Ребенка в детской... — пробормотал Себастьян. — Вы правы, Манси, моего единственного сына Джона. Так и напишите: «Завещаю

моему единственному сыну запятая Джону». Понятно?

— «Моему единственному сыну запятая Джону», — повторил адвокат.

— Он будет получать доход до двадцати пяти лет, а потом унаследует состояние. Записали?

— Да, мистер Себастьян.

— Если я умру, прежде чем мой сын достигнет совершеннолетия, он должен быть отдан под опеку моего друга и партнера по бизнесу, Артура Б. Крейга. Крейг уже согласился принять на себя эту ответственность. Он также будет душеприказчиком и распорядителем состояния, согласно нынешнему завещанию. Если мой сын умрет, не дожив до двадцати пяти лет, я завещаю состояние Крейгу. Это все, Манси. Немедленно составьте завещание.

— Завтра представлю его вам на подпись, мистер Себастьян.

— Не завтра, а сегодня вечером! — Себастьян устало откинулся на подушки.

Манси посмотрел на часы.

— Я не уверен, что успею... Ведь дело не такое уж срочное, мистер Себастьян. — Он издал смешок. — Даже если бы мы имели несчастье потерять вас в данный момент, сэр, ваш единственный сын автоматически унаследует все...

— Я хочу, чтобы это было написано и скреплено моей подписью. — Себастьян внезапно выпрямился. — Понятно, черт бы вас побрал?

Адвокат спешно удалился.

* * *

Вечером Манси вернулся с двумя клерками и прочитал Джону Себастьяну завещание резким недовольным голосом. Издатель слушал внимательно, кивая после каждой фразы. Когда адвокат умолк, Джон схватил ручку и тщательно подписал оба экземпляра. После этого клерки расписались в качестве свидетелей, и все трое собрались уходить.

— Благодарю вас, джентльмены, — сказал Себастьян. — Да, Манси...

Адвокат повернулся.

— Простите, если я показался вам слишком настойчивым. Вы вели себя в высшей степени чутко...

— Что вы, мистер Себастьян! — Адвокат слегка смягчился. — Как бы то ни было, дело сделано. Есть еще какие-то распоряжения?

— Да. Нужно создать один трастовый фонд... составить документы...

— А это не может подождать до завтра, сэр? — улыбаясь, спросил Манси. — Должен посоветовать вам обратиться к врачу, прежде чем предпринимать дальнейшие усилия.

— Возможно, вы правы, — вздохнул издатель. — Завтра придет доктор Уэсткотт. А дело, о котором я говорил... ладно, как-нибудь в другой раз...

Голос замер. Поколебавшись, адвокат вышел.

Джон Себастьян лежал в постели, довольный собой. О втором ребенке не упоминается в завещании, и ни Манси, ни Крейг, ни кто другой, связанный с Джоном Себастьяном, издателем и вдовцом, не знают о существовании маленького убийцы, кроме доктора и миссис Холл, а у них достаточно причин держать язык за зубами...

Себастьян заснул — и умер во сне. Пожилая служанка застала его утром уже окоченевшим. По настоянию друга и делового партнера, Артура Б. Крейга, судебно-медицинский эксперт произвел вскрытие и обнаружил тромб в мозгу. Вывалившись из перевернувшегося автомобиля, Себастьян получил тяжелые черепно-мозговые травмы. Вероятно, его отказ от медицинской помощи после несчастного случая и стал причиной смерти. Предполагали, что несколько странное поведение в последние пять дней жизни было прямым следствием полученных повреждений.

Джона Себастьяна похоронили на семейном участке кладбища Рая, рядом со свежей могилой жены.

* * *

— Возможно, нам повезло больше, чем мы думаем, — сказал жене доктор Корнелиус Ф. Холл, прочитав о смерти Себастьяна. — Этот парень был способен на все.

Миссис Холл вздрогнула и поспешила в комнату, где умерла Клер Себастьян и которую превратили в детскую.

Доктор Холл потихоньку навел справки и выяснил, что Джон Себастьян умер, не оставив обещанного трастового фонда. Когда завещание было опубликовано, маленький доктор внимательно его прочитал. Второй сын не получал ничего — о его существовании даже не упоминалось. Доктор Холл улыбнулся. Теперь, по-видимому, никто не заподозрит, что жена Джона Себастьяна произвела на свет близнецов.

— Слава богу! — сказала миссис Холл и предалась материнским обязанностям с бодростью, побудившей доктора весело напевать себе под нос, когда он трясся в своих санях по дорогам Нижнего Уэстчестера.

Доктор зарегистрировал роды в мэрии Маунт-Кидрона, предусмотрительно дождавшись, пока он не помог появиться на свет еще семи младенцам в городе и в окрестностях. Делающий записи клерк был глух и наполовину слеп. За свой сорокапятилетний стаж он внес столько новорожденных в увесистый грессбух, что перестал запоминать какие-либо подробности.

— Теперь мы защищены, — сообщил жене доктор Холл.

— От чего, Корнелиус?

Он пожал плечами.

— Кто знает?

* * *

Это произошло в том году, когда родился Эллери Квин и ровно за четверть века до того, как он согласился посетить необычную рождественскую вечеринку в Олдервуде, Штат Нью-Йорк.

Книга вторая

«ТАЙНА ИСЧЕЗНУВШЕЙ ШЛЯПЫ»^[3] ЭЛЛЕРИ КВИНА

Эта «проблема дедукции» представляет двух новых детективов — отца и сына Квинов. Один — добродушный любитель нюхать табак, другой — книжный червь.

Оба довольно симпатичны, хотя их диалоги несколько вычурны... Несмотря на незначительные дефекты... эта работа покажется добросовестной тем, кто любит «честные» детективные истории.

«Субботнее литературное обозрение», 12 октября 1929 г.

Глава 2

ВТОРНИК, 24 ДЕКАБРЯ 1929 ГОДА

В которой Эллери прибывает на рождественские каникулы в сельском Уэстчестере, а Джон Себастьян намекает на грядущие события

О том, как молод был Эллери, можно судить по тому факту, что он всерьез воспринимал рецензии на его книгу. От хвалебных он раздувался, а от ругательных съеживался. Отзывы о «Тайне исчезнувшей шляпы» в целом были обнадеживающими, но ложка дегтя в «Субботнем литературном обозрении» ранила его достаточно глубоко. Признание всего лишь добросовестности уязвляло, фраза про «книжного червя» терзала душу, а обвинение в вычурности просто

возмущало. В первенце молодого автора всегда столько простодушной невинности, что ругать его — преступление против самой природы.

Но все это было в прошлом. Книгу опубликовали в середине августа, а рецензии — в середине октября, так что к середине декабря Эллери успел о них забыть. В те дни он обладал свойственной молодости эластичной уверенностью в своих силах, которая могла растягиваться и напрягаться, но никогда не лопалась, поэтому он принял приглашение Артура Б. Крейга погостить от Рождества до начала Нового года — посланное задолго до Дня благодарения^[4] — без всякого удивления, как если бы он уже был признанным автором. Эллери бы сильно расстроился, поняв, что его пригласили скорее как «персонаж», чем как свежую литературную знаменитость, но, к счастью, он об этом никогда не узнал.

С Артуром Б. Крейгом его связывал только Джон Себастьян — подопечный Крейга и знакомый Эллери. Молодой Себастьян проживал в квартире в Гринвич-Виллидж, и Эллери познакомился с ним на тамошних званых вечерах — литературных и художественных. Присущая обоим дерзость помогла им сблизиться. Себастьян был поэтом-любителем, обладавшим колоссальным обаянием и, как подозревал Эллери, некоторым талантом. Не вполне относясь к «потерянному поколению» Ф. Скотта Фицджеральда, он принадлежал к байроническому типу с пронизывающим взглядом и длинными волосами, тогда модному среди нью-йоркской богемы. Себастьян всегда говорил о своем богатом опекуне с циничной привязанностью и насмешливой покровительственностью, которые молодежь приберегает для снисходительных к ним лиц пожилого возраста.

Артур Бенджамин Крейг был типографом по профессии и подлинным художником в оформлении и производстве прекрасных книг, возвысившим свое ремесло до статуса искусства. Помимо связи Крейга с молодым Себастьяном и того, что его типография печатает престижные книги, выпускаемые издателем Эллери Дэном З. Фрименом, Эллери ничего о нем не знал.

Эллери принял приглашение Крейга, подчиняясь импульсу, но перед Рождеством ему пришло в голову, что он оставляет отца в одиночестве на праздники. Эллери предложил отправить Крейгу свои извинения и сожаления, но инспектор Квин не пожелал и слышать о сыновнем жертвоприношении.

— В деле об убийстве Арнольда Ротстайна появился новый след, так что до Нового года я буду занят, — заверил он Эллери. — Поезжай в Олдервуд и развлекайся, сынок. Только поосторожнее с самогоном.

— Судя по словам Джона, — усмехнулся Эллери, — там с большей вероятностью можно рассчитывать на шампанское высшего качества и отборный скотч.

Вид у инспектора был скептический.

— Газеты предсказывают снежное Рождество, — с беспокойством сказал он. — Когда ты выезжаешь?

— Во вторник после полудня.

— В понедельник обещают снегопад, а во вторник — метель. Может, тебе лучше поехать поездом?

— Старина «дюзи» никогда еще меня не подводил. — «Дюзенберг» Эллери был не модным патрицианским таункабриолетом, а открытой моделью 1924 года, изрядно потрепанной ста тридцатью тысячами миль пробега, но Эллери был привязан к нему, как к старой, но все еще годной к службе верховой лошади. — Кроме того, папа, я купил набор новых цепей «Уид Америкен». Так что с нами все будет в порядке.

В соответствии с прогнозом метель началась рано утром во вторник, 24 декабря. К полудню, когда Эллери отправился в путь, улицы покрывала белая пелена.

В гараже на Западной Восемьдесят седьмой улице ему установили верх и боковые занавески, так что он был защищен от снега, но даже старая енотовая шуба и меховые наушники не спасали от сильного северо-восточного ветра, который дул сквозь занавески, как будто они были сделаны из марли. К тому времени, когда Эллери добрался до парковой дороги на границе округа Уэстчестер, он чувствовал себя как сибирский мамонт, замурованный в ледяной глыбе. Ему пришлось остановиться у закусочной в Маунт-Кидроне, где он тайком добавил в чашку кофе бренди из своей серебряной фляжки. В Мамаронеке и Уайт-Плейнсе Эллери останавливался снова, чтобы погреться, а когда он пересек Уайт-Плейнс и поехал на северо-запад по дороге в Олдервуд, фляжка опустела. В Олдервуд он прибыл в приятном нейтральном состоянии полульда-полупламени.

Расположенный в сорока милях от Нью-Йорка, Олдервуд представлял собой зеленый город, состоящий из скромного вида

жилых построек с населением в шесть тысяч человек и маленького делового района с заснеженными лампочками рождественской иллюминации на главной улице и поблескивающими от мороза витринами магазинов, в которых виднелись Санта-Клаусы. Дом Крейга, как выяснил Эллери, находился на северной окраине, и он обнаружил его после долгих поисков, включающих всего две поездки по проселочным дорогам, которые вели в никуда.

Дом оказался неуклюжим сооружением, расплзающимся в разные стороны, с двумя этажами и мансардой настолько широкой, что она выглядела насаженной на гигантский пик. Эллери узнал в нем героический образец треугольной американской деревянной архитектуры 80-х годов прошлого века. Выходящие на дорогу два огромных эркера, один над другим, на темной боковой стене придавали зданию современный вид. Вход находился под прямым углом от дороги, предваряясь большим открытым крыльцом с грубыми каменными колоннами. Весь монстр буквально зарос кустарником, словно Старый мореход^[5] с голуэйской^[6] бородой, поднятый на гребень волны заснеженных лужаек.

Возможно, в этом было повинно приятное тепло, вызванное бренди, но Эллери, ведя «дюзенберг» по подъездной аллее, испытывал странное чувство, будто он едет в карете к особняку в елизаветинской Англии. Эллери бы не удивился, если бы его приветствовали лакеи в герцогских ливреях и париках и хозяин в отделанных кружевами камзоле и панталонах. Он уже представлял себе огромные поленья в очаге, каменные полы с тростниковыми циновками, огромных собак, рвущих на части оленину, и, конечно, разнообразные пунши в оловянных кружках.

Эллери даже начал насвистывать «Зеленые рукава»^[7].

Когда он затормозил у крыльца, то увидел там высокую стройную фигуру Джона Себастьяна и нечто среднее между президентом Гувером и Генрихом VIII — человека-гору с квадратным бородатым лицом, курящего трубку и приветливо улыбающегося.

— Ты все-таки приехал! — воскликнул молодой Себастьян, прыгая в снег и хватая Эллери за руку. — Не беспокойся насчет багажа и машины. Артур, это Эллери Квин, истребитель драконов и великий ум. А его отец — настоящий живой полицейский инспектор.

— И добродушный любитель нюхать табак, не забывай об этом, — слегка заплетающимся языком отозвался Эллери. — Мистер Крейг, я польщен, признателен, обледенен и раздавлен, — добавил он, потирая правую руку.

Пожатие Артура Крейга соответствовало его габаритам и не было ослаблено шестьюдесятью тремя годами. Светлые волосы и борода были по-прежнему густыми, а темные глаза на массивном лице — такими же живыми, как у его подопечного, но в них светились терпение и великодушные, отсутствующие, по мнению Эллери, у Джона и, коли на то пошло, у Генриха VIII.

— Истинный образ отца, — серьезно сказал Джон. — Эта рука ставила меня на место с тех пор, когда я еще ходил в коротких штанишках.

— Боюсь, с сомнительным результатом, — усмехнулся Крейг. — Добро пожаловать, мистер Квин. Не знаю, почему вы чувствуете себя польщенным и признательным, но обледенение мы быстро устраним. Фелтон, позаботьтесь о чемодане и автомобиле мистера Квина. — Мускулистый слуга в черном костюме и галстук-бабочке скользнул к машине. — Пунши уже на огне.

Их действительно подали в оловянных кружках. Эллери не удивился, оказавшись в огромном «феодалном» зале с дубовыми панелями, балками на потолке, обитыми медью ларями и камином от пола до потолка.

— Чудесное место для рождественских каникул, Джон, — с энтузиазмом заметил он, следуя за Фелтоном наверх в компании друга и ароматной оловянной кружки. — Я почти слышу, как сэр Эндрю Эгьючик кричит сэру Тоби: «Устроим мы какой-нибудь праздник?»

— А старый Белч кричит в ответ: «Что же другого нам делать? Разве мы не рождены под Тельцом?»^[8]

— Я — Близнецы.

— Цитируя старую нудную леди, с которой ты скоро познакомишься, «по звездам их узнаете их»^[9]. — Себастьян обнял Эллери за плечи. — Честно, я рад тебя видеть, ищейка! Вечеринка будет клевая!

— Только, пожалуйста, никаких убийств!

— Черт возьми, придется изменить повестку дня! Вот твоя обитель, Эллери. Если что нужно, звони Фелтону. Когда распакуешь

вещи, сразу спускайся. А пока что хочу кое-что тебе презентовать.

— Сейчас? Не рановато ли?

— Презентовать в смысле представить. «Кое-что» зовут Расти Браун, которую я больше не могу от тебя скрывать.

— Расти Браун? Звучит как бейсболист.

— Боже упаси. Мы ведь хорошие друзья, верно? Так что руки прочь, Эллери. Comprends?^[10]

— Я что, похож на бабника?

— В том, что касается моих чувств к мисс Браун, любое существо в брюках является бабником, пока оно не докажет обратное. — Джон Себастьян просунул темноволосую голову в дверь. — Между прочим, не заблудись по дороге вниз. В старом особняке более тридцати комнат в разных крыльях, половиной из которых никогда не пользовались. В детстве у меня здесь было больше тайников, чем у братьев Джеймс^[11]. Если ты потеряешься в одном из них, мы можем не найти тебя до самого Крещения. Поторопись, хорошо?

* * *

Эллери легко понял, что имел в виду Джон Себастьян. Расти Браун обладала тем, что английская писательница Элинора Глин именовала «это» вкупе с достаточным количеством блеска и энергии, изящной округлой фигуркой, детским личиком, ямочками на щеках и огненно-рыжими волосами, коротко подстриженными по последней моде. Ее одежду отличала изящная небрежность, а в ушах поблескивали бросающиеся в глаза серьги, очевидно, из сварной стали. Она удивительно походила на Клару Боу^[12], но ее зеленые глаза смотрели прямо, а твердое рукопожатие сразу понравилось Эллери. Расти была талантливым дизайнером костюмных украшений, тканей, обоев и тому подобного. Ей было не более двадцати четырех лет, как и ее жениху, но она уже открыла магазин на Мэдисон-авеню, и «Творения Расти Браун» начинали упоминаться в «Нью-Йоркер» в разделе «Разговоры в городе», пользуясь популярностью у обитателей Парк-авеню.

— Значит, вы тот самый подающий надежды автор, которого так расхваливал нам Джон, — сказала Расти. Голос у нее был четкий и

ясный, как ее глаза. — Он даже заставил меня прочитать вашу книгу.

— Такому гамбиту я так и не научился противостоять, — отозвался Эллери. — Возникает естественный вопрос: понравилась ли она вам?

— Мне она показалась ужасно умной.

— Похоже, я замечаю червоточину в плоде.

— Ну, может быть, слишком умной. — Расти продемонстрировала свои простодушные ямочки. — Можно сказать, не по годам.

— Следи за этой девушкой, Эллери, — с обожанием произнес Джон. — Она умеет пускать кровь.

— Я уже кровотоку, — простонал Эллери.

— Быть молодым — не преступление, мистер Квин, — заметила Расти. — Преступление — показывать это.

— Я практически гемофилик, — сказал Эллери. — А эта достопочтенная леди — мать мисс Браун?

Миссис Браун выглядела как Расти в кривом зеркале парка аттракционов — с хитрыми зелеными глазами, плохими зубами и некогда рыжими, а ныне розовато-серыми волосами. От нее, как от Медузы^[13], исходила почти осязаемая аура напряженности. Эллери сразу же определил в ней женщину, помешанную на чем-то до фанатизма. Она оказалась ревностной поклонницей астрологии и оккультизма, а также медиумом-любителем. Звали ее Оливетт.

— Ваш знак — Близнецы, не так ли, мистер Квин? — тут же осведомилась миссис Браун.

— Вы правы.

— Разумеется. Близнецы управляют интеллектом, а Джон говорит, что вы до ужаса интеллектуальны.

— Мама хотя и медиум, но не брезгует предварительной информацией, — сухо сказала Расти. — Дорогой, можно мне еще пунша?

— А эта молодая леди, мистер Квин, — представил Артур Крейг, — моя племянница Эллен, приехавшая из Уэлсли на каникулы. — Его лапа погладила маленькую изящную ручку. — Эллен, Джон и «Эй-Би-Си пресс» — три моих стимула к существованию. Я отметил их все моими выходными данными.

— Это издание поистине роскошно, мистер Крейг, — заметил Эллери. — Вы вырастили и эту очаровательную особу?

— Отец Эллен умер вскоре после ее рождения — он был моим единственным братом. Естественно, Эллен и ее мать переехали ко мне. У Марши было слабое здоровье, и она не могла одна воспитывать ребенка. Потом Марша тоже умерла, а я заменил Эллен отца и мать.

— Единственная в мире бородатая мать. — Эллен Крейг потянула дядю за бороду. — И уникальная во всех прочих отношениях. Вы намерены смотреть на меня свысока, мистер Квин, из-за того, что я все еще не получила диплом?

— Моя восторженная характеристика обусловлена фактами, мисс Крейг. Когда Уэлсли с сожалением расстанется с вами?

— В июне.

— Я буду там, — галантно заявил мистер Квин.

Эллен засмеялась. У нее был очень приятный смех — женственный, музыкальный и искренний. Это была высокая светловолосая девушка с тонким угловатым личиком. Эллери быстро понял, что в мисс Крейг таится немало сокровищ, и почувствовал охоту к раскопкам.

Поэтому, когда Расти и Джон отошли высматривать других ожидаемых гостей, а Крейг добродушно позволил миссис Браун увести себя для чтения гороскопа, Эллери осведомился:

— Вы не возражаете остаться в моем обществе, мисс Крейг?

— Открою вам секрет, мистер Квин. Я безнадежно влюблена в вас с тех пор, как прочла вашу книгу.

— Слава богу, что вы не считаете меня не по годам умным. — Эллери с тревогой добавил: — Вам уже исполнился двадцать один год?

Эллен рассмеялась.

— В апреле будет двадцать два.

— Тогда давайте отыщем уютное местечко у камина или еще где-нибудь, — с энтузиазмом предложил мистер Квин, — и продолжим эту увлекательную беседу.

* * *

Большой зеленый «Мармон-8» с трудом ехал по главной улице Олдервуда сквозь усиливающийся снегопад. На шинах не было цепей,

а девушка за рулем вела машину крайне небрежно, заставляя своего спутника дергаться на краю сиденья.

— Ради бога, Валентина, следи за дорогой!

— Сочиняй свою симфоническую поэму, Мариус, — отозвалась девушка. — Я довезу тебя целым и невредимым.

— Самое лучшее, что ты можешь сделать, — это остановиться у гаража и надеть цепи.

— Расслабься, мы почти приехали.

Валентина Уоррен была капризной и страстной девицей, имеющей за плечами груз в виде больших театральных ролей в летнем репертуаре и маленьких — на Бродвее. Тайком она копировала внешность и манеру Джоан Крофорд и фильм «Неукротимая»^[14] смотрела пять раз. Перебраться в Голливуд было для нее крестовым походом, а стать знаменитой кинозвездой — Святым Граалем^[15].

Для поездки Валентина надела наимоднейшее (согласно журналу «Вог») зимнее спортивное облачение — лыжный костюм, состоящий из обшитых галуном норвежских брюк, ярко-зеленой фуфайки из шелковистого сукна и берета такого же цвета. Поверх она надела тяжелое зеленое пальто-пелерину с меховыми манжетами и воротником. Валентина предпочитала зеленый цвет, так как в сочетании с ее золотистыми волосами и белым, как мел, лицом он придавал ей облик героини греческой трагедии (какой она ее себе представляла). Чтобы рассердить Валентину, было достаточно назвать ее «забавной», поскольку серьезность была для нее идентична славе.

Если эпическая мрачность не была присуща мисс Уоррен, она до краев наполняла Мариуса Карло — молодого человека испано-итальянского происхождения с примесью ирландской крови, с душой столь же темной и шероховатой, как его кожа. Романтичный и впечатлительный, страдающий от своих физических недостатков, он был склонен к самоуничтожению и говорил о себе с сарказмом.

Карло был весьма одаренным композитором, хотя и не обладавшим яркой индивидуальностью: в его музыке ощущалось воздействие Стравинского и Хиндемита. Недавно он попал под влияние австрийского модерниста Арнольда Шёнберга и начал сочинять лаконичную атональную музыку в его стиле, которую никто не желал слушать, кроме восторженной клики поэтов, художников и музыкантов из Гринвич-Виллидж, прилепившейся к нему, как плесень.

На хлеб насущный Карло зарабатывал игрой на альте в симфоническом оркестре Вальтера Дамроша, чью игру вся страна слушала по Эн-би-си каждую субботу в девять вечера. Это был его крест, и, получив приглашение провести рождественские каникулы в Олдервуде, он ухватился за эту возможность и сообщил в канцелярию оркестра Дамроша, что заболел двухсторонней пневмонией.

— Пусть играют своего чертова Чайковского без меня, — заявил Карло друзьям, добавив с надеждой: — Может быть, меня уволят.

Карло родился с плоскостопием обеих ног и до сих пор был вынужден носить в обуви тяжелые супинаторы, затруднявшие походку, особенно при спешке.

— Мариус Краб — это я, — с горечью признавал он.

Валентина благополучно преодолела обледенелую главную улицу и повернула «мармон» к северной окраине города.

— Не знаешь, Мариус, что там готовится? — внезапно спросила она.

— Где именно?

— В доме, куда мы едем? Что там будет за сборище?

— Откуда мне знать? Дни, когда я пользовался доверием Джона, канули в песках времени.

— Не строй из себя Эдипа^[16]. Ты знаешь, что я имею в виду. Джон что-то готовит, но что?

— Спроси у него. — Мариус уставился на заснеженную дорогу. — Надеюсь, пошло там сносное.

— Он делал какие-то таинственные намеки, — задумчиво промолвила Валентина. — На что-то важное, что должно произойти после Нового года. Интересно, что это?

Молодой человек показал зубы в подобии усмешки.

— Может, тебе лучше не знать.

— О чем ты?

— Помедленнее, черт возьми!

— Ладно. Мариус, что тебе известно?

— Ты видела Расти в последние недели?

Актриса казалась удивленной.

— Последний раз мы виделись перед Днем благодарения.

— Плутовка вся сверкает, особенно безымянный палец левой руки.

- Они помолвлены?! — воскликнула Валентина.
— По их словам, это символ дружбы. Безделушка в четыре карата.
— Думаешь, что когда мы туда доберемся...
— С Джоном возможно все, даже брак. — Мариус пожал плечами.
— Кисмет^[17]. Чему быть, того не миновать.
— Перестань. Я этому не верю.
— Вот как?

Валентина сверкнула на своего спутника фиолетовыми глазами, потом вновь перевела взгляд на дорогу.

— Этого можно избежать, — тихо произнесла она. — Знаешь, Мариус, ты мог бы помочь мне. Мы могли бы помочь друг другу.

Карло сердито посмотрел на нее и неожиданно рассмеялся:

— Вот стерва! Ты обо всем догадалась. Я и не думал, что это заметно.

— Ты согласен, Мариус?

Несколько секунд Карло молчал, затем пробормотал:

— Почему бы и нет? — И он поглубже закутался в пальто и шарф.

* * *

— Метель продолжается, — сообщил Эллери, когда он и Эллен остановились в прихожей, стряхивая снег с ботинок.

— И становится все темнее и холоднее, — добавила Эллен. — Чудесное начало для Рождества!

— Присаживайтесь к огню, — пригласил их Крейг. — Эллен, у тебя замерзли руки.

— Зато посмотри на огонь в ее глазах, — усмехнулся Джон Себастьян. Он исполнял обязанности бармена в отсутствие Фелтона, который поехал на железнодорожную станцию в «пирлессе» Крейга.
— Выпьешь коктейль, сестренка?

— С удовольствием!

— А ты, Эллери?

— Конечно. Скольких еще гостей вы ожидаете?

— Четверых. Еще коктейль, Мариус?

— Спасибо, — отозвался Мариус Карло.

— Я за них не волнуюсь, — сказал Крейг. — Дэн Фримен и Роланд Пейн ведут машину по очереди, а «линкольн» Дэна проедет где угодно и при любой погоде. Сэм Дарк живет в другом конце Олдервуда. А если мистер Гардинер едет поездом...

— Надеюсь, поезда из Нью-Йорка еще курсируют, — промолвила Расти. — Будет жаль, если славный старикан пропустит вечеринку, верно, дорогой?

— Я бы перерезал себе горло. — Джон проиллюстрировал намерение указательным пальцем. — Выпьешь, Вэл?

— Не сейчас. — Валентина повернулась к Расти. — Зачем вам священник? Вы двое что-то замышляете?

Расти засмеялась.

— Всеу свое время, ребята, — сказал Джон. — Дайка я тебе подолью, Эллери...

— Достаточно... Мистер Крейг, вы сказали, что ждете мистера Фримена? Дэна З. Фримена?

— Да, мистер Квин.

— «Буду... возвещать все чудеса Твои»^[18]. Как вам удалось уговорить Фримена приехать на каникулы? Он один из самых нелюдимых типов, каких я когда-либо встречал. Дело в том, что он мой издатель.

— Знаю, — улыбнулся Крейг.

— Тогда хоть у двоих найдется что-то общее, — буркнул Мариус Карло, глядя в стакан. — Вы можете пожаловаться Фримену на скверную рекламу вашей книги, Квин, а он — рассказать вам, как быстро расходятся по-настоящему хорошие книги в его списке.

— Право, Мариус... — обескураженно начал Эллери.

— Не возражайте ему, Эллери, — сказала Расти. — Мариус презирает все, что, по его мнению, не является высоким искусством.

— Особенно скверное искусство, — уточнил Мариус.

— И особенно если оно приносит деньги, — фыркнула Эллен.

— Заткнись, Мариус! — приказала Валентина. — Не верьте ни единому его слову, Эллери. Его просто гложет зависть. Он считает вашу книгу *merveilleuse*^[19].

— Думаю, нам лучше сменить тему, — весело сказал Эллери, при этом с интересом взглянув на Мариуса. — Могу я спросить, мистер Крейг, кто такой Роланд Пейн?

— Мой поверенный и старый друг. — Крейг тоже разглядывал молодого музыканта. — А Сэм Дарк был нашим семейным врачом с тех пор, как приехал в Олдервуд. А, миссис Браун! Мы ждали, что вы к нам присоединитесь.

— Я просматривала ваш гороскоп, мистер Крейг, — отозвалась мать Расти, — и, кажется, допустила маленькую ошибку. Положение Юпитера — восходящее.

— Очевидно, я должен испытать облегчение, — улыбнулся Крейг. — Мартини, миссис Браун?

— Обожаю мартини! Знаете, в можжевельнике таится колоссальный смысл. Никогда не срежьте куст можжевельника в Уэльсе — умрете через год.

— Выпейте джин, который в наши дни якобы делают из можжевельника, — сказал Джон, — и вы умрете гораздо быстрее.

— Он также лечит змеиные укусы и укрепляет глазной нерв, миссис Браун, — серьезно заметил Эллери.

— В самом деле, мистер Квин? Я этого не знала. Джон, кажется, Расти говорила, что ожидаются еще гости?

— Четверо, мамаша Браун.

— Ну, тогда нас будет двенадцать. Какое облегчение, Джон! Представь себе, что было бы, если бы ты пригласил еще одного! — Она глотнула мартини и вздрогнула — Эллери не мог определить, от напитка или от ужасного предположения.

— Двенадцать? — Мариус Карло протянул пустой стакан. — Вы не считаете слуг, мадам.

— Слуг? — рассеянно переспросила миссис Браун.

— Когда не считают слуг, наступает...

— ...революция. Мы об этом знаем, Мариус, — раздраженно прервала его Валентина. Она вскинула голову. — Ну, Джонни, выкладывай свой большой секрет.

Себастьян засмеялся.

— Во-первых, через две недели у меня день рождения — 6 января. Очень надеюсь, вы все погостите до тех пор.

— Почему?

— По четырем причинам. — Джон наслаждался своей тайной. — Сразу после полуночи 5 января в моей жизни должны произойти

четыре важных события. — Он с усмешкой отмахнулся от дальнейших вопросов. — Подождите, пока придут остальные.

— Но я уже прибыл, — послышался в дверях высокий мужской голос. — Так что можно начинать праздник.

— Сэм! — Крейг радостно поспешил навстречу гостю. — Вижу, добрался благополучно. Мейбл, возьми вещи доктора Дарка. — Горничная Крейга, румяная ирландская девушка, поспешила к вновь прибывшему, который приветствовал ее, ущипнув за щеку. Хихикнув, Мейбл забрала у доктора Дарка меховую шапку, пальто и галоши и скрылась вместе с ними. — Кажется, Сэм, ты незнаком с миссис Браун...

Доктор Сэм Дарк был полным мужчиной, почти таким же крупным, как Артур Крейг, и даже еще шире. Его рыжеватые волосы торчали на голове, как гусарский кивер. Он бы выглядел нелепо, если бы не умные, пронизательные глаза. На нем плохо был выглаженный костюм из голубого сержа; одна пуговица на манжете висела на нитке. Но его надежность и солидность понравились Эллери с первого взгляда.

— Ты договорился, что останешься на неделю? — спросил Крейг, когда доктор Дарк уселся у камина со стаканом в руке. — Ответ должен быть утвердительным.

— Холлис и Бернстайн меня подменят, — кивнул толстый доктор. — Уже давным-давно я не наслаждался семейным Рождеством. Скажу тебе, как один старый холостяк другому, Артур, тебе повезло больше, чем мне. Эллен, Джон, я пью за связующий турникет... то есть жгут, и давайте не будем говорить глупости, что кровь гуще, чем вода! — Он сделал геркулесовский глоток.

— Вы не присутствовали при появлении Джона на свет, доктор? — До Эллери дошли слухи о какой-то интересной истории, связанной с рождением Джона Себастьяна.

— Нет, — ответил доктор Дарк. — Джон поступил ко мне, можно сказать, *post uterum*^[20].

— В возрасте шести недель — не так ли, доктор Сэм?

— Семи, — поправил Крейг своего подопечного. — Понимаете, мистер Квин, родители Джона умерли в 1905 году с промежутком в несколько дней. Клер и Джон — Джона назвали в честь отца — возвращались на автомобиле из Нью-Йорка в Рай во время сильного

снегопада и попали в катастрофу около Маунт-Кидрона. Авария спровоцировала преждевременные роды, и Клер умерла той же ночью. Джон скончался от полученных повреждений менее чем через неделю. Перед смертью он назначил меня опекуном ребенка — Джон-младший был их первенцем, и никаких родственников с отцовской или материнской стороны не осталось. Опытная няня, миссис Сэфайра, которую Джон-старший нанял после смерти Клер, прибыла к нам вместе с ребенком и больше нас не покидала. Она умерла в этом доме несколько лет назад. Мы вдвоем с Сэфи растили юного сорванца.

— С моей немалой помощью, — добавил доктор Сэм. — Мне много раз приходилось приезжать сюда среди ночи, когда Джонни косо смотрел на Сэфи или Артура.

— С немалой помощью всех. — Джон положил руку на плечо Крейга. — Сэфи, доктора Сэма, Эллен, когда она переехала к нам, но больше всего вот этой бородатой личности. Боюсь, Артур, я недостаточно красноречиво характеризую твои заслуги.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул Мариус Карло, прежде чем Артур Крейг успел ответить. — Когда польются слезы, я сыграю «Сердца и цветы» на фортепиано, если оно настроено.

— Мариус не понимает сантиментов. — Расти тряхнула рыжей шевелюрой. — Понимаете, у него никогда не было ни отца, ни матери. Он вылутился из икринки в стоячем пруду. Верно, дорогой?

Мариус сердито сверкнул черными глазами, потом пожал плечами и поднял стакан.

— Кажется, мистер Крейг, вы и отец Джона были партнерами в бизнесе? — поспешно спросила Валентина.

— Да, издательская фирма «Себастьян и Крейг». Я занимался производственной частью. В издательском деле я плохо разбирался, поэтому после смерти Джона продал предприятие и вернулся к первоначальному ремеслу типографа.

— В ваших устах это звучит, как шаг вниз, мистер Крейг, — сказал Эллери. — Я предпочел бы владеть «Эй-Би-Си пресс», чем большинством других издательств. Вы не Дэну Фримену продали бизнес? Нет, он тогда был слишком молод.

Крейг кивнул:

— После 1905 года предприятие несколько раз меняло владельцев. Дэн купил его в начале двадцатых. А вот и он! Вместе с

Роландом. Входите!

* * *

Издатель и адвокат являли собой странную пару.

Дэн З. Фримен был худощавым человеком лет сорока с желтоватым лицом, блестящими карими глазами и крупной головой, которая казалась еще больше из-за того, что волосы начинались где-то на макушке. Он выглядел смущенным предстоящим ему испытанием в виде знакомства с наполнявшими комнату посторонними людьми и пожал руку Эллери с жаром утопающего, хватающегося за ниспосланный Провидением обломок кораблекрушения. Эллери встречался с ним лишь однажды, когда Фримен принимал для публикации рукопись «Тайна исчезнувшей шляпы».

— Приятно видеть вас снова, Квин, — пробормотал Фримен, при первой возможности скользнув в кресло и затаившись там.

Роланд Пейн не мог затаиться при всем желании. Это был высокий румяный мужчина лет за пятьдесят, с красивой седой шевелюрой и постоянной, слегка рассеянной улыбкой политика. Его густой баритон сделал бы честь актеру старой школы. Эллери слышал о нем от инспектора Квина, любившего похвалиться, что знает всех адвокатов в Нью-Йорке. Пейн был осторожным и проницательным адвокатом, который, подобно самым надежным ценным бумагам, привлекал наиболее консервативную клиентуру. Несмотря на броскую внешность и голосовые данные, он редко выступал в суде. Основу его практики составляли работы с завещаниями и имуществом.

— Теперь, когда господу Пейн и Фримен здесь, — объявил Джон, — я готов сообщить о первых двух из четырех упомянутых мною событий космического масштаба. В качестве адвоката семейства Крейг, мистер Пейн, скажите, как изменится мой статус 6 января.

— На эту дату приходится твой двадцать пятый день рождения, — улыбаясь, ответил седовласый адвокат, — когда, по условиям последнего завещания твоего отца, Джона Себастьяна-старшего, ты вступаешь во владение основным капиталом, который с 1905 года хранился для тебя в виде трастового фонда. Уверен, Джон не станет

возражать, если я добавлю, что это сделает его весьма обеспеченным молодым человеком.

— И притом совершенно невыносимым, — сказала Эллен Крейг, стискивая руку Джона. — Только вообразите его миллионером!

— Тошнотворное зрелище, не так ли? — усмехнулся Джон. — А теперь очередь мистера Фримена. С вашей профессиональной точки зрения, что произойдет 6 января, о чем мне следует знать?

Издатель покраснел, когда взгляды всех устремились на него.

— По-моему, куда более важное событие, чем вступление во владение капиталом. 6 января издательство «Дом Фримена» выпустит первую книгу стихов многообещающего молодого поэта — сборник «Пища любви» Джона Себастьяна.

Все зашумели.

— Как чудесно, Джон! — воскликнула Расти. — А ты даже не намекнул мне! Вы знали об этом, мистер Крейг?

Борода Крейга качнулась.

— Не думаешь ли ты, Расти, что кто-то мог лишиться меня удовольствия изготвить первую книгу Джона! Но Дэн и я — пара старых траппистов^[21]. — Крейг ласково похлопал издателя по костлявому плечу. — Мы умеем держать язык за зубами.

— Я так рада за тебя, Джон, — пробормотала Валентина. — Поздравляю. — Она наклонилась и поцеловала его.

Расти Браун улыбнулась.

— Я требую свою порцию! — весело сказала Эллен. Умудрившись вклинить между Валентиной и Джоном, она поцеловала его и осталась там.

Джон покраснел до ушей.

— Я хотел, чтобы это было сюрпризом. Разве это не здорово? Я все еще щиплю себя, боясь проснуться.

— Будут проданы ровно четыреста пятьдесят девять экземпляров книги, — сказал Мариус, размахивая пустым стаканом, как дирижерской палочкой, — которая получит убойную рецензию в «Журнале ветеринарной медицины».

Но его скрипучий голос потонул в шуме, а когда прибыл последний гость, Мариус уже крепко спал в своем кресле.

Человек, чей скромный саквояж Фелтон принес из «пирлесса», был энергичным поджарым стариком с едва тронутыми сединой черными волосами, детскими голубыми глазами, большим носом янки и воротником священника. Артур Крейг представил его как преподобного мистера Эндрю Гардинера, недавно оставившего пост приходского священника епископальной церкви в Нью-Йорке. Он был другом семьи Браун — Оливетт Браун много лет являлась прихожанкой его церкви, а Расти он крестил и конфирмовал.

При виде старого священника Валентина Уоррен сразу умолкла и присела на подлокотник кресла спящего Мариуса Карло, слегка ероша его черные волосы и время от времени устремляя взгляд фиолетовых глаз на лицо Расти. На Джона она не смотрела вовсе.

Эллери наблюдал за ней.

— Что происходит в этом направлении, Эллен? — шепотом осведомился он.

— Разве я похожа на контрразведчика? — прошептала в ответ Эллен. — Придется вам самому делать выводы, мистер Всевидящий. Насколько я знаю, у вас это хорошо получается.

— Я делаю вывод о треугольнике.

— Не собираюсь помогать вам в математике.

— Кажется, вы знакомы с моей племянницей Эллен, мистер Гардинер, — сказал Крейг, подходя вместе с вновь прибывшим. — Это друг Джона писатель Эллери Квин. Преподобный мистер Гардинер.

Эллери удивило крепкое рукопожатие старика.

— Я слышал, вы удалились на покой, мистер Гардинер. Зачем, во имя Неба, понадобилось отправлять в отставку человека с такой крепкой рукой?

— Боюсь, Небо тут ни при чем, мистер Квин, — улыбаясь, ответил священник. — Просто епископ вежливо напомнил, что я уже пересек обязательный для отставки возрастной рубеж в семьдесят два года. Эллен, ты сияешь ярче обычного.

— Думаю, это мое влияние, — сказал Эллери.

Эллен слегка покраснела, но выглядела довольной.

— В таком случае, — подмигнул мистер Гардинер, — даже отставной священник может оказаться кстати. Если это не причинит

неудобство вам и вашим гостям, мистер Крейг, я бы хотел посетить полуночную мессу. Кажется, в Олдервуде есть епископальная церковь. Если бы я мог позже позаимствовать машину...

— Чепуха, я попрошу Фелтона или Джона отвезти вас, — сказал Крейг. — Но беда в том, что дорога к главному шоссе через несколько часов может стать непроезжаемой. Я не слышу снегоочистителей.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, мистер Крейг. В случае необходимости я пойду пешком. Это всего около мили. Я уже лет пятьдесят не пропускал мессу в сочельник, а в моем возрасте едва ли разумно впадать в грех.

— Мы доставим вас в церковь, — сказал Джон. — Прошу внимания!

Мариус Карло, вздрогнув, проснулся. Эллери заметил, что рука блондинки, сидевшей на подлокотнике кресла, крепче вцепилась ему в волосы.

— Теперь, когда прибыл мистер Гардинер, — продолжал Джон, — я могу сообщить о третьем колоссальном событии 6 января. Мистер Гардинер останется на все каникулы и не только в качестве друга. Сразу после полуночи 5 января его преподобие проведет церемонию бракосочетания — Расти и меня!

В последовавшей радостной суматохе Эллери умудрился держаться позади, чтобы наблюдать за Валентиной и Мариусом. Актриса, обнимая Расти и Джона, выглядела чрезмерно оживленной, а ее голос звучал пронзительно от напряжения. Валентина была настолько бледной, что Эллери испугался, как бы она не упала в обморок. Очевидно, Мариус подумал о том же, так как стиснул ее руку. Но Валентина резко отпрянула, вырвав руку из пальцев музыканта. Эллери услышал, как Мариус сказал ей:

— Все-таки ты паршивая актриса.

— Заткнись, черт бы тебя побрал! — прошипела она в ответ.

Потом оба заулыбались и протянули стаканы Фелтону, который, вновь исполняя обязанности дворецкого, наполнил их для тоста.

Расти спросила у жениха:

— Но, дорогой, ты сказал, что 6 января произойдут четыре события. Какое же четвертое?

— Это мой большой секрет, — засмеялся Джон. — О нем никто не знает и не узнает до той ночи. Даже моя невеста.

И ни льстивые просьбы Расти, ни добродушные подшучивания остальных — включая Артура Крейга, который утверждал, что не имеет ни малейшего понятия, о чем говорит Джон, — не заставили молодого поэта открыть свою тайну.

* * *

Позднее, в столовой с дубовыми панелями и потрескивающим в камине пламенем, когда гости сидели за украшенным остролистом дубовым столом, Эллери сказал сидящей рядом с ним Эллен:

— Какое забавное совпадение.

— О чем вы, Эллери?

— От 25 декабря до ночи 5 января — от Рождества до так называемой Двенадцатой ночи в канун Крещения — ровно двенадцать дней.

— Ну и что из этого?

— Оглянитесь вокруг. Нас двенадцать человек. Разве это вам не кажется интересным?

— Нисколько, — ответила Эллен. — Что за странный у вас ум.

В этот момент Оливетт Браун воскликнула:

— За столом двенадцать человек. Должна признаться, я рада, что не появился еще один гость!

— Видите? — шепнул Эллери Эллен Крейг.

Глава 3

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР: СРЕДА, 25 ДЕКАБРЯ 1929 ГОДА

В которой таинственный Санта материализуется из преддверия ада, а в центре сцены появляются вол, домик и верблюд

Проснувшись, гости Артура Бенджамина Крейга увидели похожий на почтовую открытку мир белого снега и замерзшей хвои. Даже у самых высоких кустов виднелись только верхушки. Не было

никаких признаков подъездной аллеи или дороги. Повсюду громоздились параболы сугробов.

Почти все встали рано, восторгаясь видом из окон эркеров и наслаждаясь шведским столом, приготовленным кухаркой-экономкой Крейга, миссис Дженсен, и поданным краснощекой ирландкой-горничной. В столовой царили шум и оживление.

Преподобный мистер Гардинер был безутешен. Ему все-таки пришлось пропустить рождественскую мессу. Вывести машину прошлой ночью не представлялось возможным, и даже он понимал всю бесполезность попыток пробираться пешком сквозь заносы. Крейг несколько смягчил его досаду, включив радио в половине двенадцатого, чтобы он мог послушать по Дабл-ю-оу-ар «Невидимый хор» и перезвон церкви Святого Фомы, а позже все присоединились к старому священнику, слушая трансляцию полуночной мессы из церкви Святого Сердца. Расти и Джон сидели на полу рука об руку перед приемником, а Эллери наблюдал за неподвижной белой маской, в которую превратилось лицо Валентины Уоррен, и сардонической усмешкой на губах Карло. Эллен тоже заметила это и казалась обеспокоенной.

Потом все пели рождественские гимны и украшали большую елку в гостиной, после чего большинство отправились спать.

По окончании завтрака Джон объявил, что приготовил всем рождественские утренние сюрпризы, и повел их в гостиную.

— Под елкой... — начал Джон и внезапно умолк с глупым видом, ибо под деревом не было ничего. Он посмотрел на Расти, а Расти — на мать.

— Не понимаю, — сказала Расти. — Мы сами оставили их здесь прошлой ночью, когда все разошлись.

— Странно, — пробормотал Джон. — Мейбл! — Горничная просунула голову в дверь из столовой. — Ты не видела пакеты под елкой, когда разводила огонь сегодня утром?

— Нет, мистер Джон.

— Если кто-то так представляет себе забавную шутку... — холодно начал Джон и внезапно расхохотался.

Все обернулись. В арочном проходе из холла стоял Санта-Клаус, нагруженный маленькими рождественскими пакетами.

— Санта.

— Джон, тебе следовало стать актером.

— Но я не...

— Отличная идея!

Это был классический Санта с огромным животом, белой бородой и бровями. Он молча стал раздавать яркие пакетики.

— Джон, какая красивая брошь!

— Зажим для денег в форме... Что это такое?

— По-моему, ягненок.

— Неужели вы не понимаете? — воскликнула Оливетт Браун. — Это ваши знаки зодиака. Ты — Овен, Эллен, поэтому получила ягненка. А ты — Стрелец, Валентина, так что тебе достался лучник. И так далее. Это я вдохновила вас, не так ли, Джон?

— Конечно. Расти сделала эскизы фигурок и заказала их в ювелирной мастерской Мойлана на Пятой авеню.

— Нам было нелегко узнать дату рождения каждого, — засмеялась Расти, — но мы это сделали, и тогда выяснилось, что у всех двенадцати разные знаки зодиака. Вам они нравятся?

Это были миниатюрные изделия из золота с полудрагоценными камнями — броши для женщин, денежные зажимы для мужчин. Зажим Эллери был искусно изготовлен в виде Кастора и Поллукса^[22].

— Мы должны поблагодарить Фелтона, Джон, — сказал Эллери. — Из него вышел отличный Санта. Где он?

Санта-Клаус исчез.

— Разве это был Фелтон? — отозвался Джон.

— Тебе виднее.

— Но я этого не знаю, Эллери. Я не договаривался насчет Санты. А ты, Артур?

— Я? — Крейг покачал головой. — Я тут ни при чем.

Воцарилось молчание.

— Это не мог быть один из нас — все двенадцать были здесь, когда он вручал подарки. И это явно не была малютка Мейбл или миссис Дженсен в костюме Санты. Значит, это Фелтон.

— Я, сэр? — Все удивленно обернулись. В дверях столовой стоял Фелтон в зеленом резиновом фартуке и намыленных резиновых перчатках. — Я мыл посуду в буфетной. Миссис Дженсен может это подтвердить.

Вновь последовала пауза.

— Хорошо, Фелтон, — резко сказал Артур Крейг. Слуга исчез, пятясь задом. — Интересно, кто же это был?

— Возможно, ты не о том думаешь, Артур, — неожиданно пробормотал Дэн З. Фримен. — Что, если это был призрак Марли?^[23]

Никто не засмеялся.

— Тринадцатая персона! — взвизгнула миссис Браун.

Джон подошел к ближайшему эркеру и сердито уставился на снег. Расти присоединилась к нему, что-то тихо приговаривая. Он пожал плечами.

— Тайны — ваша специальность, не так ли, мистер Квин? — весело произнес доктор Дарк. — Как насчет того, чтобы разгадать для нас эту тайну?

Напряжение разрядилось. Все стали уговаривать Эллери, как выразилась Валентина, сыграть свою роль.

— По всей вероятности, все удручающе просто, — сказал Эллери. — Кто-то из вас договорился с кем-то из посторонних, чтобы тот явился под видом Санты. Виновный не желает признаться здесь и сейчас? У меня нет настроения так рано изображать сыщика.

Но присутствующие заявили о своей невиновности.

— Подождите. — Эллери вышел и вернулся через несколько минут, стряхивая снег с брюк. — Возле дома нет никаких следов. Так что никто не мог украдкой проникнуть сюда ночью, по крайней мере после того, как прекратился снегопад. Кто-нибудь знает, когда это произошло?

— Около половины третьего, — сказала Расти. — Перед тем, как мы с Джоном поднялись наверх.

— Значит, если кто-то проскользнул в дом, то задолго до половины третьего ночи, иначе на снегу остались бы следы. Насколько мне известно, мы все отправились спать примерно за час до Расти и Джона. Лично я ничего не слышал. А кто-нибудь из вас?

Все ответили отрицательно.

— Хм, — произнес Эллери. — Это становится интересным.

Хозяин дома с улыбкой покачал головой.

— Предлагаю забыть об этом.

— Возможно, это не так легко сделать, мистер Крейг.

— Что вы имеете в виду?

— Нетронутый снег снаружи рассказывает нам две истории. Первая: если Санта посторонний, то он вошел к вам в дом задолго до половины третьего ночи. Вторая: когда бы он ни вошел в дом — прошлой ночью или в прошлом году, — он все еще здесь. Даже если, как добрый старый святой Ник, он попытался бы выбраться через одну из труб, ему бы понадобилась команда летающих северных оленей по имени Танцор, Прыгун, Гром, Молния et al^[24], чтобы удалиться, не касаясь снежного покрова.

— Может, он сделал это после того, как вы вернулись, Эллери! — Эллен выбежала наружу и вошла, качая головой. — Там нет никаких следов, кроме тех, которые вы только что оставили.

— Это, безусловно, странно, Артур, — нахмурившись, заметил Роланд Пейн. — Кто бы это мог быть?

Молчание нарушил Мариус Карло:

— Как наш эксперт намерен действовать?

— Прогноз не выглядит безнадежным, Мариус, — улыбнулся Эллери. — Кто бы это ни был, он все еще в доме — по всей вероятности, прячется в одном из неиспользуемых помещений. Если мистер Крейг не возражает, я произведу обыск.

Бородач огорченно махнул рукой:

— Пожалуй, мистер Квин, это было бы лучше всего.

— Эллен, вы знаете планировку дома. Что, если нам с вами вместе заняться обыском? — Эллери сухо добавил: — На всякий случай пусть остальные побудут здесь.

Он стал подниматься по лестнице с встревоженным видом.

— Что, по-вашему, это означает, Эллери?

— Чью-то глупую шутку, чертовски умно проделанную. Не выглядите такой мрачной, Эллен. Давайте и мы будем воспринимать это как шутку.

Однако спустя час мистер Квин не выказывал никаких признаков человека, наслаждающегося увлекательной игрой. Они обыскали комнату за комнатой, не найдя никаких следов чьего-либо присутствия; потом помялись в мансарду и осмотрели каморки слуг под карнизом и несколько кладовых. Спустившись, Эллери настоял на обыске погреба. К тому времени кухарка, горничная и Фелтон заразились общим беспокойством и перешептывались в большой кухне. В конце концов, хотя состояние снега не оставляло сомнений,

Эллери направился к дворовым строениям. Одним из них был двухэтажный гараж, переделанный из старого каретного сарая, а другим — конюшня. Он обыскал их от пола до потолка. Нигде не было признаков тринадцатой персоны.

— Беда в том, — пожаловался Эллери Эллен, — что здесь такое количество набитых хламом комнат и стенных шкафов, что посторонний мог прятаться, переходя из одного укрытия в другое, во время обыска. Интересно, что за этим кроется?

— Что бы ни было, мне это не нравится.

— Двенадцать, — пробормотал Эллери.

— Что?

— Двенадцать хозяев и гостей, двенадцать дней и ночей Святок, а теперь еще исчезнувший Санта-Клаус, раздавший двенадцать знаков зодиака.

— Вы рехнулись!

— Клянусь бородами лжепророков миссис Браун, — отозвался Эллери, — я сам этого опасюсь.

Открытие сделала горничная — малютка Мейбл. Она собиралась накрывать на стол к ленчу и вдруг внезапно издала пронзительный визг. Эллери с Эллен, а также мистер Гардинер и некоторые другие, слушавшие по Дабл-ю-джей-зед в гостиной рождественское приветствие Соединенным Штатам из Голландии, помчались в столовую. Ирландка прижалась к стене, с ужасом глядя на большой дубовый сундук.

— Я... я собиралась взять оттуда салфетки, — сказала она, стуча зубами, — открыла сундук и увидела это... — Мейбл указала дрожащим пальцем.

В сундуке находились аккуратно сложенный костюм Санта-Клауса — шуба, шапка, сапоги, варежки, — а также парик, фальшивые брови и борода.

Пока Эллен успокаивала испуганную девушку, Эллери внимательно обследовал костюм. Он выглядел абсолютно новым и не имел ни ярлыков, ни каких-либо признаков носки.

— Должен заметить, у этого типа есть чувство юмора, — усмехнулся толстый доктор. — Очевидно, он знал, что Мейбл или еще кто-нибудь рано или поздно заглянет в сундук.

Роланд Пейн чопорно кашлянул:

— Я нахожу это не более забавным, чем бородатые анекдоты на пикнике общества Таммани^[25].

— Можете шутить сколько вам вздумается, — заявила Оливетт Браун страстно вибрирующим голосом, — но в этом доме таится опасность. Я чувствую это. Оно накатывает на меня, как волна. — Женщина закрыла глаза, и какой-то момент Эллери опасался, что она упадет в транс. Но слова доктора Дарка привели ее в чувство.

— Вы не можете верить в эту чепуху, миссис Браун.

— Чепуху?! — Оливетт Браун едва не бросилась на него. — Не кощунствуйте, говоря о вещах, в которых ничего не смыслите, доктор! На земле и в небесах есть куда больше, чем...

— На сей раз это и моя философия, — сказал Эллери, глядя на бессловесный красный костюм. — Я не разделяю предчувствий вашего подсознания, но должен признать, что мне все это не нравится. Случайно, никто не видел, как кто-то клал костюм в этот сундук сегодня утром?

Никто не признался.

* * *

Вторая половина дня протекала под пеленой, не вполне отождествляемой с пасмурным небом. Серые облака скрывали солнце, температура поднималась, и Олдервуд начал выбираться из-под заносов. Снегоочистители грохотали весь день. Местный автомеханик прибыл с грузовичком, снабженным спереди большим деревянным «толкачом», и расчистил подъездную аллею к усадьбе Крейга.

Джон и Эллери взяли лопаты и помогли Фелтону раскапывать дорожку.

Но радость, казалось, покинула дом. Расти, Валентина и Эллен попытались играть в снежки, но вскоре бросили это занятие. Возникла идея запрячь одну из лошадей в конюшне в старые ржавые сани, стоящие в углу гаража, но она также не осуществилась.

Мариус Карло сидел за роялем в музыкальной комнате, прикрывая один глаз от дымящейся во рту сигареты, и исполнял маленькие арпеджио, чередуя их с изуродованными фрагментами опер и часто прерываясь, чтобы глотнуть виски. Нечувствительная к музыкальным

сарказмам Карло Оливетт Браун свернулась калачиком в углу с книгой, которую обнаружила в библиотеке первых американских изданий, собранной Артуром Крейгом, — «Чудесами невидимого мира» Коттона Мазера. Оба являли собой странно гармоничную пару.

Дэн Фримен, доктор Дарк и мистер Гардинер прогуливались в лесу около дома, горячо обсуждая два новейших бестселлера — «Историю Сан-Мишеля» Акселя Мунте и «Искусство мышления» аббата Эреста Димне, ни один из которых они при обычных обстоятельствах не сочли бы заслуживающим дискуссии.

Крейг и Пейн устроились в библиотеке, споря о сравнительных достоинствах администрации Гувера. Как правило, эта тема высекала между ними искры, но сегодня адвокат ограничивался угрюмыми комментариями по поводу Черного четверга^[26], а Крейг — лишенными страсти обвинениями сенатора Хефлина и прочих «гуверократов» в том, что они не допускали в Белый дом Эла Смита^[27], а вместе с ним, вероятно, и прочную экономику.

Атмосферу не прояснил и рождественский обед миссис Дженсен, поданный в пять часов. Все, казалось, прислушивались к призрачным шагам наверху. Расти и Эллен отчаянно пытались поддерживать застольную беседу, но она то и дело прерывалась паузами.

— Это больше похоже на панихиду! — воскликнул Джон, отшвырнув салфетку. — Почему бы нам не выпить кофе и бренди в гостиной? Может быть, мы найдем что-нибудь веселое по радио.

— Например, дядюшку Дона в шесть тридцать, — ехидно отозвался Мариус. — А может, эти гиганты искусства и интеллекта предпочитают «Эймса и Энди» в семь или «Счастливых чудо-пекарей» в восемь тридцать? В любом случае давайте послушаем это великое орудие культуры.

Но радио они смогли послушать только гораздо позже, в рождественскую ночь, так как, войдя в гостиную, сразу столкнулись с новой тайной.

Под елкой лежал большой сверток в красно-зеленой фольге, перевязанный позолоченной лентой, к которой была прикреплена рождественская открытка с изображением веселого Санта-Клауса и аккуратно отпечатанным на машинке именем адресата: «Джону Себастьяну».

— Приятная перемена, — засмеялся Джон. — Кто же скромный отправитель?

Он повертел в руке сверток, но не нашел ответа. В комнате повеяло холодом.

— Что за вздор! — внезапно воскликнул Джон. — Кто-то был достаточно любезен, чтобы сделать мне подарок, а мы все глазеем на него, словно ожидая, что он взорвется.

Он сорвал обертку, под которой оказалась белая коробка. Сняв крышку, Джон обнаружил в ней несколько предметов, завернутых в красную папиросную бумагу, а на них белую карточку с отпечатанным текстом.

Он прочитал его вслух, нахмутив брови:

В самый первый вечер Святки
Шлет любовь твоя в подарок
Вола из сандала.
А чтоб не казалось мало,
Недостроенный *дом*,
Чтоб жила невеста в нем,
Серо-белого *верблюда* —
Из эмали это чудо.

— Что за дьявольщина! — озадаченно произнес Джон. — Стихотворение не имеет смысла.

— Какая-то тарабарщина, — сказала Эллен. — Что это может означать?

— Можно посмотреть, Джон? — попросил Эллери.

Все столпились вокруг, читая странное послание через его плечо.

— «Шлет любовь твоя в подарок», — пробормотал он. — Не вижу, кто бы мог под этим подразумеваться, кроме вас, Расти. Вы прислали это?

— Нет, — ответила Расти. — У меня свойственная среднему классу слабость подписываться собственным именем.

— Тогда вы, мистер Крейг?

— Нет.

— Ну, Джон, давай посмотрим, что там такое.

Джон отнес коробку на стол и осторожно вытащил самый верхний предмет, но потом резко сорвал с него папиросную бумагу.

Под ней оказалась коричневая глянцевая фигурка, вырезанная из сандалового дерева, в форме вола с изогнутыми рогами на простой деревянной подставке.

— Похожа на восточную, — пробормотал Эллери.

— По-моему, индийская, — сказала Расти.

Эллери повертел в руках вола и кивнул. На подставке были проштампованы слова: «Сделано в Индии».

— Теперь достань вещицу покрупнее.

Джон повиновался, но на сей раз папиросную бумагу снял Эллери.

Как и было объявлено, это оказался дом, похожий на кукольный, ловко сконструированный из красных миниатюрных блоков, имитирующих кирпичную кладку. Крыша из крошечных кусочков черного шифера лежала слегка косо. Эллери снял ее, обнажив верхний этаж с маленькими комнатками, коридорами и лестницей с первого этажа.

— «Недостроенный дом», — сказал Эллери. — Смотрите — на втором этаже не хватает двери, а в одной из внешних стен первого этажа — окна.

— Но что это значит? — осведомилась Эллен.

Эллери пожал плечами. В игрушечном домике отсутствовала мебель, и он перевернул его вверх дном, ища ярлык производителя или какой-либо ключ к его происхождению, но ничего не обнаружил.

— Несомненно, кустарная работа. Ну, посмотрим на последнюю вещицу, Джон. Кажется, это верблюд?

Действительно, это был двугорбый верблюд — маленький, но тяжелый, очевидно, из какого-то свинцового сплава, как игрушечные солдатики первого поколения, с серо-белой эмалированной шкуркой. Как и в случае с домиком, на нем отсутствовали какие-либо указатели на происхождение.

— Кажется, средиземноморский, — сказала Расти.

— Скорее азиатский, — возразил Эллери. — Двугорбые верблюды — бактрийские^[28], а не аравийские. Ну, полагаю, не имеет значения,

откуда эти вещи, хотя кто-то изрядно над ними потрудился. Меня интересует, что должно означать сочетание этих трех предметов.

— Психоз, — быстро отозвался доктор Дарк.

— Не думаю, доктор, хотя предположение заманчиво. Стихи указывают на вполне здравый рассудок. Между прочим, кто-нибудь видел эти вещицы раньше?

Все покачали головой.

— Я ничего не понимаю! — сердито заявил Джон.

— А я понимаю! — воскликнула Оливетт Браун. — Здесь ощутимо потустороннее влияние. В Индии ни один призрак не переступит порог дома, если под ним зарыты кости верблюда, а здесь и дом, и верблюд, а на воле надпись: «Сделано в Индии»!

— Вам не кажется это слишком замысловатым, миссис Браун? — пробормотал Эллери. — Давайте подумаем... Два из трех предметов — изображения животных, а третий — дом. Связи не видно — ведь дом явно не павильон в зоопарке. Материалы различные — вол из дерева, дом тоже из дерева под кирпич и шифер, верблюд из металла и эмали. Размеры тоже неодинаковы — вол больше верблюда, а дом в иных масштабах, чем животные. Цвета? Коричневый, красный с черным и белым и серый с белым.

— Как будто перечитываешь «Тайну исчезнувшей шляпы», — усмехнулся издатель Фримен. — Продолжайте.

— Продолжать нечего, мистер Фримен. Я не вижу ничего общего между этими предметами, если не считать раздражающего факта, что они присланы Джону неизвестным дарителем по какой-то тайной причине. Джон, тебе приходит на ум какое-нибудь объяснение?

— Нет, черт возьми, — ответил Джон. — Кроме того, что это выглядит скверно. Не спрашивай меня почему.

— Возможно, кому-то это показалось забавным. — Расти взяла Джона за руку. — Не смотри так мрачно, дорогой.

— Вол! — воскликнула ее мать. — Это один из знаков Тельца! Кто из нас Телец? Кажется, вы, мистер Крейг.

Бородатый хозяин дома выглядел удрученным.

— Боюсь, что да, миссис Браун. Но уверяю вас...

— Не говори глупости, мама, — резко сказала Расти.

— Но, дорогая, он в самом деле Телец!

— Возможно, Эллери, ключ скрыт в тексте послания, — предположила Эллен.

— Если так, то я его не вижу. Хотя рифмоплет явно воспользовался старой английской рождественской песенкой... как же она называется?.. — Эллери застыл с открытым ртом. — Будь я трижды проклят! Ну конечно — «Двенадцать дней Святок»! — Видя их недоуменные лица, он объяснил: — Я уже упоминал Эллен о назойливом появлении числа «двенадцать» с тех пор, как начались эти тайны. Наша группа состоит из двенадцати человек, которые прибыли на двенадцать дней Святок и которые по какому-то совпадению (или нет?) представляют двенадцать различных знаков зодиака. А теперь пришли подарки с пародией на английскую песенку под названием «Двенадцать дней Святок»! Помните оригинальный текст? «В первое же утро Святок шлет любовь моя в подарок петрушку на ветке груши. Во второе утро Святок шлет любовь моя в подарок горлиц парочку для поджарочки и петрушку на ветке груши». На третье утро добавляются «три курочки» с повторением горлиц и петрушки, на четвертое — «четыре птички певчие» и так далее, причем после каждого нового подарка перечисляются предыдущие, пока на двенадцатое утро все не заканчивается «двенадцатью барабанщиками».

— Очаровательно. Ну и что из этого? — произнес чей-то голос.

Эллери не понадобилось оборачиваться, чтобы узнать его обладателя.

— Понятия не имею, Мариус. Знаю лишь то, что мы, очевидно, находимся в самом начале чего-то. Песенку едва ли использовали в качестве образца для этих шуточек, если бы автор не намеревался следовать ей и в дальнейшем.

— О, радости и счастья день! — усмехнулся Джон. — Но так ли это?

— Тоже не знаю. Но сомневаюсь, что автором движет желание принести радость. Боюсь, Джон, что, несмотря на всю кажущуюся нелепость, тебе следует отнестись к этому серьезно. Люди, как правило, не предпринимают столь изощренных усилий ради шутки. А если это шутка, то ее цель весьма загадочна.

Все молчали, не зная, смеяться им или тревожиться.

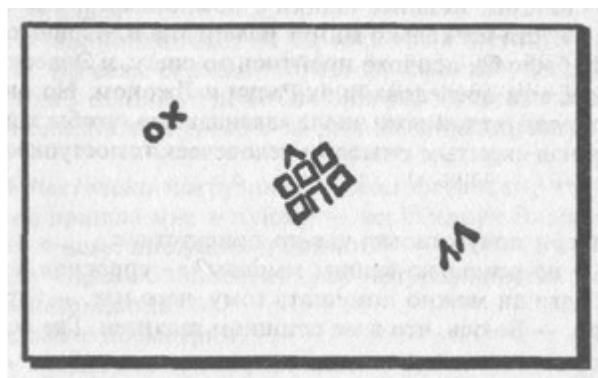
Эллери постучал по белой карточке.

— Единственный *modus operandi*^[29], который я могу предложить, — это изучение отличий пародии от оригинала. Кстати, то, что слова «вол», «дом» и «верблюд» напечатаны вразрядку, очевидно, следует расценивать как стремление привлечь особое внимание к свойствам этих подарков. Отличия от рождественской песенки начинаются сразу же. В первой строчке песенки говорится о первом утре Святков. На карточке утро превращается в вечер. Во второй строчке также имеется отличие. В песенке говорится «шлет любовь моя в подарок», а в послании — «шлет любовь твоя в подарок», подчеркивая, что адресатом является Джон. В третьей строчке «петрушка на ветке груши» по какой-то необъяснимой причине становится «волоом из сандала», а затем рифмоплет в качестве бесплатного приложения добавляет два предмета, отсутствующие в оригинале даже количественно — «недостроенный дом» и «серо-белого верблюда». Полагаю, все это звучит глупо, но все, что я могу сказать, ничуть не глупее того, что говорится в послании и содержится в коробке. Тем не менее, кто-то взял на себя труд собрать или изготовить эти вещицы, упаковать их, написать стишок, обернуть все это, как рождественский подарок, а потом спрятаться в каком-то тайнике этого дома-лабиринта, пока не представится случай незаметно проскользнуть вниз и положить коробку под елку. При наличии в доме пятнадцати человек — двенадцати плюс трех слуг, — перемещающихся непредсказуемо, эта экспедиция к елке была весьма рискованной, если он желал оставаться невидимым — хотя бы по правилам затеянной им игры в кошки-мышки. Нет, абсурдность здесь только внешняя... А это что такое?

Перевернув карточку, Эллери уставился на какие-то знаки на оборотной стороне.

Остальные столпились вокруг него, охваченные испугом. Даже миссис Браун, несмотря на ее связи с миром духов, побледнела под слоем румян.

Знаки были нарисованы карандашом.

— Тут есть слово «ох»^[30], — пробормотал Фримен. — Это ясно, как совесть издателя. Но будь я проклят, если понимаю смысл остального — прошу прощения, мистер Гардинер.

— Все в порядке, мистер Фримен. — Старый священник сделал жест своими епископальными перстами. — Очевидно, я куда больше знаком с проклятием, чем остальные присутствующие. По-моему, это весьма любопытно.

— Эти две штуковины внизу похожи на два горба, — сказал доктор Дарк. — Два горба верблюда!

— А рисунок в центре, мистер Квин, — добавил мистер Гардинер, — напоминает домик с отсутствующим окном на первом этаже и островерхой крышей.

Эллери кивнул.

— Да, эти знаки, несомненно, имеют отношение к подаркам в коробке, причем верблюд представлен только горбами, словно рисовавшего внезапно прервали или ему не удалось закончить работу по какой-то иной причине. — Он покачал головой. — Боюсь, мне больше нечего добавить, кроме предсказания, что в каждый из оставшихся вечеров Святок будут появляться другие «подарки» подобного сорта. Эти двенадцать подарков прибавят еще одну дюжину к тем, с которыми мы уже столкнулись. Двенадцать подарков тебе, Джон.

— Ну и черт с ними и с тем, кто их присылает, — отозвался Джон. — Я сыт по горло этой ерундой. Кто-нибудь хочет прогуляться в город?

Никто не захотел, кроме Расти. Она и Джон надели сапоги, свитеры, вязаные шапки с помпонами и вышли из дома. Спустя несколько минут Валентина и Мариус решили, что было бы неплохо пройтись по снегу, и Эллери увидел, как они последовали за Расти и

Джоном. Но он был слишком занят тайнами числа «двенадцать», чтобы задумываться над скрытым смыслом человеческих поступков.

* * *

Эллери почувствовал чье-то присутствие.

— Я не помешаю вашим мыслям? — спросила Эллен.

— Едва ли можно помешать тому, чего нет, — буркнул Эллери. — Боюсь, что я не слишком галантен. Где остальные?

— Кто где. Некоторые из мужчин играют в бридж, а остальные слушают радио. Неужели вы его не слышите?

— Теперь слышу. Садитесь рядом, Эллен. — Он освободил для нее место на ларе. — Что вы обо всем этом думаете?

— Ничего. Но это меня пугает.

— Кто, по-вашему, может иметь зуб на Джона?

— Зуб? — Эллен выглядела искренне удивленной. — Представить такого не могу. Джон — талантливый, обаятельный и забавный парень. Вряд ли он за всю жизнь хоть раз наступил кому-то на мозоль.

Эллери кивнул, хотя не вполне разделял оценку, данную Эллен питомцу ее дяди. Он видел Джона на сборищах в Гринвич-Виллидж, когда от его обаяния мало что оставалось, и ощущал под поэтическим обликом сильную волю, которую, очевидно, не чувствовала Эллен. Джон вполне способен наступить кому-то на мозоль, подумал Эллери, и если бы он это сделал, то без всякой жалости.

— Как насчет Мариуса?

— Мариуса? — с удивлением переспросила Эллен. — Но он лучший друг Джона.

— У него странный способ это проявлять. Мариус влюблен в Расти?

Эллен уставилась на огонь.

— Почему бы вам не спросить его самого?

— Возможно, я так и сделаю.

— Ну, пока вы принимаете решение, возможно, простая студентка факультета изящных искусств укажет вам, мистер Квин, на то, что вы, похоже, проглядели.

Настала очередь Эллери удивляться.

— Проглядел?

— Отпечатанный текст на карточке означает пишущую машинку. Вы сами сказали, что автор, вероятно, действует из какого-то тайника в доме. Возможно, он здесь же и отпечатал свое послание. Если бы вы идентифицировали машинку...

— Я настолько погрузился в свои фантазии, что эта мысль не пришла мне в голову! — воскликнул Эллери. — Сколько в доме пишущих машинок?

— Две. Одна в библиотеке дяди Артура, а другая в старой комнате Джона.

— Давайте посмотрим.

Они поднялись и направились к библиотеке Артура Крейга. Мужчины за ломберным столиком даже не подняли глаз. Преподобный мистер Гардинер и миссис Браун слушали, как замороженные, пулеметную трескотню одноглазого «охотника за сенсациями» Флойда Гиббонса, извергающуюся из большого шестиногого «Стромберг-Карлсона» орехового дерева.

Эллери посмотрел на часы.

— Без двадцати одиннадцать. Гиббонс еще некоторое время продержит у приемника мистера Гардинера и миссис Браун, а игроки ничего не заметят, даже если произойдет конец света. Пошли, Эллен.

Они проскользнули в библиотеку, и Эллери бесшумно закрыл дверь. Он прихватил с собой карточку из коробки с таинственными подарками и велел Эллен скопировать текст на потрепанной жизнью пишущей машинке Артура Крейга. Она быстро перепечатала послание, легко касаясь клавиш. Эллери сравнил копию с оригиналом при свете настольной лампы и покачал головой:

— Нет. На этой машинке множество поврежденных и стертых литер, которых нет на карточке. Тот текст отпечатан на более новой машинке, и притом другой модели. Давайте обследуем машинку Джона.

Они небрежной походкой прошли по коридору и бегом поднялись по лестнице.

— Боже мой! — сказала Эллен у двери комнаты Джона. — Неужели детективам всегда приходится работать тайком?

— Никаких угрызений совести, мисс Крейг. Помните, что это была ваша идея.

Они вошли в комнату и вышли через три минуты. Текст на карточке не соответствовал и машинке Джона.

— Вы уверены, Эллен, что в доме больше нет машинок?

— Мне известно только об этих.

— Нам лучше удостовериться. Пожалуй, удостовериваться буду я, а вы спускайтесь и подавайте непрошенные советы игрокам в бридж.

Эллен вскинула светловолосую голову.

— Не пытайтесь напугать меня сильнее, чем я уже напугана. К тому же это наше совместное предприятие, не так ли?

Разумеется, она догадалась, что он решил снова поискать исчезнувшего Санту. Усмехнувшись, Эллери стиснул руку Эллен и двинулся по коридору.

Они не обнаружили ни третью машинку, ни неуловимого незваного гостя.

* * *

Прежде чем лечь в кровать, Эллери достал из чемодана единственный из рождественских подарков отца, который захватил с собой в Олдервуд. Это был ежедневник на 1930 год с несколькими пустыми страницами для последней недели 1929-го. Ведение дневника было старым пороком Эллери, и ему пришло в голову, что фиксирование на бумаге загадочных событий может оказаться полезным.

Эллери начал с первой пустой страницы, поставив дату: «Среда, 25 декабря 1929 г.», после чего около получаса писал мелким почерком.

Потом он лег спать и видел во сне волов, верблюдов, горлиц и дерзкое смышленное личико Эллен Крейг.

Глава 4

ВТОРОЙ ВЕЧЕР: ЧЕТВЕРГ, 26 ДЕКАБРЯ 1929 ГОДА

*В которой таинственный шутник играет в смертельную игру, а
подопечный хозяина дома получает еще один удивительный
подарок*

Утро четверга выдалось пасмурным и слякотным. Но по странной иронии судьбы все спустились к завтраку в прекрасном настроении.

— Кто-нибудь заглядывал под елку? — драматическим тоном осведомила Валентина Уоррен. На ней был твидовый костюм от «Бергдорфа Гудмена» из яркой шотландки в голубую, зеленую и бежевую клетку, который подчеркивал ее бледность и сосредоточивал внимание на густо накрашенных губах.

— Могу я заглянуть туда вместе с вами? — галантно предложил Роланд Пейн. Седовласый адвокат смотрел на Валентину с видом осторожного покупателя на аукционе.

Светловолосая девушка взмахнула длинными ресницами.

— Буду очень рада, мистер Пейн...

— Вэл пробуждает ловеласа в каждом республиканце, — заметил Мариус с набитым ветчиной ртом. — Ставлю пять против десяти, что она сейчас выпытывает, нет ли у него клиента-продюсера в Голливуде.

— Свинья, — добродушно сказала Расти. — Как ты думаешь, Джон, там что-то есть?

— Под елкой? Не знаю, малышка, и знать не хочу, — ответил Джон. — Эта история для бульварных газет меня не забавляет.

— Так рано Вэл и Пейн ничего не найдут, — сказал Эллери. — Во вчерашней карточке говорилось: «В самый первый вечер Святок». Постоянство времени и места — одно из благ подобного рода барнигуглеизмов^[31].

— Значит, он собирается подложить свой щедрый дар у меня под носом, — сказал Мариус Карло. — Вечером по радио передают фрагменты из «Аиды» с Ретберг в главной роли и Лаури-Вольпи в роли Радамеса. Я бы не пропустил это даже ради дюжины Барни Гуглов.

Валентина вошла с недовольным видом.

— Ну? — с нетерпением спросила Эллен.

— Ничего.

— Кроме нескольких еловых иголок. — Адвокат повел блондинку в укромный уголок. — Почему бы вам не рассказать немного о себе,

мисс Уоррен? У меня есть несколько влиятельных связей на калифорнийском побережье...

— Не будет возражений, если я укажу, что к моему предполагаемому свинству добавился аромат козлятины? — осведомился Мариус, не обращая ни к кому конкретно.

— Мистер Пейн, по крайней мере, джентльмен, — фыркнула Оливетт Браун.

— Козел-джентльмен, — кивнул Мариус. — Даже поэтический козел-джентльмен, коль скоро он проявляет свои козлиные склонности под знаком Козерога, не так ли, миссис Браун? — Она сердито уставилась на него. — Ну, поскольку досуг мистера Пейна обеспечен, можем подумать о том, чем нам убить время.

Гнев миссис Браун сменился надеждой.

— У меня с собой «Уиджа»...^[32]

Всеобщий исход был крайне поспешным.

В результате, пока не подали ленч, все предпочитали находиться где угодно, только не в жилых помещениях первого этажа, где миссис Браун пряталась, как паучиха в ожидании подергивания паутины. Но даже она иногда показывалась на глаза, надеясь завлечь жертву в западню.

После ленча все расселись в гостиной. Гостей одолевала сонливость, вызванная яствами миссис Дженсен и потрескиванием огня в камине, поэтому новое открытие напоминало удар молнии во время пикника.

Открытие сделал Джон. Крейг послал его в библиотеку за первым изданием Эдгара По, которое хотел показать Дэну Фримену. Джон пробыл там не более десяти секунд и вернулся, нервно жестикулируя.

— Артур... — Он облизнул губы. — Там мертвец.

В вакууме, созданном этим необычным сообщением, послышался недоумевающий голос Крейга:

— Что ты сказал, Джон?

— Мертвец. Человек, которого я не видел ни разу в жизни.

Костлявый старик на полу библиотеки лежал на животе с повернутой набок головой и приоткрытым ртом. Он выглядел усталым, словно умер не протестуя, а покорившись. Бронзовая рукоятка ножа торчала в центре темного засыхающего пятна между лопатками, как пестик увядшего цветка.

— Мой нож, — с трудом вымолвил Крейг. — Его взяли из письменного стола. Этрасский^[33] артефакт, которым я вскрываю письма.

— Пусть никто не входит, кроме доктора Дарка, — сказал Эллери. — Пожалуйста, подойдите, доктор.

Толстый врач протиснулся в библиотеку. Остальные толпились в дверях, слишком ошарашенные, чтобы испугаться.

— Можете приблизительно определить время смерти, не передвигая тело? — спросил Эллери.

Доктор Дарк присел на корточки возле трупа. Прежде чем прикоснуться к нему, он вытер лоб носовым платком. Вскоре он поднялся.

— Думаю, не более двух часов назад.

Эллери кивнул и склонился над трупом. Доктор Дарк присоединился к остальным.

Убитый старик выглядел каким-то бесформенным и опустившимся, причем не только по причине смерти. Серый шерстяной костюм явно носился много лет. То же касалось потрепанного твидового пальто, полинявшей фетровой шляпы, дешевого шерстяного шарфа и рукавиц, валявшихся на полу. Старомодные тяжелые башмаки, не защищенные галошами, нуждались в новых подметках.

Синеватую лысину подчеркивали несколько прядей бесцветных волос. На коже за ухом виднелся порез, как будто рука убитого дрогнула во время бритья.

— Кто-нибудь знает этого человека? — Не услышав ответа, Эллери вскинул голову. — Хоть кто-то должен его знать. Мистер Крейг?

Бородач покачал головой:

— Он мне абсолютно незнаком, мистер Квин.

— Мистер Пейн? Мистер Фримен? Мариус? — Эллери намеренно обращался ко всем по очереди, вынуждая отвечать каждого. Но их

отрицания ничем не помогли. Все казались искренне озадаченными.

— Ну, опознать его будет не слишком трудно. Кто впустил его в дом? — Ответа снова не последовало. — Это просто нелепо. Не мог же он материализоваться на ковре библиотеки мистера Крейга, как джинн или один из эктоплазменных^[34] друзей миссис Браун. Он пробыл в доме достаточно долго, раз его ботинки успели высохнуть. Фелтон, вы здесь? Это вы его впустили?

— Нет, сэр!

— Миссис Дженсен? Мейбл? — Через минуту Эллери произнес бесстрастным тоном: — Мистер Крейг, вам лучше позвонить в полицию.

* * *

Полиция Олдервуда состояла из пяти человек — четырех патрульных под командованием шефа Брикелла, проработавшего на этом посту больше двадцати лет. В течение этого срока его главной функцией было доставлять иногородних автомобилистов к судье, дабы они платили штрафы, избавляя олдервудских налогоплательщиков от большей части расходов на содержание полицейского управления. Кабинет Брикелла представлял собой темную каморку в углу здания мэрии, а арестантские камеры — две клетушки в полуподвале, чьими единственными посетителями бывали пьяницы в ночь с субботы на воскресенье.

Первыми словами шефа Брикелла в доме Крейга были:

— Господи, мистер Крейг, каким образом убитый оказался у вас в доме?

— Господи, Брик, откуда мне знать? — проворчал в ответ Крейг.

Шеф явно не имел ни малейшего понятия, с чего ему начать. Он только глазел на труп и бормотал: «Заколот в спину, а? Черт знает что», пока его лицо приобретало все более глубокие оттенки зеленого. Когда ему сообщили, что все присутствующие отрицают знакомство с убитым, он явно почувствовал облегчение.

— Тогда думаю, нам не о чем особенно волноваться. Вероятно, это бродяга. Может, он с приятелем забрался сюда чем-нибудь

поживиться, потом они поссорились, один пырнул другого и сбежал. Это все бы объяснило.

— Безусловно, — сказал Эллери. — Но ведь у нас нет доказательств, не так ли, шеф? Вам не кажется, что следовало бы разобраться в этом более тщательно? Я буду рад помочь.

— Вы полицейский?

— Нет, но имею некоторый опыт в полицейской работе.

— Это Эллери Квин, Брик, — сказал Джон. — Его отец инспектор Квин из Главного полицейского управления Нью-Йорка. Эллери тот парень, который раскрыл тайну убийства Монте Филда в Римском театре в прошлом году^[35].

— О! — Шеф Брикелл дружески пожал руку Эллери. — Рад познакомиться, мистер Квин! У вас есть какие-нибудь предложения?

— Я бы уведомил полицию округа, шеф.

— Пускай у них голова болит, а? Не возражаете, если я воспользуюсь вашим телефоном, мистер Крейг?

— Валяйте, — добродушно отозвался Крейг.

— Пока вы звоните, Брикелл, я могу осмотреть тело? — спросил Эллери.

— Сколько душе угодно.

— Ну, погоди, пока я расскажу отцу, — вполголоса произнес Эллери, когда шеф полиции вышел. — Позволить подозреваемому в убийстве первым осматривать труп!

Когда Брикелл вернулся, Эллери уже успел вывернуть карманы убитого.

— Боюсь, шеф, окружная полиция получит кота в мешке.

— Они скоро приедут. Что скажете, мистер Квин?

— Его успели обчистить. В карманах ни бумажника, ни документов, ни ключей, ни денег, ни даже носового платка — ничего. И что еще интереснее, с его одежды спорили все ярлыки, даже кожаную ленту внутри шляпы. — Эллери задумчиво смотрел на труп. — Похоже, убийца не хотел, чтобы жертву опознали. Это делает еще более важным вопрос о ее личности. В Олдервуде есть судмедэксперт, шеф?

— Да, доктор Теннант, — ответил вместо Брикелла доктор Дарк.

— Было бы неплохо уведомить и его.

— Да, конечно. — Брикелл быстро вышел.

— А не мог этот человек быть вчерашним Санта-Клаусом? — внезапно заговорила Расти.

— Нет, — ответил Эллери. — Наш маленький визитер из внешнего пространства имеет в высоту не более пяти футов четырех дюймов, а наш друг Санта-Клаус был выше меня, хотя во мне добрых шесть футов. Думаю, он был таким же высоким, как Джон. Твой рост, Джон, примерно шесть футов два дюйма?

— Полтора.

Последовала пауза.

— Два неизвестных посетителя — один исчез, другой убит! — В голосе Валентины Уоррен слышались истерические нотки. — Два призрака! Что все это значит?

Никто не ответил, даже Оливетт Браун.

* * *

Лейтенант Лурия из полиции округа привнес в происходящее элементы здравого смысла. Чернобровый, мускулистый, спокойный молодой человек взялся за дело без театральных эффектов, быстро и четко дал указания патрульным и экспертам из окружной криминалистической лаборатории, после чего ненавязчиво приступил к неизбежным опросам.

С самого начала стало очевидным, что лейтенант подозревает всех находящихся в доме, включая Эллери, пока последний не предъявил «верительные грамоты». Но и тогда Лурия не был удовлетворен полностью. За подтверждением он позвонил инспектору Квину в Главное полицейское управление Нью-Йорка.

— Инспектор хочет с вами поговорить. — Лурия передал Эллери трубку.

— Во что ты теперь ввязался, сынок? — Судя по голосу, инспектор Квин был готов ко всему.

— Не знаю, папа.

— Не можешь говорить, а? Скажи только одно: твой нос чист?

— Абсолютно.

— Хочешь, чтобы я приехал?

— Зачем? — Эллери положил трубку. — Чем могу помочь, лейтенант?

— Расскажите мне все, что вы об этом знаете.

Эллери поведал об эфемерном Санта-Клаусе, его безуспешных поисках неиспользованных крыльев и находке трупа незнакомца.

Лейтенант Лурия не выглядел впечатленным.

— Санта-Клаус и посылка кажутся мне чьей-то дурацкой шуткой, Квин. Не похоже, что они связаны с убийством.

— Думаю, что связаны.

— Каким образом?

— Не знаю.

Лурия пожал плечами.

— Мы обыщем дом от погреба до чердака и постараемся найти хоть какие-то следы вашего Санты. Но сейчас меня больше беспокоит мертвец. — Он повернулся к медэксперту, лысому сельскому врачу с рыбьими глазами под пенсне, прикрепленному к петлице черным шелковым шнуром, который только что обследовал труп. — Что скажете, доктор Теннант?

— Очень немного, лейтенант. Он мертв около трех часов. Несомненно, причина смерти — удар ножом в спину. Никаких других ран и повреждений, кроме легкого ушиба на лбу, вероятно происшедшего при падении на пол. Возраст — лет под семьдесят.

— Имеются шрамы или другие особые приметы?

— При поверхностном осмотре не обнаружены.

— Как насчет зубов, доктор? — спросил Эллери.

— Насколько могу судить, зубы собственные. Никаких мостов. Не хватает нескольких задних зубов, но сомневаюсь, что это поможет опознанию. Похоже, их давно удалили.

— О'кей, — кивнул лейтенант. — Мы доставим его в окружной морг для более тщательного осмотра. Вы закончили фотографировать, ребята?

Когда доктор Теннант удалился, забрав с собою труп, Лурия внезапно повернулся к Эллери.

— Старик появляется в рождественские праздники, никто не знает, кто он, что ему надо, как он оказался в библиотеке и кто всадил ему нож в спину. Более того, все документы и ярлыки на одежде исчезли. Есть какие-нибудь идеи, Квин?

Эллери посмотрел на свою сигарету.

— Я в затруднительном положении, лейтенант. Как гость в доме мистера Крейга...

— Значит, вы не хотите говорить?

— Однако я воспитан в убеждении, что поимка жестокого убийцы важнее правил, предписываемых Эмили Пост^[36]. Весьма вероятно, что кто-то из находящихся здесь лжет — он знал этого человека и впустил его в дом, вероятно, ночью. Убитый не мог неделями прятаться в лабиринте наверху. Не могу не связывать его с Санта-Клаусом, который наверняка прятался здесь. Они даже могли прийти вместе.

Лейтенант что-то буркнул.

— Если мы не найдем Санту, — продолжал Эллери, обращаясь к своей сигарете, — то все дело будет зависеть от опознания трупа. По-видимому, убийца опасается, что, если мы выясним, кем была его жертва, след приведет прямо к нему.

— Насколько я понимаю, вы осмотрели труп. Ох уж этот Брикелл! Ну и что вы можете сказать об этом маленьком старичке?

— Очень мало. Если поношенная одежда не была камуфляжем, то он порядком опустился. Не до конца — одежда чистая и аккуратно заштопанная, — но он явно дошел до стадии отчаяния. Человек, который когда-то мог себе позволить одежду такого качества, не носит фетровую шляпу с твидовым пальто, если только может этого избежать. Кстати, он не был чернорабочим — я имею в виду неквалифицированный труд.

— Вы осмотрели и его руки? — усмехнулся Лурия.

— Разумеется. Ни мозолей, ни сломанных или грязных ногтей, ладони мягкие и чистые. Весьма чувствительные руки, принадлежавшие, возможно, художнику или музыканту... — Эллери оборвал фразу.

Они посмотрели друг на друга. Лейтенант снова усмехнулся:

— Одна и та же мысль в двух головах. Что вам известно об этом Мариусе Карло?

Но опросы ничего не дали. Лурия побеседовал с Карло, Вэл Уоррен, Пейном и остальными — не исключая мистера Гардинера и миссис Браун, которая пребывала в полутрансе почти всю вторую половину дня, — в итоге заполнив записную книжку бессмысленными заметками и графиками утренних передвижений каждого, не сообщившими ему ровным счетом ничего.

— Миссис Браун держала под наблюдением дверь библиотеки практически все утро, — сказал лейтенант Эллери, — и, если я правильно ее понимаю, в чем я не уверен, причина, по которой она не видела входящего или выходящего убийцу, заключается в отсутствии «спиритуальной гармонии». Что она под этим подразумевает? Контрабандное спиртное?

— В связи с этим я мог бы упомянуть верблюжьи кости, — отозвался Эллери, — но избавлю вас от этого. Факт в том, лейтенант, что мимо нее прошел не только убийца, но и труп — я имею в виду, когда он еще мог передвигаться. А это означает, что в критические моменты она либо дремала, либо выходила из комнаты.

— А что означает, когда она пялится в пространство, выпучив глаза, словно потеряла трусики при подъеме флага?

— Это демонстрация процесса расследования в стиле Оливетт Браун, — серьезно ответил Эллери.

— Расследования?

— С помощью предсказаний, лейтенант. У миссис Браун прямая связь с преисподней.

— Вы имеете в виду, что старая перечница связана с гангстерами? — удивленно воскликнул лейтенант Лурия.

— В ее преисподней имеются свои гангстеры, но не такие, как Голландцы Шульцы и Багси Мораны^[37] этого мира. Не беспокойтесь, лейтенант. Она просто слегка чокнутая.

Обыск территории, проведенный Лурия и несколькими патрульными, был столь же непродуктивным. Они не нашли никаких признаков неизвестной персоны.

— Знаете, что мне пришло в голову? — внезапно сказал Эллери. — Кто бы здесь ни прятался, он должен есть, верно?

— Недурная мысль.

Лейтенант расспросил кухарку-экономку Крейга о ее кладовках, но и это ничего не дало.

— Когда приходится кормить три раза в день такую кучу народу и постоянно держать под рукой столько припасов, — сказала ему миссис Дженсен, — нужно иметь глаза на затылке, чтобы за всем уследить. Конечно, пища исчезает, в основном в животе мистера Джона, который с детства устраивает набеги на холодильник, но так и не смог хоть чуточку потолстеть, благослови его Господь.

Перед уходом Луриа собрал в гостиной всю компанию, включая прислугу.

— Нам лучше прийти к взаимопониманию, — спокойно заговорил лейтенант. — Это необычное дело, и я собираюсь обращаться с ним, во всяком случае пока, необычным способом. Сегодня утром в этом доме был убит человек, которого, согласно вашим заявлениям, никто из вас не знал. Я не говорю, что это не так. Мне доводилось видеть вещи и попричудливее. Возможно, шеф Брикелл прав, говоря, что это может быть один из двух бродяг, которые проникли в дом, надеясь что-нибудь украсть, и в ссоре один из них прикончил другого и смылся. В поддержку этой теории нет никаких доказательств — по словам мистера Крейга, проверившего редкие книги в библиотеке, ничего не украдено, никто не видел убегающего бродягу и так далее. Но тем не менее это может оказаться правдой. С другой стороны, мертвец мог быть напрямую связан с кем-то из вас. Изъятие документов, ярлыков, содержимого карманов свидетельствует в пользу этой версии. Поэтому прежде всего нужно идентифицировать жертву. На это потребуется время.

Он окинул взглядом напряженные лица.

— Пока мы что-нибудь не выясним, я должен иметь возможность застать вас в любой момент, когда вы можете понадобиться. Насколько я понимаю, гости собирались пробыть здесь по крайней мере до Нового года, а может, еще дольше. Это облегчает ситуацию. Но недели может не хватить. В таком случае...

Густой баритон Роланда Пейна сотряс воздух.

— Вы сознаете, лейтенант, что у вас нет никаких оснований задерживать здесь кого-либо из нас? Лично я не намерен уезжать до Нового года, но если какое-то неожиданное дело потребует моего возвращения в Нью-Йорк... Думаю, я выражаю всеобщее мнение, говоря, что мы готовы сотрудничать до разумных пределов — подобно тому, как позволили снять у нас отпечатки пальцев, — но не далее.

— Понятно, мистер Пейн, — улыбнулся лейтенант Луриа. — Вы хотели бы заключить сделку?

— Прошу прощения?

— Я к этому готов. Думаю, никому из вас, даже мисс Уоррен, не хочется фигурировать в газетах в связи с делом об убийстве?

— Господи, конечно нет! — побледнев, воскликнул Дэн З. Фримен.

— Могу себе представить лицо епископа. — И старый мистер Гардинер добавил не без сожаления: — Но мой долг доброго христианина избавить его от этого.

— Продолжайте, лейтенант, — сказал Пейн.

— Ну, если вы обещаете не настаивать на своих правах в вопросе о пребывании здесь, я сделаю все возможное, чтобы не пускать газетчиков по вашим следам. Все, что потребуется, — это напустить туману по поводу того, где именно в Олдервуде обнаружен труп. За моих людей я ручаюсь. Но разумеется, я не могу обещать, что шеф Брикелл или доктор Теннант будут держать язык за зубами.

— Случайно я знаю, простите неудачную риторическую фигуру, где зарыты один-два трупа, — мрачно промолвил доктор Сэм Дарк. — Так что я сумею заткнуть рот Теннанту. А ты, Артур, как крупный налогоплательщик, должен иметь достаточный вес, чтобы проделать то же самое с Брикеллом.

Бородач кивнул:

— Предложение достойное, лейтенант. Ты согласен, Роланд, не так ли?

— Я привык смотреть дареному коню в зубы. — Нью-йоркский адвокат пожал плечами. — Но я согласен.

— Тогда решено, — улыбнулся Луриа. — Кстати, я оставлю здесь полицейского — сержанта Дивоу. Сержант?

— Да, сэр.

Молодой человек гигантского роста шагнул в комнату. В полицейской форме он выглядел весьма презентабельно.

— Это всего лишь формальность, сержант. Никого не доставайте.

— Хорошо, сэр.

— Черт возьми, сержант! — воскликнула Валентина. — Меня можете доставать в любое удобное для вас время.

К ее разочарованию, сержант Дивоу вышел следом за лейтенантом Луриа, и в течение дня они видели его лишь мельком.

* * *

За обедом в тот вечер царила мрачная атмосфера. Образ мертвого старика незримо висел над столом, съедено было мало, а попытки начать разговор быстро прекращались. Коробки под елкой не было, и никто, казалось, не ожидал ее появления.

— Если подарок и стишок были шуткой, — сказала Расти, — то смерть этого бедного старика положила ей конец.

— Интересно, кто это был, — нахмурившись, промолвила Эллен.

— Есть, — поправил ее Мариус.

— Есть?

— Ну, моя цыпочка, он, вероятно, еще здесь, не так ли?

После этого никто не упоминал о «номере тринадцатом», как окрестила его Эллен. Абсурдность мысли о том, что кто-то бродит у них над головой, и о самом пребывании в доме таинственного незнакомца делала невозможными любые попытки логических объяснений.

Мариус направился в музыкальную комнату и стал играть на рояле трескучую пьесу собственного сочинения, почему-то названную им «Колыбельная». Миссис Браун переходила от одной группы к другой, тщетно пытаясь заинтересовать людей гороскопами. Джон и Расти, устроившись на обитом бархатом подоконном сиденье в одном из эркеров, вполголоса разговаривали. Эллен и Валентина уговорили Мариуса сыграть рождественские гимны и пели их сладкими, но лишенными вдохновения голосами. Пожилые мужчины обсуждали книги, пьесы, разрушительные последствия «сухого закона», а потом и новости спорта. Как ни странно, мистер Гардинер оказался фанатом бейсбола, что сразу взбудрило доктора Дарка. Некоторое время священник и медик оживленно спорили о будущем бейсболиста Бейба Рута, закончившего сезон 1929 года всего лишь сорока шестью очками.

— Говорю вам, ваше преподобие, он катится под гору, — настаивал толстый доктор. — Шестьдесят очков в 1927-м, пятьдесят

четыре в 1928-м, а теперь только сорок шесть. Увидите, что будет в следующем году.

— О, маловеры! — пробормотал священник. — Не списывайте со счетов Бейба, доктор. Очевидно, вы считаете Лефти О'Даула лучшим бомбардиром?

Эллери держался сам по себе.

В десять Мариус объявил, что те, кто не желают слушать великую оперу, могут идти спать. После этого он настроил радио и пугал других радостными возгласами, когда могучий голос Лаури-Вольпи, поющего «Celeste Aida»^[38], наполнял комнату. Почти целый час Мариус Карло продержал их в гостиной, слушая Лаури-Вольпи и Элизабет Ретберг.

Но бедному Карло было не суждено испить полную чашу вердианских наслаждений. Он так и не дослушал оперу, ибо ровно в 22.43 в арке, ведущей в прихожую, возникла монументальная фигура сержанта Дивоу, и его молодой бас заглушил радио:

— Вы знали об этом, мистер Себастьян?

В его протянутой руке был пакет с рождественским подарком.

Эллери подскочил к радио и выключил звук.

— Конечно, у него просто не было возможности оставить пакет в этой комнате сегодня вечером, — свирепо произнес он. — Где вы его нашли, сержант?

— На маленьком столике в холле. Я не видел там пакет, когда ходил на кухню ужинать. Потом я вышел черным ходом и патрулировал снаружи. — Посмотрев на молчащую компанию, сержант Дивоу откровенно добавил: — Снаружи никто не мог даже на пару шагов подойти к дому.

— Снова Санта! — пронзительным голосом воскликнула Эллен.

— Могу я взглянуть, сержант? — спросил Эллери.

— Сперва я должен получить указания, мистер Квин.

— Ладно, позвоните Луриа. Только скорее.

Сержант Дивоу удалился с пакетом в руке. Никто не произнес ни слова. Вернувшись, сержант протянул пакет Эллери:

— Лейтенант дал добро, мистер Квин. Но он хочет, чтобы вы позвонили ему, когда посмотрите, что там внутри.

Пакет был завернут в такую же красно-зеленую фольгу и перевязан такой же позолоченной лентой, к которой была прикреплена

открытка с Санта-Клаусом, адресованная Джону Себастьяну.

Внутри оказалась такая же белая коробка. Подняв крышку, Эллери увидел два маленьких предмета в красной папиросной бумаге, а на них белую карточку с отпечатанным на машинке стишком.

Он прочел его вслух:

Во второй же вечер Святков
Шлет любовь твоя в подарок
Дверь с панелью сосновой,
Как раз для этажа второго,
И с цветным стеклом *окно*,
Для этажа внизу оно.

— Господи! — воскликнул доктор Дарк.

Эллери развернул предметы. Один из них оказался миниатюрной дверцей с сосновой панелью, а другой — крошечным окошком с цветным стеклом.

— Джон.

— Да, Эллери?

— После того как я показал вчерашнюю коробку лейтенанту Луриа, что ты с ней сделал?

— Отнес назад к себе в комнату.

— Принеси домик, ладно?

В ожидании Джона никто не двинулся с места.

— Шутке конец, Расти? — усмехнулась Вэл Уоррен. — По-моему, она только начинается.

Расти не ответила.

Вернувшись с игрушечным домиком, Джон молча поставил его на стол. Эллери так же молча взял сосновую дверцу из новой коробки и вставил ее в проем на верхнем этаже домика. Она подошла идеально, как и цветное окошко к пустому проему на первом этаже.

— Эллери. — В голосе Эллен звучал испуг. — На обороте этой карточки есть карандашные пометки?

— Нет. — Эллери убедился в этом в первую очередь.

— Какое-то безумие! — воскликнул Джон. — Кто, черт возьми, все это вытворяет? И почему? Даже самая грязная шутка имеет какой-то смысл. А какой смысл тут?

— Какой номер телефона Лурия? — обратился к сержанту Эллери.

— Как и Джон, Лурия склонен думать, что это работа психопата, — сообщил он, вернувшись после разговора с лейтенантом. — Но я не согласен. Здесь ощущается вполне здравый рассудок и смертельная угроза. — Эллери посмотрел на домик. — Вчера вечером Джон получил «недостроенный» дом, а сегодня — две недостающие его части. Понятия не имею, что это должно означать, но я не верю, что это будет выглядеть все более таинственным. События должны иметь под собой какую-то рациональную мотивацию и с продолжением игры становиться яснее. Давайте суммируем имеющиеся у нас данные.

Эллери начал мерить шагами комнату, обращаясь то к полу, то к камину, то к потолку.

— Число подарков теперь становится важным фактором. Вчера вечером в коробке было три предмета, а сегодня — два. Следовательно, мы можем ожидать дальнейших количественных изменений. Но они не отражаются на внешней вероятности того, что подарков будет двенадцать — в каждый вечер Святков. Общее количество, в конце концов, может быть как-то связано с числом «двенадцать». На данном этапе мы не можем идти дальше.

— Неужели вы говорите серьезно, Квин? — недоверчиво спросил Дэн Фримен и робко улыбнулся остальным, словно приглашая их присоединиться к его недоверию. Но никто не улыбнулся.

— Я просто играю в эту игру, мистер Фримен, — ответил Эллери.

* * *

Один за другим они уходили спать, пока в гостиной не остались только Эллери и Джон Себастьян.

Двое молодых людей молча сидели перед тлеющим в камине огнем.

— Не вижу ни единого просвета в этой чертовщине, — сказал наконец Джон.

Поднявшись, он смешал пару порций виски с содовой, протянул одну Эллери и сел с другим стаканом.

— Такие вещи по твоей части, не так ли, Эллери?

— Только не в данный момент.

— Ты знаешь, что я имею в виду. У тебя пытливый ум, который подмечает вещи, недоступные обычным болванам. По крайней мере, такова твоя репутация. Хоть что-нибудь во всем этом имеет для тебя какой-то смысл?

Эллери покачал головой:

— Мне это не по зубам, Джон, во всяком случае пока. Вероятно, потому, что в этом уравнении слишком много неизвестных. — Он поставил стакан. — Ты уверен, что не знаешь ничего, способного помочь?

Молодой поэт казался удивленным.

— Я? О чем ты?

— Мне известен как минимум один факт, который ты скрываешь. Ты сказал, что 6 января должны произойти четыре события. Ты вступишь во владение состоянием твоего отца, будет опубликована твоя книга, ты женишься на Расти, а четвертое событие, по твоим словам, должно стать сюрпризом. Что это за событие?

Джон покусывал губу.

— Возможно, Джон, оно имеет отношение к этим подаркам.

— Не вижу какое? Фактически, я знаю, что это не так. — Джон встал и снова подошел к графину с виски. — Нет, оно не имеет ничего общего с этими рождественскими коробками.

— А с убийством старика? — спокойно осведомился Эллери.

— Тоже ничего!

Эллери поднял брови:

— Ты говоришь так, словно не уверен в этом.

— Конечно, уверен! Готов поставить на кон собственную жизнь, что это так!

Эллери поднял стакан, допил виски и встал:

— Может быть, Джон, ты делаешь именно это. Доброй ночи.

Эллери медленно поднимался по широкой лестнице. Ранее он отметил заметно усилившуюся за последние два дня раздражительность своего друга, но не придавал ей особого значения. Теперь ему казалось, что она может иметь какую-то связь с тайной. Что скрывает Джон? Его озадаченность событиями последних двух суток казалась достаточно искренней. Неужели это игра?

Что-то заставило Эллери вскинуть голову.

Верхний коридор тянулся через лестничную площадку, мимо дверей спален в двух направлениях и сворачивал в невидимые Эллери крылья дома.

Из-за угла слева, тускло освещенного ночником, появилась мужская фигура. Когда мужчина проходил под ночником, Эллери четко разглядел его лицо.

Это был Джон. Он сразу же открыл дверь своей спальни и исчез.

Эллери недоумевал. Он оставил Джона внизу в гостиной минуту назад — каким же образом тот мог подняться раньше его? Это невозможно! Разве только... Ну конечно! Должно быть, он воспользовался черной лестницей из кухни.

Пройдя в свою комнату, Эллери достал дневник и сел записывать события прошедшего дня и вечера. Но все время, пока он писал, ему не давала покоя застрявшая в темном уголке мозга мысль. Она так раздражала его, что в конце концов он прекратил писать, чтобы вытащить ее на свет божий.

Но при детальном обследовании мысль стала досаждать ему еще сильнее.

Как Джон мог настолько быстро подняться на верхний этаж по черной лестнице? Правда, Эллери передвигался из гостиной в холл, а оттуда вверх по парадной лестнице к площадке ленивым шагом. Но Джон должен был пересечь всю гостиную, всю столовую, пройти через буфетную на кухню, оттуда подняться по черной лестнице в конец левого крыла верхнего коридора, а потом пройти через все крыло и свернуть за угол. Даже если он бежал изо всех сил...

И почему он вообще выбрал этот маршрут?

Эллери покачал головой, сердясь на себя. «Причудливая атмосфера вокруг убийства старика, должно быть, подействовала и на меня», — подумал он.

Сделав усилие и освободившись от раздражающей мысли, Эллери приготовился возобновить работу над дневником. Но в этот момент большие напольные часы на лестничной площадке начали бить.

Машинально посчитав удары, Эллери почувствовал колюще в затылке.

Двенадцать...

Он начал сердито писать.

Глава 5

ТРЕТИЙ ВЕЧЕР: ПЯТНИЦА, 27 ДЕКАБРЯ 1929 ГОДА

В которой в летнем домике происходит сцена из зимней истории, а подарок из железа не дает поднять крышу с домика

После многочасового метания в постели в тщетных попытках удержать взаперти досаждающую мысль Эллери проснулся, обнаружив, что проспал завтрак. Спустившись, он увидел, что Мейбл убирает со стола.

— О, мистер Квин! — воскликнула девушка. — Мы уже решили, что вы не спуститесь. Сейчас освобожу вам место.

— Нет-нет, Мейбл, поздняя птичка не заслуживает червя. Ограничусь кофе без сливок и сахара.

— А ведь вы такой тощий, — хихикнула Мейбл. Эллери прошел с чашкой кофе в гостиную, где его встретили усмешками и экземпляром «Нью-Йорк уорлд».

— Пей свой кофе, читай Брауна и Ф.П.А.^[39] и помалкивай, — буркнул Джон Себастьян. — Ты прервал час знакомства с происходящим за пределами психушки.

Все читали газеты. Эллери прошелся по комнате, потягивая кофе и заглядывая каждому через плечо. Мариус был поглощен рецензией Лоренса Гилмена на дебют в Карнеги-Холле молодого виолончелиста Григория Пятигорского. Роланд Пейн изучал автотипию размером в четыре колонки с изображением пышнотелой Хелен Кейн, «девушки Буп-Бупа-Дуп», выступающей на рождественские праздники в театре

«Парамаунт». Валентина и Эллен читали театральную полосу, Фримен — книжную, Крейг — редакторскую, а преподобный мистер Гардинер — советы на сегодняшний день доктора С. Паркса Кэдмена. Доктор Дарк погрузился в спортивный раздел, Расти — в дамские моды, а ее мать, как ни странно, в биржевые котировки.

Но больше всего Эллери заинтересовал выбор Джона, который явно был увлечен рекламой нового электротостера, поджаривающего обе стороны ломтика хлеба одновременно.

Эллери опустил в кресло рядом с Джоном.

— Ты только притворяешься, что читаешь, — сказал он. — В чем дело, Джон? Плохо спал? Ты выглядишь паршиво.

— Что? — пробормотал Джон.

— Не важно. Я хочу задать тебе вопрос, который может показаться фантастическим.

— Какой еще вопрос?

— Вчера вечером...

Рассеянность Джона как рукой сняло. Он резко взглянул на Эллери.

— Что еще случилось вчера вечером?

— Когда я пожелал тебе доброй ночи и оставил тебя здесь одного, ты пошел прямо наверх?

Джон быстро заморгал.

— Что за вопрос?

— А что за ответ?

— Прямо наверх? Честно говоря, я не...

— Поднимаясь наверх, когда бы это ни было, ты воспользовался парадной лестницей или черной?

— Черной? — Лицо Джона расслабилось. — Может быть. Какая разница? — И он погрузился в рекламу сигар «Роки Форд» по пять центов за штуку.

Эллери бросил на друга странный взгляд.

— Ладно, забудь, — сказал он и открыл «Нью-Йорк уорлд».

Ему хотелось последовать собственному совету.

День был окутан напряженной атмосферой ожидания. Время от времени появляющийся и исчезающий сержант Дивоу не способствовал ее разрядке.

Во второй половине дня Эллери оторвался от книги, увидев стоящую перед ним Эллен Крейг.

— Что вы читаете?

— «Дело об отравленных шоколадных конфетах» Энтони Беркли.

— Об отравленных свиных ножках, — сказала Эллен. — Вы почти такой же зануда, как дядя Артур. Как можно сидеть сиднем целый день? Пойдемте прогуляемся, Эллери.

— У вас энергия как у Джимми Уокера^[40], — пожаловался Эллери. — Послушайте, дорогая моя, то небольшое, что я успел прочитать, говорит мне, что мистер Беркли держит немало сюрпризов в своем английском рукаве. Я должен дочитать книгу из соображений самозащиты. Прогуляйтесь с сержантом Дивоу.

— Это лучше того, что я едва не сделала! — И Эллен вышла, вскинув голову.

Эллери с виноватым видом подобрал детективный роман.

Поднявшись к себе в комнату, Эллен переделалась во французскую лыжную куртку на «молнии», натянула на ноги сапоги, светлые локоны убрала под белую вязаную шапку, схватила пару рукавиц, сбежала по лестнице и вышла на крыльцо, хлопнув дверью в надежде, что это услышат в гостиной.

Из-за оттепели в последние дни снег посерел и стал напоминать шероховатый лед. Облака не пропускали солнце, и дул слабый, но холодный ветер. Эллен вернулась бы в дом, если бы не злость на Эллери.

Спустившись с крыльца, она обогнула дом и начала пробираться через сугробы к деревьям. Человеческие следы пересекали снег, который выглядел неопрятно, вызывая у Эллен отвращение. Но при виде летнего домика она воспрянула духом.

Летний домик находился на солидном расстоянии от особняка, на опушке леса, служа для Эллен в детские ее годы излюбленным убежищем от дяди и миссис Сэфайры. С ним у нее были связаны только приятные воспоминания. Она приносила сюда своих кукол, играя в актрису или няню, а позже предавалась мечтам о романах с ее подростковыми увлечениями. Джон признавал летний домик личным

владением Эллен, куда мальчишкам вход воспрещен, нарушая молчаливый договор лишь изредка.

Эллен быстро приближалась к домику, где не была долгое время. Но внезапно она остановилась.

Внутри разговаривали мужчина и женщина, но узнать по невнятному бормотанию, кто это, Эллен не могла.

Снова помрачнев, она сделала крюк вокруг домика в сторону леса, но наступила на камень под снегом, споткнулась и, вскрикнув, опустилась на корточки.

— Мисс Крейг! С вами все в порядке?

Подняв взгляд, раздосадованная Эллен увидела высокого полицейского, спешащего к ней из-за куста. Она не сомневалась в том, с какой целью он там прятался. Сержант пытался подслушать разговор в летнем домике. Даже его обеспокоенный возглас прозвучал весьма сдержанно.

— Со мной все в порядке... — громко отозвалась Эллен, но, к ее ужасу, обширная ладонь сержанта Дивоу зажала ей рот.

— Прошу прощения, мисс, — прошептал сержант, не убирая ладонь, — но я должен это услышать.

— Вы... вы просто здоровенная любопытная ищейка! — с трудом выдавила Эллен. — Отпустите меня!

Он покачал массивной головой.

— Вы их спугнете, мисс. Мне это нравится не больше чем вам, но это мой долг. Ш-ш!

Внезапно Эллен прекратила вырываться. Голоса в летнем домике стали громче. Один принадлежал Расти Браун, другой — Мариусу Карло.

— Да, люблю! — кричал Мариус. — По-твоему, я на это не способен? Или, может быть, Джон лучше меня?

— Ты отлично знаешь, Мариус, что любовь не имеет ничего общего с оценкой того, кто лучше и кто хуже. — Расти говорила голосом *grande damme*^[41], и Эллен поняла, что она пытается быть убедительной, одновременно сохраняя достоинство. — Мариус, отпусти мою руку. Мариус! — Последнее слово прозвучало как негодующий вопль. Из домика доносились звуки борьбы.

— Всего один поцелуй! — пыхтел Мариус. — Поцелуй мужчины, а не скулящего подростка, возмнившего себя поэтом только потому,

что не рифмует «любовь» и «кровь». Расти, я без ума от тебя...

Раздался звук пощечины.

Эллен отпрянула. Сержант Дивоу выглядел глуповато.

— Только сделай это еще раз, Мариус Карло, и я... — Расти была вне себя от гнева. — А еще называешь себя мужчиной! Пристаешь ко мне за спиной у лучшего друга! Даже если бы Джон не существовал вовсе, а ты один во всей вселенной носил брюки... Любить тебя? — Расти презрительно рассмеялась. — Да я вида твоего не переношу! Меня от тебя тошнит, Мариус! В любом случае я люблю Джона и собираюсь за него замуж. Ясно?

Голос Мариуса был неузнаваемым.

— Абсолютно ясно, мисс Браун. Мариус Краб вызывает отвращение у утонченной Расти Браун. О'кей. Быть посему.

— Благодарю свою счастливую звезду, что я не стану жаловаться Джону. Он бы свернул тебе шею.

— Именно это я намерен проделать с ним!

— Ого! — не сдержался сержант Дивоу.

— Господи! — Произнеся это, Эллен осознала, что рукавица сержанта уже не зажимает ей рот.

С противоположной стороны летнего домика внезапно появился Джон Себастьян и с яростным криком вбежал внутрь. Должно быть, он бесшумно подошел по снегу и тоже слышал разговор.

Из хрупкого сооружения послышались звуки ударов, топот, хриплые возгласы и полуиспуганное-полудовольное взвизгивание девушки, явившейся причиной потасовки. Домик ходил ходуном.

Сержант Дивоу продолжал прислушиваться.

— Не стойте, как бревно, вы, олух! — крикнула ему Эллен. — Чего вы дожидаетесь — пары трупов?

— Чьих, этих двоих? — Сержант казался удивленным. — Хотя, пожалуй, пора вмешаться. — Подойдя к входу, он нагнулся и просунул большую голову внутрь. — О'кей, ребята, размялись и хватит. — Так как звуки ударов не прекратились, сержант с сожалением добавил: — Ну ладно, сами напросились. — И его монументальная фигура исчезла внутри.

Вскоре в дверях домика возникли Мариус и Джон, яростно жестикулирующие в морозном воздухе, — каждого держала за шиворот огромная лапа. Затем появились остальные части тела

сержанта, за которым следовала Расти с безумным взглядом. Полицейский поставил обоих приятелей ногами в снег.

— Пустите, вы... троглодит! — пыхтел Джон, пытаясь дотянуться до Мариуса. — Я убью этого педика!

— Пустите его, сержант! — взвизгнул Мариус, молотя руками, как дирижер в кульминационный момент вагнеровского фестиваля. — Посмотрим... кто из нас педик... и кто кого убьет!

— Ни один педик не убьет другого, и я должен напомнить вам о присутствии дам, — сурово сказал сержант. — Будете вести себя хорошо?

Без видимых усилий с его стороны противники плюхнулись в снег, продолжая дрыгать руками и ногами и издавать хлюпающие звуки. Сержант Дивоу опустился на одно колено, чтобы удерживать их в таком положении.

— Как мне унять эту парочку, мисс? — удрученно спросил он у Расти.

— Заставьте их помириться, сержант, — холодно отозвалась девушка. — Все это не стоит выеденного яйца. Пусть пожмут друг другу руки.

Сержант выглядел удивленным. В этот момент из снега, словно кит из глубины морской, появилось лицо Мариуса. Молодой человек открыл рот, и из него полился поток слов, заставивший присевшую за летним домиком Эллен заткнуть уши. Поэтому она пропустила развязку, увидев только, как сержант Дивоу тащит соперников к дому, что-то им внушая, а Расти идет следом, также давая советы.

Эллен со вздохом выпрямилась. И тут ее лодыжка подвернулась, и она снова упала в снег.

— О боже! — заплакала Эллен.

— Боль эмоциональная или физическая? — осведомился мужской голос.

Эллен в вопле повернулась в снегу. Эллери приближался к ней из-за кустов.

— Вы! — Эллен вскочила, опять свалилась в снег и начала плакать.

— Насколько я понимаю, и та и другая. — Эллери подбежал к ней и осторожно ее поднял. — Поплачьте на груди кузена Эллери. Жуткая была сцена, верно?

— Вы были там все время?

— От начала до конца, — весело подтвердил Эллери. — Я следовал за вами и сержантом, интересуясь, что происходит, и, в конце концов, выяснил это.

— Вы и сержант Дивоу просто ищейки! Никогда больше не стану представлять себе полицейских и детективов в романтическом свете! Что же нам делать, Эллери? — Она заплакала у него на плече. — Все становится хуже и хуже. Бедный дядя Артур...

— Вскрытие произведем позже. А сейчас нужно доставить вас в дом и осмотреть вашу лодыжку. Держитесь за мое плечо... вот так.

Когда они приближались к дому, Эллен внезапно вскрикнула и остановилась.

— В чем дело? — с беспокойством спросил Эллери. — Опять подвернули ногу?

— Нет. — Глаза Эллен сияли. — Что вам вообще там понадобилось?

— О чем вы?

— Я думала, вас увлекла книга.

— Она действительно интересная.

— Но вы все-таки решили пойти за мной.

— Ну...

— Вы восхитительны! — Эллен стиснула его руку. — Я вас прощаю.

Эллери что-то пробормотал, и они заковыляли дальше. Ему хватило чуткости не говорить бедной девушке, что он бросил «Дело об отравленных шоколадных конфетах» и искусные сюжетные интриги мистера Беркли, чтобы следовать по заснеженному ландшафту за Джоном Себастьяном.

* * *

Обед прошел с вниманием к правилам пользования ножом, вилок и салфеткой, сделавшим бы честь делегации школьных учителей Айовы, приглашенных в Белый дом.

Помимо просьб передать йоркширский пудинг или соус, за столом почти не было разговоров.

Сержант Дивоу, очевидно, преуспел в прекращении боевых действий, ибо бывшие приятели обращались друг к другу, когда требовала необходимость, хотя и без особой теплоты. Расти держалась с высокомерием женщины, знающей, что из-за нее произошло сражение и что все присутствующие осведомлены об этом факте. О том, что Валентина слышала кошмарные подробности, свидетельствовали ее подрагивающие ноздри.

Исход в гостиную походил на беспорядочное отступление. Как и все пострадавшие в битве, Эллен замыкала шествие. Доктор Дарк заявил, что лодыжка лишь слегка растянута, и перевязал ее под обеспокоенным взглядом дяди, но она все еще хромала.

Войдя в гостиную, Эллен услышала слова стоящего у камина сержанта Дивоу:

— Ничего не произошло, мистер Квин. Либо он слишком осторожен, чтобы вылезать из укрытия, либо я что-то упустил.

— О чем вы?— спросила Эллен.

— Сегодня «третий вечер Святок», — мрачно отозвался Эллери.

Глаза всех тотчас же устремились на елку. Под ней ничего не было.

— Совсем забыл об этой истории! — воскликнул Артур Крейг. — Вы что, расставили ловушку?

— В каком-то смысле. Сержант, пожертвовав обедом, притаился там, откуда мог видеть все происходящее в холле и гостиной. И вы никого не увидели, сержант?

— Никого и ничего.

— Не понимаю, — пробормотал Эллери. — Должен быть третий подарок. Он не намерен останавливаться на двух... Спасибо, сержант, идите обедать.

Дивоу удалился быстрым шагом.

— Он никогда не спит и не переодевается? — раздраженно осведомился доктор Дарк.

— В полночь приходит сменщик и уходит, пока еще никто не проснулся, — сказал Эллери. — Это дает сержанту возможность сбегать в казарму и поспать несколько часов.

— Сменщик? — насторожился Роланд Пейн. — Кто-нибудь его видел?

Никто не ответил. К счастью, в этот момент Фелтон принес бренди мужчинам и ликеры дамам, после чего беседа стала общей.

Как и следовало ожидать, это произошло внезапно. Во время одного из туров по комнате с напитками Фелтон проходил мимо елки. Украшение на кончике одной из веток задело стакан на подносе, и, пытаясь не дать ему упасть, Фелтон потерял равновесие и налетел на елку, с которой посыпались шары.

— Дивоу! — рявкнул Эллери.

Сержант примчался с салфеткой за воротником, все еще пережевывая кусок ростбифа.

— Что случилось? — спросил он, озираясь.

— Смотрите.

Взгляд сержанта последовал за указующим перстом Эллери. Под елкой, среди упавших украшений, лежал маленький пакет в красно-зеленой фольге, перевязанный позолоченной лентой.

— Но ведь никто... — начал сержант Дивоу.

— Разумеется, — отозвался Эллери. — Потому что это проделали днем, когда вы и я выходили из дома, или в начале вечера, прежде чем вы заняли наблюдательный пост. Он просто засунул пакет среди веток. Кто-то из нас рано или поздно нашел бы его. Этот тип играет с нами, черт бы побрал его игривую душонку!

Эллери поднял пакет. Отшвырнув в сторону знакомую открытку с Санта-Клаусом и словами «Джону Себастьяну», он сорвал обертку с белой коробки. Внутри лежал предмет, завернутый в красную папиросную бумагу, а на нем маленькая белая карточка с очередным отпечатанным на машинке стишком:

Ну а в третий вечер Святок
Шлет любовь твоя в подарок
Гвоздь железный и погнутый —
Крышу прикрепит в минуту.

В папиросной бумаге действительно оказался обычный железный гвоздь, согнутый в форме крюка.

Эллери подошел к дубовому шкафчику, который приспособил вчера вечером в качестве кладовой для подарков, отпер его ключом, выданным хозяином дома, достал игрушечный домик, поставил его на стол и поднял крышу.

— Вот, — процедил он сквозь зубы. — Два маленьких металлических глазка для гвоздя, который надежно прикрепляет крышу к верхнему этажу. Помню, меня заинтересовало их предназначение. Теперь мы это знаем.

— Знаем что, мистер Квин? — простодушно осведомился мистер Гардинер. — Мне это не говорит ровным счетом ничего.

Фанатичные зеленые глаза Оливетт Браун торжествующе сверкнули.

— Железо! — воскликнула она. — Никто из вас не мог этого знать, в том числе вы, мистер Гардинер...

— Оливетт... — начал старый джентльмен.

— Особенно вы. Но я изучала эти вещи. О, я понимаю, что это делает меня плохой христианкой, мистер Гардинер, но некоторые из этих знаний были уже древними, когда наш Господь ходил по земле. Вам известно, что железо способно отгонять злых духов?

— Тогда почему, Оливетт, — мягко спросил мистер Гардинер, — во всей литературе о ведьмах и колдунах, которая попадалась мне на глаза, злые духи постоянно используют сосуды из железа для приготовления своего зелья?

— Слушайте, слушайте! — произнес Дэн З. Фримен.

— Пожалуйста, мама! — взмолилась Расти.

Миссис Браун, удерживаемая внутренней дисциплиной от атаки на своего бывшего пастыря, повернулась к злополучному издателю.

— Я знаю вашу породу, мистер Фримен! Все опровергаете пункт за пунктом!

— Но, дорогая миссис Браун, — запротестовал Фримен, — я не...

— Тогда почему железо защищает от привидений? Или вы этого не знаете?

— Откровенно говоря, нет. — Фримен был явно расстроен тем, что оказался в самом фокусе конфликта. — Но в таком случае мне непонятно, почему все привидения в европейских замках, о которых я слышал, проводят ночи, волоча за собой тяжелые цепи.

— Можете смеяться сколько душе угодно, мистер Фримен! — Шея Оливетт напряглась от гнева. — Но уверяю вас, что с давних времен, когда у эпилептиков бывали припадки, люди втыкали в землю железный гвоздь, чтобы пригвоздить демона! Что вы об этом думаете?

— К этому следует привлечь внимание Американской медицинской ассоциации, — серьезно произнес доктор Сэм Дарк.

— О! — Оливетт Браун выбежала из комнаты.

Расти помчалась за ней.

— Прошу прощения, — сказал толстый врач, — но я не могу поверить, что она воспринимает всерьез хотя бы половину того вздора, который слетает у нее с языка.

Поднявшись и покачав головой, мистер Гардинер поспешил за матерью и дочерью.

— Обратная сторона карточки снова пуста, — сообщил Эллери, как будто его не прерывали.

Ночью Эллери добавил в своем дневнике к отчету о происходящих событиях краткий абзац о минувшем дне:

«Шесть подарков из двенадцати представляют собой шесть абсолютно разных предметов: вол, домик, верблюд, дверь, окно, гвоздь. Внешне это кажется идиотизмом или какой-то злобной шуткой. Но я не могу избавиться от чувства, что между этими предметами существует смысловая связь. Вопрос в том, какая?»

Глава 6

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕЧЕР: СУББОТА, 28 ДЕКАБРЯ 1929 ГОДА

В которой у мистера Себастьяна развивается загадочная потеря памяти, лейтенант Лурия пытается хитрить, а мистер Квин вновь оказывается одураченным

За завтраком Мариус выглядел мрачным. Он ел молча и не принимал участия в происходящих за столом дебатах.

Тему затронул доктор Сэм Дарк, объявив, что во второй половине дня хочет воспользоваться радио — армейцы играют против

Стэнфорда в Пало-Альто и матч транслируют Си-би-эс и Эн-би-си начиная с без четверти пять по восточному времени. Естественно, это привело к дискуссии о Рыжем Крисе Кэгле, великом американском полузащитнике из команды «Кадетов», для которого матч с «Кардиналами» станет последней колледжской игрой. Приведет ли сей факт к подвигам на футбольном поле, необычным даже для него? Это стало предметом спора, в котором доктор Дарк занял антикэгловскую позицию, а мистер Гардинер, Роланд Пейн, Артур Крейг и, против своего желания, Эллери придерживались романтической точки зрения.

Приводились ссылки на различные источники, включая сокрушительную статистику поражений армейцев непобедимой командой «Нотр-Дам» во главе с Кнутом Рокне. На этот удар, нанесенный добрым доктором, мистер Гардинер ответил, что счет семь-ноль еще не конец света.

— Да, но что делал Кэгл? — возразил доктор. — Ничего, кроме паса, который перехватил Джек Элдер, пробежав девяносто восемь ярдов ради единственного тачдауна за всю игру!

Этот выпад мистер Пейн заклеил как *argumentum ad hominem*^[42], признав, однако, что мистер Кэгл не так хорош, как был в 1928 году...

Во время спора Мариус работал челюстями, не отрывая взгляда от тарелки.

Напротив, Джон Себастьян казался полностью оправившимся — он был весел, хотя и немного рассеян, игнорируя отдельные намеки на вчерашние события. Он подстрекал спорщиков, принимая то одну, то другую сторону в зависимости от того, где его участие придавало больше остроты. Расти смотрела на него странным взглядом, похожим на тот, который Валентина вскоре устремила на Мариуса.

Отказавшись от второй чашки кофе, молодой музыкант встал, извинился и вышел из столовой. Вэл Уоррен сразу же последовала за ним, но через минуту вернулась, села на свой стул и продолжила завтрак. Вскоре появился и Мариус.

— Джон... — Казалось, слова даются ему с трудом. — Могу я поговорить с тобой и Расти?

Джон выглядел удивленным.

— Конечно. Надеюсь, вы нас извините?

Они последовали за Мариусом в гостиную.

— Давно пора, — фыркнула Оливетт Браун. — Хотя ему понадобился кое-кто, чтобы убедить извиниться за вчерашнее отвратительное поведение.

— Еще кофе, миссис Браун? — предложил Крейг.

Валентина сидела молча.

Через пять минут Мариус вернулся один. Его смуглое лицо выражало крайнее изумление.

— Не хочу беспокоить вас, мистер Крейг, но с Джоном что-то не так. В последнее время вы не обращали внимания на его... ну... рассеянность?

Бородач выглядел озадаченным.

— Не знаю, о чем ты, Мариус.

— Вчера я слишком возбудился. — Музыкант покраснел. — Я имею в виду эту историю с Расти...

— Да, но я не понимаю...

— Извинения — мое слабое место, но... Как бы то ни было, я только что извинился перед Расти и Джоном. Расти все поняла...

— А Джон нет? — Крейг с облегчением улыбнулся. — Когда молодой человек влюблен... Знаешь, мой мальчик, как Драйден^[43] именуется ревность? Тираном души.

— Я не о том, мистер Крейг... По-моему, Джон вообще не помнит, что случилось вчера. Сначала я думал, что он меня дурачит. Но он действительно не помнит ни нашу драку, ни вмешательства сержанта Дивоу — ничего.

— Но как Джон мог об этом забыть меньше чем за сутки? — воскликнула Валентина.

Бородач ошеломленно посмотрел на доктора Дарка. Толстый врач казался задумчивым.

— Мне это кажется проявлением амнезии, Артур. Возможно, в результате удара по голове во время драки. Мне лучше взглянуть на мальчика.

— Можно я взгляну первым? — быстро возразил Эллери. — Если не возражаете?

Прежде чем кто-либо успел ответить, он вскочил и направился в гостиную.

Джон неподвижно сидел в кресле. Расти устроилась у его ног и тихо с ним разговаривала. Когда вошел Эллери, она с благодарностью

посмотрела на него.

— Только представьте себе, Эллери, — заговорила она нарочито весело. — Джон ничего не помнит о вчерашнем происшествии в летнем домике. Он даже не помнит, что был там. Разве это не забавно?

— Не знаю, почему все из-за этого так суетятся, — с раздражением сказал Джон. — Допустим, я забыл. Разве это преступление?

— Последние дни мы все пребывали в напряжении, — отозвался Эллери, — а голова иногда проделывает странные трюки, Джон. Например, этот эпизод с черной лестницей вечером в четверг.

— С черной лестницей? — с тревогой переспросила Расти.

— Я не желаю это обсуждать! — Джон вскочил с кресла, едва не опрокинув его.

— Но, дорогой, ты ведь сам жаловался на головную боль...

— С похмелья!

— Послушай, Джон, — сказал Эллери. — Пока доктор Дарк гостит в доме...

— Говорю вам, со мной все в порядке! — Джон выбежал из гостиной и начал подниматься по лестнице.

Остальные тут же вышли из столовой. Казалось, Расти вот-вот заплачет. Крейг беспомощно похлопал ее по плечу.

— Не понимаю, — вздохнул он. — Сэм, я лучше поднимусь к нему один...

— Чепуха, Артур, — заявил доктор Дарк. — Я обследовал его снаружи и внутри, когда он еще был озорником в коротких штанишках. Мы поднимемся вместе.

— Не думаю, что в этом есть надобность, — тихо произнес Эллери.

Джон уже спускался по ступенькам. На его лице исчезли все следы беспокойства и раздражения. Он, улыбаясь, вошел в комнату.

— Должно быть, я здорово напугал вас всех. Расти, малышка, мне очень жаль. Конечно, теперь я все вспомнил. Вероятно, я выгляжу круглым дураком. Мариус, тебе незачем извиняться. В любви к Расти нет ничего позорного — я сам в нее влюблен! Так что забудь об этом.

Мариус не мог найти слов.

— Сейчас ты кое-что расскажешь мне, Джон Себастьян, — твердо заявила Расти. — Когда сержант Дивоу вошел в летний домик, каким

образом он прекратил вашу драку?

Джон усмехнулся.

— Схватил нас обоих за шиворот и выволок в снег, как пару дерущихся котят. — Он потерял затылок. — Все еще болит.

— Значит, ты помнишь! — Расти подбежала к нему. — О, дорогой, ты так меня напугал!..

Все одновременно заговорили.

Эллери выскользнул из комнаты, вошел в библиотеку, закрыл за собой дверь, сел к телефону и позвонил инспектору Ричарду Квину в Главное полицейское управление Нью-Йорка.

— Папа, это Эл. Окажи мне услугу.

— погоди, — сказал инспектор. — Что у вас происходит?

Эллери рассказал ему, сдерживая нетерпение.

— Какое-то безумие, — промолвил его отец. — Я рад, что не участвую в этом. Или все-таки участвую?

— Я только хочу, чтобы ты раздобыл для меня кое-какую информацию. Расти Браун, невеста Джона Себастьяна, сделала эскизы рождественских подарков для всех присутствующих, и Джон раздал их утром в день Рождества. Каждый эскиз включал определенный знак зодиака...

— Знак чего?

— Зодиака.

— О!

— ...и все подарки были изготовлены в ювелирной мастерской Мойлана на Пятой авеню. Восемь зажимов для денег и четыре броши. Не мог бы ты расспросить о них у Мойлана?

— Полагаю, лично?

— Не обязательно. Пошли Вели, Хессе, Пигготта или еще кого-нибудь.

— Ты знаешь, сынок, что у тебя нет чувства юмора?

— Что-что?

— Не важно. Какие вопросы нужно задать? Или придумать их по ходу дела?

— Не знаю. Я играю вслепую, папа. Просто попроси Мойлана рассказать все об этой сделке. Особенно если в ней было что-то необычное. Понятно?

— Нет, — ответил инспектор, — но кто я такой, чтобы понимать причуды гения? Полагаю, расследование должно быть конфиденциальным? Без всяких утечек?

— Ты прав.

Инспектор вздохнул и положил трубку.

* * *

Лейтенант Лурия появился вскоре после полудня.

— Нет, — ответил он на их вопросы, — опознать убитого пока не удалось. Мы начинаем рассылать его фотографии за пределы штата. А что творится у вас? Я слышал, мистер Себастьян, что вы продолжаете получать вечерние подарки.

— Вы понимаете по-гречески, лейтенант? — спросил Джон.

— Вы имеете в виду «Timeo Danaos et dona ferentes»^[44]? — усмехнулся Лурия.

— Это латынь, но думаю, вы поняли суть.

— Не могу вас порицать. Вот что, ребята. — Лейтенант повысил голос. — С вашей стороны было очень любезно согласиться не разъезжаться, но сейчас приятный день — как насчет того, чтобы пару часиков покататься на коньках? Едва ли кто-нибудь из вас собирается дезертировать. — Он засмеялся. — По дороге сюда я заметил нескольких человек на льду Олдервудского пруда, и они сказали мне, что сегодня отличное катание.

Девушки были в восторге. Даже доктор Дарк позволил себя уговорить при условии, что его доставят домой к началу матча армейцев и Стэнфорда. Молодежь захватила с собой коньки, а Артур Крейг сказал, что для тех, кто этого не сделал, он сможет их найти в старой кладовой Джона с заброшенным спортивным инвентарем или у соседа, обладающего большим семейством. Все поспешили наверх переодеваться.

— Вы пойдете, Квин? — спросил лейтенант Лурия.

— Я сыт по горло коньками с тех пор, как читал «Ханса Бринкера»^[45]. — Эллери зажег трубку и откинулся на спинку кресла. — Из лаборатории никаких новостей, лейтенант?

— Никаких. — Они посмотрели друг на друга. — Полагаю, я не могу вас принудить. Но не мешайте мне, ладно?

— Вы видите перед собой то, что Шекспир именовал «голубиным яичком рассудительности»^[46]. Как насчет отпечатков пальцев?

— В библиотеке нет отпечатков посторонних, если не считать мертвеца.

— А на кинжале?

— Несколько отпечатков мистера Крейга, но они старые и смазанные. Убийца был в перчатках.

— Как всегда, *nicht wahr*^[47]?

Прежде чем группа удалилась, Эллен сказала Эллери:

— Мне следовало догадаться, что вы поступите не так, как все. Вы остаетесь проследить, чтобы полиция ничего не стащила?

— Что-то вроде этого, — улыбнулся Эллери. — Ну, пока. Надеюсь, все будут держаться подальше от тонкого льда.

Эллен фыркнула.

— Право, мистер К., вы и вполтину не так умны, как считаете. — Она вышла под руку с Мариусом Карло и доктором Сэмом Дарком, словно это были двое самых желанных мужчин во вселенной.

Как только группа уехала в автомобилях Крейга и Фримена, лейтенант Лурия направился в кухню.

— Оденьтесь потеплее, леди. Вы отправляетесь на автомобильную прогулку.

— Неужели? — На щеках у Мейбл появились ямочки.

— Вам тоже нужен свежий воздух. Это относится и к вам, Фелтон. Сержант Дивоу вас прокатит.

— Очень любезно со стороны вас и сержанта, — просияла миссис Дженсен. — Но как будет с обедом?

— Времени хватит. Футбол начнут передавать без четверти пять.

Подождав, пока полицейская машина покинет территорию, Лурия прошел в гостиную.

— Санта? — осведомился Эллери, вынув трубку изо рта.

— К дьяволу Санту, — сказал Лурия. — А теперь заткнитесь и не мешайте мне отрабатывать мое жалованье.

Лейтенант снял подушки с кресел, прощупал мебель, открыл ящики столов, осмотрел шкафы, пошарил в дымоходе, снял заднюю стенку радиоприемника, обследовал елку, не забыв заглянуть под

красную гофрированную бумагу вокруг подставки, простучал все стены, заглядывая под картины, — короче говоря, разобрал гостиную на составные части и собрал снова.

Потом Лурия повторил ту же процедуру в библиотеке, музыкальной комнате, столовой, буфетной, кухне и холле.

Эллери таскался за ним следом, мирно покуривая.

— Могу я узнать, что вы ищете? — спросил он, когда Лурия завершил осмотр.

— Ничего, по крайней мере, надеюсь, — загадочно ответил лейтенант. — Ничего личного, Квин, но я хотел бы обыскать вас.

— Меня? — Эллери усмехнулся. — Сколько угодно.

Он поднял руки, и лейтенант быстро ощупал его тело.

— А теперь, пожалуйста, не отходите от меня ни на шаг, как сиамский близнец.

Было почти половина пятого. Лурия вернулся в гостиную вместе с Эллери и занял удобное кресло.

— Теперь пусть возвращаются, — сказал он и закурил сигарету.

Первой вернулась группа конькобежцев, весело болтая. Лурия встретил их у парадной двери, блокировав ее. Крейг был удивлен.

— Вы все еще здесь, лейтенант?

— Боюсь, сэр, вам придется потерпеть меня еще немного.

— Что на сей раз? — раздраженно осведомился бородач.

— Объясню позже. А теперь не будете ли вы любезны сделать то, что я попрошу? Насколько я понимаю, вы хотите переодеться, освежиться и так далее? Пожалуйста, идите в свои комнаты, а когда будете готовы, спускайтесь. Только пользуйтесь парадной лестницей. — Он шагнул назад.

Ошеломленная группа вошла в дом. Лурия стоял у стены холла, покуда Артур Крейг, Джон Себастьян и их гости гуськом поднимались вверх. Сам он остался в холле.

Через несколько минут сержант Дивоу вернулся с троими слугами. Лейтенант повторил указания, добавив:

— Вы подниметесь с ними, сержант, и приведете их назад.

Даже невозмутимость Фелтона поколебалась. Все трое нервным шагом поднялись впереди сержанта. Глаза Эллери блеснули.

— Теперь я понимаю.

— Что бы вы ни понимали, держите это при себе. Доктор Дарк спустился первым.

— Не знаю, что здесь происходит, — пропыхтел он, — но я иду слушать футбол. В сторону, джентльмены!

— Одну минуту, — сказал лейтенант. Массивная фигура доктора остановилась у подножия лестницы. — Не возражаете, если я вас ощупаю? — Лурия улыбнулся.

— Личный обыск? С какой целью?

— Вы ведь не против, сэр? — Лейтенант продолжал улыбаться.

Рыжеватая грива врача оцетинилась, но потом его маленькие глазки весело блеснули.

— Почему я должен возражать? Валяйте, сынок.

— Благодарю вас, доктор, — вежливо сказал Лурия, закончив обыск. — А теперь, пожалуйста, пройдите в гостиную и оставайтесь там. Включите радио, делайте что хотите, только не выходите из комнаты.

Доктор Дарк направился прямо к приемнику, настроился на волну Си-би-эс, отрегулировал звук, зажег длинную сигару и откинулся в кресле, наслаждаясь голосом Теда Хьюзинга^[48].

Следующим появился Джон, а после него начали один за другим спускаться остальные. Лурия останавливал каждого. Мужчины подверглись обыску, а дам Лурия просто внимательно осмотрел, попросив открыть сумочки. После этого он препровождал каждого в гостиную с просьбой не покидать ее.

Когда сержант Дивоу вновь появился с миссис Дженсен, Мейбл и Фелтоном, лейтенант ободряюще произнес:

— Не дрожите, девочки, никто не собирается вас похищать. Идите в кухню, миссис Дженсен, и займитесь обедом. А вы, Мейбл, помогаете ей, верно?

— Еще как, — ответила ирландка. — Мне приходится чистить картошку, накрывать на стол...

— В столовой? Только не сегодня, Мейбл. — Лурия поджал губы. — Миссис Дженсен, какое у вас меню на этот вечер?

— Окорок и холодная вырезка, салат из помидоров...

— Превосходно. Подайте все в гостиную «а-ля фуршет».

— Мистер Крейг захочет, чтобы я подал коктейли и канапе перед обедом, — сказал Фелтон.

— О'кей. Вы трое можете пользоваться кухней, буфетной и столовой. А вы, Фелтон, также прислуживайте в гостиной, но входите и выходите только через столовую. Сержант, вы отвечаете за каждый шаг этих троих.

— Есть, сэр, — весело отозвался сержант Дивоу. Он препроводил трио в холл, придержал для них дверь буфетной и последовал за ними.

Поколебавшись, Луриа закрыл на крючок дверь из холла и быстро направился в гостиную.

Все стояли, перешептываясь, кроме доктора Дарка, поглощенного Тедом Хьюзингом.

— Лейтенант, я хотел бы получить объяснения, — чопорно заговорил Артур Крейг.

— Да, сэр, если доктор выключит радио. Игра не начнется еще несколько минут, док.

Толстяк сердито посмотрел на него, но выключил приемник.

Лейтенант Луриа задернул коричневые бархатные занавеси, прикрыв арочный проход. Потом он повернулся — его крепкая фигура четко выделялась на коричневом фоне.

— Все очень просто, — начал Луриа. — Я должен расследовать убийство, но, пока жертву не опознают, мне не добраться и до первой базы^[49]. А тут еще замысловатая история с анонимными ежевечерними рождественскими подарками мистеру Себастьяну. Не знаю, что за ней кроется, как она связана с убийством и связана ли с ним вообще. Поэтому сегодня я выставил из дома всех вас, включая слуг. Всех, кроме мистера Квина, но он не получил никаких преимуществ. Я не освобождаю его от подозрений только потому, что его отец старший офицер полиции.

Еще бы, с усмешкой подумал Эллери.

— Пока вы все отсутствовали, мистер Крейг, — продолжал лейтенант Луриа, — я взял на себя смелость обыскать жилые помещения первого этажа. Кстати, я явился с ордером на обыск, в случае если для вас необходимо соблюдение формальностей. Если хотите на него взглянуть, сэр...

Крейг сердито отмахнулся.

— Каждый из подарков, присланных мистеру Себастьяну в предыдущие три вечера, был оставлен на первом этаже, — с улыбкой

сказал Луриа. — Моей сегодняшней целью было убедиться, что четвертую коробку еще не подкинули.

— Чертовски умно с вашей стороны, лейтенант, — холодно произнес Джон.

— Всего лишь здравый смысл. Когда вы вернулись, я отправил вас прямо наверх и присматривал за вами, пока вы поднимались. Таким образом, я удостоверился, что никто не подбросил коробку по пути наверх. А когда вы спустились, я обыскал мужчин и осмотрел дам, прежде чем послать вас в эту комнату, убедившись, что никто не принес коробку с собой вниз. Иными словами, в данный момент я готов заявить под присягой, что на этом этаже нет коробки. А так как мы все будем оставаться в гостиной до полуночи... — послышался всеобщий стон, — невидимый Санта-Клаус, о котором вы мне говорили, получит в распоряжение весь дом. И мы должны выяснить немало интересных вещей из того, что произойдет или не произойдет. Не так ли, Квин?

* * *

Семь часов оказались долгим сроком для двенадцати человек в закрытой комнате без всякой надежды покинуть ее, даже в такой просторной, как гостиная Артура Крейга. Осада началась в атмосфере напряжения, которая сгущалась с приближением вечера. Это испортило доктору Дарку впечатление от футбольного матча. Он разрывался между просьбами к дамам говорить тише и усилиями сосредоточиться на звуках из приемника. Когда Стэнфорд повторил прошлогодний триумф над армейцами, разгромив «Кадетов» со счетом 34:13, добрый доктор едва ли мог насладиться ожидаемой победой — ему слишком досаждали разговоры. Он даже не сумел найти достойный ответ, когда Роланд Пейн указал, что независимо от того, проиграли армейцы или нет, легендарный мистер Рыжий Кэгл на прощание вновь покрыл себя славой, сделав оба тачдауна и, таким образом, приобретя все очки для своей команды.

Напряжение не разрядилось, когда сержант Дивоу пропустил через дверь столовой бледного Фелтона, несущего безошибочные атрибуты обеда «а-ля фуршет». Крейг приподнялся, затем молча сел.

Оливетт Браун заявила пронзительным голосом, что это зашло слишком далеко, на что доктор Дарк проворчал, что никогда не умел удерживать тарелку с едой на колене и не намерен в его возрасте учиться этому водевильному трюку. Но большинство не протестовали. Обед проходил в молчании. Лурия был вежлив, но не ослаблял наблюдение. Его стул находился у бархатных портьер, прикрывающих арку, и он не покидал его ни на минуту.

После обеда Мариус Карло продолжал пить и вскоре заснул — его храп не улучшал ситуацию. Некоторые начали играть в бридж. Расти нашла по радио джаз-банд и убедила Джона потанцевать с ней, а затем с Валентиной и Эллен (Эллери оставался в углу, не реагируя на призывы Эллен). Поздно вечером компания, от нечего делать, согласилась с предложением Валентины поиграть в шарады. Это дало блондинке возможность продемонстрировать длинные ноги и актерский дар. Но ни то ни другое не произвело впечатления ни на кого, кроме Роланда Пейна, чей взгляд не отрывался от по-модному короткой юбки Валентины. Наконец в одиннадцать часов они прекратили игру, чтобы послушать новости, вызвавшие тихие усмешки. Комиссия президента Гувера по контролю за осуществлением законов была готова доложить конгрессу о более адекватном проведении в жизнь «сухого закона»; один из грузовиков Голландца Шульца с контрабандным товаром был похищен в нью-йоркском Ист-Сайде; пара трупов, нашпигованных пулями из «пишущей машинки», по образцу бойни в День святого Валентина^[50], была извлечена по частям из переулка и занесена в протокол, как свидетельство «алкогольной войны» между Багси Мораном и Меченым Аль Капоне^[51]; комиссар Уэйлен из нью-йоркской полиции предложил решить транспортные проблемы Манхэттена с помощью запрета парковок в деловых районах.

После новостей все молча сидели в ожидании полуночи.

Когда о ее наступлении дал знать приглушенный бой напольных часов на верхней лестничной площадке, головы едва приподнялись.

— Я очень устал, лейтенант, — со вздохом сказал мистер Гардинер. — Могу я, наконец, удалиться?

— Одну минуту, ваше преподобие! — Вскочив, Лурия подошел к двери в столовую. — Дивоу!

Сержант просунул голову в гостиную.

— Приведите сюда этих троих. — Когда миссис Дженсен, Мейбл и Фелтон вошли, еле волоча ноги, Лурия скомандовал: — Оставайтесь здесь, Дивоу! Никого не выпускайте. — После этого он исчез, нырнув за бархатные занавеси.

Наступила тишина.

— Час ведьм, — неожиданно сказал Фримен и засмеялся. Смех почти что отозвался эхом.

Все молча стояли или сидели добрых десять минут. Затем портьеры раздвинулись, пропуская лейтенанта Лурия, который медленно вынул из кармана пачку «Мелакринос», достал одну сигарету и зажег ее.

— Эксперимент закончен, — объявил он.

— Ну и что из этого следует? — проворчал Джон.

— Сегодня вечером рождественская коробка не появилась — ни на первом этаже, ни на крыльце. И знаете почему, леди и джентльмены? Потому что тот, кто подбросил первые три коробки, не мог подбросить четвертую. А кто не мог это сделать? Все находящиеся в этой комнате. Должен признаться, я никогда не верил в вашего Санта-Клауса. А теперь я знаю твердо, что его не существует. А если существует или существовал, то не имел никакого отношения к этим подаркам. Тот, кто их подбрасывал, — один из вас. Как насчет того, чтобы поведать нам об этой шутке? Что скажете?

Но никто ничего не сказал.

Как ни странно, это вывело лейтенанта из себя.

— Ладно, играйте в ваши детские игры! — рявкнул он, взмахнув руками. — С этого момента я сосредотачиваюсь только на убийстве, а всю ерунду оставляю вам, Квин.

— Но, лейтенант... — начал Эллери, думая, как поделикатнее указать на видимые пробелы в эксперименте Лурия.

— Доброй ночи! — прервал его лейтенант и вышел из дома.

— Кажется, пришел мой сменщик. Доброй ночи. — Скромно кашлянув, сержант Дивоу последовал за Лурия.

Никто не шевельнулся, пока звуки полицейских автомобилей не смолкли вдали.

Все устало разбрелись по комнатам, надеясь, что им удастся поспать. Но когда двери открывались и закрывались в коридорах

верхнего этажа, Джон, поднявшийся одним из первых, выбежал из спальни с демоническим хохотом.

— Сегодня вечером коробка не появилась! — повторил он слова лейтенанта. — Как бы не так! Я нашел ее на своей кровати!

Джон поднял вверх рождественский пакет в красно-зеленой фольге, перевязанный позолоченной лентой. На знакомой открытке с Санта-Клаусом виднелись знакомые слова: «Джону Себастьяну».

* * *

Джону пришлось дать успокоительное. Доктор Дарк оставался с ним, пока тот не заснул.

Спустившись, врач застал остальных столпившимися вокруг коробки, которую открыл Эллери.

— Как Джон, доктор? — вполголоса спросила Расти.

— Это всего лишь нервы, моя дорогая. Он всегда был впечатлительным, и эта таинственная история начинает ему досаждать. — Доктор Дарк потянулся к графину с виски. — Ну, Квин, что эльф принес нам этим вечером?

Эллери поднял миниатюрный частокол, выкрашенный в белый цвет.

— Идеально подходит в качестве ограды для домика, доктор.

— А письмо?

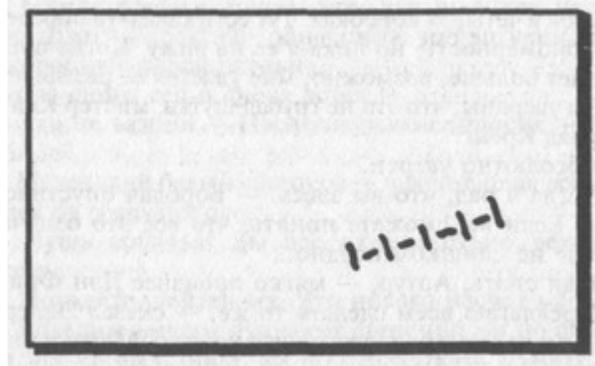
Эллери протянул ему белую карточку. Она содержала четыре аккуратно отпечатанных на машинке строки:

А в четвертый вечер Святки
Шлет любовь твоя в подарок
Этот белый *частокол*,
Как ограду от всех зол.

— И стихи никуда не годные, — проворчал доктор, возвращая карточку.

— На сей раз на противоположной стороне опять появились отметки. Что вы о них скажете, доктор?

Толстяк быстро перевернул карточку и уставился на нее.

— Похоже на детский рисунок забора. Что это означает?

— Хотел бы я знать.

— «Как ограду от всех зол», — процитировал Артур Крейг. — Впервые появляется намек на... на нечто подобное.

— Если не считать трупа в вашей библиотеке, мистер Крейг, — не без иронии указал Эллери.

— Да, но это направлено против Джона.

— По-моему, меня сейчас вырвет, — простионала Расти, выбежала из комнаты и помчалась вверх по лестнице.

Доктор Дарк поспешил за ней со стаканом в руке. За ним последовала Оливетт Браун. Вэл Уоррен тоже поднялась, но, повинувшись взгляду Эллери, села снова.

Эллери уставился на игрушечный домик с последним добавлением.

— Эксперимент Луриа ничего не доказал, а это событие только подчеркивает его тщетность. Если кто-то посторонний прячется в доме, он мог положить четвертую коробку на кровать Джона после того, как лейтенант подверг нас заключению в гостиной. А если даритель — один из нас, как, кажется, думает Луриа, он мог заподозрить о намерениях лейтенанта после возвращения с Олдервудского пруда и подбросить коробку в комнату Джона, прежде чем спуститься вниз. Как вы помните, Джон спустился одним из первых.

Эллери покачал головой.

— Что касается меня, то я отказываюсь от попыток задержать дарителя. На его стороне все шансы незаметно оставить коробочку

где-нибудь в доме. С этого момента меня интересует только содержимое. Пока что мы имеем семь предметов в четырех коробках. Тут есть какая-то определенная закономерность, но пока я ее не вижу. Когда предметов станет больше, возможно, мне удастся ее разглядеть.

— Вы уверены, что это не грубая шутка, мистер Квин? — проворчал Крейг.

— Абсолютно уверен.

— Тогда я рад, что вы здесь. — Бородач опустил на стул. — Если вы сможете понять, что все это означает... пока еще не слишком поздно...

— Иди спать, Артур, — мягко произнес Дэн Фримен.

— Предлагаю всем сделать то же, — сказал Эллери.

Они оставили продолжающего храпеть Мариуса в гостинной.

Глава 7

ПЯТЫЙ ВЕЧЕР: ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29 ДЕКАБРЯ 1929 ГОДА

В которой у Козерога отрастают четыре рога, Икс ставит пятно, а размышления о применении числа «двенадцать» не приводят ни к чему

Луриа вошел, когда они завтракали. Один взгляд на его сдвинутые брови поведал Эллери, что сегодня утром у лейтенанта неподходящее настроение для рассматривания рождественских коробочек.

— Прошу всех собраться в библиотеке, — без предисловий объявил Луриа. — Где Гардинер?

— В городе, в церкви, — ответил Крейг.

— Пусть тоже придет в библиотеку, когда вернется.

Сидя за библиотечным столом, Луриа все утро допрашивал их с пристрастием, делая заметки в толстой записной книжке. Эллери, который отчитывался последним, позднее обнаружил, что туда не было добавлено ничего нового. У Луриа, как и у любого полисмена на его месте, не оставалось иного выбора, как только снова идти по проторенной дороге. «Вы никогда не видели этого человека

раньше?..», «Где и когда вы находились утром прошлого вторника?..». Et cetera ad nauseam^[52].

Когда лейтенант Луриа захлопнул книжку и поднялся, Эллери сообщил:

— Между прочим, после того, как вы ушли прошлой ночью, Джон Себастьян обнаружил четвертую подарочную коробку в своей спальне.

Луриа снова сел и снова встал.

— Это не важно! — После паузы он спросил: — Что в ней было?

— Маленький белый частокол — изящнейшая вещица — и намек на грядущее зло.

— Чушь собачья! Вы все окончательно рехнулись. Я ухожу.

— Погодите, лейтенант. Что нового насчет мертвеца?

— Большое ничего. Никаких сведений ни по фотографиям, ни по описанию, ни по отпечаткам. Думаю, в полиции на него нет досье. Во всяком случае, он не из этих краев, насколько нам удалось выяснить. Ну и как вам все это нравится? У меня голова идет кругом!

Вскоре после ленча Эллери позвонили из Нью-Йорка. Он взял трубку в библиотеке, закрыв дверь.

— Докладывает инспектор Квин, — послышался голос отца. — Как желаете выслушать ваш гороскоп, мистер Квин, — напрямик или обиняком?

— Только напрямик, — мужественно ответил мистер Квин.

— Ты говорил, что Расти Браун сделала эскизы восьми мужских зажимов для денег и четырех дамских брошей — каждый со своим знаком зодиака?

— Совершенно верно.

— Твоя арифметика подкачала. Восемь плюс четыре — двенадцать; по крайней мере, так меня учили в школе. Но в мастерской Мойлана сообщили, что они изготовили тринадцать предметов. — Так как на другом конце провода молчали, инспектор осведомился: — Что с тобой, Эллери? Ты не свалился замертво?

— Прихожу в себя после сердечного приступа, — слабым голосом отозвался Эллери. — Говоришь, тринадцать? Так было заказано? Ошибки быть не может?

— У Мойлана ошибок не допускают.

— Тогда скажи вот что. — Голос Эллери окреп. — Тринадцатый предмет тоже имел знак зодиака — фактически был дубликатом одного

из двенадцати?

— Да. Это был...

— Подождите, почтенный родитель. Позвольте мне угадать самому. Дублированный предмет был в форме козла? Точнее, Козерога? Два зажима для денег со знаком Козерога. Угадал?

— Потрясающе! — Инспектор был искренне удивлен. — Откуда ты знаешь, сынок?

— Тебе известны мои методы, — скромно сказал Эллери. — Ладно, от тебя у меня нет секретов. День рождения Джона Себастьяна 6 января. Это попадает под знак Козерога.

— Но как ты догадался, что дубликатом был зажим для Себастьяна?

— Это длинная история не для телефонного разговора, папа. У меня к тебе еще одно поручение. Ты меня слышишь?

— Слышу, — мрачно отозвался инспектор Квин. — Иногда меня удивляет, почему я не присылаю тебе ежемесячный счет. Что на этот раз?

— У тебя есть подходящий человек для нудной конфиденциальной работенки в течение пары дней? Например, сержант Вели?

— Просишь у меня мою правую руку? Ладно. Что тебе нужно от Вели?

— Я хочу, чтобы он покопался в обстоятельствах рождения Джона Себастьяна.

— Рождения?

— Вот именно. Я знаю следующее. Родителями Джона были мистер и миссис Джон Себастьян из Рая, штат Нью-Йорк. Миссис Себастьян звали Клер. Вечером 5 января 1905 года... ты записываешь?

— Да, сэр, — вздохнул инспектор. — 1905 года...

— Себастьяны возвращались на автомобиле из Нью-Йорка во время снегопада. Возле Маунт-Кидрона они попали в катастрофу, в результате которой у миссис Себастьян произошли преждевременные роды. Она умерла, произведя на свет мальчика. Отец Джона умер примерно через неделю вследствие полученных травм. Это все, что мне известно. Я хочу знать больше о катастрофе, а об *accouchement* ^[53] — гораздо больше.

Эллери нашел Расти позади дома. Джон наблюдал, как Валентина, Мариус и Эллен соревнуются в лепке снеговика. А Расти наблюдала за Джоном, который отнюдь не выглядел довольным.

Эллен окликнула Эллери, но он всего лишь улыбнулся, помахал ей рукой и обратился к Джону:

— Могу я позаимствовать твою невесту на пару минут?

— Если ты не будешь пытаться отговорить ее выходить за меня замуж. Кстати, ты тоже влюблен в нее?

— Безумно, — ответил Эллери и отвел Расти в сторону.

Розовые щеки Эллен стали пурпурными, а когда Мариус сказал ей что-то, она схватила две горсти снега и швырнула в него.

— Не знаю, зачем я вам понадобилась, — заметила Расти. — Ведь я неприступна, в отличие от Эллен.

— Потому что Эллен не может ответить на вопрос, который я хочу задать, — сказал Эллери, — а вы можете.

— Какой вопрос?

— Почему вы не упоминали о тринадцатом подарке со знаком зодиака?

— Разве я о нем не упоминала?

— Нет.

— Ну, я действительно его заказала. Он был дубликатом подарка Джона.

— А почему вы заказали дубликат?

— Потому что меня попросил Джон. Есть еще вопросы, мистер Квин?

— Только один. Зачем понадобились Джону два зажима для денег с Козерогом?

— Возможно, потому, что 6 января он получит слишком много денег, но это всего лишь догадка, — холодно отозвалась Расти. — В действительности, Эллери, я не знаю причины.

— И не спрашивали о ней?

— Конечно, спрашивала.

— Ну и каковы были объяснения Джона?

— Он засмеялся, поцеловал меня и напомнил, что мы еще не женаты. Почему бы вам не спросить его самого?

— Пожалуй, я так и сделаю, несмотря на риск быть поцелованным.

Под шутками Эллери таились мрачные мысли. Но он не выказывал их, когда отвел в сторону Джона.

— Какова была цель дубликата зажима с Козерогом?

— Откуда ты о нем знаешь? — резко осведомился Джон. — Расти проболталась?

— Нет. Она всего лишь подтвердила то, что я уже знал.

— Теперь ты наводишь справки обо мне? — уныло спросил Джон.

— Только с целью проверки праздной мысли. А ты возражаешь против того, чтобы о тебе наводили справки?

— Пожалуй.

— Слушай, приятель, в этом доме произошло убийство...

— Господи! — воскликнул молодой поэт. — Ты предполагаешь, что я имею к этому отношение? Эллери, я знаю о гибели этого старика не больше тебя!

— Тогда почему ты не рассказываешь мне о дубликате зажима?

— Потому что пока предпочитаю этого не делать, — холодно отозвался Джон. — Будут еще вопросы?

— Думаю, нет.

Джон подошел к Расти, сказал ей что-то, получил в ответ поцелуй и с ее помощью начал лепить снеговика.

Эллери побрел назад к дому. Но, оказавшись вне поля зрения остальных, он сразу ускорил шаг. Войдя в дом, Эллери наткнулся на мистера Гардинера и Оливетт Браун, пробормотал, что хочет вздремнуть, поднялся наверх и быстро проскользнул в спальню Джона.

* * *

Это оказалась просторная комната с окнами в эркерах, огромной кроватью и двумя большими стенными шкафами. Стены были увешаны старыми колледжскими флажками и множеством предметов подросткового коллекционирования — знаками «СТОП», «НЕ ПАРКОВАТЬСЯ» и «ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ», скрещенными рапирами, покрытыми ржавчиной, побитым молью хвостом енота,

французскими туристическими плакатами и многими другими реликтами беззаботной юности Джона.

Эллери направился к ближайшему стенному шкафу и открыл дверцу.

Некоторое время он смотрел внутрь, потом открыл другой шкаф.

Эллери все еще стоял перед ним, когда сзади послышался ледяной голос:

— Я всегда уподоблял ищеек тараканам и прочим паразитам. Что ты здесь делаешь?

— Столь же поверхностные замечания делались по адресу Джона С. Самнера, епископа Кэннона и каноника Чейза, — не поворачивая головы, отозвался Эллери. — Для кого ищейка, а для кого борец за справедливость. Я ищу правду, не получая от тебя помощи. — Теперь он повернулся. — Тем не менее, мне следует принести извинения, Джон, что я и делаю. А теперь объясни, почему каждый предмет одежды — пальто, спортивный костюм, шапка, свитер, ботинки и все прочее в этих шкафах — имеет точный дубликат, висящий или стоящий рядом?

Как ни странно, красивый рот Джона изогнулся в усмешке.

— Ты имеешь в виду, что догадался об этом только потому, что я заказал у Мойлана два одинаковых зажима?

Эллери выглядел оскорбленным.

— Догадка — скверное слово в моем лексиконе. Нет, Джон, я основывался не только на этом. Но ты не ответил на мой вопрос.

Усмешка стала шире.

— Вероятно, это покажется тебе бессмыслицей. Я всегда был помешан на одежде, и, так как я быстро ее снашивал, у меня вошло в привычку покупать все en double^[54]. Понимаю, что это дикость. Но что толку быть поэтом, если не можешь потворствовать своим причудам?

— Выходит, все так просто?

— Именно так. Смотри, я покажу тебе. — Джон начал выдвигать ящики комода. — Два экземпляра рубашек, носовых платков, зажимов для галстука, поясов, подтяжек, носков...

— Даже монограмм. — Эллери указал на два одинаковых галстука с монограммой «Дж. С».

— Причуда распространяется на одинаковые бумажники, перстни с печаткой, портсигары... Собираешься вызвать психиатра?

— По поводу столь методичного безумия? — Эллери, улыбаясь, покачал головой.

— Ты мне не веришь.

— Ну, ты ведь помнишь, что говорил Оскар Уайльд: «Человек может верить в невозможное, но не в невероятное».

— Согласен. Например, я ни за что бы не поверил в невероятный факт, что ты способен пробраться тайком ко мне в комнату, как тать в ночи.

— Я лишь процитировал Оскара Уайльда. Лично я не только могу поверить, но часто верю в невероятное. Мне лишь необходимо, чтобы факты не указывали на иные выводы.

— А эти факты на них указывают?

— Те, которыми я располагаю в данный момент, — да. — И Эллери с улыбкой удалился.

* * *

На сей раз вечерний подарок нашел Эллери.

Это произошло, когда после обеда все слушали передачу майора Боуэса «Семья из «Капитолия». Эллери обнаружил, что у него кончился табак для трубки. Он поднялся в свою комнату наполнить кисет и увидел на кровати знакомую рождественскую коробку в красно-зеленой фольге с позолоченной лентой и открыткой с изображением Санта-Клауса.

Коробка была больше двух предыдущих. Эллери осторожно принес ее вниз.

— Номер пять, — сообщил он. Крейг быстро выключил радио.

Эллери поставил коробку на стол, вокруг которого собрались остальные, и снял обертку, под которой оказалась обычная белая коробка. Внутри лежал какой-то предмет, завернутый в красную папиросную бумагу, а на нем — белая карточка с отпечатанным текстом:

Ну а в пятый вечер Святки
Шлет любовь твоя в подарок

Гипсовую *руку*
(Не понял смысл трюка?)
С черной на *ладони* меткой.
(Ты не испугался, детка?)

Сняв папиросную бумагу, Эллери увидел гипсовую кисть руки, выглядевшую костлявой и истощенной, со слегка согнутыми четырьмя пальцами и оттопыренным большим пальцем, словно протянутую в мольбе или подчинении. На белой ладони отправитель нарисовал крестик черным мягким карандашом.

— На сей раз ясно, что он имеет в виду, не так ли? — Усмехнувшись, Джон повернулся к бару.

— По-вашему, это слепок с чьей-то руки, Расти? — спросил Эллери.

— Нет. — Расти с беспокойством смотрела на Джона. — Мне это кажется больше похожим на модель, которую используют в классах изобразительного искусства для изучения анатомии. Такие вещи можно купить в любой лавке художественных товаров.

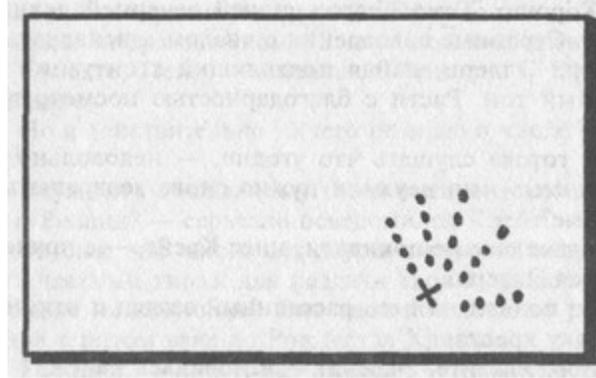
— Крестик означает метку, — пробормотал Артур Крейг. — Но почему рука?

— Хиромантия! — внезапно заявила миссис Браун. — Ладонь... линия жизни... крест, обрывающий ее...

— Может быть, мне перерезать себе горло и тем самым разрядить напряжение? — осведомился Джон с тем же странным смешком.

— Думаю, мы можем обойтись без дурных шуток, Джон, — сердито сказал его бородатый опекун. — Мистер Квин, для вас в этом подарке больше смысла, чем в других?

— Ни капельки. — Эллери перевернул карточку. — Здесь еще один рисунок карандашом.

— Напоминает кисть скелета, — пробормотал Эллери. — И дополненная крестиком — полагаю, на случай, если Джон не умеет читать. Это настолько безумно, что действительно пугает.

Он бросил карточку на стол и отвернулся. Остальные один за другим возвращались на свои места. Никто, даже доктор Дарк, не пытался включить радио.

— Джон... — начала Расти.

— Что?

— Дорогой, ведь ты не принимаешь это всерьез?

— Конечно нет, — ответил Джон. — Я ведь вырос на угрозах смерти. Они не значат для меня ровным счетом ничего, милая Расти Браун. Я ем их на завтрак, давлюсь ими за обедом и перевариваю за ужином. Они отскакивают от меня, девочка, как от стенки горох. Принимать их всерьез? — Внезапно он взорвался. — А что, по-твоему, я должен делать, Расти? Умереть смеясь?

— Джон, Джон... — попытался успокоить его опекун.

— Это по твоей части, Эллери! — крикнул Джон. — Сумасбродство высшей категории. Не будь таким скрытным! Выкладывай!

— Слушайте, слушайте! — Мариус стукнул стаканом по подлокотнику кресла. — Речь!

— Попонятнее, — мрачно произнес Роланд Пейн.

— Пооткровеннее, — сказал доктор Дарк, наблюдая за Джоном.

— Помилосерднее, — тихо промолвил мистер Гардинер.

— Как угодно, черт возьми! — Джон сел и опустошил свой стакан.

— Хорошо. Темой сегодняшней вечерней лекции я сделаю «Странные совпадения с числом «двенадцать», — заговорил Эллери,

найдя подходящий к ситуации дружелюбный тон. Расти с благодарностью посмотрела на него.

— Я готова слушать что угодно, — недовольно сказала Эллиен, — но неужели нужно снова возвращаться к этой теме?

— Мы ее еще не покидали, мисс Крейг, — с поклоном отозвался Эллери.

Джон поднял на него рассеянный взгляд и откинулся на спинку кресла.

— Продолжайте, Эллери! — взмолилась Расти.

— В нашей группе двенадцать человек, — кивнул Эллери. — Каникулы состоят из двенадцати дней — или вечеров — Святок. Двенадцать человек представляют собой двенадцать знаков зодиака. А Джон получает ежевечерние подарки, сопровождаемые пародиями на английскую рождественскую песенку под названием «Двенадцать дней Святок». Повсюду число «двенадцать». Слишком много для совпадения. Поэтому я задаю себе вопрос: может ли быть это число намеренным указателем на что-либо? Например, могу я связать с ним кого-то из присутствующих?

Сержант Дивоу, бесшумно появившийся из холла, слушал с растущим недоверием. Но сейчас он прислонился к стене арочного прохода, разинув рот.

— Давайте посмотрим. — Эллери огляделся вокруг, задержавшись на Роланде Пейне. — Может быть, начнем с вас, мистер Пейн?

— С меня? — Адвокат был застигнут врасплох. — Я надеялся, Квин, что вы оставите меня в стороне от этой чепухи.

— Нет-нет, вас никак нельзя оставить в стороне. В этом вся суть. Подумайте как следует, мистер Пейн. Число «двенадцать» — в любом контексте — никак не связано с вашим личным опытом?

— Разумеется, нет! — сердито ответил Пейн.

— А с вашей профессиональной деятельностью? Вы адвокат. Юрист... Ну конечно! — Эллери просиял. — Что может быть яснее? Адвокат, двенадцать присяжных и истина! Понимаете?

— Едва ли я когда-нибудь выступал в суде, — фыркнул седовласый поверенный по делам об имуществе. — К тому же я юрист по гражданскому, а не уголовному праву.

— Бросьте, Пейн, — вмешался Фримен. — Это было бы забавно.

— Но я действительно ничего не знаю о числе «двенадцать».

— Неужели ты забыл тему твоей аспирантской диссертации, Роланд? — серьезно осведомился Крейг. — Ты ею так гордился, что много лет спустя попросил меня отпечатать частный тираж для раздачи твоим друзьям-юристам. Разве не помнишь? Она касалась кодекса римских законов в пятом веке до Рождества Христова.

— Господи! — простонал адвокат. — При чем тут это, Артур?

— Диссертация называлась «Lex XII. Tabularum». — Крейг усмехнулся, искоса взглянув на Джона. — «Закон двенадцати таблиц». Автор — Роланд Пейн. У меня где-то сохранился экземпляр.

— Да, верно, Артур, — кисло улыбнулся Пейн. — Я забыл. И не благодарю тебя за напоминание.

— Ну вот, — весело сказал Эллери. — По крайней мере, вы, мистер Пейн, связаны с двенадцатью. К тому же вы дузепер.

— Я... что?

— Дузепер, — повторил Эллери. — Дузеперами были двенадцать паладинов Карла Великого^[55]. Конечно, вы не забыли самого знаменитого из них? Неужели «Песнь о Роланде»^[56] ничего вам не говорит? «Роланд за Оливье»^[57]? «Чайлд Роланд»^[58]? Мой дорогой сэр, да вы по уши в двенадцати! Кто следующий? Доктор Дарк?

Джон улыбался. Расти подошла к нему, села ему на колени и сжала его руку. Он поцеловал ее в кончик носа.

— Мы ждем, доктор, — с упреком сказал Эллери. — Что означает для вас число «двенадцать»?

— Час, когда меня обычно будит пациентка, уверенная, что у нее австралийский типун, — ответил врач. — Могу также упомянуть о двенадцати черепно-мозговых нервах, неотъемлемой части анатомии, оканчивающихся двенадцатым или подъязычным нервом...

— Холодно, холодно, — нахмурился Эллери.

— Думай, Сэмсон, — усмехнулся Крейг.

— Сэмсон! Вы сказали Сэмсон, мистер Крейг? — воскликнул Эллери.

— Конечно. Это его имя.

— А я думал, его зовут Сэмюэль. Это все меняет, — с удовлетворением сказал Эллери. — Надеюсь, вы понимаете?

— Откровенно говоря, нет, — отозвалась Эллен.

— Чему вас учат в Уэлсли? Самсон — библейский эквивалент греческого Геракла. А что совершил Геракл?

— Двенадцать подвигов! — улыбнулся Фримен.

— Теперь вы видите преимущества башни из слоновой кости.

— Какая к черту башня из слоновой кости! Это напоминает мне миссис Жаботински, — сказал доктор Дарк. — По крайней мере, мне казалось, что я совершил двенадцать подвигов, прежде чем уложил ее на родильный стол.

— И он еще говорит, что подъязычный нерв — «холодно»! — усмехнулась Эллен.

Джон разразился громким смехом.

Далее все пошло проще. Мариус Карло был музыкальным последователем Шёнберга с его двенадцатитоновой системой; мистер Гардинер был связан с двенадцатью апостолами и носил имя одного из них — Андрея; связь миссис Браун с двенадцатью знаками зодиака запрашивалась сама собой; Артура Крейга приняли в компанию благодаря ежегодно выпускаемому его типографией знаменитому «Календарю Крейга»; Валентина, отрицавшая, что когда-либо играла в «Двенадцатой ночи» Шекспира, настояла на приеме, так как была Стрельцом и родилась 12 декабря — в двенадцатый день двенадцатого месяца! Расти была проблемой, покуда Эллери не выяснил, что ее настоящее имя вовсе не Расти, а Йоланда, семь букв которого, в сочетании с пятью буквами ее фамилии, составляют магическое число «двенадцать». Ну а Дэн З. Фримен, придерживающийся иудейского вероисповедания, был единодушно признан по предложению Джона Великим Двенадцатым, поскольку его еврейское происхождение намекало на двенадцать колен Израиля и их вождей, двенадцать сыновей Иакова^[59]. Его первое имя Дэн (Дан) было именем одного из этих двенадцати, а второе имя, Зебьюлон (Завулон), — «в честь дедушки со стороны матери, олав гашолем»^[60], как серьезно заверил их Фримен, — именем другого из них.

К этому времени нижняя челюсть сержанта Дивоу угрожающе приблизилась к груди.

Эффект был подпорчен, когда выяснилось, что ни Джон, ни Эллен не могут присоединиться к клубу. Несмотря на все усилия, ни Эллен, ни ее дядя не могли вспомнить никаких «двенадцати» в ее жизни. Что

касается Джона, то если кто-то и подумал о двенадцати вечерних подарках, то предпочел о них не упоминать.

— Как насчет вас, мистер Квин? — улыбнулся Крейг. — Вы не должны делать для себя исключение.

— Я в одной лодке с Джоном и Эллен, мистер Крейг. Не помню никаких «двенадцати», применимых к моей персоне.

— Ваше имя, — предположил Фримен. — В нем одиннадцать букв. Если у вас есть средний инициал...

— К сожалению, нет.

— Книги! — Крейг хлопнул себя по бедру. — Вы можете вступить в клуб на основании ваших связей с книгами. Один из технических форматов книги — дуодецимо — в двенадцатую долю листа. Понимаете?

— По-моему, мистер Крейг, вы попали в точку, — почтительно произнес Эллери.

— Это включает и меня, — усмехнулся Джон. — Ведь я написал книгу, верно? Бедная сестренка, ты одна осталась за бортом.

— Проживи еще двенадцать лет, — процедила Эллен сквозь маленькие белые зубы, — и я предъявлю тебе двенадцать детей!

На этой счастливой ноте завершился сеанс импровизированной чепухотерапии. Пациент, казавшийся полностью выздоровевшим, предложил совершить набег на холодильник и убедил смущенного сержанта Дивоу его возглавить. Мариус приковылял к роялю и начал играть «Военный марш». Доктор Дарк взял за руку Оливетт Браун, настояв на том, что будет сопровождать ее. Роланд Пейн отечески обнял за талию Вэл Уоррен, и вся группа бодро зашагала на кухню.

Но позже, корпя над дневником в своей спальне, Эллери размышлял о том, что из всего этого было чепухой, а что нет.

Сегодняшнюю запись он завершил следующим образом:

«Нелепость вечерних событий похожа на смех в темноте. Сквозь абсурдную ткань пробегает невидимая нить, полная угрозы. Но какой? Где смысл в этой ерунде? Что означают подарки? Кем разбрасываются они по всему дому? И кто мертвец?»

Глава 8

ШЕСТОЙ ВЕЧЕР: ПОНЕДЕЛЬНИК, 30 ДЕКАБРЯ 1929 ГОДА

В которой с преподобным мистером Гардинером происходит нецерковное приключение, «Дом Фримена» шатается, а молодой Джон идет спать с кнутом

В понедельник утром мистер Гардинер спускался по лестнице с таким же тяжелым сердцем, как его походка. Начиная с ночи перед Рождеством, старый священник спал плохо, но его усталость в основном была душевной. События в доме Крейга вызывали у него растущие дурные предчувствия, и каждую ночь в постели он горячо молился о том, чтобы каким-то чудом они получили веселое и безобидное объяснение. Мертвеца в библиотеке он решительно изгнал из своих мыслей. Уладить это дело мог только Господь Бог, а мистер Гардинер в глубине души понимал, что ему нечего рассчитывать на Второе пришествие.

Усматривая в своей озадаченности некий грех, по крайней мере нетвердость в вере, мистер Гардинер решил этим утром умерщвлять плоть и отказаться от завтрака. Избегая столовой, откуда доносились голоса, старый джентльмен пересек гостиную и потихоньку вошел в библиотеку. Он решил написать длинное послание епископу. Такие действия епископ самолично рекомендовал отставным священникам в часы испытаний и сомнений, ибо разве не сказано в Евангелии от Иоанна, глава 10, стих 11: «Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец»?

Поэтому мистер Гардинер сел за стол, открыл письменный несесер, который прихватил с собой, отвинтил колпачок авторучки, — сколько проповедей вышло из-под этого затупившегося пера! — помолился об указаниях свыше и начал писать.

Как долго он писал, мистер Гардинер сам не знал. Он смутно ощущал, что люди проходят через гостиную, но потом осознал, что шаги, голоса и смех давно прекратились. Должно быть, все вышли из дома или разошлись по своим комнатам, подумал старый джентльмен и начал читать написанное, беззвучно шевеля губами.

В этот момент из гостиной до него донеслись два голоса. Они не были громкими — мистер Гардинер едва ли бы их услышал, если бы

не мертвая тишина. Один голос принадлежал маленькому человечку с большой, наполовину лысой головой — мистеру Фримену, издателю, а другой — Джону. Разговор казался деловым и, судя по приглушенным голосам, конфиденциальным. Мистер Гардинер хотел подойти к двери и дать знать о своем присутствии, но побоялся смутить беседующих, особенно робкого мистера Фримена. Он решил оставаться на месте, не пытаясь удерживаться от естественных движений, но и не привлекая к себе внимание. Возможно, один из них увидит его через дверной проем.

Но внезапно мистера Гардинера обуяла горячая надежда, что этого не произойдет. Ибо деловой разговор начал приобретать зловещее звучание.

Джон вел себя скверно. Он стал напоминать, что издательская фирма «Дом Фримена» была основана его, Джона Себастьяна, отцом и Артуром Крейгом и что, хотя Артур Крейг по своей воле продал фирму «Себастьян и Крейг» после безвременной кончины Джона Себастьяна-старшего, Джон, его сын, давно считал эту продажу пятном на памяти отца и годами думал о том, как «исправить содеянное». Сейчас он, кажется, понял, как это можно сделать. 6 января 1930 года он, Джон, вступает во владение отцовским капиталом, будет обладать миллионами и сможет выкупить назад издательский дом.

Все это было сказано насмешливым тоном, который очень не понравился мистеру Гардинеру.

Голос мистера Фримена звучал неуверенно, как будто он надеялся, что молодой человек просто шутит. Но его тон издателю тоже явно не нравился.

Последовала пауза, словно мистер Фримен размышлял, а Джон ждал. Затем мистер Гардинер услышал, как старший собеседник промолвил с нервным смешком:

— На какой-то момент, Джон, я подумал, что ты говоришь серьезно.

— И были абсолютно правы.

Во время очередной интерлюдии мистер Гардинер пытался забыть слова и то, как они были произнесены. Но это ему не удалось.

— Я... я не знаю, что сказать, Джон, — послышался голос мистера Фримена. — Если это серьезное предложение «Дому Фримена», я

тронут, тем более что ты руководишься сыновними чувствами. Но «Дом Фримена» не продается.

— Вы в этом абсолютно уверены?

— Конечно, уверен! — ответил уязвленный издатель. — Что за вопрос?

— Мистер Фримен, мне нужно это издательство, и вы продадите мне его или контрольный пакет акций, что практически то же самое. Я не собираюсь вас грабить и заплачу за предприятие столько, сколько оно стоит. Но вы должны понять, что выбора у вас нет. Выбирать буду я.

— Джон, ты либо морочишь мне голову, либо... либо тяжело болен, — беспомощно произнес бедный мистер Фримен. — Но если ты говоришь серьезно, я отвечу так же. К первоначальной продаже издательства я не имел никакого отношения. Она явилась результатом трагической гибели твоего отца и, насколько я понимаю, чувства Крейга, что он не сможет продолжать бизнес в одиночку. С тех пор фирма не раз переходила из рук в руки. Я всего лишь теперешний ее владелец, но вложил в нее много труда, Джон, сделав ее, возможно, лучшим из небольших издательств Нью-Йорка. А теперь ты заявляешь, что хочешь отобрать ее у меня. Я мог бы спросить, по какому праву, но не собираюсь этого делать. Я только задам тебе прямой вопрос и хочу получить на него прямой ответ без всяких детских уверток. Ты сказал, что у меня нет выбора. Каким же образом ты намерен заставить меня продать издательство?

Голос мистера Фримена становился все тверже, и мистер Гардинер ощутил желание крикнуть «Браво!». Но он продолжал сидеть за столом, напрягая слух.

— С помощью вашего отца, — сказал Джон Себастьян.

— Моего отца? — ошеломленно переспросил издатель.

— Я бы хотел, чтобы вы проявили благоразумие, — печально промолвил молодой голос. — Мне это нравится не больше вашего. Не вынуждайте меня прибегать к подобным мерам, мистер Фримен.

Из гостиной донеслось бессвязное бормотание, а затем удар кулаком по подлокотнику кресла.

— Какая... какая наглость! При чем тут мой отец? Зачем тебе втягивать больного старика, которого ты даже не знаешь, в этот кошмар?

— Он стар, не так ли? Уже за семьдесят... Ладно, мистер Фримен, вы сами напросились. Когда я решил выкупить издательство, то знал, что мне придется подыскать аргументы посильнее денег. Говоря откровенно, я начал наводить справки и, так как не смог раскопать ничего о вас лично, занялся вашей семьей. Ваш отец — иммигрант в этой стране, не так ли?

— Ну и что? — отозвался мистер Фримен.

Сердце мистера Гардинера обливалось за него кровью.

— Ортодоксальный еврей из Германии, покинувший страну еще при кайзере под вымышленным именем, так как у него были серьезные неприятности с тогдашним имперским правительством.

— Кто вам это рассказал? — прошипел издатель. — Какой иуда?

— Полагаю, он опасался, что его здесь не примут, и дал ложные показания американским иммиграционным властям, а потом боялся обращаться с просьбой о предоставлении гражданства. Ваш отец все еще германский подданный, и, если привлечь к этому внимание иммиграционных служб, его запросто могут депортировать в Германию, несмотря на возраст.

— Это невозможно! — в ужасе воскликнул мистер Фримен. — Ему семьдесят четыре года! Это было бы равнозначно смертному приговору! Говорю вам, они никогда этого не сделают!

— Предпочитаете рискнуть или продать мне «Дом Фримена»? — вежливо осведомился Джон Себастьян.

Последовала долгая пауза.

Затем мистер Гардинер услышал дрожащий голос издателя:

— Я предоставлю тебе партнерство, и ступай к дьяволу со своими деньгами.

— Но я не хочу партнерства, мистер Фримен. Мне нужно издательство моего отца.

— Это невыносимо! Ты безумец... параноик... Нет, я на это не соглашусь!

— Подумайте как следует, мистер Фримен. Время у вас есть. Вы пробудете здесь минимум еще неделю...

— Еще неделю? — Фримен дико расхохотался. — По-твоему, после этого я смогу остаться здесь даже на час? Я немедленно уезжаю!

— Боюсь, у лейтенанта Лурия свое мнение на этот счет. Вы забыли, что здесь произошло убийство и что вам запрещено покидать

дом, как одному из подозреваемых?

Мистер Гардинер услышал, как Джон вышел из гостиной.

Он представил себе сидящего там издателя, уставившегося вслед питомцу хозяина дома, беспомощно стискивая руки, с гневом и страхом в душе. Мистер Гардинер был готов заплакать.

Вскоре он услышал негромкие шаги бедняги, покидающего комнату.

* * *

Мистер Гардинер нашел Расти в старом каретном сарае. Она прижималась к Джону на пыльном переднем сиденье древних саней, жадно внимая молодому монстру, читающему стихи. Оба сидели спиной к старому джентльмену, который, таким образом, мог какое-то время оставаться незамеченным. Стихи представляли собой весьма изысканную любовную лирику, и по самодовольному тону, которым Джон читал их, мистер Гардинер понял, что они принадлежат его перу. Расти, которую священник видел в профиль, жадно впитывала стихи, приоткрыв рот.

Мистер Гардинер собрался с духом и кашлянул. Ему пришлось повторить кашель, чтобы его услышали.

— О, мистер Гардинер! — воскликнула Расти, тряхнув рыжей шевелюрой. — Послушайте стихи Джона! Они великолепны!

— Привет, ваше преподобие, — кратко поздоровался Джон.

— Значит, я помешал. Прошу прощения. — Тем не менее, мистер Гардинер не двинулся с места.

— Насколько я понимаю, мое присутствие нежелательно, — сказал Джон.

— Я проявил небрежность, — объяснил несколько не смущенный мистер Гардинер. — Учитывая близость свадьбы, мне следовало побеседовать с Расти. Конечно, если ты предпочитаешь, чтобы я это отложил...

— Проклятие! Ладно, только поскорее. — Джон спрыгнул с саней и вышел.

— Не обращайтесь внимания на Джона, — смущенно засмеялась Расти. — Вы ведь знаете, в каком напряжении он пребывает последние

дни. Хотите сесть рядом со мной?

Мистер Гардинер проворно забрался в сани, взял Расти за руку и улыбнулся ей.

— Вот мы наконец наедине, дорогая, как сказал паук мухе. — Это была его стандартная острота в подобных ситуациях. Затем его большой нос напрягся у ноздрей, когда он приготовился сказать то, что собирался.

В этот момент Расти слегка вздрогнула от обуревающей ее радости.

— О, мистер Гардинер, я так полна счастья, что могу лопнуть! Даже то, что здесь произошло, не может этого испортить.

Священник молчал. В Первой книге Царств, глава 2, стих 25, сказано: «Если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу», но в Евангелии от Матфея, глава 7, стих 1, говорится: «Не судите, да не судимы будете».

— Ты очень любишь Джона? — с беспокойством спросил мистер Гардинер.

— О да!

— А Джон любит тебя?

Расти засмеялась:

— Пусть только попробует не любить!

Но мистер Гардинер не улыбнулся.

— Значит, дорогая моя, ты не сомневаешься ни в себе, ни в нем?

Расти заколебалась, и у мистера Гардинера появилась надежда. Но она задумчиво промолвила:

— Пожалуй, нет. Признаюсь, что последние дни я беспокоилась. Джон иногда вел себя... ну... как другой человек. Но во всем виновата эта неразбериха. Его нельзя винить. Он чувствует свою ответственность, пригласив всех сюда... а тут убийство и эти жуткие рождественские послышки.

— Расти. — Старый священник прочистил горло. — Предположим, ты бы открыла, что Джон не таков, каким ты его считаешь. Ты все равно вышла бы за него?

— Вы очень милый. — Расти сжала его руку. — Но я не могу ответить на такой вопрос, мистер Гардинер. Это нереально. Джон не может быть не таким, каким я его знаю. Тогда он не был бы моим Джоном. Не могу себе представить, чтобы я за него не вышла.

Мистер Гардинер поцеловал ее в лоб.

— В таком случае мы больше не будем говорить об этом, — сказал он.

* * *

«Не будем говорить с тобой, бедное дитя, — думал мистер Гардинер, идя назад к дому. — Но я не могу так это оставить».

Старый джентльмен искал Оливетт Браун, не в надежде, а из чувства долга. Он хорошо знал мать Расти — каменистый, почти бесплодный виноградник, в котором безуспешно трудился много лет. Мистер Гардинер давно оставил попытки изгнать из нее одержимость спиритуалистическим вздором, не имеющим ничего общего с подлинной духовностью. Ему часто казалось, что Оливетт Браун не верит и в половину той чепухи, которую сама же проповедует. Для мистера Гардинера это было еще большим грехом, чем пристрастие к магии. Почтенная дама представлялась ему сосудом, не только лишенным милосердия, но и полным лицемерия.

Он обнаружил ее в кухне гадающей миссис Дженсен на чайных листьях.

— Оливетт, — резко сказал мистер Гардинер, — я бы очень хотел поговорить с вами наедине.

— А я как раз собиралась помочь Мейбл с постелями. — Миссис Дженсен поспешно удалилась.

Мистер Гардинер сел по другую сторону стола с фарфоровой крышкой.

— Собираетесь снова распекать меня? — кокетливо осведомилась миссис Браун.

— Нет. Я собираюсь спросить, что вы думаете о вашем будущем зяте.

— О Джоне? — оживилась миссис Браун. — Такой милый мальчик! Я так счастлива за мою Расти!

— Предположим, Оливетт, — продолжал мистер Гардинер, — вы бы обнаружили, что Джон не такой, каким кажется. Были бы вы по-прежнему счастливы за вашу Расти?

— Ну конечно! Вы ведь не считаете меня настолько глупой, чтобы верить, будто период любовного сюсюканья может длиться долго? Я помню мистера Брауна... — Мать Расти фыркнула при этом воспоминании. — Разумеется, Джон не такой, каким кажется. Как и любой мужчина, когда он ухаживает за девушкой.

— Предположим, — настаивал мистер Гардинер, — вы бы узнали, что он бесчестен.

— Чушь, — отмахнулась миссис Браун. — В каких делах Джон может быть бесчестным? Безусловно, не в материальных, а если в каких-то других, то я не настолько мудра, чтобы судить его.

«Не судите», — с тоской подумал мистер Гардинер. Потом он вспомнил о способности дьявола искажать Писание и выпрямился.

— Я не вчера родилась, — продолжала миссис Браун, — да и вы тоже, несмотря на все ваше простодушие. В мужчине меня ничто бы не удивило. Но Джон молод, красив, очарователен, талантлив и скоро станет очень богатым, поэтому, мистер Гардинер, что бы вы ни говорили, я бы предпочла этого не слышать. Думаю, я бы умерла, если бы этот брак не состоялся.

— Неужели вы не боитесь зла, Оливетт? — Мистер Гардинер со вздохом поднялся и отправился на поиски Артура Крейга, который с самого начала был его единственной реальной надеждой.

* * *

— Вы уверены, мистер Гардинер, что все правильно поняли? — допытывался Крейг.

— Абсолютно уверен, мистер Крейг.

— Но это так не похоже на Джона! Конечно, он часто говорил о своем отце и об издательстве, но я никогда не слышал, чтобы он выражал желание вернуть его.

— Могу лишь передать вам то, что слышал я.

— Шантажировать Дэна Фримена... — Крейг потянул себя за бороду. — Не могу в это поверить!

Мистер Гардинер встал.

— Понимаю и искренне сожалею. Но я считал своим долгом...

— Нет-нет, пожалуйста, сядьте. — Крепкие пальцы Крейга схватили священника за руку. — Мальчик, которого я вырастил... считал, что знаю вдоль и поперек... в чьей порядочности мог бы поклясться... Как мне обратиться к нему с такими обвинениями, мистер Гардинер? Что сказать?

— «Ибо от избытка сердца говорят уста его»^[61], — процитировал мистер Гардинер. — Скажите то, что думаете. Мальчик любит и уважает вас. Он должен вас выслушать.

— Вы думаете? Знаю ли я его по-настоящему? Последние дни мне иногда казалось... — Крейг внезапно поднялся и обратился к огню в камине: — Я пытался поддерживать хоть какое-то равновесие среди... не знаю чего. Чего-то ужасного. — Он повернулся, и сердце мистера Гардинера сжалось от сострадания. — Что происходит в моем доме? — крикнул бородач. — Что мне делать? Как с этим справиться?

Мистер Гардинер коснулся его плеча.

— В последний вечер Своей земной жизни, как рассказывает Марк, Иисус поднялся «на гору Елеонскую... в селение, называемое Гефсимания... и начал ужасаться и тосковать»^[62]. Гефсимания — арамейское слово, означающее «масличный пресс», и там сердце Иисуса, как оливы, давшие имя этому месту, было терзаемо и давлено. Но он нашел в себе силы сказать: «Но не чего Я хочу, а чего Ты»^[63]. — Старый священник улыбнулся. — Я знаю, что это звучит старомодно, мистер Крейг, но имейте веру, и вы узрите путь ваш.

Однако, покинув Артура Крейга, мистер Гардинер перестал улыбаться. Он думал о том, что полстолетия проповедовал веру с удручающе малым результатом. Старый джентльмен не сомневался, что истинная вера творит чудеса, но она встречалась так редко! А в этой проблеме решающую роль могло сыграть время.

Мистер Гардинер тяжело вздохнул. Иногда необходимо воздавать кесарю то, что не является кесаревым^[64]. Он нашел Эллери и рассказал ему об ультиматуме Джона мистеру Фримену.

Эллери внимательно выслушал.

— Благодарю вас, мистер Гардинер. Я рад, что вы сообщили мне это. Все начинает соответствовать. По крайней мере один фрагмент...

— Соответствовать чему, мистер Квин? — Священник был озадачен выражением радости, почти что алчности на лице Эллери.

— Я еще не уверен. Пока я больше ничего не скажу.

Ошеломленный мистер Гардинер удалился в свою комнату.

* * *

Миссис Дженсен подала обед рано.

— В понедельник вечером мистер Крейг любит слушать радио — что происходит с Рокси и так далее. По правде говоря, я бы сама хотела послушать. — В ее комнате стоял старый детекторный приемник, который она постоянно разбирала и собирала снова.

Поэтому в половине восьмого все собрались в гостиной, покорно слушая по радио «Рокси и его банду». В половине девятого Крейг переключил радио на другой канал, где передавали «Эй и Пи Джипсиз».

— Надеюсь, ты не возражаешь, Мариус. Я знаю, что это вполне традиционная музыка, но мне она нравится.

— А что плохого в традиционности, дядя Артур? — осведомилась Эллен. — Они играют произведения знакомые всем, и играют превосходно. Не понимаю, почему нужно извиняться, если тебе нравится то же, что и множеству других людей, даже если кучка снобов смотрит на тебя с усмешкой. — И она метнула презрительный взгляд в сторону Эллери.

— Вы имеете в виду меня, наставник? — отозвался Эллери.

— После этого, — вмешался Мариус, — кому может хватить тщеславия отказаться слушать этот schmaltz^[65]?

Вечер был не из лучших. Во всем ощущалось скрытое напряжение. К Мариусу вернулось дурное расположение духа, Джон казался рассеянным, Валентина — недовольной, доктор Дарк — угрюмым, миссис Браун — ворчливой, мистер Гардинер — расстроенным, Крейг — подавленным, Эллен — раздражительной, Расти — беспокойной, а Фримен — бестелесным духом, плавающим в эдком эфире на какой-то другой планете.

В одиннадцать кто-то включил новости, посреди которых Фримен поднялся и сказал:

— Везде ничего, кроме неприятностей. Прошу прощения, но я пойду спать. — И он вышел.

Остальные обсуждали новости — «алкогольный» патруль береговой охраны США убил трех контрабандистов и захватил их судно с грузом на миллион долларов; в Индии Махатма Ганди призывал к «гражданскому неповиновению» британской администрации, — когда издатель появился вновь и сообщил:

— Я только что нашел это в моей комнате.

Он продемонстрировал маленький рождественский пакет в красно-зеленой фольге с позолоченной лентой и открыткой с Санта-Клаусом.

Эллери взял его у Фримена.

— Адресовано, разумеется, тебе, Джон. Ты позволишь?

Джон засмеялся. Мистеру Гардинеру почудились в этом смехе злые издевательские нотки, которые он слышал утром из тех же уст. Странный мальчик, подумал он. Слишком многогранный...

Бледный издатель вовсе не смотрел на Джона. Он сел в стороне от остальных, внимательно наблюдая за ними.

Артур Крейг жевал прядь своей бороды, бросая беглые взгляды на своего подопечного, словно видел его первый раз в подлинном свете. Потом он взял себя в руки и выпрямился, глядя, как Эллери вскрывает пакет.

Внутри, на предмете в красной папиросной бумаге, лежала белая карточка с отпечатанным текстом. Эллери вынул ее из коробки и лишенным эмоций голосом прочитал стишок:

На шестой же вечер Святки
Шлет любовь твоя в подарок
Кожаный плетеный *кнут*.
В него немалый вложен труд.

Маленький кнут из плотной кожи со сравнительно длинной плетью выглядел зловеще. Кнут для лилипутов...

— Это миниатюрная копия настоящего кнута, — сказала Расти, обследуя его, — но не знаю какого. Возможно, бычий кнут, но не типа

южноафриканского шамбока. Может быть, он южноамериканского происхождения.

— Бычий или человеческий? — громко спросил Дэн З. Фримен.

Расти казалась озадаченной.

— О чем вы, мистер Фримен?

— Я просто подумал, что мой день рождения 3 марта и, судя по вашему зодиакальному подарку, попадает под знак Рыб, — сказал издатель. — Вы наш астролог, миссис Браун, освежите мою память. Какова традиционная интерпретация знака Рыб?

Мать Расти с подозрением уставилась на него.

— Это символ уз.

— Рабства, — с улыбкой кивнул Фримен. — До сегодняшнего утра я не верил во влияние созвездий. — И он посмотрел в упор на Джона Себастьяна. Но Джон грыз большой палец, уставясь в пол.

— Еще один?

Все с облегчением повернулись. В дверях холла стоял сержант Дивоу.

Эллери молча забрал у Расти миниатюрный кнут и вручил его полицейскому вместе с белой карточкой. Сержант поскреб подбородок и вышел. Вскоре они услышали, как Дивоу звонит по телефону. Вернувшись, сержант передал кнут и карточку Эллери.

— Лейтенант сказал, чтобы вы за ними присматривали, мистер Квин.

— Нет, думаю, этот подарок Джон хотел бы хранить у себя. — Эллери сделал паузу. — Что скажешь, Джон?

Джон взял кнут и стал вертеть его в руках.

— Да, — промолвил Дэн З. Фримен, все еще держась на заднем плане. — Это выглядит вполне естественно.

— Естественно? — Молодой поэт впервые посмотрел на издателя. — Что вы имеете в виду, мистер Фримен?

— Только не говори мне, что у тебя очередной приступ амнезии, — сказал Фримен.

— Не знаю, о чем вы. — Глаза Джона сверкнули. — Я иду спать.

— Джон... — начала Расти.

Но он быстро поцеловал ее и вышел. Только теперь Эллери осознал, что еще не обследовал оборотную сторону карточки, и перевернул ее. Но другая сторона была пуста.

Глава 9

СЕДЬМОЙ ВЕЧЕР: ВТОРНИК, 31 ДЕКАБРЯ 1929 ГОДА

В которой два треугольника становятся четырехугольником, мисс Браун и мисс Уоррен возвращаются в пещерную эпоху, а встреча Нового года не слишком празднична

Последний день года выдался ясным, со свежим юго-западным ветром.

— Я бы хотела прокатиться верхом, — объявила Эллен за завтраком. — Кто-нибудь присоединится?

— Охотно, — сказал Эллери.

— Да неужели? — Но Эллен выглядела довольной.

— Я бы тоже проехала, — сказала Расти. — А ты, Джон?

— Конечно, — отозвался Джон. — Но тогда нам придется ехать вдвоем на одной лошади. У нас их только две.

— Вдвоем было бы забавно, — усмехнулась Расти.

— Только не для меня, — холодно произнесла Эллен. — Что, если нам прокатиться в две смены, Расти? В час дня мы встретимся с тобой и Джоном у конюшни, и вы сможете взять у нас лошадей.

Фелтон приготовил для них мерина и пегую кобылу, и они поехали в лес, сохраняя чопорное молчание. Эллери потребовалось время, чтобы Эллен оттаяла, но он каялся в том, что пренебрегал ею, с целеустремленностью, которую обычно приберегал для своих интеллектуальных усилий. В итоге он заработал улыбку, после чего лесная тропинка, сверкающий золотом снег и спокойная поступь лошадей начали приносить истинную радость.

Они возвращались шагом, чтобы поберечь лошадей для Расти и Джона. Щеки Эллен были розовыми, в глазах плясали искорки, а стройная ножка в бриджах для верховой езды мягко постукивала по ноге Эллери, который внезапно осознал, что за прошедший час ни разу не подумал о мертвом старике, таинственных подарках и загадочных посланиях. Он болтал чепуху, едва осмысливая, что говорит, а Эллен

слушала с таким вниманием, что, въехав в конюшню, они едва не сбили с ног Вэл Уоррен и Джона Себастьяна.

— Ради бога, Вэл, — говорил прижатый к стене Джон. — Мы не одни.

— А мне плевать! — со страстью в голосе отозвалась Вэл, даже не удосужившись обернуться. — Никогда не думала, что ты так глуп, чтобы клюнуть на рыжие патлы и ямочки на щеках.

— Привет, сестренка, Эллери, — с трудом вымолвил Джон. — Послушай, Вэл, Расти будет здесь с минуты на минуту...

— Я же сказала, что мне плевать!

Эллери и Эллен неподвижно сидели на лошадях, как два идиота.

— Джон, я ведь человек. Слишком долго я играла роль лучшей подруги, выражая надежду, что вы оба будете счастливы, — черта с два я на это надеюсь! Я должна сказать это, пока еще не слишком поздно. Я люблю тебя, Джон, люблю, люблю, люблю! Или ты не только глуп, но и слеп? Я любила тебя задолго до того, как ты познакомился с Расти. Мы с тобой так хорошо проводили время...

— Знаю, Вэл. Не думай, что я забыл... Хорошо прокатились? Как тропинка в лесу?

— П-превосходно, — отозвалась Эллен. Она выглядела так, словно ей хотелось спешиться и одновременно остаться в седле.

— Джон, не обращай на них внимания...

— Не могли бы мы поговорить об этом в другой раз? — спросил Джон, пытаясь поднырнуть под упертые в стену руки Валентины.

— Когда? После того как ты женишься на этой Кларе Боу для бедных? — Вэл едва сдерживала рыдания. — О, Джонни, Джонни...

— Пусти меня, Вэл! Перед Эллен и Эллери... Должно быть, ты спятила! Вэл... — Возглас Джона сменился сдавленным мычанием.

Эллен и Эллери с интересом наблюдали, как блондинка крепко обняла его и стала целовать в губы.

— О боже! — задыхаясь, произнес Джон, когда ему удалось освободить рот. — Привет, Расти.

Эллен и Эллери виновато повернулись в седлах. Позади них по колени в снегу стояла Расти. Хлопнув по крупу лошадь Эллери, она вошла в конюшню.

— Ну? — осведомилась Расти голосом, который мог бы доноситься из расселины в леднике на Южном полюсе. — Что ты тут

делаешь, Вэл? Разыгрываешь сцену схватки из «Тони или плыви»?

— Да-да, — подхватила Эллен. — Вэл иллюстрирует сцену...

— Заткнись, — мрачно прервала ее Валентина. — Ладно, Расти, теперь ты все знаешь.

— Что я знаю, Вэл? — ледяным тоном отозвалась Расти. — Что ты змея в траве, двуногая и двуличная сука, ворующая мужчин?

— Чертово стремя! — яростно произнесла Эллен.

Джон откашлялся:

— Слушай, Расти...

— А тебе лучше помалкивать, Джон Себастьян! — крикнула Расти. — Наверняка ты поощрял ее! Хорошо, что я узнала вовремя!

— Господи! — устало пробормотал Джон. — Хочешь верь, хочешь не верь, но меня просто взяли на abordаж. У меня есть свидетели. Разве меня не атаквали? Сестренка, Эллери, ради бога, говорите!

— Да, Расти, — кивнула Эллен.

— Действительно, — подтвердил Эллери. — Все так и было.

— Значит, тебе еще публика понадобилась? — сказала Расти. — Как же низко ты пала!

— Это я сука? — пробормотала Валентина. — Сука? — повторила она, как будто это слово ее возбуждало. — Хотела бы я знать, кто у кого украл мужчину, ты, рыжая пиратка!

— Хочешь драться? — звенящим голосом произнесла Расти.

И к ужасу Эллери, Эллен и Джона, обе девушки, сжав кулаки, бросились друг на друга. Конюшня сразу же наполнилась шарканьем ног, не подобающим для леди пыхтением, криками сквозь стиснутые зубы и топотом встревоженных лошадей.

— Стоять! — крикнула Эллен, борясь со своей кобылой.

— Новые осложнения! — рявкнул Эллери, сражаясь с меринком.

Им пришлось одновременно успокаивать лошадей и с помощью Джона разнимать рассвирепевших женщин. Расти и Валентина с плачем разбежались в разные стороны, а Джон помчался за Расти, громко отпустив словечко елизаветинского происхождения^[66].

— Как будто их и без того не было достаточно, — закончил Эллери свою мысль, когда они выходили из конюшни.

Эллен тоже заплакала, и руки Эллери — в буквальном смысле слова — оказались слишком заняты, чтобы он мог продолжать думать

о Расти и Джоне, Расти и Мариусе, Джоне и Валентине, а тем более о Валентине и Мариусе.

* * *

В качестве хозяйки дома дядя Эллен планировала традиционную новогоднюю вечеринку с маскарадными костюмами, шампанским, воздушными шарами, хлопушками, шутовскими колпаками, гирляндами из гофрированной бумаги и конфетти.

Но теперь она все отменила.

— Мы не можем веселиться как ни в чем не бывало, дядя Артур, — заявила она, — когда эти каникулы обернулись таким кошмаром. Это было бы фарсом.

— Хуже, — сказал Эллери. — Завтра в шесть утра все бы рухнуло с большим грохотом, чем тот, которым приветствует «сосунков» Техас Гуинан^[67].

— Согласен, — вздохнул Крейг. Эллен настояла на том, чтобы рассказать ему о потасовке в конюшне. Он слушал с покорностью человека, которого больше ничто не может удивить. — Как ты считаешь, дорогая... Господи, что же будет дальше?

— Почему бы этому... этому полисмену не позволить нам разъехаться? — воскликнула Эллен.

В последний день года произошла еще одна неприятность. Лейтенант Луриа без предупреждения явился перед ленчем явно с единственной целью напомнить всем о домашнем аресте. По мрачному виду лейтенанта Эллери догадался об отсутствии прогресса в установлении личности покойника. У Луриа вышли крупный разговор с Пейном, который обнаруживал все большую строптивость, а также истеричная сцена с Вэл Уоррен, для которой каникулы превратились в тяжелое испытание. После ухода лейтенанта все оставалось по-прежнему, если не хуже.

Словно из духа противоречия, Валентина спустилась к обеду в полном боевом облачении — длинном вечернем платье из шифона цвета зеленого яблока с несколькими ярусами оборок и бархатном жакете, который она тут же вручила угрюмому Джону. На ее левой руке была белая глянцева перчатка с шестнадцатью пуговицами, а

другую перчатку она держала в правой руке вместе с французской вечерней сумочкой из зеленого шелка, расшитой кораллами и жемчугом. На ногах у нее были зеленые туфли-лодочки на трехдюймовых каблуках-шпильках, благодаря которым она возвышалась над Расти, как сказочная королева.

Расти была в бешенстве. Она также проигнорировала измененную Эллен повестку дня и спустилась в полных доспехах. На ней был вечерний ансамбль из гладкого крепа с жакетом до колен, отороченным по рукавам белым рысьим мехом. Длинный неровный подол юбки создавал театральный эффект. Единственной бедой было то, что наряд Расти, по какому-то дьявольскому совпадению, также имел цвет зеленого яблока.

За обедом Вэл и Расти сидели напротив друг друга, сердито сверкая глазами. Эллен в простом платье от Пуаре из красно-желтой шерсти с огуречным рисунком выглядела откровенно жалко.

Послеобеденная интерлюдия проходила еще мрачнее. Лейтенант Лурия предоставил сержанту Дивоу свободный вечер для празднования Нового года, а его сменщик, тощий крутой полисмен с выпученными глазами и плоским носом, бесшумно появлялся каждые пятнадцать минут, словно ожидая застигнуть их в момент изготовления бомбы. При виде его миссис Браун каждый раз громко икала.

Старшие мужчины пытались поддержать разговор, обсуждая «Прощай, оружие!» Хемингуэя, роман Джулии Питеркин «Алая сестра Мэри», удостоенный Пулицеровской премии, «Специалиста» Чика Сейла, затруднения Примо де Риверы в Испании, биржевые сводки профессора Бэбсона, музыкальный инструмент «терменвокс» профессора Льва Термена, сенатскую комиссию по расследованию сахарного лобби и слухи о сенсационных открытиях, модернистское направление в искусстве, возглавляемое Пикассо, Модильяни, Архипенко, Утрилло, Сутиным, который брал пейзаж «и бросал его на холст, словно на пыльную тряпку, но эта тряпка внезапно вспыхивала», как процитировал Дэн Фримен, недавно разработанный и разрекламированный этиловый бензин, полеты через море аэропланов компании «Пан-Америкэн» в Вест-Индию, утверждение сэра Джеймса Джинса во «Вселенной вокруг нас», что «Бог — математик, и вселенная не создавалась для человеческих существ», растущее

могущество Голландца Шульца, новые калькуляторы IBM, подвиги игрока в гольф Бобби Джоунса и теннисистки Хелен Уиллс, болезнь короля Георга V. Но каждая тема иссякала из-за отсутствия вдохновения, а следующая затрагивалась лишь для того, чтобы нарушить гробовое молчание.

— Интересно, кто найдет сегодняшний подарок, — произнес вдруг Эллери, но никто не отозвался.

В полночь все машинально провозгласили тост за Новый год, обменялись традиционными поцелуями и рукопожатиями — Расти и Валентина коснулись друг друга щеками в знак холодного перемирия — и с глубоким облегчением сели слушать первую программу Дабл-ю-джей-зед «Догоняя время через континент», в которой, как сообщил ведущий, каждые пять минут до и после каждого часа слушателям представят музыкальную встречу Нового года в Нью-Йорке, Чикаго, Денвере и Сан-Франциско соответственно. Но даже эта блистательная перспектива была омрачена. Наполняя бокал, Валентина пролила шампанское на платье.

— Черт! — выругалась она. — Пожалуй, пора прилечь. — И царственно выплыла из комнаты, но через пару минут вернулась, дико озираясь. — Сегодня это на моей кровати!

Валентина села на пол с седьмой рождественской коробкой на коленях и попыталась устроить истерику, но, так как на нее не обратили внимания, быстро умолкла.

На карточке были отпечатаны четыре строчки:

На седьмой же вечер Святки
Шлет любовь твоя в подарок
Воду с рыбкой золотой
(Вместо болтовни пустой).

Красная папиросная бумага в коробке была влажной — часть краски осталась на пальцах Эллери. В бумаге оказался маленький игрушечный аквариум — чуть больше сливы — с совсем крошечной тропической рыбкой, которая плавала в воде, поблескивая золотом.

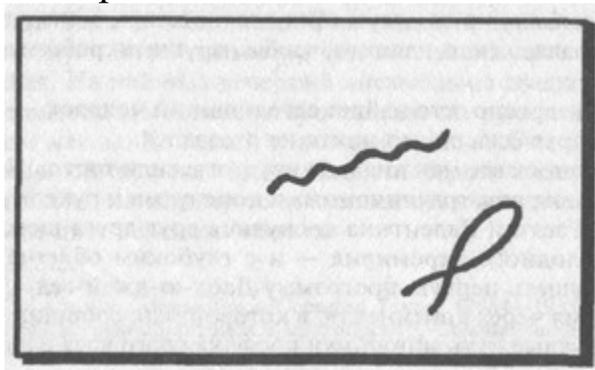
Большая часть воды пролилась, хотя аквариум был укреплен в коробке с помощью бумажных прокладок.

— Не слишком отличается по масштабам от домика, — заметил Эллери. — Если это и работа маньяка, то весьма последовательного.

— Я думал, с этим чертовым домиком уже покончено, — сказал Джон, как будто это имело для него значение. К счастью, на него никто не смотрел.

— На оборотной стороне этой карточки есть значки, — пробормотал Эллери.

Он уставился на карандашные пометки.

— Это явно символ воды.

— А под ним нечто вроде плоскогубцев, — сказал доктор Дарк. — При чем тут они?

— Это не плоскогубцы, доктор. Неужели вы не видите, что это крайне упрощенный рисунок рыбы с развевающимся хвостом? Вода и рыба, как и говорится в послании...

Большинство засиделись допоздна, ища сомнительное утешение в хозяйском шампанском, покуда Дабл-ю-джей-зед следовало за Новым годом вплоть до Золотых Ворот^[68]. Затем Эллери вызвался приготовить нечто из яиц всмятку и куриной печени, после чего он каким-то образом очутился в темной нише, где две руки нежно обняли его за шею, пара ароматных губ поцеловала его в губы, а голос, явно принадлежавший Эллен, прошептал: «Счастливого Нового года!» — что было, несомненно, приятно, но, как подумал Эллери, не обещало абсолютно ничего.

Было почти пять утра, когда он плюхнулся на стул в своей спальне и ощупью нашел дневник. Несмотря на обволакивающую его пелену, Эллери смог внести запись от 31 декабря. В последнем абзаце чувствовалось отчаяние:

«Рисунки на карточках грубые до предела. Не могут ли они означать нечто примитивное? Наскальные изображения? Рисунки индейцев?.. Иероглифы! Не в этом ли ключ? Если так, то рисунки — идеографические. Они напоминают египетские идеограммы, особенно последняя пара символов... Ну и что? Что это означает? Конечно, я знаю, что символы означают воду и рыбу, но что означают сами вода и рыба?»

Глава 10

ВОСЬМОЙ ВЕЧЕР: СРЕДА, 1 ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

В которой Джон получает в подарок голову, Эллери преследует призрака, а инспектор Квин прибывает с новогодним визитом в неурочное время

Нельзя сказать, что мистер Квин с надеждой приветствовал начало 1930 года. Во-первых, когда он открыл глаза, было без пяти час дня. Во-вторых, когда он приковылял к окну взглянуть на сверкающий новый мир, то нашел его удручающе серым, с туманом, таким же непроглядным, как у него в голове, сырым воздухом и дождем, грозящим зарядить на весь день. «Колокола, гоните ложь, зовите правду», — писал лорд Теннисон, но Эллери сомневался, что колокола, звенящие в его черепе, возвещают золотой век.

Тающий снег напоминал серое покрывало.

Спустившись, Эллери обнаружил еще один повод для депрессии. Эллен поджидала его, вооруженная стряпней из аспирина, томатного сока и вустерского соуса, а также полным кофейником, что было хорошо, но румянец на ее щеках и блеск в глазах не сулили ничего хорошего. Эллери попытался вспомнить, что произошло после поцелуя в темной нише, но всю ночь словно заволкло туманом. Эллен прижималась к нему, как будто...

Содрогнувшись, Эллери залпом выпил еще одну чашку кофе.

— Бедняжка, — проворковала Эллен. То, как она продолжала цепляться к нему, когда они направились в гостиную, едва не повергло

его в панику.

Комната была усеяна телами выживших, вяло пытающихся читать газеты. Эллери потянулся к свободной, надеясь, что присосавшаяся к нему очаровательная паразитка почувствует его желание страдать в одиночестве. Ничуть не бывало. Она подвела Эллери к предмету мебели, в котором он со страхом узнал кресло для двоих, и опустилась в него вместе с ним.

— Читай свою газету, дорогой, — шепнула паразитка ему на ухо.
— Я просто посижу рядом... и посмотрю на тебя.

Эллери в отчаянии начал читать. Нью-йоркская полиция произвела девятнадцать антиалкогольных рейдов в канун Нового года. Мэр Джимми Уокер сегодня приведен к присяге перед вторым сроком. Генерал Смэтс впервые прибыл из Южной Африки с визитом в Соединенные Штаты и заявил репортерам, что ужасные последствия современной войны, несомненно, должны поставить ее вне закона... Эллери продолжал читать, ничего не видя.

Его спасло возвращение Расти и Джона с прогулки. Эллери вскочил с кресла и быстро сказал:

— Прошу прощения, Эллен, я хочу поговорить с Джоном. Увидимся позже... — Он поспешил отойти.

— Аве, Цезарь, — приветствовала его Расти. — Вам могло повезти куда меньше.

— Что-что? — тупо переспросил Эллери.

— Эллен — красивая девушка.

— Да. Ну, доброе утро. Как голова?

— Смотря чья, — отозвалась Расти.

— Моя еще при мне, — усмехнулся Джон, — хотя сегодня утром я сомневался, что она удержится на плечах.

— По крайней мере, у тебя имеется оправдание.

— Какое?

— Досадный инцидент в конюшне.

— О чем ты?

— О вчерашней сцене, которая там состоялась. Я имею в виду танцы в обнимку.

Джон снова усмехнулся:

— Ну и кто же был этот счастливчик?

— О! — Эллери бросил взгляд на Расти.

Девушка выглядела бледной.

— Это не важно, Эллери, — быстро сказала она. — Лучше забыть об этой истории.

— О чем забыть? — осведомился Джон.

Эллери посмотрел на него. Он собирался что-то сказать, когда Валентина вплыла в комнату, как леди Макбет.

— Простите, Эллери, нам срочно нужно выпить кофе, — пробормотала Расти и потащила Джона в столовую.

Эллери мог бы мрачно улыбнуться, но сама мысль об этом заставила его поморщиться.

* * *

К счастью, Дабл-ю-и-эй-эф транслировало сегодня матч со стадиона «Розовая чаша». Беглый отчет Грейема Макнами о победе Южной Калифорнии над Питсбургом со счетом 47:14 и последующий разговор о том, что это не сравнить с прошлогодней напряженной игрой, когда Рой Ригелс, калифорнийский центральный защитник, впоследствии избранный капитаном, перехватив мяч у одного из «Техников» Джорджии, обеспечив калифорнийцам победу со счетом 8:7, помогли скоротать остаток дня, а когда они поглощали обед миссис Дженсен, вечер уже наступил.

Эллен все еще цеплялась к Эллери.

— Интересно, кто сегодня найдет коробку, — сказала она, когда они шли в гостиную.

— Какая разница? — буркнул сзади Мариус и прошел мимо них.

Они увидели, как в музыкальной комнате зажегся свет, и услышали, как Мариус поднял крышку рояля. Крышка сразу же захлопнулась. Мариус выбежал, размахивая рождественской посылкой в красно-зеленой фольге с позолоченной лентой и открыткой с Санта-Клаусом.

— В рояле, клянусь Богом! — пронзительно крикнул он.

Эллери взял у него пакет. На открытке были отпечатаны знакомые слова: «Джону Себастьяну».

— Не открывай! — сердито сказал Джон. — Не желаю это видеть!

— Джон!

Расти быстро подошла к нему, подвела его к стулу и погладила по лбу, как ребенка.

— Та же машинка, — заметил Эллери. Пожав плечами, он сорвал обертку.

Белая карточка в коробке гласила:

На восьмой же вечер Святки
Шлет любовь твоя в подарок
Голову, где *глаз* один.
Значит, скорой смерти жди.
Глаз закрыт, закрыт и *рот*,
Чтоб тебя бросало в пот.

Джон застыл на краю стула.

Эллери снял красную папиросную бумагу с предмета в коробке. Это была голова тряпичной куклы, очевидно отрезанная ножницами от тела. Лицо было замазано белой краской, поверх которой были нарисованы черным цветом единственный закрытый глаз с левой стороны, а под ним в центре прямая линия, означающая закрытый рот.

Эллери перевел взгляд с головы куклы на оборотную сторону карточки, но она была пуста.

— «Значит, скорой смерти жди», — сказал Джон и вскочил со стула. — Больше я не могу относиться к этому как к дурацкой шутке или плоду больного ума. Не могу притворяться, что это обычные рождественские каникулы, где друзья мирно едят, болтают, играют в игры, слушают радио, спят, как будто не происходит ничего из ряда вон выходящего. Кто преследует меня? Что ему нужно? Что я сделал?

Эллери вновь уперся в глухую стену, в которую упирался с самого начала. Даже зная о Джоне то, что он знал теперь, было невозможно поверить в то, что это притворство. Джон был вне себя от страха. Он не мог присылать странные «подарки» сам себе. Он ничего не знал о них.

Джон выбежал из комнаты. Собравшиеся услышали его шаги на лестнице, а потом звуки открываемой, закрываемой и запираемой

двери.

Один за другим они поднимались со стульев, что-то бормотали и брели наверх искать убежища в своих комнатах. Звуки ключей, поворачиваемых в замках, напоминали зловещую трескотню ружей.

* * *

Завершив очередную запись в дневнике, Эллери посмотрел на часы и увидел, что сейчас чуть больше половины одиннадцатого. Тем не менее в доме было тихо, как в четыре часа ночи.

Как ни странно, несмотря на последствия кануна Нового года, Эллери не хотелось спать. Он начал бродить по комнате.

Еще никогда Эллери так не стремился решить проблему. Причем дело было не в убийстве. Маленький старичок на ковре в библиотеке казался отодвинутым на задний план. Это преступление не выглядело невероятным. Рано или поздно таинственную жертву опознают, и это укажет на того, кто воткнул ему в спину этрусский кинжал.

А вот коробки с их фантастическим содержимым... Это была загадка для дураков, для безумцев или для тех, кто, подобно Эллери, родился с солитером любопытства внутри, побуждающим его к вечным поискам ответов. Это привело его через оркестровую яму Римского театра в лабиринты дела Монте Филда. Или же тот эпизод был всего лишь счастливой случайностью — «римской свечой»^[69], вспыхнувшей на мгновение и погасшей навсегда?

Эллери не хотел этому верить.

Что-то связывает эти предметы воедино, причем это, безусловно, нечто очень простое. Нужно только его увидеть.

Эллери сел и стиснул руками голову. До сих пор пришло восемь посылок. Остаются еще четыре, если тут есть хоть какая-то логика. Нет смысла пытаться предугадать природу их содержимого... В первых восьми коробках было тринадцать предметов. Точнее, четырнадцать, если считать ладонь, на которой нарисована «метка», отдельно от руки, частью которой она являлась. Но автор письма выделил слово «ладонь» разрядкой... Тогда предметов четырнадцать. Восемь коробок и четырнадцать предметов. Имелась ли тут какая-то математическая связь? Если да, то она была еще непонятнее, чем египетские

иероглифы до того, как Шампольон расшифровал надпись Розеттского камня^[70]... Иероглифы! Эллери выпрямился, но тут же откинулся назад и закрыл глаза.

Предположим, предметов было четырнадцать... Вол. Дом. Верблюд. Дверь. Окно. Гвоздь. Частокол. Рука. Ладонь. Кнут. Вода. Рыба. Глаз — закрытый глаз. Рот — закрытый рот... «Не слышу зла, не вижу зла, не говорю о зле»^[71]? Не хватает уха. Или оно еще придет?

Три предмета были животными — вол, верблюд и рыба. Пять — связаны с домом. Четыре являлись частями человеческого тела. Остаются кнут и вода, не относящиеся ни к одной из этих категорий. Животные, дом, части тела, вода и кнут...

Эллери пробовал различные комбинации. Вол и кнут хорошо сочетались, но куда это вело? Никуда... Верблюд... Верблюд и глаз. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные глазки, нежели богатому войти в Царство Божие»^[72]. Это может быть Джон, который вскоре разбогатеет. Предупреждение? «Не бери наследство твое, или будешь гореть в аду»? Тогда почему бы не сказать прямо? Дом, окно... «Те, кто живут в домах из стекла...»^[73] Тут есть интересные возможности. Какой-то секрет в прошлом Джона? «Не шантажируй меня, и я не буду шантажировать тебя»? Гвоздь... «Враг вступает в город, пленных не щадя, потому что в кузнице не было гвоздя...»^[74]

В конце концов Эллери сдался. Это проблема для Эйнштейна^[75], подумал он, Альберта или Иззи; оба специализировались на разгадывании проблем с ужасным содержимым.

Он посмотрел на кровать, но она не казалась гостеприимной.

«Возьму в библиотеке книгу, — решил Эллери, — и буду читать, пока не засну».

Он вышел в тускло освещенный коридор и начал осторожно спускаться по лестнице. В гостиной было темно, если не считать тлеющих углей в камине. Эллери включил фонарик, но тут же погасил его. В библиотеке горел свет. Неужели Фелтон забыл его выключить?

Эллери бесшумно пересек гостиную.

В библиотеке кто-то был — неподвижная фигура в кожаном кресле с вытянутыми ногами под халатом и рукой, безвольно свисающей с подлокотника.

Это был Джон. Он сидел под лампой для чтения, как будто... «Значит, скорой смерти жди».

Эллери вбежал в библиотеку и остановился, едва не вскрикнув от облегчения. На коленях у Джона лежала книга; он дышал медленно и ровно. Вероятно, он тоже спустился почитать и заснул над книгой.

Эллери наклонился, чтобы разбудить Джона, но под влиянием робости, которую даже не попытался анализировать, выпрямился, не прикоснувшись к спящему, и на цыпочках подошел к ближайшей полке. На ней стояло несколько новых книг, в том числе «Совсем как Бог» некоего Рекса Стаута, изданная «Авангардом». Эллери вспомнил, что это его первый роман и что в рецензии на него, опубликованной «Нью-Йорк геральд трибюн», говорилось, что он вспахивает «глубокие прямые борозды в черноземе, на котором застолбили участки Габриэле Д'Аннунцио и Д.Х. Лоуренс». Решив познакомиться с новинкой, Эллери снял с полки книгу Стаута и потихоньку вышел.

После освещенной библиотеки темнота в гостиной казалась непроглядной, и ему понадобилось время, чтобы найти выход в холл. Здесь ему помог свет, падающий из верхнего коридора, и Эллери быстро взбежал по лестнице с книгой под мышкой. Добравшись до площадки, он свернул в коридор и застыл как вкопанный.

Джон шел по коридору к своей спальне!

Ошибки быть не могло, хотя он шел спиной к Эллери и при тусклом освещении. Это был Джон, который не обгонял Эллери на лестнице, но тем не менее первым оказался на верхнем этаже!

Джон не обернулся и не остановился. При звуке голоса Эллери он пустился бегом.

— О'кей, братец, — мрачно буркнул Эллери и побежал следом.

Джон промчался мимо двери своей спальни к концу коридора, свернул направо и исчез. Эллери прибавил скорости.

Дальнейшая охота оказалась весьма болезненной во всех отношениях. Она происходила в кромешной тьме, в неиспользуемых крыльях дома, в незанятых, но захламленных комнатах и в мертвой тишине, если не считать топота ног и атак предметов мебели на различные участки тела Эллери. К тому времени, как он догадался зажечь фонарик, его тело превратилось в сплошной сгусток боли. Эллери потерял добычу и был преисполнен отвращения к себе.

Он поспешил вниз с включенным фонариком. В библиотеке было темно. Эллери зажег свет, но кресло оказалось пустым.

Снова примчавшись наверх, он без колебаний распахнул дверь спальни Джона и вошел.

Джон стоял там обнаженный и надевал пижамные брюки.

Они уставились друг на друга.

— Я уж решил, что это таинственный Санта-Клаус, — сказал Джон, натягивая штанину. — Мне следовало запереть дверь. В чем теперь дело?

— Я думал, ты уже лег.

— Лег, но не смог заснуть. Поэтому я спустился в библиотеку, немного почитал, потом начал дремать и только что поднялся сюда. Чего ты так запыхался?

— Кто из нас запыхался? — усмехнулся Эллери и направился к себе, оставив Джона с одной ногой в штанине.

Правда заключалась в том, что, хотя Эллери пыхтел, как пума, дыхание Джона оставалось ровным, как у младенца, напившегося материнского молока.

* * *

Когда в дверь негромко постучали, Эллери снова накинул куртку и спросил:

— Кто там?

— Это я. Откройте, мистер Квин.

Эллери открыл дверь.

— Я думал, вы давно ушли, сержант.

— Мой сменщик только что явился. — Сержант Дивоу понизил голос. — Хорошо, что вы еще не разделись. Пошли.

— Куда?

— Наружу. К вам посетители.

— Посетители?

— Они решили не входить в дом и ждут в автомобиле.

— Кто ждет, в каком автомобиле?

Но сержант уже шагал по коридору. Озадаченный Эллери закрыл дверь и последовал за ним.

Дивоу и его сменщик, молодой полисмен по фамилии Кукси, тихо совещались на крыльце, не обращая внимания на подъездную аллею.

Эллери вышел на крыльцо и взгляделся в темноту. На аллее стоял мощный седан с выключенными фарами и мотором.

— Кто здесь? — спросил Эллери.

— Счастливого Нового года, — произнес знакомый насмешливый голос, а столь же знакомый бас добавил:

— И от меня того же.

— Папа! Вели! — Эллери подбежал к полицейской машине, открыл заднюю дверцу и скользнул внутрь. — Чего ради вы явились сюда среди ночи?

— Из простого любопытства, — ответил инспектор Квин. — А Вели поехал со мной, считая, что мне нельзя доверять руль.

— Нельзя, — кратко подтвердил сержант Вели.

— А почему вы не зашли в дом?

— Не хотел смущать тебя перед твоими шикарными друзьями, — сказал его отец.

— Насколько я вижу, местечко действительно шикарное, — промолвил сержант. — Ну и как поживает высший свет, маэстро?

— Кончайте ломать комедию, — сказал Эллери. — Да, с Новым годом. А теперь скажите, что вы узнали о рождении Джона.

— О'кей, Томас, ты проиграл, — усмехнулся инспектор. — Выкладывай доллар.

— Я знал, что это пари для простаков, с той минуты, как позволил вам втянуть меня в него, — проворчал сержант Вели.

Послышался шорох и звон монет.

— Раз ты об этом узнал, Вели, — сказал инспектор, — то сам и рассказывай.

— Ну, я пошарил вокруг Маунт-Кидрона и Рая, — начал сержант, — сложил пару раз два и два и составил историю по кусочкам. Автокатастрофа произошла во время снегопада на Бостонской почтовой дороге, на окраине Маунт-Кидрона, вечером 5 января 1905 года, прямо перед домом местного врача по имени Корнелиус Ф. Холл. В доме, кроме него, находилась его жена...

— Погодите, — прервал Эллери. — Сколько времени доктор и миссис Холл прожили в Маунт-Кидроне? Откуда они прибыли?

— Об этом нет никаких сведений. Я только выяснил, что практика у Холла была скудной, и они с женой едва-едва сводили концы с концами. Так вот, Себастьян, который вроде бы сильно не пострадал,

хотя через неделю умер от черепно-мозговой травмы, притащил миссис Себастьян в дом Холла, и доктор ею занялся. Она была на восьмом месяце, и авария вызвала преждевременные роды. Той же ночью, вскоре после полуночи, она родила...

— А теперь готовься к сюрпризу, — прервал инспектор Квин.

— Вряд ли он меня удивит, — отозвался Эллери. — Я знаю ваш сюрприз. Именно это и заставило меня обратиться к вам за помощью. Джон был не единственным ребенком, которого миссис Себастьян родила той ночью. Она произвела на свет двух однояйцевых мальчиков-близнецов, не так ли?

— Только послушайте его, — с отвращением произнес сержант Вели. — Если вы уже все знали, маэстро, чего ради вы заставили меня гоняться за собственным хвостом по всему округу Уэстчестер?

— Я не знал, Вели, а строил гипотезы. Наблюдая некоторые странности в событиях и поведении, я применил к ним Закон Квина о Перемещении Материальных Тел, который утверждает, что даже поэт не может находиться одновременно в двух местах. А также Закон Квина о Сомнительных Амнезиях, который гласит, что когда молодой человек не помнит инцидента, происшедшего только вчера, но помнит другие события того же дня — и это происходит в двух отдельных случаях, — то никакой амнезии нет, а инцидент произошел с кем-то другим. Все это подтверждает Закон Квина о Поднятой Брови. Согласно этому важному закону, когда человек вешает в стенные шкафы и кладет в ящики комода точные дубликаты всего, что он носит, — от серовато-коричневой шляпы с бантом позади до пары кожаных гетр с перламутровыми пуговицами, — и объясняет это тем, что «помешан на одежде» и всегда покупает все в двух экземплярах, бровь поднимается и остается в таком состоянии.

— Что он несет, инспектор? — осведомился сержант.

— Спросите что-нибудь полегче, — отозвался инспектор Квин. — Хотя, сынок, если я что-то понял из этого словесного поноса, тебя все-таки ожидает сюрприз.

— Какой? — спросил Эллери.

— Проучим немного нашего гения, а, Вели? Только сначала подготовь его.

— Да, сэр. — Сержант Вели чмокнул губами, которые подошли бы киту. — Понимаете, маэстро, когда я узнал, что второй младенец

родился той же ночью, я спросил себя: что с ним произошло? Логичный вопрос, не так ли?

— Безусловно, — усмехнулся Эллери, — и на него есть логичный ответ. Поскольку о рождении второго сына ничего не сообщалось и Джон Себастьян-старший, очевидно, никогда не признавал его существования, то упомянутого второго сына, должно быть, растили посторонние, вероятно, под чужой фамилией и, скорее всего, не зная о его происхождении, по крайней мере, в течение многих лет. Очень многое об этом втором сыне мы, по-видимому, никогда не узнаем, особенно причину, по которой отец отказался его признать, но вы подтвердили мои выводы, и это все, что меня заботит в данный момент. У Джона есть однопяцевый брат-близнец, который просуществовал уже двадцать пять лет без пяти дней.

— Это все, мистер Квин? — осведомился его отец.

— Конечно. Что же еще?

— Небольшая деталь, — пробормотал инспектор. — Расскажи ему, Вели.

Сержант ухмыльнулся:

— Близнец умер 20 января 1905 года в возрасте четырнадцати дней.

— Нет! — воскликнул Эллери.

— Да, — кивнул сержант Вели.

— Это невозможно!

— Маэстро, я могу вам это доказать.

— Вы ошиблись!

— Как вам это нравится? — возмутился сержант. — За такое зубы вбивают в глотку! Если я говорю, что близнец умер в возрасте двух недель, значит, так оно и есть. Понятно?

— Вы не можете быть в этом уверены! — яростно произнес Эллери. — Это опрокинуло бы всю вселенную! Предъявите ваше так называемое доказательство, Вели, и я обещаю проделать в нем сорок две дырки!

— Вот как? К сожалению, лет девять тому назад мэрия Маунт-Кидрона сгорела дотла со всеми архивами, поэтому я не мог найти официальных документов о рождении близнеца, но...

— Ага! — прервал Эллери. — И ого!

— Но, — невозмутимо продолжал сержант Вели, — я нашел живых свидетелей. Мои информаторы говорят, что после того, как первого ребенка — вашего Джона — увезли в Рай, второго близнеца оставили у себя доктор Холл и его жена. Правда, заботиться о нем им довелось всего две недели. Он заболел пневмонией и умер. Холл вызывал другого врача из Маунт-Кидрона — некоего доктора Хэролда Дж. Мартина, который до сих пор там практикует. Доктор Мартин помнит, как выписывал свидетельство о смерти. У меня есть его письменные показания. Мартин также помнит, что Холл рассказал ему обо всем, когда близнец умер. Что второй ребенок родился сразу после первого в этом доме две недели назад и что мистер Джон Себастьян из Рая отдал его ему, так как его жена умерла и он винил в этом второго сына, не желая принимать в нем никакого участия. Очевидно, бедняга чокнулся, повредив башку во время аварии.

— Даже это имеет свое объяснение, — вставил инспектор Квин.

— Это доказательство номер один, — с довольным видом продолжал сержант. — А теперь номер два. Я отыскал владельца похоронного бюро, которому Холлы поручили хоронить младенца. Доктор Холл рассказал ему ту же историю. Доказательство номер три. Священник, читавший заупокойную службу над гробом, все еще живет в Маунт-Кидроне, хотя ушел на покой. Он повел меня в церковь и разыскал архивы, где написано черным по белому: «Второй сын Себастьяна умер в возрасте двух недель 20 января 1905 года». Зная вас, я сделал фотокопию. Хотите взглянуть?

— Ничего не понимаю, — слабым голосом промолвил Эллери.

— И номер четыре, — сказал его отец. — Вели нашел могилу ребенка на кладбище Маунт-Кидрона. Там дешевое надгробие с надписью: «Себастьян-Холл. Родился 6 января 1905 — умер 20 января 1905. Покойся в мире». Вероятно, мы могли бы получить ордер на эксгумацию, но едва ли это поможет установить что-либо, кроме того, что кости принадлежат младенцу двухнедельного возраста. У нас полно свидетельств, что родился второй ребенок и что он умер спустя две недели. Ты скверно выглядишь, сынок. Это плохая новость?

— Хуже некуда, — простонал Эллери. — Это абсурд. Этого не может быть. Сержант, что стало с Холлами?

— Они покинули Маунт-Кидрон в середине 1906 года, и после этого там их не видели и ничего о них не слышали. Я не смог найти

никого, кто бы знал, куда они перебрались. В местных транспортных компаниях на этот счет нет никаких документов, так что они, вероятно, воспользовались фургоном из другого города.

Воцарилось молчание.

— Спасибо, Вели, — сказал наконец Эллери.

— Хочешь об этом поговорить? — мягко спросил его отец.

— Не знаю, что сказать. Я был уверен, что нашел ответ хоть на одну из загадок этого безумного дела. Но теперь... — Эллери снова помолчал. — Ну, это моя головная боль. Спасибо, папа. Езжайте поосторожнее, Вели. Доброй ночи.

Он вылез из полицейской машины и ощупью, как старик, двинулся к крыльцу.

Глава 11

ДЕВЯТЫЙ ВЕЧЕР: ЧЕТВЕРГ, 2 ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

В которой тайна Джона Себастьяна становится еще более таинственной, мистер Квин приходит в отчаяние, а в зверинце появляется еще один обитатель

В жизни молодых людей существуют приливы и отливы, причем последние нередко приводят к отупению. Не будет преувеличением сказать, что, когда Эллери метался в кровати всю нескончаемую ночь и окрашенные в пасмурные, дождливые тона первые часы утра, его мысли не изобиловали мудростью. В ходе его дальнейшей карьеры ему предстояло сталкиваться со многими трудностями и преодолевать их, но тогда он был очень молод, Дело о Станных Рождественских Подарках было только вторым его расследованием — точнее, первым самостоятельным, — и ему казалось, что грядет конец света. Все факты указывали на существование двух Джонов Себастьянов, а теперь оказалось, что в наличии имеется только один. Если Джон Второй и существовал, то лишь в виде ангела в небесах и скелета ребенка двухнедельного возраста в земле, похороненного почти

двадцать пять лет назад. Это также были факты. А что происходит, когда факты противоречат фактам? Хаос.

Это приводило молодого мистера Квина в отчаяние. В голову ему лезли глупые мысли, о которых он спустя двадцать семь лет вспоминал со стыдом.

Эллери встал с кровати в полдень, искренне желая, чтобы он никогда не слышал о преступлении, Джоне Себастьяне и, коли на то пошло, о Рождестве.

Спустившись, он застал лейтенанта Луриа, подавляющего мятеж на палубе. Было 2 января, и мистер Пейн, адвокат, твердил своим медоточивым голосом, что его ожидает множество дел и ему нужно как можно скорее вернуться в Нью-Йорк. Лейтенант Луриа ответил, что он очень сожалеет, но это невозможно. Доктор Сэм Дарк настаивал, что должен вернуться к медицинской практике, поскольку он обещал сменить своего коллегу 2 января, а этот день уже наступил. На это лейтенант Луриа заявил, что выполняет свою работу, и попросил не осложнять положение ни ему, ни себе. Мистер Фримен, издатель, Мариус Карло, беженец из оркестра профессора Дамроша, мисс Валентина Уоррен, актриса, мисс Эллен Крейг из колледжа Уэлсли — все сообщали о неотложных делах с различной степенью жара и эмоций, и все получали категорический отказ лейтенанта Луриа. По его словам, труп все еще не опознали, область расследования распространилась на все континентальные Соединенные Штаты, и хотя ему очень не хочется требовать ордер на задержание всех, как важных свидетелей по делу об убийстве, он пойдет на это, если леди и джентльмены его вынудят. Это исторгло у мистера Пейна тираду юридических терминов, которая вывела лейтенанта из себя. В итоге конференция распалась на фрагментарные возбужденные реплики, а когда порядок восстановился, лейтенант Луриа успел уйти.

Ленч проходил в ледяной атмосфере, без всякой претензии на общительность. Расти и Джон, очевидно, снова поссорились, и по свирепым взглядам, которые Расти бросала на Валентину, а Джон — на Мариуса, Эллери понял, что деликатная проблема четырехугольника никуда не делась. После ленча Дэн З. Фримен удалился в угол, как белка с орехом, и стал читать рукопись, присланную ему из города с курьером. Оливетт Браун корпела над

астрологической картой, бормоча себе под нос, как ведьма. Роланд Пейн бродил по комнате, как тигр в клетке. Доктор Дарк и Артур Крейг играли в пинокль, громко хлопая картами по столу. Преподобный мистер Гардинер, обойдя комнату с обеспокоенным выражением лица, пробормотал что-то о головной боли и поднялся к себе в комнату. Эллиен предложила Эллери прогуляться под дождем, получила в ответ рассеянный взгляд и с сердитым видом отошла.

В конце концов Эллери последовал примеру священника — поднялся в свою комнату, запер дверь и сел в кресло, но не для того, чтобы дремать. Вместо этого он стиснул ладонями виски и начал напряженно думать.

* * *

Вздрагнув, Эллери пришел в себя. В комнате было почти темно. Он чувствовал холод и онемение во всем теле — мыслительный процесс погрузил его в состояние близкое к коме — и с благодарностью подумал о голосах...

Голоса! Эллери сразу насторожился. Именно голоса вернули его в жуткую реальность. Очевидно, они доносились из соседней комнаты.

Это беда всех старых домов с их покоробленными от времени стенами, подумал Эллери. Достаточно чихнуть — не говоря уже о худшем, — и все об этом знают.

Мужские голоса... Кто занимает соседнюю спальню?..

Пейн!

Поднявшись, Эллери бесшумно перенес стул и поставил его у двери в смежную комнату, влез на него и, молясь, чтобы петли не закрипели, быстро опустил фрамугу. Скрип был ужасающим. Но обладатели голосов, вероятно, были слишком поглощены разговором, чтобы обращать на это внимание.

Голос Пейна.

И Джона Себастьяна.

Эллери подслушивал не краснея.

— Паршивый щенок! — кричал Роланд Пейн. — У тебя меньше совести, чем у подручного партийного босса! Пытаться меня шантажировать!

— Ругань по моему адресу вам не поможет, Пейн, — слышался голос Джона. — Факт в том, что я, простите за выражение, застал вас со спущенными штанами. Я знаю адрес и знаю имя девушки. Она всего лишь проститутка, а вы один из ее привилегированных клиентов.

— Докажи это!

— Вот это мне нравится. Сразу виден юридический ум. Берете быка за рога. Хотите доказательства? Вот они.

— Что это? — Голос адвоката был сдавленным.

— Фотокопия красной книжечки. Сливки клиентуры Долли. Даты, адреса, гонорары за каждый сеанс, даже забавные комментарии. Например: «Этот Ролли Пейн — настоящий атлет. Что я ему — целый гарем?»

— Достаточно, — хрипло произнес Пейн. — Где ты это взял?

— Оригинал купил у Долли. Не волнуйтесь, Ролли, он заперт в надежном месте. Я не хочу, чтобы подобные фотографии фрагментов из этой книжечки попали во все нью-йоркские газеты. Вообразите, что из этого сделала бы «График»! По всей вероятности, изготовила бы один из их знаменитых коллажей с изображением вас и Долли в интимный момент. Боюсь, это свело бы на нет вашу уважаемую практику.

Последовала пауза.

— Хорошо, — заговорил Пейн. — Сколько?

— Денег? Ни цента.

— Не понимаю.

Джон засмеялся.

— Не хлебом единым жив человек^[76]. Как бы то ни было, у меня целая булочная. — Его тон стал резким. — У вас есть сын, его зовут Уэнделл Пейн, он один из светочей факультета английского языка и литературы в Принстоне и считается многообещающим поэтическим критиком. Одно слово молодого профессора Пейна...

— Ты маньяк, — прервал его Роланд Пейн. — Теперь я в этом уверен. Ты всерьез предлагаешь, чтобы я убедил сына написать благоприятную рецензию на сборничек твоих дрянных стишков?

— Не просто благоприятную, мистер Пейн. Восторженную.

— Твое исследование моей личной жизни явно не охватывало характер моего сына. Уэнделл способен на сочинение лживой

рецензии не более чем на взлом сейфа принстонского казначея. Он просто не станет этого делать.

— Даже чтобы спасти своего почтенного отца от позора? Опубликование этой красной книжечки, мистер Пейн, может повлечь за собой вашу дисквалификацию.

— Это отпадает! Я не буду его просить!

— Ну, это ваша проблема, не так ли? — Эллери услышал повизгивание дверной ручки. — Времени достаточно. По моей просьбе Дэн Фримен отправил экземпляр моего сборника вашему сыну для рецензии, сопроводив его личной запиской. У вас есть время до следующего выпуска «Сэтерди ревью», посвященного поэзии. Буду ждать с нетерпением. Да, мистер Пейн? Вы хотите что-то сказать?

— Нет, — донесся сквозь фрамугу тихий ответ адвоката.

Эллери услышал, как дверь комнаты Пейна открылась и закрылась, а потом неторопливые шаги Джона Себастьяна по коридору.

Он также услышал металлический лязг, как если бы кто-то свалился на кровать.

Эллери почувствовал, что дрожит всем телом.

Это был не Джон. Это не мог быть Джон даже в самые худшие его моменты. Джон, которого знал Эллери, и в которого влюбилась Расти Браун, был совсем другим человеком.

И тем не менее этот человек не мог быть никем другим.

Вынести такое было невозможно.

* * *

Девятую рождественскую посылку обнаружил вечером Роланд Пейн. Он поднялся к себе сразу после обеда, сказав, что должен написать несколько писем, но спустился через две минуты. Его красивое лицо подергивалось, седые волосы растрепались, а маленький яркий пакет он нес так, словно подобрал его на китайском рисовом поле. Бросив его на стол, Пейн достал платок, вытер руки и, не сказав ни слова, вновь поднялся по лестнице. Эллери подобрал пакет.

На открытке с Санта-Клаусом тем же машинописным шрифтом были напечатаны два слова: «Джону Себастьяну».

Белая карточка в коробке содержала четыре машинописных строки:

А в девятый вечер Святки
Шлет любовь твоя в подарок
Для зверинца *обезьяну* —
Ключ без всякого изъяна.

Предмет в красной папиросной бумаге был обезьянкой, грубо изготовленной из ткани типа фетра. Выглядела она симпатично и при других обстоятельствах могла вызвать радостный визг женщин и усмешки мужчин. Но сейчас все уставились на обезьянку, как будто ожидая, что у нее вырастут рога и она начнет читать молитву задом наперед.

Эллери перевернул карточку. На обороте ничего не было.

— Есть предложения?

— Да! — рявкнул Джон. — Сжечь все это барахло!

Дэн Фримен усмехнулся в своем углу.

— Есть старая поговорка на идише, которую я рекомендую тебе, Джон. В буквальном переводе она звучит так: «Приятно шлепать чужую задницу». — Он поднялся с улыбкой. — Кажется, я начинаю этим наслаждаться.

Эллери поднимался к себе в комнату с отчаянием Эдмона Дантеса^[77] в темнице замка Иф.

Снова зоологическая тематика. Вол, верблюд, рыба, а теперь обезьяна. В послании первый раз упомянут зверинец, словно с целью привлечь внимание к животным, оказавшимся среди подарков.

Эллери сосредоточился на упомянутых животных.

Вол. Верблюд. Рыба. Обезьяна.

Коровье. Жвачное. Водное. Примат.

Рога. Горбы. Плавники. Руки.

Он раздраженно покачал головой.

Быть может, материал, из которого они сделаны?

Вол — дерево. Верблюд — металл и эмаль. Рыба — живая ткань. Обезьяна — ткань. «Квин — каменная башка», — добавил Эллери, после чего взял дневник и попытался внести очередную запись.

Но слово «ключ» в сегодняшнем послании стучало у него в голове. Оно было использовано впервые. Как будто автор, раздосадованный его тупостью, решил дать намек попрозрачнее... «Моей тупостью? — подумал Эллери. — Но почему? Ведь подарки адресованы Джону».

Тем не менее он ощущал непонятную уверенность, что объектом насмешек отправителя был Квин, а не Себастьян.

Пятнадцать отдельных подарков за девять вечеров.

Ключ...

Ключ к чему?

Глава 12

ДЕСЯТЫЙ ВЕЧЕР: ПЯТНИЦА, 3 ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

В которой бледный всадник падает головой вниз, у одноглазой куклы вырастает новый зуб, а озадаченный сыщик пьет горькую чашу до дна

В пятницу утром в доме витал дух враждебности. О правилах вежливости было забыто напрочь. Озадаченность и апатия подверглись химическим изменениям. Теперь все были обуреваемы гневом, пренебрегали пищей миссис Дженсен, бродили по территории по одному или угрюмыми парами, явно давая понять, что ничего не желают сильнее, чем выбраться отсюда. Сержанту Дивоу приходилось смотреть в оба.

Холодность между Джоном и Расти стала еще очевиднее. Ее усугубляло поведение Валентины и Мариуса. Они извергали потоки язвительных замечаний, якобы обращая друг к другу, но каждый раз попадая в истинную цель. В итоге стрельба по мишеням выгнала Джона из дома.

Расти последовала за ним.

— Неужели ты не понимаешь, чего добиваются эти двое? Что с нами случилось, дорогой? Мы не можем позволить им все испортить. Джон, что с тобой происходит?

Но Джон молча седлал пегую кобылу.

— Не ездь сегодня верхом. В такую слякоть тропинка может быть опасной.

— Со мной все в порядке. Я просто хочу убраться подальше.

— От меня?

— Не от тебя, Расти. Просто мне хочется побыть одному. Что не так с этой чертовой подпругой?

— Я думала, люди собираются пожениться, чтобы не быть в одиночестве. — Расти понимала, что это безумие, но уже не могла остановиться. — Или ты пытаешься внушить мне, что это не так?

— О, ради бога! — Джон вскочил в седло, повернул голову лошади, наклонился и пришпорил ее. Кобыла вылетела из конюшни, как ракета.

Прижав ладонь ко рту и сдерживая слезы, Расти наблюдала, как Джон скачет галопом по талому снегу и исчезает в лесу.

Ее охватила паника.

Она оседлала мерина и поехала следом за Джоном.

Лесная дорога оказалась в еще худшем состоянии, чем предполагала Расти. Полосы снега и грязи чередовались с участками льда там, куда не проникало солнце. Мерин двигался вперед с недовольным фырканьем. Сердце Расти бешено колотилось. Если Джон попытался погнать кобылу галопом по такой тропинке... Она пустила мерина рысью, напрягая зрение. Один раз он поскользнулся, едва не сбросив ее. Но Расти упрямо ехала дальше, убеждая себя, что кобыла надежнее мерина и что Джон опытный наездник...

Она нашла Джона за поворотом тропинки. Он лежал в снегу под елью лицом вниз. Кобыла все-таки поскользнулась и упала — Расти увидела красноречивую вмятину в снегу, — но с ней, вероятно, все было в порядке, так как ее нигде не было видно.

— Джон!

Он лежал неподвижно, лицо его было бледным. Расти слезла с лошади и подбежала к нему. Он не может, не должен умереть, твердила она себе.

— Джон! — Расти встряхнула его. — О, слава богу!..

Он был жив, но без сознания.

— Очнись, дорогой! — Она целовала его, хлопала по щеке.

Но глаза Джона оставались закрытыми.

Расти снова охватил страх. Значит, он серьезно пострадал. Его нельзя двигать с места. Нужно привести доктора Дарка.

Пробормотав молитву, Расти вскочила в седло, не помня себя, преодолела узкую тропинку и вбежала в дом.

* * *

Несчастный случай с Джоном прояснил атмосферу. Эллери, вернувшись из конюшни, застал его дающим аудиенцию на диване. Все весело болтали. Расти гладила Джона по голове и улыбалась, а доктор Дарк закрывал свой медицинский саквояж. Единственным признаком травмы была повязка на правом запястье Джона.

— Вижу, пациент будет жить, — заметил Эллери.

— Ты хотел сказать «проклятый дурень», — проворчал Джон. — Я сам виноват. Не понимаю, из-за чего такая суматоха.

— Ты, безусловно, виноват, — сказал доктор Дарк. — Тебе повезло, что ты отделался растяжением запястья.

— Ты уверен, что нет переломов, Сэм? — с беспокойством спросил Крейг. — И сотрясения?

— Могу отправить его в больницу, если тебе от этого будет легче, Артур, но в этом нет необходимости.

— Конечно нет, — сказал Джон. — Не волнуйся, Артур. Где ты был, Эллери? Не то чтобы я заслуживал твоего сочувствия, но ты мог бы понаблюдать, не сломал ли я шею.

— У меня было сильное искушение самому сломать ее тебе. — Эллери стал набивать трубку. — Сержант Дивоу и я ходили искать кобылу.

— Она пострадала? — воскликнул Джон.

— Цела и невредима. Мы нашли ее в стойле поедающей сено. — Эллери задул спичку и бросил ее в пепельницу. — Скажи, Джон, как это произошло?

— Я погнал ее, она поскользнулась, и я свалился головой вниз. Это все, что я помню до того, как доктор Сэм привел меня в чувство.

— А на тропинке ничего не случилось, что могло бы напугать лошадь?

— Насколько помню, нет. — Джон выглядел озадаченным. — А что?

— Мистер Квин, вы ведь не предполагаете... — с тревогой начал опекун Джона.

— Я предполагаю, мистер Крейг, — сухо отозвался Эллери, — что сейчас не время с ходу принимать несчастный случай с Джоном за чистую монету. Вот почему Дивоу и я осмотрели кобылу. Ей могли ослабить подкову, но, к счастью, этого не произошло. И вообще, это было маловероятно, так как никто не мог знать, что Джон поедет верхом этим утром и возьмет кобылу, а не мерина, как делал обычно. Все же, учитывая происшедшее, я не исключаю ничего только потому, что это выглядит маловероятным.

Тени сгустились вновь.

По настоянию доктора Дарка Джон провел остаток дня лежа на спине. Поскольку он отказался ложиться в кровать, то занял диван в гостиной, оказавшись в центре не слишком активной деятельности окружающих.

Сегодня беспокоившая всех тема всплыла на поверхность. Они до бесконечности обсуждали смысл подарков. Эллери молча слушал, больше следя за тоном, чем за словами, но не замечал ничего значительного.

Весь день в голове у него вертелся вопрос: каким будет сегодняшней вечерний подарок?

Ответ на сопутствующий вопрос — кто его найдет? — Эллери считал предрешенным. Если события будут следовать прежней схеме — а она казалась постоянной, хотя и бессмысленной, — то подарок должна была обнаружить Расти. Тот, кто днем больше всех контактировал с Джоном, вечером находил подарок — по крайней мере, начиная с пятого, воскресного вечера. В тот день Джон застал врасплох Эллери в своей спальне, и вечером Эллери нашел подарок. В понедельник Джон шантажировал Дэна З. Фримена, который и обнаружил шестой подарок вечером. Во вторник Вэл Уоррен призналась на конюшне в своей страсти к Джону, а тем же вечером

нашла восьмой подарок. Среда была исключением — седьмой подарок обнаружил в рояле Мариус, хотя в тот день между ним и Джоном не происходило ничего особенного. Но вчера, после литературного шантажа в спальне Роланда Пейна, последний нашел девятый подарок.

Эллери пожал плечами. Он не придавал слишком большого значения подобным фактам. Очевидно, они не были совпадениями, но, с другой стороны, даритель не мог предугадывать отдельные эпизоды каждого дня. Кто бы он ни был, он просто пользовался происходящими событиями.

С таким количеством людей, постоянно перемещающихся по этажам и комнатам, было несложно оставаться в курсе всего творящегося в доме. Эта сторона действий таинственного дарителя, вероятно, была второстепенной в той смертоносной игре, которую он вел. А в том, что он вел ее в большей степени с ним, чем с Джоном или кем-либо еще, Эллери убеждался все сильнее.

Куда более насущными казались ему другие вопросы. Кем был мертвец и как он соответствует остальным фрагментам картинка-загадки? Как объяснить тот ошарашивающий факт, что хотя, судя по всему, брат-близнец Джона должен был скрываться в доме, но, согласно информации сержанта Вели, был похоронен в возрасте двух недель? И наконец, что означают ежевечерние подарки?

* * *

Как и предвидел Эллери, десятый подарок обнаружила Расти. После обеда она поднялась к себе за простыней для Джона, остававшегося на диване, и прибежала бледная как полотно, сжимая в руке очередную зловещую посылку.

— На моей кровати... Кто-нибудь п-пусть заберет ее...

По форме коробка отличалась от предшественниц — она была плоской, напоминая те, куда в галантерейных магазинах упаковывают носовые платки.

Но коробка оказалась уникальной и в другом смысле. Когда Эллери снял крышку, то не нашел внутри ничего, кроме белой карточки.

— Подарка нет! — воскликнула Эллен.

— Приятная перемена. — Джон явно испытывал облегчение. — Может, тот недоумок, который скрывается за этой чепухой, начал понимать, что его шуточка всем надоела.

— Я в этом не так уверен, Джон. — Эллери прочитал вслух отпечатанное на машинке сообщение:

А в десятый вечер Святки
Шлет любовь твоя в подарок
Голову в знак смерти скорой,
Нет спасенья от которой.
Зуб один торчит, как штык,
Чтобы сыщик стал в тупик.

Джон изобразил усмешку.

— Милые чувства. Не смотри так трагично, Расти. На меня это уже перестало действовать. К тому же я не выношу скверных стихов.

Но это никого не одурачило.

— Нет подарка! — взвизгнула Оливетт Браун. — Выглядит зловеще. Что это может означать?

— Возможно, у него иссякли идеи, — предположил доктор Дарк.

— Или он не смог раздобыть голову, — сказал Мариус.

— Это замечание мне не кажется забавным, Карло, — холодно произнес Пейн. — Фактически, в вас меня все не слишком забавляет.

— Прекратите, вы, оба, — вмешалась Валентина. — Что вы думаете об этом, Эллери? Почему этим вечером нет подарка?

— Подарок есть. — Эллери постучал по карточке. — «Голову в знак смерти скорой». Такая голова уже была, помните? «Голова, где глаз один. Значит, скорой смерти жди». Голова, где «глаз закрыт, закрыт и рот».

— Тряпичная кукла в новогоднюю ночь! — воскликнула Эллен.

Эллери кивнул. Подойдя к шкафу, где хранились подарки, он обследовал замок, снова кивнул, затем, не пытаясь воспользоваться ключом, повернул ручку. Дверца шкафа открылась.

— Замок взломали, вероятно, прошлой ночью. Наш друг неистощим на сюрпризы, не так ли?.. Да, она здесь, — мрачно промолвил Эллери, — хотя и в исправленном состоянии.

К закрытому глазу и полоске рта на белой краске, покрывающей лицо куклы, добавилась третья черта — короткая вертикальная линия, тянущаяся вверх от правой стороны «рта». Несмотря на примитивный рисунок, смысл ее был ясен — она означала зуб, торчащий вверх в злобещей ухмылке под насмешливо прищуренным глазом.

Им пришлось помочь Джону лечь в постель.

* * *

Той ночью молодой мистер Квин испил в своей спальне горькую чашу до дна. Дело уже было не в нагромождении одной тайны на другую и не в том, что теперешние семнадцать предметов за десять вечеров составляли очередную бессмысленную сумму, а в ощущении издевки. Причем больше не могло быть сомнений в том, кто является ее объектом. Джон Себастьян, возможно, служил мишенью для угроз, но «сыщик» был мишенью для насмешек.

«Он водит меня за нос, — мрачно думал Эллери, — и каждый вечер щелкает по нему. А я могу только подчиняться. Он знает меня, черт бы его побрал! Знает, что я не люблю сдаваться и буду держаться до самого конца. И его ничуть не заботит, с чем я могу в конце столкнуться. Он подталкивает меня к выводу...»

В этот момент в голове Эллери мелькнула странная мысль: «К выводу, к которому хочет, чтобы я пришел».

Но эта мысль утонула в другом вопросе: «А что случится, когда я приду к нему?»

Среди неудач сегодняшнего вечера Эллери видел один плюс. Взломать замок шкафчика мог только кто-то из находящихся в доме. Поскольку сержант Дивоу дежурил весь день, а его сменщик — всю ночь, никто посторонний не мог этого сделать.

Но утешение было маленьким. Эллери и так это знал.

Он смотрел в черноту спальни, пока она не начала сереть, а потом, окончательно изможденный, свалился на кровать и заснул.

Глава 13

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР: СУББОТА, 4 ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

В которой доктор Дарк дает Джону немедицинский совет, а со знаком креста домик достроен — или нет?

За ночь сильно похолодало. Это оказалось неплохим тонизирующим средством. Джон даже улыбнулся пару раз Расти за завтраком — с его *hors de combat*^[78] правой рукой он нуждался в помощи, и Расти хлопотала над ним, как наседка. Никто не упоминал о вчерашнем зловещем подарке в виде «зуба» или о том, какой новой чертовщины можно ожидать сегодня вечером. Улучшение атмосферы, думал Эллери, по крайней мере отчасти, можно было приписать тому факту, что время подарков подходило к концу. Было утро одиннадцатого дня каникул, и всем, похоже, казалось, что через тридцать шесть часов даже лейтенант Лурия прислушается к голосу разума.

— Если нет, — мрачно произнес Роланд Пейн, — то я начну давать бесплатные юридические консультации.

— Все не так уж плохо, — сказал Мариус Карло. — Из-за этого сегодня вечером я снова буду отсутствовать на концерте оркестра Дамроша. — И он грозно предупредил, что если кто-нибудь настроит радио в девять вечера на Дабл-ю-и-эй-эф, то в воскресенье на рассвете ему придется выбирать оружие для дуэли.

Юмор был тяжеловесным, но, как шепнул мистер Гардинер Дэну З. Фримену, он хотя бы обладал достоинством прозрачности.

Итак, день начался хорошо и, поскольку Валентина и Мариус, кажется, договорились вести себя мирно, доброжелательная атмосфера обещала сохраняться и далее. Эллен так приободрилась, что совместно с миссис Дженсен и Фелтоном организовала жаркое по-венски. Они устроили ленч-пикник в лесу под елью, обугливая сосиски, превращая гамбургеры в кожаные изделия, поджаривая втреск луковицы, подбирая из золы полуразвалившуюся картошку, поглощая целыми квартами крепкий кофе и прекрасно проводя время.

Даже послеполуночный визит лейтенанта Лурия не испортил день. Он выслушал свежие новости о посланиях и подарках с таким видом, будто они не имели никакого значения, задал обычную серию вопросов и под конец объявил, что если не случится ничего непредвиденного, гостям будет позволено разъехаться в понедельник или во вторник. Это вызвало всеобщее веселье. Эллери отвел Лурия в сторону.

— Вы что-то обнаружили? — осведомился он.

Полицейский колебался лишь долю секунды, зажигая сигарету.

— Почему вы так думаете, Квин?

— Я вскормлен на револьверной смазке, а первые зубы опробовал на полицейской дубинке. Что вы выяснили?

— Ну... кое-что.

— О мертвеце?

— Мы еще не уверены.

— Кто он?

— Когда мы будем уверены, я вам сообщу.

— Что-нибудь еще?

Лурия покачал головой.

— Не знаю, приведет ли нас куда-нибудь идентификация. Конечно, если убитый — тот, кто мы предполагаем, то это открывает определенные возможности, но... — Он пожал плечами. — Нельзя произвести арест только на основании возможностей. Нет никаких доказательств, непосредственно связывающих с убийством кого-либо из присутствующих здесь.

— Значит, вы действительно собираетесь позволить им уехать?

— А что еще я могу сделать? — Лурия разглядывал Эллери сквозь сигаретный дым. — А вы хоть что-нибудь поняли в этих посланиях и коробках?

— Нет, — кратко ответил Эллери.

— Но все еще думаете, что они связаны с убийством?

— Да, думаю, хотя не знаю наверняка.

— Если узнаете, дайте мне знать. — Лейтенант Лурия отпустил краткое, но смачное ругательство. — Повезло же мне вляпаться в такое сумасбродное дело!

— И мне, — пробормотал Эллери.

Доктор Дарк постучал в дверь спальни.

— Джон?

— Кто там?

— Сэм Дарк. Могу я войти?

— Конечно.

Толстяк открыл дверь и шагнул в комнату. Джон лежал на кровати, а Расти сидела рядом с открытой книгой на коленях.

— Как ведет себя мой пациент? — осведомился доктор.

— Не слишком плохо, учитывая его скверный характер, — ответила Расти. — Капризничал, но подремал, а сейчас слушает «Додсворт», хотя и отпускает ехидные комментарии.

— Льюиса следовало бы издавать только в бумажной обложке, — фыркнул Джон. — Его и Драйзера.

— «Додсворт»? — переспросил доктор Дарк. — А, это его новая книга. Я еще до нее не добрался. По-моему, Джон, «Эрроусмит»^[79] совсем неплох. Как запястье?

— Болит, благодарю вас. Вы что, доктор Сэм, перешли на торговлю контрабандными лекарствами? Уложить меня в постель из-за растяжения запястья!

— Я же позволил тебе сходить на пикник, верно? Как бы то ни было, ты в постели не из-за запястья. Возможно скрытое сотрясение. — Толстый врач посмотрел на Расти. — Если не возражаешь, дорогая...

Расти встала.

— Я скоро вернусь, милый.

— Зачем ей выходить, доктор? — пожаловался Джон. — Я не покраснею из-за обнаженного запястья.

— Отношения между врачом и пациентом священны. — Доктор Дарк подмигнул Расти. — Это не займет много времени.

— Надеюсь, с вами он будет полубезнее, чем со мной. — Расти чмокнула Джона под байроновским локоном и удалилась.

— О'кей, доктор Сэм, давайте поскорее... Эй! — Джон сел в кровати. — Почему вы запираете дверь? Какое обследование вы собираетесь произвести?

Доктор Дарк прислонился к двери обширной спиной. Его лицо стало серьезным.

— Джон, я хочу поговорить с тобой.

Джон пристально посмотрел на него, потом откинулся на подушки и покорно возвел очи горе.

— Как мужчина с женщиной, а?

— Что в этом дурного? — Толстяк подошел к кровати и остановился, глядя на молодого поэта.

— Вероятно, это лучше, чем как мужчина с мальчишкой. — Джон лениво качнул головой. — Вы и Артур склонны забывать, что я уже не больной ребенок. «Так-то коловращение времени несет с собой возмездие»^[80]. Это из «Двенадцатой ночи», сэра Пиявка, — да простит меня Бог, что упоминаю о дюжине. Прошло больше времени, чем вы думаете.

— Вот именно, — кивнул доктор Дарк. — Тебе следовало бы это помнить.

Джон посмотрел на него.

— О чем вы?

Толстяк колебался.

— Я знаю тебя с детства, Джон. В какой-то степени я помогал тебе расти. Полагаю, я всегда считал себя кем-то вроде твоего дяди. Ты уверен, что знаешь, что делаешь?

— Вы имеете в виду женитьбу на Расти? — Джон усмехнулся. — Я же говорил вам еще в начале ноября — в тот же вечер, что и Артуру, — что мечтаю об этом браке.

— Ты отлично знаешь, что я имею в виду не это. Посмотри на меня, Джон. Нет, прямо в глаза.

— Глазной тест на добродетель? — усмехнулся Джон. — Я думал, это ушло в прошлое вместе с поясом целомудрия.

— Джон, — с трудом вымолвил доктор Дарк, — я знаю, что ты замышляешь насчет мистера Фримена и мистера Пейна.

— Вот как? — В голосе Джона не слышалось волнения — только удивление и досада. — И что же я замышляю насчет Фримена и Пейна?

— Вряд ли необходимо говорить об этом вслух. Просто учти, что я знаю.

Джон снова поднял глаза к потолку.

— Значит, они все рассказали. Я неверно о них судил.

— Мне они ничего не рассказывали.

— Тогда где вы услышали эту conte drolatique^[81]?

— Это имеет значение?

— Может быть, — спокойно ответил Джон. — Как быстро распространился этот слух? Кому еще об этом известно?

— Не знаю. Думаю, немногим. Но дело не в этом. Дело в том, Джон, что ты так же верно скачешь навстречу падению, как скакал вчера.

— Доктор Сэм... — начал Джон.

— Конечно, ты можешь сказать, что меня это не касается. Ты имеешь на это право, но надеюсь, не сделаешь этого.

Джон молчал.

— Хотел бы я быть проповедником. Врачу редко хватает времени ходить вокруг да около. Не знаю, почему ты так поступаешь, Джон, но... не делай этого. Не пытайся помыкать людьми. Такие люди, как Фримен и Пейн, добившиеся успеха, несмотря на их слабости, не позволяют, чтобы ими помыкали. Тебе не придется достаточно долго ждать, чтобы в этом убедиться. Они нанесут ответный удар. Ты об этом задумывался?

— Понятия не имею, доктор Сэм, о чем вы говорите, — сказал Джон. — Вы собираетесь обследовать мое запястье или нет?

Некоторое время доктор Сэмсон Дарк молча смотрел на Джона, затем подошел к двери, отпер ее и вышел.

* * *

Когда вечером доктор Дарк вернулся в гостиную, которую покинул всего несколько минут назад, чтобы лечь спать, Эллери не понадобилось оборачиваться, чтобы увидеть рождественскую посылку у него в руке.

— Только что нашел это на моем бюро.

Взяв у него пакет, Эллери подумал о том, какую роль играл толстый врач в течение дня, чтобы заработать сомнительную вечернюю честь. Но мясистые губы доктора были плотно сжаты, и Эллери знал, что спрашивать его бесполезно.

Положив пакет на стол, он удалил красно-зеленую обертку и обычную открытку с Санта-Клаусом, где были напечатаны слова «Джону Себастьяну». Машинально Эллери отметил, что отправитель воспользовался той же пишущей машинкой.

Белая коробка была одной из самых маленьких в серии. Однако стишок, отпечатанный на карточке, оказался сравнительно длинным:

В одиннадцатый вечер Святки
Шлет любовь твоя в подарок
Самый таинственный *знак*.
(Тебя еще окружает мрак?)
К *столбику* он прикреплен.
Духа означает он.

Оборотная сторона карточки была пуста.

Подарком служил маленький указательный столбик, состоящий из деревянной стойки, выкрашенной в коричневый цвет, к верхушке которого была прибита миниатюрная медная консоль. С нее свисала продолговатая деревянная табличка с зазубренными краями, также покрытая коричневой краской. На табличке был грубо нарисован знак «Х».

— Получается неплохой наборчик, — заметил Джон. — Думаете, это все, или завтра вечером ждать еще одного подарка?

— Это последний, — громко прошептала миссис Браун. — Не спрашивайте почему. Я это чувствую!

— А я чувствую, что это чушь собачья, — заявил Мариус Карло. — И пусть она идет ко всем чертям. Джон, как насчет того, чтобы налить мне еще порцию?

— «Х», — задумчиво промолвил мистер Гардинер. — Греческая буква «хи» — инициал имени «Христос». Символ Христа — и Рождества.

Эллери поднял взгляд.

— Знаете, мистер Гардинер, я об этом не подумал. Но, по-моему, это означает совсем другое. В послании сказано: «Духа означает он».

— Святого Духа? — предположил Дэн Фримен.

— Кошунство, — пробормотал священник. — Все это просто омерзительно.

— Нет, — ответил Эллери Фримену.

— Тогда какого духа?

— В эпоху контрабандного бренди, налетов и «бетонных кимоно»^[82] знак «X» обычно отмечает место предстоящего события, в результате которого дух нависает над плитой в ближайшем морге. Так же изысканно, как чикагский рэкет.

— Превосходно, — усмехнулся Джон. — Выходит, меня убьют в этом доме.

— Не говори так, Джон! — вскрикнула Расти.

Артур Крейг шагнул к ней, сердито глядя на своего подопечного.

— Вы все ошибаетесь, мистер Квин, — страстным тоном произнесла Оливетт Браун. — Знак «X» относится к отправителю и обозначает неизвестное. Кто-то, ушедший в мир иной, пытается вступить в контакт с Джоном. Есть духи, не имеющие личности или потерявшие ее, они обречены быть прикованными к материальному миру, пока ее не обретут...

Она продолжала в том же духе, но Эллери не слушал ее. Уже девятнадцать отдельных «подарков» в одиннадцати коробках, думал он, завтра придет двенадцатая, последняя коробка.

Составит ли это последний счет?

Глава 14

ДВЕНАДЦАТЫЙ ВЕЧЕР: ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5 ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

В которой Оливетт Браун беседует с духом, в мистера Квина ударяет молния, а Джон Себастьян получает последний подарок

Воскресенье было одним из тех жутких дней, которые от рождения еле волочат ноги. Люди бродили из комнаты в комнату, пересаживаясь с одного стула на другой. Воскресные газеты читали и перечитывали, включая даже объемистые разделы о нью-йоркской

выставке автомобилей. Заявление мэра Джимми Уокера, что в течение четырех ближайших лет он будет жертвовать на благотворительность всю прибавку к жалованью, понюхали, попробовали на вкус и разорвали на мелкие кусочки. Вэл Уоррен эмоционально прочитала вслух некролог Кеннета Хокса, мужа Мэри Ас-тор^[83], который погиб вместе с еще десятью людьми на съемках сцены в самолете в пятницу неподалеку от Санта-Моники. Обладающие литературными склонностями провели «круглый стол» по поводу недавно опубликованных этапных новинок сезона — «Добрых компаньонов» Дж.Б. Пристли, «Золотой чаши» Джона Стейнбека, «Ultima Thule» Генри Генделя Ричардсона, «Поля чести» — последнего романа Донн-Берна. Дэн Фримен с грустью поведал странную историю, которая предшествовала изданию «На Западном фронте без перемен» Ремарка. Но когда Эллери упомянул «Двенадцать против Бога» Уильяма Болито, «круглый стол» тут же распался. В этом доме «двенадцать» было плохим словом.

Несмотря на сиявшее солнце, никто не рискнул выйти наружу, кроме старого мистера Гардинера, который ушел из дома, когда остальные еще не встали, и вернулся под вечер. Когда его спросили, где он провел весь день, священник ответил: «С Христом, явившим Себя язычникам» — и спокойно поднялся в свою комнату.

Тень грядущего вечера нависала над домом, держа всех в напряжении. Это было чересчур для ирландской девушки Мейбл, которая в итоге разрыдалась на груди изумленного сержанта Дивоу.

— Поскольку сегодня канун Крещения и завтра, вероятно, все разъедутся, почему бы нам не отпраздновать это, как в Средние века? — предложила Эллен. — В этот вечер люди пировали, играли в разные игры и всячески веселились. Что вы об этом думаете?

— Bravo! — воскликнул Эллери, воздержавшись от упоминания о том, что празднования Крещения в Средневековье, вероятно, были связаны с римскими сатурналиями^[84]. — Кто что будет делать?

В итоге была разработана программа.

Молитва мистера Гардинера за праздничным столом касалась брака в Кане^[85] и завершилась просьбой обратить «горькую воду дома сего» в сладкое вино добра и радости. Она отнюдь не подняла настроение присутствующих, и приготовленный миссис Дженсен праздничный обед начался в молчании. Джон не улучшил положения,

заметив достаточно громко для миссис Дженсен, все услышавшей через буфетную, что жаркое из баранины недожарено, поэтому остаток обеда прошел под аккомпанемент приглушенных всхлипываний из кулинарного сектора, перемежаемых яростным шиканьем Мейбл и Фелтона. Затем, освобождая стол для десерта, Мейбл наклонила переполненный поднос и пролила почти полный стакан бургундского на голову Роланда Пейна, окрасив его седые волосы пурпуром. Струйки того же цвета потекли по его щекам и рубашке на колени. Бедняжка уронила поднос и умчалась в кухню, присоединив свои жалобы к всхлипываниям миссис Дженсен. Эллен и Расти поспешили успокоить обеих женщин, пока Артур Крейг провожал наверх своего брызгающего слюной поверенного.

Эллери использовал возможность, чтобы обследовать гостиную. Рождественской посылки там не оказалось. Он все еще размышлял о том, кто, когда и в каком месте обнаружит двенадцатый подарок, когда компания собралась вновь для праздничной программы.

Мариус скрылся в музыкальной комнате, и сквозь арку оттуда послышалась исполненная наивного очарования музыка, похожая на Перселла. Под ее мелодичный аккомпанемент все сели.

Эллери поднял руку, и музыка смолкла.

— В качестве вашего церемониймейстера, леди и джентльмены, — торжественно начал Эллен, — я выбираю наиболее популярную из всех линий — линию наименьшего сопротивления. Я не стану произносить речи. — Эллен зааплодировала — как ему показалось, слишком горячо. — Вместо этого мы сразу же приступим к делу. В противовес давним водевильным традициям, нашими первыми увеселениями не будут ни акробаты, ни японские жонглеры. Фактически, я вообще не знаю, какими они будут. Поэтому передаю слово мистеру Артуру Бенджамину Крейгу.

Рояль издал громкий аккорд, и из библиотеки появился хозяин дома, несущий коробку из гофрированного картона. Поставив ее на стол, он с серьезным видом отвесил поклон Эллен, который поклонился в ответ и сел. Крейг прочистил горло.

Сержант Дивоу наблюдал за происходящим из арки, ведущей в холл, а миссис Дженсен, Мейбл и Фелтон — женщины все еще шмыгали носом — подсматривали через полуоткрытую дверь столовой.

— Коллеги по Обществу поклонников Джона Себастьяна, — начал Крейг, положив руку на картонную коробку, — завтра, 6 января, «Дом Фримена» выпускает «Пищу любви» в издании, предназначенном для продажи, скромном, но безукоризненном, как ее автор.

Его прервали крики: «Слушайте, слушайте!» Джон усмехался, а остальные улыбались, кроме Фримена и Пейна, на чьих лицах отсутствовало какое-либо выражение. Крейг быстро поднял руку.

— Учитывая мою двойную связь с нашим юным героем, как его неофициальный отец и типограф упомянутого первого издания, я не мог оставить это событие без моего личного вклада. Поэтому я использовал солидные ресурсы моей типографии, а также различных искусных мастеров, с которыми сотрудничал много лет, с целью выпуска, — Крейг открыл коробку и достал книгу, — специального издания «Пищи любви» ограниченным тиражом в двенадцать пронумерованных экземпляров для каждого из присутствующих.

Шепот восхищения приветствовал роскошное издание.

— Формат в двенадцатую долю листа деликатно соответствует тонкости книги. Была использована специальная тряпичная бумага, произведенная для меня в Англии. Текст набран изящным, но не вычурным шрифтом, изготовленным по моему заказу Шартреном для эксклюзивного использования «Домом Фримена» при издании поэтической классики. Каждая страница напечатана в двух цветах: текст — в черном, а виньетки — в красном, но умеренно ярком. Дизайн форзаца и титульного листа — дружеский дар известного художника Бориса Акста. Листы собраны и сшиты вручную, а затем переплетены в левантийский сафьян^[86]. Я горжусь этой книгой, Джон, и презентую ее нашим друзьям и тебе в надежде, что вы все получите такое же удовольствие от обладания ею, как я от ее изготовления.

Сияющий Крейг протянул один экземпляр книги Джону и распределил другие среди остальных. Последний экземпляр бородатый типограф крепко прижал к груди.

— Естественно, я не забыл и себя!

Джон явно был растроган. Он сидел с книгой на коленях и смотрел на нее, быстро моргая.

Среди возгласов восхищения прозвучали требования автографа Джона. Несмотря на протестующие заявления, что он едва ли может

писать из-за растянутого запястья, Расти и Эллен подхватили его, подвели к столу и усадили на стул. Мистер Гардинер достал авторучку, Валентина побежала в библиотеку за промокательной бумагой, и мероприятие началось. Помимо подписи каждый требовал личную дарственную надпись, и Джон, морщась от умственного и физического напряжения, старательно выводил каракули на вкладыше с выходными данными ограниченного издания.

Подойдя к стулу, на котором Джон оставил свой экземпляр книги, Эллери подобрал его и посмотрел на вкладыш. Экземпляр был помечен номером 12. Ему припомнилась строчка из забытого викторианского автора: «Над вероятностью судьба смеется».

Принеся для подписи свой экземпляр, Эллери заметил, что Фримен и Пейн держатся позади. Но ситуация вынудила и их с вымученными улыбками представить свои экземпляры вниманию молодого поэта.

* * *

— Когда составлялась программа вечерних развлечений, — заговорил церемониймейстер, — я не знал о существовании гармоничного баланса между тогда еще неизвестным вступительным номером мистера Крейга и вторым номером, который я сейчас объявлю. Чтение отрывков из «Пищи любви» самим поэтом!

Эллери сел, а поэт, стиснув руки над головой, как боксер перед матчем, получил свою порцию аплодисментов и приветственных криков. Затем, осторожно подняв свой экземпляр книги, словно это было изделие гениального Бенвенуто Челлини, Джон начал чтение.

Он читал хорошо — ритмично и выразительно, — и то, что он читал, казалось Эллери превосходным. Принадлежа к тому же фицджеральдовскому поколению, что и поэт, Эллери не разделял мнение мистера Гардинера, что стихи Джона манерные и претенциозные, — они звучали свежо и остроумно, с нотками очаровательного цинизма и пренебрежением традиционными формами, распространенным среди молодых американских эмигрантов на Французской Ривьере и в кафе на южном берегу Сены. По окончании чтения он искренне присоединился к аплодисментам.

— Следующий номер — музыкальная интерлюдия, исполняемая непревзойденным импресарио клавиш, нашим знаменитым композитором и виртуозом, маэстро Мариусом Карло!

Сержант Дивоу и Фелтон, нанятые в качестве рабочих сцены, притащили фортепиано через арку из музыкальной комнаты. Мариус поклонился, откинул фалды воображаемого фрака и сел на вращающийся табурет.

— В эпоху, когда каждый человек является сам себе перегонным кубом, — начал Мариус, сгибая пальцы над клавиатурой, — собирая материалы для домашнего варева из своего непосредственного окружения: работник фермы — со дна силосной ямы, шахтер — под землей, калифорниец — в гнилом кактусе, мне пришло в голову, что, как композитор, я мог бы делать то же самое. Короче говоря, в свете того, что мистер Квин недавно упоминал о роли числа «двенадцать» для этих рождественских каникул, я стал работать, используя двенадцатитоновую систему Шёнберга, над сочинением, вдохновленным комедией, вышедшей из-под пера Шекспира и названной «Двенадцатая ночь» не потому, что это имеет отношение к сюжету, а потому, что ее предполагалось сыграть в двенадцатую ночь празднеств при елизаветинском дворе. Почему я не слышу криков «ура»?

Он их услышал.

— Первая часть называется «Кораблекрушение в Иллирии». Тишина, пожалуйста! — Мариус на миг застыл, подняв руки, затем опустил их на клавиатуру с таким громким каскадом диссонансов, что Мейбл в дверях столовой испуганно ойкнула и, покраснев, убежала.

Молодой композитор добрых двадцать минут терзал клавиши, сопровождая игру веселым либретто, не только оглушая публику, но и озадачивая. В разразившихся под конец бурных аплодисментах звучало явное облегчение.

— Наш следующий артист, — объявил Эллери, когда рояль увезли назад в музыкальную комнату, — мисс Валентина Уоррен, которая удостоит нас, как мне было сказано, двумя драматическими интерпретациями, но какими именно, вашему покорному слуге знать не дано. Прошу вас, мисс Уоррен!

Выступление Валентины явилось сюрпризом — по крайней мере, вначале. Эллери ожидал чего-то тяжеловесного — например, речи

Иокасты, обращенной к Эдипу, из Софокла или подражания Бланш Юрка в «Дикой утке» Ибсена. Но вместо этого Валентина предложила им перенестись в своем воображении через Гудзон в репертуарный театр Кристофера Морли в Хобокене, прочитав веселый монолог из «драймы» девятнадцатого века «С наступлением темноты, или Ни девушка, ни жена, ни вдова». Все, включая Эллери, поблагодарили Валентину поощрительным свистом и криками, но, к сожалению, на бис актриса решила перевоплотиться в Нину Лидс, героиню «Странной интерлюдии» Юджина О'Нила, достаточно скверно исполнив длинную сцену в духе «потока сознания». Однако, если в аплодисментах, сопровождавших поклон Валентины, звучала фальшивая нота, то ее, похоже, не заметил никто, кроме Эллери, — во всяком случае, не заметила сама артистка.

Эллен предъявила мольберт, несколько листов бумаги, коробку угольных карандашей, позабавив публику серией язвительных карикатур. Особенно злым вышел шарж на Эллери с лицом стервятника на гибкой длинной шее. При этом ей удалось передать сходство. Мистер Гардинер бодро прочитал отрывки из ветхозаветной «Песни песней Соломона», не преминув интерпретировать их как аллегорию союза между Христом и Его церковью. Расти Браун вышла на сцену с мотком проволоки и щипцами, быстро смастерив несколько очаровательных птиц и животных, как она выразилась, «в свободном стиле». Даже доктор Сэмсон Дарк гнусаво симитировал пение Руди Вэлли в студенческой песне «Мэнская застольная».

— А теперь, — сказал Эллери, когда доктор сел, вытирая фальстафовские^[87] щеки, — мы переходим к *piece de resistance*^[88] наших увеселений — подлинному сеансу, проводимому знаменитым спиритом, мадам Оливетт Браун.

Мистер Гардинер тут же встал, извинился, сославшись на недомогание, и вышел из комнаты. Через минуту он вернулся, мрачно заметив, что тот, кто посвятил жизнь духовному миру, может оказаться полезным в общении с потусторонними друзьями миссис Браун, хотя бы изгоняя их. После этого старый священник вновь сел и сложил руки молитвенным жестом, готовый к встрече с самим дьяволом.

Оливетт Браун не обращала на него внимания. Она была слишком занята оборудованием сцены.

Наконец все расселись в почти полной темноте вокруг большого круглого стола, держась за руки с соседями, и приступили к сеансу.

Вначале слышались приглушенные смешки девушек и ядовитые комментарии Мариуса, но постепенно и они смолкли, и воцарилась почти физически осязаемая тишина. Когда глаза привыкли к полумраку, все устремили их на Оливетт Браун, сидящую неподвижно и вглядывающуюся поверх голов в тени, наполнявшие комнату.

Она сидела так настолько долго, что все невольно начали напрягать слух. Напряженная атмосфера вокруг стола буквально гудела.

Внезапно мать Расти откинулась на спинку стула и застонала. После мертвой тишины от этого звука волосы присутствующих встали дыбом, а руки крепче стиснули руки соседей.

Стон замер. Теперь миссис Браун сидела в расслабленной позе, с широко открытыми глазами на лице, похожем на белую маску.

Потом она начала говорить мечтательным тоном, совсем не похожим на ее обычный, резкий и гнусавый голос.

— Я нахожусь в огромном сводчатом помещении, темном и не темном, светлом и не светлом, замкнутом и тянущемся до бесконечности во все стороны... Это как сон, но гораздо четче...

Миссис Браун продолжала в том же духе, пока все не стали ощущать то, что она «видела», не имея ни малейшего представления о его форме, цвете или пропорциях.

— Он идет... — внезапно сказала Оливетт Браун. — Я вижу его серое мерцание... Он подходит ближе и ближе... — Голос стал громче. — Кто-то, кого я знаю... Он мертв — это дух... Кто же он?.. Кто вы? — Она издала вопль, от которого сердца подскочили к горлу. — Джон! Это Джон! — И упала лицом вниз, стукнувшись лбом о крышку стола.

Сеанс прервался. Эллери подбежал к выключателю одновременно с сержантом Дивоу. Когда он повернулся, доктор усаживал Оливетт Браун на стул, а Расти яростно хлопала мать по восковым щекам.

— Не знаю, почему я позволила ей сделать это. Потом она всегда расстраивается. Видит Бог, я не верю в эту чепуху, но она, кажется, убедила себя с помощью самогипноза... Мама, мама!

— Позволь мне, — сказал доктор Дарк. — Артур, поставь здесь еще один стул. Я хочу уложить ее и опустить голову ниже ног. Она

просто в обмороке, хотя на лбу будет шишка... Кто-нибудь пусть откроет окна настежь. Нужен свежий воздух.

Пока доктор приводил в чувство миссис Браун, Эллери подошел к Джону, который стоял поодаль со странным выражением лица.

— Должно быть, этот климактерический вопль здорово напугал тебя, Джон. Каково встретить собственный дух, будучи живым?

— Весьма интересно, — холодно отозвался Джон. — Куда интереснее, чем ты думаешь.

— Что ты имеешь в виду?

Джон улыбнулся и покачал головой, внимательно наблюдая за матерью Расти.

Как только она открыла глаза, он шагнул к ней.

— Как вы узнали, мамаша Браун?

— Что? — еле слышно откликнулась она. — О, Джон, у меня раскалывается голова! Что произошло?

— Ты впала в транс, мама, — объяснила Расти, — начала говорить, что кто-то приближается к тебе — призрак или мертвец, — а потом назвала его Джоном и потеряла сознание.

— Вот как? Джон... мертв? Как глупо. — Она ощупала свою голову. — После сеанса я всегда ничего не помню.

— Как вы узнали? — повторил Джон.

— Перестань говорить загадками, — сердито сказала Расти. — Что узнала мама?

— Об этом знало только одно лицо, — обратился Джон к миссис Браун. — И между прочим, его нет среди присутствующих. Здесь об этом знал только я. Поэтому я снова спрашиваю вас, мамаша Браун: как вы узнали?

Она тупо смотрела на него.

— Хоть бы прекратилась боль в голове! Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Прекрати, Джон, — резко сказал Крейг. — Миссис Браун не в том состоянии, чтобы ее донимать.

— Верно, Артур, — кивнул Джон, продолжая улыбаться. — Прошу прощения, мамаша Браун. Почему бы вам не подняться в свою комнату и не отдохнуть? Пожалуй, нам всем не помешало бы прилечь на часок. К полуночи всем придется встать. — При виде озадаченных лиц Джон усмехнулся. — К чему ждать дневного света? В час ведьм я,

в отличие от Золушки, превращаюсь в принца, помните? Поэтому сразу после полуночи, когда мне исполнится двадцать пять, я попрошу мистера Пейна провести официальное чтение отцовского завещания, превращающего меня из тыквы в королевскую карету, а потом мистер Гардинер обвенчает меня и Расти...

— В твоих устах это звучит так романтично, — фыркнула Расти.

Джон поцеловал ее.

— И наконец, я преподнесу сюрприз, который был обещан.

— Господи, совсем забыл! — воскликнул Крейг. «И я тоже», — подумал Эллери. — Джон, что ты прячешь в рукаве?

— Узнаешь после церемонии, Артур, как и все остальные. Соберемся здесь без четверти двенадцать.

Эллери задержался в гостиной дольше других. Он ходил по комнате, заглядывая в углы.

— Ищете двенадцатую коробку, мистер Квин? — Сержант Дивоу наблюдал за ним из холла.

— В каком-то смысле, сержант. Кажется, все о ней забыли.

— Только не я. Весь вечер ее разыскивал. — Сержант покачал головой. — Коробки здесь нет.

— Полагаю, она снова в чьей-нибудь спальне.

Но спустя десять минут они все еще ожидали, когда кто-нибудь прибежит с коробкой.

— Что, если с подарками покончено? — усмехнулся сержант Дивоу. — Хотя вряд ли он остановится на одиннадцати.

Эллери оставался серьезным.

— Боюсь, сержант, коробка появится до полуночи. — Он взял свой экземпляр книги Джона и поднялся наверх.

* * *

Вол. Гвоздь. Вода. Голова.

Дом. Частокол. Рыба. Зуб.

Верблюд. Рука. Глаз. Знак (или Крест?).

Дверь. Ладонь. Рот. Столбик.

Окно. Кнут. Обезьяна.

Девятнадцать предметов в одиннадцати коробках и за одиннадцать вечеров.

Эллери бродил по своей спальне, яростно куря.

Остается один вечер, чтобы завершить серию из двенадцати. Это означает, по крайней мере, еще один предмет. Следовательно, их будет как минимум двадцать.

Его мысли устремились к этому числу.

Не в нем ли скрывается ключ? Двадцать, двадцать...

Он вернулся к письменному столу, где лежал список девятнадцати предметов. Вол... Дом... Верблюды... Эллери покачал головой. Он сотню раз изучал этот перечень в поисках общего знаменателя. Чем дольше он это делал, тем сильнее убеждался, что связь между предметами существует, но тем менее уловимой она казалась.

Число «двадцать» дразнило его. С ним что-то было связано — что-то, о чем он знал или читал, — но Эллери не мог этого вспомнить... Игра в двадцать вопросов? Нет-нет. Трактовка серии из двадцати предметов в духе игры-загадки не приводила ни к чему... Двадцать...

И тогда он вспомнил.

Группировка чисел по пять исходила из пяти пальцев на каждой руке и ноге. Следовательно, три основных шкалы пятеричной системы состояли из пяти, десяти или двадцати единиц. Группировка предметов по двадцать существовала в английском термине *score*^[89] и французской системе счисления — *quatre-vingts*, что означало «восемьдесят» или «четыре по двадцать». В тропических странах из-за жаркого климата люди ходили босиком, имея перед глазами пальцы не только на руках, но и на ногах. Некоторые коренные жители Мексики до сих пор считают до «человека полностью», а потом начинают снова. Доказательством, что гренландцы, возможно, имели тропическое происхождение, служило то, что их система счисления была двадцатеричной.

Двадцать... и двенадцать? Система счисления?

Эллери сонно уставился на список. Все это было правильно, интересно, но не относилось к делу. Он не мог видеть ни малейшей связи с предметами, которые присылали Джону.

Выбив из трубки остаток табака, Эллери устало опустился на стул, взял подарочное издание книги стихов Джона, открыл его и

выпрямился с радостным возгласом, как будто на него снизошло божественное откровение.

Случайно он раскрыл книгу на титульном листе. И оно оказалось там, метнувшись со страницы через его глаза к забытой сокровищнице мозга и открыв ее со скоростью света.

Джон Себастьян

ПИЩА ЛЮБВИ

Любовь питают музыкой; играйте...
Играйте же, играйте, музыканты...

«Двенадцатая ночь»^[20]

ЭЙ-БИ-СИ ПРЕСС

НЬЮ-ЙОРК, 1930

Эллери жадно исследовал свою память — ощупывал ее, шарил в ней, рассекал на части скальпелем, пока не увидел истину во всей ее очаровательной простоте, чувствуя унижение. Почему он не увидел это раньше? Ведь здесь не было ничего эзотерического или фантастического.

«В этом моя беда, — подумал Эллери. — Я всегда игнорирую очевидное в пользу глубокомысленного».

Все настолько ясно. Вол, дом, верблюд, дверь... Всего двадцать. Да, все дело было в этом числе! Интуиция подсказывала ему это.

Ему внезапно пришло в голову, что теперь можно установить, каким должен быть еще не полученный двадцатый предмет. Мысленным взором он пробежал список...

Сердце Эллери сжалось, и он похолодел. Двенадцатым подарком и двадцатым предметом должен быть...

Эллери бросил книгу, дико огляделся и выбежал из комнаты.

Сержант Дивоу слонялся по лестничной площадке.

— В чем дело, мистер Квин?

— Скорее в спальню Джона!

Несмотря на свои габариты, сержант добежал до двери раньше Эллери. Он толкнул ее плечом, и дверь с треском распахнулась.

Другие двери открылись тоже. Люди выбегали в коридор.

Эллери медленно вошел в комнату Джона. Сержант Дивоу, судорожно глотнув, загородил дверной проем.

Расти вскрикнула.

Джон сидел на стуле у письменного стола спиной к двери. Он был без пиджака, голова его лежала на крышке стола, рядом с левой рукой, перевязанная правая рука свисала вниз.

На белой рубашке, под лопатками чуть левее середины спины, расцветал ярко-красный цветок со слегка расплывающимися лепестками.

В центре цветка торчала рукоятка ножа.

— Сержант, пропустите доктора Дарка.

Толстый врач шагнул в спальню; краска сбежала с его массивного лица.

— Постарайтесь не оставлять отпечатки пальцев на столе и на его одежде, доктор.

Вскоре врач выпрямился. Он казался испуганным и растерянным.

— Джон мертв.

— Пожалуйста, вернитесь. Сержант, позвоните лейтенанту Луриа. Я останусь здесь. Нет, мистер Крейг, не входите. Лучше побудьте с Расти. Думаю, всем будет легче, если я оставлю дверь закрытой до прихода лейтенанта.

Мистер Гардинер молился в коридоре.

Оставшись наедине с телом, Эллери попытался сосредоточиться — вероятно, слишком поздно.

Он приложил тыльную сторону ладони к шее, щеке, уху Джона. Они были еще теплыми. Если бы не торчащий в спине нож, Джон казался бы спящим.

«Если бы я понял смысл подарков на пять, десять, пятнадцать минут раньше!» — думал Эллери.

Потом он заметил карточку. На ней лежало лицо Джона, как будто он читал ее в тот момент, когда нож вонзился ему в спину. Обернув пальцы носовым платком, Эллери ухватился за край карточки и тянул ее до тех пор, пока не стал виден машинописный текст. Он не стал поднимать карточку со стола.

Она выглядела так же, как одиннадцать предыдущих, — белая, продолговатая и со стихотворным посланием:

В двенадцатый вечер Святков
Шлет любовь твоя в подарок
Кинжал, что последним ударом
Жизнь заберет без остатка.

Двадцатым предметом стал кинжал. Как и следовало предвидеть. Теперь многое было ясно. «Последний удар»... Все так и вышло. Беда в том, думал Эллери, что все выходило слишком явно. Настолько явно, что лишь идиот мог принять это за чистую монету.

Глава 15

КРЕЩЕНИЕ: ПОНЕДЕЛЬНИК, 6 ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

В которой мистер Квин отказывается от гамбита, мертвец оживает, многое объясняется, но многое остается окутанным тайной

Когда сержант Дивоу вернулся в спальню, Эллери оставил его с трупом и поспешил вниз.

Все были в гостиной, кроме мистера Гардинера, Расти и ее матери.

— Я дал Расти успокоительное, и она прилегла в своей комнате, — сказал доктор Дарк. — С ней миссис Браун и его преподобие.

Эллери кивнул. На всех лицах застыло ошеломленное выражение.

— Полагаю, вы все видели нож, — заговорил Эллери. — Это антикварный кинжал с рукояткой, украшенной полудрагоценными камнями. Выглядит старым. Он из вашего дома, мистер Крейг?

Бородач покачал головой — он тоже выглядел постаревшим. Крейг сидел на стуле поодаль от других, с плотно сжатыми губами, словно с величайшим трудом удерживая себя в руках.

— Кто-нибудь узнал его?

Никто не ответил.

Эллери пожал плечами.

— Ну, это работа для Луриа. Нас касается то, что это был последний подарок. — И он повторил вслух стишок с карточки. — Номер двадцать, завершающий серию.

Эллери умолк. К чему говорить, что теперь ему известно значение подарков? Он не мог довести объяснения до конца. Не мог сказать им, что ключи в стихотворениях, их смысл в целом, вся общая картина настолько однозначны, что указующий перст обвинения может быть направлен лишь на одного из них. Не мог признать отсутствие альтернативы. Не мог заявить: «Все это приговаривает упомянутого человека к виселице».

Ибо принятие единственно возможного решения делало этого человека полным идиотом. А это было невероятно — сама природа преступления свидетельствовала, что замыслить его мог только незаурядный ум. Как мог человек, оставляя столь изощренный след, делать это с единственной целью — чтобы след приводил прямо к нему? Потому что ключи указывали именно в этом направлении.

Пожалуй, лучше промолчать.

Эллери понимал, что в этом деле с самого начала были намечены три жертвы — Джон, персона, на которую указывали ключи, и он сам. Смерть Джона являлась основной целью. Эллери отводилась роль послушной ищейки, позволяющей направить себя по следу, ведущему якобы к неопровержимым выводам. Он должен был обвинить в гибели Джона не того человека.

Вся замысловатая история с таинственными рождественскими коробками, их содержимым, стихотворными ключами имела лишь

одну цель — обвинить невинного в убийстве Джона. Подтасовка была ловкой и в другом смысле. У Эллери были причины полагать, что теоретически этот невинный обладает веским мотивом для подобного убийства. С уликами, указывающими на него, и изготовленным, как на заказ, мотивом подтасовка становилась безукоризненной.

Нет, говорил себе Эллери, он может только отказаться подыгрывать клеветнику — отклонить предлагаемую роль. Тот, на кого указывали ключи-подарки, не был тем, кто воткнул кинжал в спину Джона. Им был тот, кто готовил подарки, сочинял стихи и оставлял рождественские посылки. Не исключено, что, храня молчание, думал Эллери, он будет играть на руку подлинному убийце...

Прибытие лейтенанта Луриа и группы экспертов развеяло общую апатию. Лейтенант не произнес ни слова — выражение лица говорило за него. Он сразу поднялся по лестнице.

Луриа потребовал очистить верхний этаж, поэтому мать и дочь Браун были вынуждены покинуть комнату Расти. Приход медэксперта, доктора Теннанта, также задержал лейтенанта. Всем пришлось ждать в гостиной — ошеломленные, убитые горем, терзаемые чувством вины, они старались держаться вместе. Фримен и Пейн выглядели ужасно. Эллери понимал, что творится у них в голове. Если лейтенант Луриа узнает, что пытался с ними сделать Джон...

Троих слуг препроводили в гостиную, где они заняли дальний угол.

Эллери потерял счет времени. Он сидел, скорчившись, как и остальные, грызя ногти и думая о том, что происходит наверху.

Ожидание казалось бесконечным.

Внезапно из арки донесся веселый голос:

— Уже без четверти двенадцать. Что делают внизу эти автомобили?

Четырнадцать тел вздрогнули одновременно. Четырнадцать голов повернулись, словно их дернула одна и та же струна. Четырнадцать пар глаз расширились в испуге и изумлении.

Расти вскочила. Она пыталась заговорить, вцепившись себе в горло.

— Это его дух! — взвизгнула ее мать.

Затем все шесть женщин, как по команде, свалились в обморок.

У высокой фигуры в арке было перевязано правое запястье.
Это был Джон!

* * *

Джон шагнул в гостиную, как живой. Если он был духом, то весьма необычным. Подбежав к Расти, Джон поднял ее, усадил на диван и начал растирать ей руки. При этом он выглядел растерянным, словно оказался в каком-то причудливом измерении пространства и времени, искажавшем даже знакомые предметы.

— В чем дело? — осведомился Джон. — Почему вы все на меня так уставились?

— Джон... — Его опекун облизнул губы. — Это ты?

— Не понимаю, — продолжал Джон. — Я вышел прогуляться по лесу и собраться с силами перед большим прыжком. Ведь я сказал, что буду здесь без четверти двенадцать, и выполнил обещание. Кто тут болтал о духе? Можно подумать, что я уже мертв.

— Ты действительно мертв, — огрызнулся Мариус Карло.

— Что?!

— Вернее, был мертв. Я имею в виду...

— Кто ты? — Борода Крейга дрожала мелкой дрожью.

— Да что с вами? — воскликнул Джон. — Это шутка в последнюю минуту, Артур? Что значит «кто я»?

— Ты Джон или... кто?

— Пастушок, который дует в свой рожок^[91], — сердито ответил Джон. — А что такое с женщинами? Или они тоже притворяются? Расти, хватит душить! Очнись! — Он начал хлопать ее по щекам.

— Господи! — Лейтенант Луриа стоял в арке. Его суровое лицо было бескровным. Он выглядел ошарашенным.

— Подождите, — заговорил Эллери. Он никогда в жизни не был так потрясен. Но когда миновал первый шок, остатки здравого смысла начали просачиваться ему в мозг. Это, безусловно, был Джон — та же фигура, та же лицо, тот же байроновский локон, тот же голос, та же одежда, та же повязка на той же руке. И это был тот, кого он искал, — двойник Джона. Эллери заставил себя ухватиться за эту мысль. — Если ты Джон... то кто наверху в твоей комнате?

В темных глазах Джона блеснули искорки.

— В моей комнате?

— Да, в вашей комнате! — рявкнул лейтенант Луриа. — Там мертвец, который не мог бы походить на вас больше, как если бы вы лежали на его месте. Кто это, Себастьян?

Искорки погасли.

— Мертвец? — переспросил Джон.

— С ножом в спине.

Джон закрыл лицо руками и заплакал.

Позже, когда его отвели наверх и поставили перед телом, даже судорожные рыдания Джона и изменения, вызванные в трупe насильственной смертью, не могли существенно уменьшить их поразительное сходство. Среди всеобщего смятения в голове у Эллери мелькнули слова одного из персонажей «Двенадцатой ночи»: «Одно лицо, одна одежда, голос — и двое... Две половинки яблока несходней, чем эти двое...»^[92]

Разумеется, это объясняло многое из того, что его озадачивало. Но ведь к такому объяснению — идентичным близнецам — он теоретически пришел уже давно. Однако, несмотря на находящееся перед его глазами подтверждение, Эллери все еще силился понять происходящее. Ведь близнец умер двадцать пять лет назад в возрасте двух недель. Или информация сержанта Вели была ложной? Эллери не мог этому поверить. Смерть младенца была четко задокументирована. Нет, близнеца похоронили четверть века тому назад. И тем не менее он был здесь — правда, в виде трупа, но свежего трупа, в остывающей плоти двадцатипятилетнего мужчины. Невероятно! Следовательно, мертвец, несмотря на сходство, не был близнецом Джона.

Но тогда кем же он был?

Ответ мелькнул в голове у Эллери одновременно с вопросом. Он сразу же отругал себя за тупость — ведь все было так очевидно!

Это был близнец из тройни!

— В ту ночь моя мать родила трех мальчиков, — устало заговорил Джон, когда все немного успокоились и вернулись в гостиную. — Я появился на свет первым. Во время вторых родов моя мать умерла, а ребенок умер через две недели и был похоронен на кладбище Маунт-Кидрона. Третьего ребенка доктору Холлу пришлось извлекать из

мертвого тела матери. — Голова Джона взметнулась к потолку. — Этот был мой брат, которого... который находится там.

— Но я хотел бы знать... — начал Лурия.

— Позвольте мне закончить мою историю, — сказал Джон. — Вы сможете задать ваши вопросы потом. Я должен объяснить, как получилось, что никто не знал о существовании третьего брата. Доктор Холл и его жена не могли иметь детей, но отчаянно хотели ребенка. Когда автомобиль отца попал в катастрофу возле их дома, это вызвало у матери преждевременные роды, и судьба предоставила Холлам шанс, который бывает раз в жизни. Они страдали от безденежья и бесплодия, а тут богатая женщина родила близнецов. Отец оставался в гостиной и не входил в спальню. Затем мать умерла, рожая второго ребенка, а третьего доктор Холл извлек из ее мертвого тела. Холлам казалось несправедливым, что три младенца, не имеющие матери, будут принадлежать человеку, которому придется нанимать посторонних людей для ухода и воспитания, а они, которые так хотят ребенка, не могут им обзавестись... и они одни во всем мире знают о появлении третьего близнеца. Холлы обсуждали это шепотом над моей мертвой матерью и не могли решить, сказать моему отцу о третьем ребенке или нет.

Джон нахмурился.

— Когда доктор Холл вышел к отцу сообщить о смерти жены во время вторых родов, решение уплыло у него из рук. К изумлению доктора, отец отказался принять второго ребенка, заявив, что не желает иметь с ним ничего общего. Он так терзался угрызениями совести из-за того, что моя мать погибла из-за его упрямства, что подсознательно перенес вину на младенца, рожая которого она умерла. Доктор Холл пересек черту — он ничего не сказал о третьем ребенке и попросил отдать ему второго. Отец согласился, сказав, что обеспечит их средствами для его содержания, и ушел.

— О, Джон... — пробормотала Расти, но Эллери заметил, что она сидит немного поодаль от него, как будто все еще не могла примириться с существованием живого Джона и его мертвого двойника наверху.

— Холлы были одновременно испуганы и обрадованы. Не сообщив о третьем ребенке и оставив его у себя, доктор мог лишиться медицинской лицензии и отправиться в тюрьму. Но теперь у них было два

младенца, причем одного отец передал им добровольно. Они не знали, как распутать этот узел. Затем, спустя неделю, доктор прочитал о смерти отца, навел справки и узнал, что тот умер, не обеспечив второго сына, как обещал, и не приняв никаких юридических мер, на которых Холл настаивал ради защиты себя и ребенка. Он решил рискнуть, зарегистрировав рождение всех троих младенцев в мэрии Маунт-Кидрон на случай, если когда-нибудь понадобится установить происхождение двоих других детей и их права на сонаследование с первым сыном. Но спустя еще одну неделю возникло новое осложнение — второй младенец умер от пневмонии. Холлы похоронили его в Маунт-Кидроне и переехали в Айдахо с третьим ребенком, постаравшись не оставлять никаких указаний на то, куда они перебираются. О существовании третьего близнеца они не говорили никому в Маунт-Кидроне, даже врач, которого вызывали во время болезни и смерти второго ребенка, ничего о нем не знал. Миссис Холл прятала младенца, а когда они переезжали в Айдахо, то тайно вывезли его из города в белье в корзине.

Джон поднялся, налил себе стакан виски, залпом осушил его и далее не делал попыток снова сесть рядом с Расти, как будто был обижен ее отстраненностью.

— Холлы растили Джона на Западе, и до четырнадцати лет он считал себя их сыном...

— Джона? — прервал Эллери. — Почему ты называешь его Джоном?

— Потому что его так зовут — я хотел сказать, звали. До отъезда из Маунт-Кидрона, говоря друг с другом о близнецах, Холлы называли их по номерам — Первый, Второй и Третий. Я был для них Первым, умерший ребенок — Вторым, а... брат наверху — Третьим. Фактически, регистрируя рождение, доктор Холл так и записал: Первый сын, Второй сын, Третий сын. Потом, когда Второй умер, и им нужно было дать имя Третьему, доктор Холл выяснил, что меня называли Джоном в честь отца. Он решил назвать моего брата Джоном Третьим, полагая, что это имя может обеспечить дополнительные права на состояние Себастьяна. Полагаю, это делает меня Джоном Первым.

Джон подошел к камину и уставился на огонь.

— Джон Третий появился у меня в квартире в Гринвич-Виллидж в сентябре. Я был совершенно ошарашен. Ведь я не имел ни малейшего понятия, что у меня есть брат-близнец.

— Это... это поразительно, — с трудом вымолвил Артур Крейг.

— Можешь себе представить, Артур, что я почувствовал. Фантастическое сходство со мной подтверждало его историю, но при нем были и документальные доказательства — оригиналы трех свидетельств о рождении, которые я покажу вам, лейтенант, письменные заявления доктора Холла и миссис Холл, которое она написала перед смертью в 1921 году, и другие бумаги, исключаяющие возможность мошенничества. Естественно, я принял его с распростертыми объятиями. Ты ведь знаешь, Эллен, как я мечтал иметь брата. Он бы мне не помешал.

— Да, — пробормотала Эллен. — Безусловно.

— Ну, Джон рассказал мне обо всем. Сообщив ему правду о его происхождении, Холлы твердили, что он имеет такое же право на отцовское состояние, как и я, и что, когда я вступлю во владение им — доктор Холл выяснил условия завещания моего отца, — их Джон должен объявиться и потребовать свою долю. Джон рос с мыслью об этом, как о цели своей жизни. Ему пришлось нелегко, так как Холлы всегда были бедны — Холл либо не был хорошим врачом, либо не умел найти подход к больным. Как бы то ни было, они едва сводили концы с концами, поэтому Джон Третий был вынужден заниматься самообразованием и работать как проклятый, чтобы чего-то добиться. Можете себе представить, каким подлецом я себя чувствовал, слушая все это. Ведь я вел беззаботную жизнь. Я заверил брата, что он без всяких хлопот получит половину состояния.

— Конечно, — сказал Крейг. — Но почему ты не сообщил мне об этом, Джон?

— Я собирался, Артур, но потом решил, что будет забавно, если мы с братом на несколько месяцев сохраним это в тайне. Помнишь, за сколько времени мы начали планировать эти каникулы — еще в начале ноября. Мне пришло в голову, что будет самым эффектным представить всем вам Джона Третьего 6 января, когда я вступлю во владение состоянием, женюсь на Расти, и мои стихи выйдут в свет.

Джон снова отвернулся.

— Ну, Джон Третий счел это отличной идеей, поэтому мы купили дубликаты всей моей одежды, я проинформировал его обо всех моих знакомых, и несколько месяцев он тайно проживал со мной в моей нью-йоркской квартире. Мы часто менялись друг с другом местами, и никто ни о чем не догадывался. Однажды вечером, в качестве серьезного испытания, он даже занял мое место на свидании с тобой, Расти. Мы думали, что если одурачим тебя, то сможем одурачить всех.

— И были правы, — спокойно сказала Расти. — Я была полностью одурачена. Интересно, в какой именно вечер это произошло?

— А меня ты тоже дурачил, Джон? — осведомился Крейг. — Я имею в виду, выдавал своего брата за...

— Ну конечно, Артур. Я хотел удивить и тебя. Помнишь День благодарения? Тогда он был здесь со мной... Не знаю, почему вы оба на меня так смотрите, — рассердился Джон. — Может быть, сейчас это выглядит ребячеством, но тогда казалось чертовски забавным. Короче говоря, я привез контрабандой Джона Третьего и дубликаты одежды, когда прибыл сюда на Рождество...

— И вы начали вашу забаву, — сказал Эллери. — В том числе с Санта-Клаусом в рождественское утро, не так ли?

Джон улыбнулся.

— Верно. Это был Джон Третий в костюме, который мы купили в Нью-Йорке. Мы хотели озадачить всех. Джон прятался в моей комнате, я тайком приносил ему еду, или же он по ночам устраивал набеги на холодильник. Мы спали в моей огромной кровати, а если кто-нибудь приходил, он просто нырял в один из стальных шкафов. Разумеется, мы старались одеваться одинаково и не оказываться в одном и том же месте одновременно. Поэтому вы не могли найти Джона Третьего во время обысков. В действительности за последние двенадцать дней вы «находили» его дюжину раз, только принимали за меня. Мы здорово повеселились.

— Джон... — Дэн Фримен кашлянул. — В прошлый понедельник у одного из вас состоялся в этой гостиной разговор со мной — весьма личного свойства. Это был ты?

Джон покачал головой:

— Должно быть, это был мой брат. Иногда он так увлекался, что начинал действовать самостоятельно. О чем вы говорили, мистер

Фримен?

— Ни о чем важном, — пробормотал издатель.

— А в прошлый вторник, Джон, — вмешался Роланд Пейн, — у меня была... э-э-э... столь же личная беседа в моей спальне с... Это тоже был твой брат?

— Очевидно.

— Он не упоминал тебе об этом?

— Нет, мистер Пейн.

Адвокат дрожащей рукой потянулся к стакану.

— А потасовка в летнем домике? — внезапно осведомился Мариус Карло. — Вот почему ты — или он — ничего о ней не помнил. Это был другой! — Он залпом выпил полстакана виски с содовой.

— Это было подстроено, — улыбнулся Джон. — Мы оба в этом участвовали.

— А мой разговор в конюшне... — Ноздри Вэл Уоррен затрепетали. — Я даже не хочу знать, кто из вас там был! Трудно себе представить более мерзкий трюк!

— Согласна с тобой, Вэл, — холодно произнесла Расти.

— Ладно, — проворчал Джон. — Теперь я понимаю, что все это было ошибкой.

— А история с вечерними рождественскими посылками и стишками? — осведомился Эллери. — Она тоже была частью вашей забавы?

— Господи, конечно нет! — раздраженно ответил Джон. — Никто из нас не имел к этому никакого отношения. Мы обсуждали это каждую ночь. Я до сих пор не знаю, что это означало.

— Кроме того, что в качестве последнего подарка ваш брат получил нож в спину, — заметил лейтенант Лурия.

Все вздрогнули, включая Джона. Они забыли о его присутствии.

— Да, — пробормотал Джон. — Шуточка хуже некуда.

— Вы не знаете, кто его заколол?

— Нет, лейтенант, но хотел бы знать.

— Тогда скажите вот что. — Лурия шагнул вперед. — Кто из вас тайком привел в дом этого старика, которого нашли в библиотеке также с ножом в спине? Вы или ваш брат?

— О чем вы? — Джон сердито уставился на него. — Я дюжину раз говорил вам, что мне ничего о нем не известно.

— Знаю, что говорили. Но я снова спрашиваю вас, Себастьян. Вы привели его в дом?

— Нет!

— И не знаете, как он сюда проник?

— Конечно нет!

— И даже не знаете, кто он?

— Понятия не имею!

— Ну, может быть, я сумею вам помочь. Сегодня вечером мы получили подтверждение, и я уже собирался сюда, когда позвонил Дивоу. Хотите знать, кто был этот старичок?

Джон побагровел.

— Я не в том настроении, чтобы играть в угадайку, лейтенант. Разумеется, хочу. Кто же он был?

— Доктор Корнелиус Ф. Холл.

* * *

— Должно быть, его привел мой брат, — прошептал Джон Первый. — Больше никто здесь не знал Холла. И он ничего мне не сказал! Теперь я понимаю, почему он так скверно выглядел, когда я позволил ему в тот день занять мое место и взглянуть на тело старика. Почему же он ничего мне не говорил? Должно быть, он был напуган...

— Или виновен, — сухо произнес Лурия. — Если здесь больше никто не знал Холла, значит, больше ни у кого не могло быть причины воткнуть ему в спину нож, не так ли? Все указывает на вашего брата как на убийцу Холла. Что вы об этом думаете?

— Не знаю, — медленно отозвался Джон. — Мне это не кажется вероятным. Какая у него могла быть причина? Он всегда с любовью говорил о докторе Холле.

— Да, — кивнул Лурия. — А потом старик Холл, возможно, решил потребовать кусок доли вашего брата — или таков был их план с самого начала, — а ваш брат не пожелал делиться и прикончил его. Это вам кажется вероятным, Себастьян?

— Не знаю, — повторил Джон. — В таком случае он был чудовищем. Я не могу в это поверить.

— Лейтенант, — заговорил Эллери.

— Да, Квин?

— Если Джон Третий убил доктора Холла, то кто убил Джона Третьего?

— Тут вы приперли меня к стенке, приятель. Я всего лишь обычный детектив, пытающийся найти хоть крупицу здравого смысла в этом сумасшедшем доме. Ничего не сходится! Абсолютно ничего! — Лейтенант повернулся к Джону. — И еще одна вещь, Себастьян. По вашим словам выходит, что вы с братом весело проводили здесь время, сводя всех с ума, а когда никому не известного старичка обнаружили зарезанным на ковре в библиотеке, вы продолжали игру? Хотите убедить меня, что двое ни в чем не повинных людей не прекратили бы тут же этот детский сад?

— Мы обсуждали это, лейтенант, — вздохнул Джон. — Но мой брат считал, что мы должны продолжать, хотя бы пока не выясним, что все это означает — ежевечерние посылки, убийство...

— Любопытно, — усмехнулся Лурия. — Каждый раз, когда кто-то из вас совершает что-то скверное или подозрительное, оказывается, что это ваш брат.

— Это возмутительно, Лурия! — крикнул Джон. — Чего доброго, вы обвините меня в убийстве брата!

— Это не такая уж безумная идея, — невозмутимо отозвался лейтенант. — Почему бы и нет? Вы могли разыграть спектакль для бедняги Джона Третьего, узнав, что он требует половину миллионов вашего отца, — по вашим же словам, вы обладаете актерским даром. Вы заманили его сюда под предлогом игры в двойников, чтобы развлечь гостей, а потом прикончили его.

— Зачем мне было это делать? Если бы я хотел убить брата, то заманил бы его в темный нью-йоркский переулок или столкнул бы с причала. Последнее, что бы я сделал, — это привел бы его в этот дом!

— Что вы на это скажете, лейтенант? — осведомился Эллери.

Лурия беспомощно развел руками.

— Мне только что пришло в голову, — продолжал Джон. — Зачем кому-то из присутствующих убивать моего брата? Никто в этом доме не знал о его существовании. Подарки и стихи присылали мне! Это мне угрожали с самого начала каникул! Кто-то пробрался вечером в мою комнату, увидел сидящего там брата, который выглядел и был одет точно как я, и воткнул ему нож в спину, думая, что это моя спина!

Лейтенант Луриа бросил взгляд на Эллери.

— По-моему, в словах Джона есть смысл, лейтенант, — промолвил Эллери. — Но это предполагает любопытную возможность.

— Какую?

Эллери повернулся к Джону Себастьяну.

— Ты говоришь, что ты тот Джон, которого вырастил мистер Крейг, в которого влюбилась Расти, который написал стихи, публикуемые мистером Фрименом, и которого мы все знаем, — Джон Первый.

— Ну?

— И ты говоришь, что мертвец наверху — твой близнец, которого вырастил в Айдахо доктор Холл, который приехал в Нью-Йорк несколько месяцев назад и открылся тебе, — Джон Третий.

— Ну и что?

— Поэтому я хотел бы знать следующее, — добродушно сказал Эллери. — Почему все не может быть совсем наоборот?

Джон выглядел озадаченным.

— Что именно?

— До сих пор я не видел и не слышал от тебя ничего, доказывающего, что ты действительно Джон Первый, кроме твоего ничем не подтвержденного заявления, что это так. Поэтому я спрашиваю тебя: откуда мы знаем, что мертвец не Джон Первый и что ты не Джон Третий?

Все разинули рот.

Джон сделал это, чтобы сказать:

— Ты спятил!

— Копаясь в этом деле, я часто думал, что это пошло бы на пользу, — кивнул Эллери. — Но в отсутствие подтверждающих доказательств тебе не кажется, Джон, что это предположение становится интересным, ложное оно или нет? Теперь ты должен понимать, какую игру затеяли вы с братом. Если ты Джон Третий, то у тебя был веский и понятный мотив убить своего брата. Ты сам говорил нам, как нелегко приходилось Джону Третьему, лишенному благ, завещанных вашим отцом. У него могло возникнуть убеждение, что поскольку признанный брат в течение двадцати пяти лет пользовался в одиночку отцовским состоянием, то простая справедливость диктует другому брату забрать состояние себе целиком и полностью. Поэтому

Джон Третий убивает Джона Первого, а потом заявляет, что он Джон Первый, который не питал к брату никакой злобы. — И Эллери печально осведомился: — Можешь объяснить, Джон, что в моих словах делает их измышлениями поврежденного рассудка?

Глава 16

...И ВПОСЛЕДСТВИИ

В которой происходит много шума из ничего тривиального, усилия любви бесплодны и в трагедии ошибок нет ничего хорошего^[93].

— Разумеется, я могу доказать, что я — это я! Что за нелепость...
— Дико озираясь, Джон увидел свою правую руку и торжествующе поднял ее. — Вот что доказывает это без тени сомнения! В пятницу я растянул запястье, верно? У кого есть ножницы? Доктор Сэм, снимите бинты!

Доктор Дарк встал и молча начал снимать повязку. Все это время Джон смотрел на Эллери, как оскорбленная в лучших чувствах скаковая лошадь. Наконец доктор обнажил смазанное йодом, сильно распухшее запястье.

— Вы обрабатывали это запястье, доктор Сэм? — спросил Джон.

— Безусловно. — Доктор Дарк посмотрел на Эллери и быстро добавил: — Я имею в виду, что оно выглядит точно так же.

— О, ради бога! — простонал Джон. — Запястье растянуто, не так ли?

— По-моему, да...

— А в пятницу растянул запястье я! Посмотрите на запястье моего брата под повязкой, лейтенант, и вы увидите, что оно в полном порядке.

— Этот факт я приберегал, — кивнул лейтенант Луриа. — Доктор Теннант уже снял повязку и говорит, что на запястье нет ни йода, ни каких-либо признаков недавнего растяжения.

— Насколько я знаю, тоже нет.

— Государственное учреждение или кто-либо брали у тебя отпечатки пальцев? По какой угодно причине?

— Нет.

— А у твоего брата?

— Он никогда об этом не упоминал.

— В документах, которые, по твоим словам, твой брат привез с собой — свидетельствах о рождении и так далее, — есть набор отпечатков?

Джон покачал головой.

— В 1905 году у новорожденных не брали отпечатки, мистер Квин, — сказал доктор Дарк.

Эллери вздохнул:

— В таком случае отпечатки пальцев ни к чему нас не приведут. Если бы могли найти хоть какой-то критерий... Тебе когда-нибудь делали операции, Джон?

— Нет.

— Да! — воскликнул доктор Дарк. — Я лично удалил Джону миндалины — я имею в виду нашего Джона, — когда ему было пять лет! Вы не возражаете, лейтенант?..

— Разрешаю вам вывернуть его наизнанку, — устало отозвался Луриа, — если вы потом скажете мне, кто есть кто.

Подойдя к Джону, доктор Дарк отстегнул от жилета фонарик.

— Открой рот и высунь язык. — Он прижал фонариком язык Джона и удовлетворенно кивнул: — Миндалин нет. Это наш Джон.

— Слава богу! — Артур Крейг вытер лицо платком.

— Погодите, — сказал Эллери.

— Что теперь? — рявкнул Джон.

— Лейтенант, медэксперт еще работает наверху?

— Он закончил работу, но еще не ушел.

— Спросите у него, есть ли у трупа миндалины.

Луриа что-то буркнул и вышел. Через три минуты он вернулся.

— Миндалин нет.

Всеобщее грызение ногтей возобновилось.

— Есть ли на трупе какие-нибудь шрамы, родимые пятна или что-нибудь в таком роде, лейтенант? Что говорит Теннант?

— При поверхностном осмотре он ничего не обнаружил.

— Ну вот! — Джон бросил убийственный взгляд на Эллери. — Ты удовлетворен?

— Нет, — ответил Эллери. — И объясню почему. Ты говоришь, что ты Джон Первый, — правильно?

— Абсолютно!

— И ты говоришь, что ты, Джон Первый, скакал галопом по снегу в пятницу, упал и растянул запястье, — правильно?

— Да!

— А сейчас ты предъявляешь растянутое запястье, в то время как запястье твоего брата наверху не обнаруживает признаков растяжения, — снова правильно?

— От слова до слова!

— Ну и что ты этим доказал? То, что требовалось доказать — что ты Джон Первый, — по-прежнему остается лишь твоим заявлением. Неужели ты не понимаешь, что вопрос не в том, кто из вас растянул запястье, а в том, растянул ли его Джон Первый или Джон Третий? Все, что ты доказал, — это что ты был тем братом, который упал с лошади. Мы все еще не знаем, кто ты.

Джон опустил на стул, но тут же вскинул голову.

— Отпечатки пальцев! Они не лгут! Доктор Сэм, у нас с братом должны быть разные отпечатки, не так ли?

— Да. Отпечатки пальцев однояйцевых близнецов сходны, но обладают заметными различиями.

— Прекрасно! Снимите отпечатки у меня и у моего брата и...

— И что? — печально осведомился Эллери. — Сравнить их? Допустим, они обнаружат определенные индивидуальные черты. Но вопрос остается тем же: какая серия отпечатков принадлежит Джону Первому, а какая — Джону Третьему?

— Но в моей квартире в Нью-Йорке... — Джон запнулся. — В моей комнате наверху...

— Найдутся отпечатки вас обоих, — кивнул Эллери, — и опять же будет непонятно, какому из Джонов они принадлежат. Ты же сам говорил, что вы прожили с братом несколько месяцев в нью-йоркской квартире, и в этом доме вы оба наверняка прикасались к одним и тем же вещам. Тебя когда-нибудь арестовывали по обвинению в уголовном преступлении?

— Разумеется, нет, — с негодованием ответил Джон.

— А твоего брата?

— А у тебя, Джон, есть какие-нибудь отметины?

— Увы, нет, — проворчал Джон.

— Значит, мы вернулись туда, с чего начали. — Эллери задумался.

— Ну конечно! Зубы! Твой дантист... я имею в виду, дантист Джона Первого здесь, на востоке, или дантист Джона Третьего в Айдахо могут прояснить все за пять минут!

— Я никогда не лечился у дантиста, — угрюмо сказал Джон, — если не считать профилактические осмотры. Быть может, мой брат...

— Он тоже не лечил зубы, — так же угрюмо произнес лейтенант. — Теннант заглядывал ему в рот.

— Естественно, — кивнул доктор Дарк. — У моего Джона с детства были крепкие и здоровые зубы. Неудивительно, что и у его брата тоже, поскольку у близнецов сходная структура зубов.

— И группа крови, полагаю, тоже идентична? — спросил Эллери.

— Да.

— А строение костей, параметры черепа?

— Настолько похожи, что даже если в Айдахо или еще где-нибудь существует их описание, безошибочно относящееся к Джону Третьему, вы все равно не сможете быть уверены, кто есть кто. К тому же, насколько мне известно, мой Джон никогда не проходил рентгеновское обследование.

Наступившее молчание нарушил, как ни странно, Дэн З. Фримен:

— Если позволите мне внести предложение... Помимо отпечатков пальцев, наиболее очевидный способ дифференциации двух сходных индивидуумов — почерк. Ведь абсолютно различное окружение должно повлечь за собой и различие в почерках, не так ли, доктор?

— Думаю, что да, мистер Фримен, хотя мы не слишком много знаем об эффектах различного окружения на однойцевых близнецов.

— Ну, тогда почему бы не сравнить почерки? Должно существовать много аутентичных образцов почерка каждого из братьев, относящихся ко времени до их встречи, — сказал издатель. — Все, что Джону нужно сделать...

— Это написать что-нибудь рукой с растянутым запястьем, как он писал неразборчивые каракули в подарочных книгах? — Эллери покачал головой. — Учитывая то, что один из братьев не может писать из-за rigor mortis^[94], а другой, если можно так выразиться, — из-за

rigor vitae^[95], сравнение почерков не приведет к удовлетворительному результату — по крайней мере, еще некоторое время. А я хочу выяснить все этой ночью — по многим причинам, основную из которых зовут Расти Браун.

— Мне уже все равно, Эллери, — сказала Расти. — То, что я теперь чувствую...

— Вот как? — Джон сердито сверкнул глазами. — И что же ты теперь чувствуешь, Расти? Полагаю, ты мне не веришь?

— Братья Себастьян задались целью одурачить меня и добились успеха — ты сам только что с гордостью заявил об этом. Я ни верю, ни не верю. Я просто не знаю. И пока не узнаю...

— Ты имеешь в виду, — процедил сквозь зубы Джон, — что передумала и отменяешь свадьбу?

— Я этого не говорила. И я не собираюсь обсуждать личные дела в комнате, где полно народу. В любом случае я не знаю, что и думать. Оставьте меня в покое! — И Расти с плачем выбежала из гостиной.

— Оставьте ее в покое! — взвизгнула Оливетт Браун и последовала за дочерью.

— Ты... дублер! — крикнула Вэл Уоррен и тоже удалилась.

Мистер Гардинер вышел молча.

Лейтенант Луриа провожал их взглядом, полным бессильной ярости.

Эллери похлопал его по плечу.

— Остыньте, лейтенант. Вы ничего не сможете сделать, пока у Джона не заживет запястье. — Он посмотрел на Джона, наливавшего себе солидную порцию виски. — Интересно, как быстро оно заживет. Если ты Джон Первый, как ты утверждаешь, то выздоровление побьет все рекорды. Но если ты Джон Третий в шкуре Джона Первого, меня не удивит, если с тобой произойдет ряд несчастных случаев, каждый из которых каким-то образом лишит подвижности твою правую руку.

— Между нами, мистер Квин, *fini, karut*^[96], — заявил Джон. — С этого момента я разрываю с вами дипломатические отношения. Торгуйте вашими головоломками в другом месте. Здесь у вас нет клиентуры — надеюсь, навсегда. — И он, не моргнув глазом, влил в себя шесть унций виски.

Эллери отнесся к этому философски.

— Рано или поздно, лейтенант, путаница с близнецами разрешится. И тогда...

— Знаю, — прервал Луриа. — И тогда начнутся неприятности для меня. А знаете, что я думаю об этом деле, Квин?

Эллери бросил взгляд на Эллен, которая сидела рядом с дядей неподвижно, как мумия.

— Вы можете сказать это в присутствии леди?

— Нет, черт возьми! — рявкнул Луриа и выбежал из комнаты.

Гостей задержали в доме Крейга еще на тридцать шесть часов. Полиция снова и снова допрашивала всех до полного изнеможения. Луриа истязал и подозреваемых, и самого себя, но в конце концов был вынужден позволить им уехать.

Эллери попрощался с Эллен, сидя за рулем «дюзенберга». Он предложил подвезти ее до Уэлсли, но она отказалась.

— Сожалею, что все получилось так неудачно, — сказала Эллен.

— Я хорошо вас понимаю.

— Вот как? — И она улыбнулась загадочной улыбкой Моны Лизы.

Эллери успел проехать полпути до Манхэттена, прежде чем понял, что имела в виду Эллен.

В итоге никому не пришлось дожидаться исцеления запястья выжившего близнеца с целью определить его порядковый номер. Эту странную проблему решили два парикмахера, находившиеся на расстоянии двух тысяч миль друг от друга. Одноглазый парикмахер из Миссулы в Монтане, где расположен университет этого штата, говорил с уверенностью по поводу Джона Третьего, а усатый парикмахер, обремененный одиннадцатью детьми, владелец полуподвального салона на Макдугал-стрит в Гринвич-Виллидж, штат Нью-Йорк, дал столь же уверенные показания in re^[97] Джона Первого.

Однако изрядная доля славы приписывалась и самому выжившему близнецу (Эллери прочитал обо всем этом в газете), которому невольно помогла хорошенькая медсестра по имени Уинифред (Уинни) Уинкл, оказавшаяся на дежурстве в отделении неотложной помощи больницы Верхнего Уэстчестера в Гилденстерне, штат Нью-Йорк, когда туда доставили пациента.

Оставшийся в живых Джон Себастьян (Первый), после того как его невеста Расти Браун с покрасневшими от слез глазами покинула

дом Крейга, удалился в свою комнату (тело его брата уже увезли в морг) с бутылкой виски «Мэрилендская пантера» (каким-то образом затесавшейся в безукоризненную коллекцию напитков Артура Бенджамина Крейга), выпил ее до дна и, пытаясь (как он объяснил в больнице лейтенанту Луриа) повторить рекорд скорости для коммерческих самолетов, установленный в канун Нового года пилотом трехмоторного «фоккера» в Кливленде и составивший 203 мили в час, пролетел вниз целый лестничный пролет и приземлился вниз головой в точке соединения стойки перил и двери холла.

Первая помощь на месте была оказана сержантом Стэнли (Збышко) Дивоу и мистером Артуром Крейгом, после чего олдервудский Икар^[98] был доставлен в больницу Верхнего Уэстчестера, в девяти милях от Олдервуда, куда он прибыл больше похожим на недавно забитого бычка (как позднее сержант Дивоу сказал репортерам), чем на человеческое существо. Интерн^[99] произвел первичное обследование, определил, что причиной кровотечения была глубокая рана на голове, и велел сестре Уинкл побрить волосы пациента в районе раны, пока он приготовит нити для наложения швов. К этому времени из Олдервуда прибыли доктор Сэмсон Дарк и лейтенант Луриа. Покуда доктор Дарк принимал больного у интерна, лейтенант Луриа услышал бодрое замечание сестры Уинкл:

— Ему не понравится, что вылезло наружу это безобразное родимое пятно!

Остальное — достояние истории. Пациент, придя в сознание всего лишь с раскалывающейся с похмелья головой и болью в костях и услышав от лейтенанта Луриа о родимом пятне на голове, поклялся, что не подозревал о нем, так как всегда имел густые волосы и никогда не обладал привычкой подолгу разглядывать себя в зеркале, подобно Нарциссу^[100]. Доктор Дарк, его постоянный лечащий врач, и мистер Крейг, его постоянный опекун, также заявили, что не знали о пятне, поскольку им никогда не приходилось пристально изучать скальп пациента ни в детском, ни во взрослом состоянии. Лейтенант Луриа спешно позвонил медэксперту, доктору Теннанту, и поехал в морг, где доктор Теннант присоединился к нему. Медэксперт затребовал тело Джона (Первого или Третьего) Себастьяна, обследовал указанный лейтенантом участок головы и с триумфом заявил:

— У него нет родимого пятна!

Наличие пятна лишь на скальпе живого Джона, хотя у однояйцевых близнецов обычно бывают идентичные родимые пятна, и внимательное обследование самого пятна, когда повязки были сняты, побудило доктора Сэмсона Дарка предположить, что это не настоящий *naevus*^[101], а, вероятно, след щипцов, оставленный акушером во время рождения пациента.

Следующая глава была написана Фаустино Кванки, трижды благословенным парикмахером из Гринвич-Виллидж, которого лейтенант Лурия отыскал в порыве вдохновения. Мистер Кванки был парикмахером Джона Первого с тех пор, как тот обосновался в Гринвич-Виллидж в 1925 году. Да, Кванки с тех пор четыре года стриг волосы мистера Себастьяна *personalmente*^[102]. Родимое пятно на голове? Да, Кванки видел пятно с первого раза, когда мистер Себастьян сел в его кресло. В каком месте головы? Вот здесь (проиллюстрировано волосатым указательным пальцем на черепе лейтенанта Лурия). Как оно выглядело? Большое. Вот такой формы (проиллюстрировано огрызком карандаша на полях «График»).

Ergo^[103], живой Джон был Джоном Первым.

Успех не вскружил голову лейтенанту Лурия. Каковым бы ни было его поведение на разных стадиях этого дела, он не совершал ошибок по причине излишней доверчивости. Лейтенант сделал официальные запросы в штате Айдахо. След привел к западному склону перевала в Скалистых горах, к университету штата Монтана в Миссуле, где Джон Третий провел четыре года. Парикмахерам кампуса показали его фотографию из университетского архива. Парикмахер Кларенс Родни Пик, потерявший глаз в Аргоннском лесу^[104], хорошо помнил Джона Третьего. «Этот сукин сын чуть не обрюхатил мою младшую сестру Мэрибелл. Он специально стригся у меня, чтобы подобраться к ней поближе. Когда я понял, что надо этому ублюдку, то сказал ему: «Когда ты в следующий раз подойдешь к моему креслу, осквернитель монтанских женщин, я перережу твое чертово айдахское горло». После этого он стригся в мясной лавке Уормсера. Пятно на скальпе? Не видел. Нет, я не мог его не заметить — я все замечал у этого молодого паскудника. Не смотрите, что у меня один глаз, приятель, я им вижу не хуже, чем вы двумя, ха-ха-ха!»

Ergo, судя по всем данным, позитивным или негативным, мертвый Джон был Джоном Третьим.

Последующее сравнение аутентичных образцов почерков Джона Первого и Джона Третьего, когда запястье выжившего Джона приблизилось к нормальному состоянию, доказало без всяких сомнений, что, по крайней мере, насчет своей личности живой Джон говорил правду.

Это казалось существенной победой сил закона и порядка, но, когда энтузиазм остыл, стало очевидно, что от разграничения Джона Первого и Джона Третьего не выиграл никто, кроме Джона Первого. Во всяком случае, от этого не выиграл лейтенант Луриа или, когда его перевели на другую должность, его преемник и начальство. Тайна, кто воткнул кинжал в спину старого доктора Корнелиуса Ф. Холла в библиотеке Артура Крейга, соперничала в своей непроницаемости с другой тайной — кто проделал такую же операцию с Джоном (Третьим) Себастьяном в спальне наверху спустя десять дней. Какие-либо ключи к разгадке просто-напросто отсутствовали. Даже теории быстро умирали от истощения.

Джон (Первый) Себастьян должным образом вступил в права наследования (об этом Эллери также узнал из газет). Каких-либо юридических осложнений не возникло, ибо он был истинным Джоном (Первым) Себастьяном — «моим единственным сыном, Джоном», упомянутым в отцовском завещании, — и против гранитной глыбы этого факта жизнь и смерть его брата выглядела гусиным перышком. Как указал адвокат Пейн Артуру Крейгу в личной беседе, даже если Джон Первый убил Джона Третьего и это можно было бы доказать, права Джона Первого на наследство несколько бы не уменьшились. По завещанию отца Джон Третий никогда не имел никаких прав на наследство, а значит, не мог быть лишен их. Как злорадно заметил мистер Пейн (подобно мистеру Фримену, он давно решил, что шантажистом был Джон Третий), в том, что касалось отцовского завещания и вопроса отцовства в целом, Джон Третий мог бы с таким же успехом не родиться вовсе.

Печальным побочным эффектом катастрофы, за которым Эллери следил с глубоким сочувствием, была судьба романа Джона Себастьяна и Йоланды (Расти) Браун, окончившегося ничем. Мисс Браун, сопровождаемая своей матерью, отправилась «на поиски новых

идей» в Калифорнию на неопределенный срок. Перед отбытием она и Джон Себастьян имели двадцатиминутный разговор наедине за запертой дверью. Когда Расти вышла, бледная, но гордо выпятив подбородок, репортеры обратили внимание, что бриллиантовое «кольцо дружбы» исчезло с безымянного пальца левой руки мисс Браун. Хотя она (как и Джон Себастьян) отказалась от комментариев, пресса выразила мнение, что пара более не является помолвленной, а когда Расти (все еще оставаясь мисс Браун) села в поезд до Лос-Анджелеса, стало очевидным, что свадьба не состоится.

Что касается двойного убийства (считалось, что убийства доктора Холла и Джона Третьего связаны между собой, хотя в непроходимых джунглях этого дела никого бы не удивило, если бы все оказалось совсем наоборот), никакой официальной версии не было предложено, никто не был арестован, и досье оставалось в папке с надписью «Открыто», пока папка не сгнила от возраста.

Дело остается нераскрытым и по сей день.

Для молодого мистера Эллери Квина последствия дела Себастьяна стали одним из мрачнейших периодов его жизни.

В эту непроглядную тьму не мог проникнуть даже свет отцовской любви инспектора Квина. Эллери целыми днями бродил по комнатам или сидел, уставясь на стены. Он почти ничего не ел и выглядел измученным и растерянным. Друзья не могли его узнать.

Свет профессионального опыта инспектора Квина также не достигал успеха. Отец и сын до бесконечности обсуждали дело — подтасовку улики, ее возможного автора, пути, которыми можно до него добраться, — но так и не пришли ни к какому выводу.

Постепенно мрак рассеялся — по крайней мере, в душе молодого мистера Квина. Эллери стал обращать свои интересы и таланты на другие дела, успешно раскрывал их, писал книги и даже становился знаменитым. Но он никогда не забывал то, как потерпел неудачу в своем втором — практически первом — деле об убийстве. Со временем подробности улетучивались из его памяти, но сам факт неудачи, словно залеченный, но не уничтоженный до конца стригущий лишай, продолжал вызывать подкожный зуд.

Книга третья

ВЫЗОВ ЧИТАТЕЛЮ

В котором почтительно требуется внимание читателя

В современной детективной литературе делается модным ставить читателя в положение главного сыщика... На этой стадии... помещение вызова читателю... (кажется уместным)... Внимательный читатель таинственных историй теперь располагает всеми... фактами, позволяющими прийти к вполне определенным выводам...

Решение — по крайней мере, в достаточной степени, чтобы безошибочно указать на виновного, — может быть достигнуто с помощью ряда логических умозаключений и психологических наблюдений...

«Тайна исчезнувшей шляпы»

Глава 17

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ: ЛЕТО 1957 ГОДА

В которой мистер Квин охвачен серьезным приступом ностальгии и испытывает фатальное искушение воскресить прошлое

По стандартам Манхэттена, это был идеальный для середины лета день с утренней температурой 72 градуса^[105], влажностью 33 процента и барометром, застывшим на отметке 30.05, — теплый, сухой, со свежим ветерком, голубями, порхающими у открытых окон, мальчишками, играющими в стикбол на Западной Восемьдесят седьмой улице под холодное звяканье тележки мороженщика, Центральным парком на расстоянии нескольких кварталов к востоку, струящимися на востоке и западе речками, похотливо бормочущими пляжами на севере и юге... Как раз тот день, думал Эллери, который призван злобной матушкой Природой, чтобы терзать целую расу прикованных к квартире, стулу и пишущей машинке идиотов, именующих себя писателями.

Эллери уже почти два часа трудился, сидя за великолепной электрической машинкой, но результатом были всего лишь пять с половиной строчек отнюдь не бессмертной прозы, отпечатанных на желтоватой бумаге и содержащих пятьдесят три слова, двадцать одно из которых он аннулировал, забив буквой «X».

«Мне не хватает энергии, — сонно думал Эллери. — Я человек, страдающий авитаминозом, с вмонтированным в организм транквилизатором. У меня за плечами тридцать романов — зачем мне тридцать первый? Разве Бетховену не было достаточно девяти симфоний?»

Эллери с тревогой осознал, что стареет. Это заставило его напечатать еще две с половиной строки, не пользуясь буквой «X» даже для уничтожения опечаток. Но мысль о тщетности этого занятия овладела им вновь, он опять стал клевать носом, желая, чтобы скорее наступил полдень, и можно было с чистой совестью приготовить себе «Кровавую Мэри».

В этот момент зазвонил телефон, и он схватил трубку:

— Эллери Квин слушает!

В ответ послышался бас, вибрирующий эмоциями:

— Держу пари, мистер Квин, вы ни за что не догадаетесь, кто это.

Эллери вздохнул. Подобное начало телефонного разговора было способно повергнуть его в уныние в минуты обостренной восприимчивости.

— Я никогда не держу пари, а тем более не занимаюсь догадками. Кто это?

— Стэнли Дивоу. — После паузы голос с надеждой осведомился:
— Помните?

— Дивоу, Дивоу... Нет, не припоминаю. Когда мы встречались?

— Давным-давно. Может, помните сержанта Дивоу?

— Сержанта Ди... Боже мой! — воскликнул Эллери. — Привет, сержант! Как же я мог вас забыть? Будь я трижды проклят! Как поживаете?

— Живу потихоньку. А вы?

— То же самое, — мрачно отозвался Эллери. — Что вас заставило позвонить мне, сержант?

— Я уже не сержант, мистер Квин.

— Лейтенант? Капитан?

— Шеф.

— Шеф чего?

— Несколько лет назад я оставил патрульную службу, а потом там открылась вакансия шефа полиции...

— Где «там»?

— В Олдервуде.

— В Олдервуде! — Воспоминания запрыгали в давно запертой кладовой мозга, как кукуруза на горячей сковороде. — Что же случилось с шефом Брикеллом?

— С Брикеллом? — усмехнулся шеф Дивоу. — Похоже, для вас, писателей, время ничего не значит. После Брикелла в Олдервуде сменились еще два шефа полиции. Старина Брик умер в тридцать седьмом.

— Уже двадцать лет назад! — Эллери знал старину Брика всего пять часов, но был искренне опечален и не знал, что сказать.

Дивоу тоже молчал.

— Объясню вам, почему я позвонил, — заговорил он наконец. — Помните это безумное дело о двух убийствах в доме Крейга?

— Да. — Ноздри Эллери затрепетали.

— Вы ведь знаете, что его так и не раскрыли?

— Знаю.

— Ну, на прошлой неделе я разбираю старый хлам в одной из кладовых в полуподвале полицейского управления...

— Под полицейским управлением вы подразумеваете ту каморку в мэрии?

— У нас новое здание. А в кладовой хранится не только барахло, накопившееся с тех пор, как здание было построено, но и перевезенное из старой мэрии. Сегодня утром мы наткнулись на ящик, и как думаете, что на нем написано? «Дело Себастьяна»!

— Ящик?

— Там все материалы по этому чертову делу.

Внутри у Эллери зашевелилось что-то не слишком приятное.

— А что они делают в Олдервуде? Ведь расследование вела полиция округа.

— Похоже, никто не знает, как они здесь очутились. Я собирался сжечь их вместе с остальным мусором, но подумал: «Бьюсь об заклад, Эллери Квин хотел бы их заполучить». Я прав, не так ли?

Эллери молчал.

— Мистер Квин?

— Пожалуй, — медленно произнес Эллери. — Там все? Рождественские коробки, карточки...

— Все хозяйство, связанное с этой дикой историей. Хорошо, что я об этом подумал. — Шеф Дивоу был явно доволен собой. — О'кей, мистер Квин. Я пришлю их вам поездом.

— Нет-нет, не беспокойтесь, — сказал Эллери, на сей раз быстро. — Я мог бы приехать за ними на автомобиле... Да, думаю, я приеду сегодня же. Вам это удобно, шеф?

— Шутите? Вся моя контора танцует рок-н-ролл, узнав, что я решил вам позвонить.

— Все четверо? — усмехнулся Эллери.

— Четверо? У меня тридцать два патрульных, не считая персонала офиса.

— О! — почтительно произнес Эллери.

— Вы увидите, что здесь многое изменилось, включая меня. Я уже не тот тощий коп, которого вы видели в двадцать девятом, — хохотнул Стэнли Дивоу. — С тех пор я немного прибавил в весе...

* * *

Шеф Дивоу весил триста фунтов. Эллери понадобилась вся сила воображения, чтобы разглядеть сквозь слои жира стройную фигуру

сержанта Дивоу, которого он знал. Лицо тоже стало почти неузнаваемым.

— Немного изменился, а, мистер Квин? — с тоской спросил Дивоу.

— Как и все мы.

— Вас бы я узнал где угодно. Вы держите форму.

Только не там, где следует, подумал Эллери... Все менялось везде. Он подъехал в автомобиле с откидным верхом выпуска 1957 года к стареющему мраморному зданию периода урожая АПР^[106], с парковочными счетчиками, тридцатиминутным лимитом стоянки, окруженному со всех сторон другими административными сооружениями. Все это имело не больше общего с Олдервудом, который Эллери посетил в 1929 году, чем цветной телевизор со старым детекторным приемником миссис Дженсен.

Опыт был не из приятных, и шеф Дивоу тоже это ощущал. Они немного поболтали в просторном кабинете о его карьере, развитии Олдервуда, молодежной преступности, безнадежной задаче организации гражданской обороны, спутнике Земли, даже о лейтенанте Луриа, который, по словам Дивоу, ушел из полиции штата спустя несколько лет после фиаско с делом Себастьяна и занялся страховым бизнесом где-то на Среднем Западе. Но этот разговор не приводил ни к чему, и после третьей нервной паузы Дивоу поднялся, предложив посетить полуподвал. Эллери был готов его обнять.

— Знаете, я в полном восторге от нашей встречи, — сказал шеф, спускаясь по бетонным ступенькам. — Вы ведь чертовски знамениты, мистер Квин. Держу пари, нет ни одной вашей книги, которую бы я не читал.

— Принимаю, хотя никогда этого не делаю.

— Что? Назовите книгу, и я вам расскажу содержание!

— «Тайна двенадцатой ночи».

— Двенадцатой... Действительно, не читал. Вы написали ее по мотивам дела Себастьяна?

— Вы не читали ее потому, что я ее так и не написал, — мрачно промолвил Эллери.

— Не могли найти разгадку? — Дивоу засмеялся, трясясь всем монументальным телом.

Эллери ощутил легкую тошноту.

— Что-то вроде этого.

Дивоу бросил на него быстрый взгляд.

— Ну, вот мы и пришли.

Деревянная крышка была отвинчена. Дивоу зажег лампу на потолке, и Эллери посмотрел в ящик.

Да, здесь были окаменелые останки его былой неудачи, отлично сохранившиеся, как будто последних двадцати семи лет не было вовсе. Маленький сандаловый вол... игрушечный домик... украшенный полудрагоценными камнями кинжал... А также стопка белых карточек с прилипшим к верхней обрывком аптечной резинки, которой кто-то их скрепил... И маленькая черная книжица.

Дневник!

Он совсем забыл о своем дневнике.

Эллери выхватил его из ящика, стряхнул пыль и открыл, увидев собственный почерк более чем четвертьвековой давности. Лейтенант Луриа конфисковал дневник, так и не вернув его.

Эллери с нежностью положил в ящик маленькую реликвию.

— Не мог бы кто-нибудь из ваших подчиненных, шеф, положить все это в багажник моей машины?

— Конечно.

— Не могу выразить вам, как много это для меня значит.

— Конечно, мистер Квин, понимаю.

Эллери на минуту показалось, что шеф действительно это понимает, и он впервые за день ощутил теплое чувство к Дивоу.

Подчиняясь импульсу, он поехал по незнакомым улицам к старому поместью Крейга и дважды миновал его, не узнав. В третий раз он сверился с указателем, убедившись, что едет в нужном направлении. Но дом Крейга исчез вместе с лесом и лужайками. На их месте находилось множество одинаковых домиков с желтой, красной или пурпурной отделкой, похожих на проигрыватели-автоматы, каждый с маленьким гаражом позади, лужайкой размером с почтовую марку и игровой площадочкой спереди, телевизионной антенной сверху и одним жалким деревцем вместо многих.

Эллери развернулся и поехал назад в Нью-Йорк.

Инспектор Квин проснулся, интересуясь, что его разбудило. Он сонно уставился на светящиеся стрелки часов. Двадцать минут пятого. Кто-то что-то говорил...

— Будь я проклят! — твердил громкий тенор, полный самоуничижения и одновременно торжества.

Где-то в квартире горел свет.

Старик с трудом выбрался из постели. Он не надевал пижамную куртку и, почесывая костлявый торс, поплелся через невидимую гостиную в кабинет Эллери — источник света.

— Ты в своем уме, сынок? — Инспектор зевнул. — Неужели ты еще не ложишься?

Эллери был в одних носках, но в брюках и рубашке. Он сидел на столе в позе индийского йога, уставясь на пол, где разложил в кружок содержимое олдервудского ящика. Раскрытый черный дневник лежал на столе перед ним.

— Я нашел это, папа.

— Не поздновато ли тебе играть в игрушки? — Старик сел на кожаную кушетку и потянулся за сигаретой. — Что ты нашел?

— Ответ на загадку Себастьяна.

— Себастьяна? — Инспектор нахмурился. — Кто это такой?

— Это было очень давно, папа. — Эллери был окружен освежающей аурой, словно только что вынырнул из горного озера. В то же время в нем ощущалась печальная мудрость, озадачивающая его отца.

— Помнишь? — продолжал Эллери. — Олдервуд. Молодой поэт, который жил в Гринвич-Виллидж. Это было в двадцать девятом. Ты и Вели раздобыли для меня кое-какую информацию...

Инспектор хлопнул себя по жилистой голени.

— Ну конечно! — Он внимательно посмотрел на круг предметов. — Но ведь это давняя история, Эллери. Где ты все это откопал?

Эллери рассказал ему и подобрал черную книжицу.

— Я провел большую часть ночи, перечитывая мой дневник. Знаешь, тогда я был слишком молод.

— Разве это плохо?

— Хорошо, но имеет свои недостатки. Должно быть, я был невыносим. Этаким самодовольный всезнайка. Я здорово действовал тебе на нервы?

— Тогда я тоже был гораздо моложе. — Инспектор Квин усмехнулся и погасил сигарету. — Значит, ты раскрыл дело? Спустя столько лет?

— Да. — Эллери стал раскачиваться, обхватив руками колени. — Тогда я был сплошным мозгом. Мое могущество не знало пределов, и, когда оно вступало в конфликт с фактами, страдали факты. Вот почему я не видел правду в деле Себастьяна, папа, хотя держал ее в руках, вертел в разные стороны, нюхал, обследовал снаружи и внутри.

— Хочешь рассказать мне об этом? — спросил его отец.

— Нет, папа, иди спать. Прости, что разбудил тебя.

— Может, все-таки расскажешь?

И Эллери рассказал ему.

На сей раз инспектор твердил снова и снова:

— Будь я проклят!

Глава 18

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

В которой, как можно более кратко, излагаются некоторые сведения о живых и мертвых, а Эллери планирует поездку

В процессе регулярных отношений между автором и издателем Эллери в течение почти трех десятилетий достаточно часто виделся с Дэном З. Фрименом, но сегодня, когда издатель поднялся из-за стола, чтобы приветствовать его, Эллери показалось, что он за все это время вовсе не видел Фримена. Это походило на иллюстрацию эйнштейновской теории относительности, думал он: два поезда едут по параллельным рельсам в одном направлении с одинаковой скоростью, а пассажиры каждого из них готовы поклясться, что оба поезда стоят на месте, пока не посмотрят в противоположное окно и не увидят проносящийся мимо пейзаж.

Старый дневник явился для него таким окном во впечатления двадцатисемилетней давности о людях в доме Крейга, включая Фримена. Сейчас Эллери видел перед собой пожилого мужчину с

несколькими седыми прядями вокруг лысой макушки, со все еще красивыми, но глубоко запавшими в складки плоти карими глазами, как старинные драгоценности в музее, с сутулыми плечами и заторможенными движениями, на которые было почти физически больно смотреть.

Эллери не без смущения спрашивал себя, как он сам выглядит в глазах Фримена.

— Нет, Дэн, на сей раз речь идет не о нашем обоюдном интересе к бестселлерам, — с улыбкой сказал Эллери. — Во-первых, потому, что новая книга всегда ползает на четвереньках по выжженной пустыне, а во-вторых, потому, что я пережил в высшей степени примечательный опыт. Помните наше пребывание в доме Артура Крейга во время рождественских каникул зимой двадцать девятого — тридцатого года?

Издатель сидел неподвижно. Это походило на стоп-кадр в фильме, потом движение возобновилось, и он пробормотал:

— Что напомнило вам об этом, Эллери? Я годами это не вспоминал.

— Я тоже, — отозвался Эллери. — Но вчера произошло кое-что, напомнившее мне эти две недели, и я начал размышлять. Вы ведь знаете мои мозги. Стоит вопросу заползти в них, и я начинаю рвать и метать. Внезапно я ощутил приступ любопытства к людям, которые тогда были с нами в доме Крейга. Вероятно, это глупо, но от меня не будет никакого толку, пока я не удовлетворю свое любопытство. Вам известно, что стало с этими людьми?

Фримен внимательно посмотрел на Эллери, потом нажал кнопку внутриофисного селектора, пробормотал: «Меня не беспокоить, Харриет» — и начал говорить.

Дождавшись, пока будут улажены юридические формальности, и он вступит в права наследования, Джон Себастьян покинул Соединенные Штаты. Молодой миллионер купил виллу на юге Франции, неподалеку от Канна, и больше не возвращался на родину. Вначале ходили слухи о буйных вечеринках, фантастических красавицах, малоприятных эскападах, но, очевидно, это было промежуточной фазой. Джон стал вести спокойную жизнь, иногда принимая у себя немногих друзей, сочиняя стихи, разводя зябликов и приобретая произведения искусства через агентов в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Насколько знал Фримен, он так и не женился.

— Джон публиковал свои стихи, но не через меня, — продолжал издатель. — И не в этой стране. В Париже вышли три или четыре небольшие книги. После войны я слышал, что Джон все еще живет на своей вилле. Мне говорили, что он сотрудничал с нацистами, но я не знаю, насколько это правда. Во всяком случае, французы его не преследовали. Я не получал от него никаких известий лет десять или больше.

— А Эллен Крейг?

— Тогда мне казалось, что между вами двумя что-то намечается, — засмеялся издатель. — Вы больше не поддерживали контакт?

Эллери покраснел.

— Всего несколько месяцев. После того как Эллен закончила Уэлсли, мы потеряли друг друга из виду. Я где-то слышал, что она вышла замуж...

— Эллен вышла замуж за смышленного парня из Госдепартамента, — сказал Фримен. — Вы знаете, что это такое — каждые три года перебираться из одного посольства в другое, жить как на островке среди моря незнакомых людей и окружения. У нее пятеро взрослых детей. Последний раз я слышал, что она с мужем где-то в Африке. Я видел ее два года назад, когда ее муж вернулся в Штаты, чтобы ознакомиться получше с африканскими делами перед переводом. Эллен стала солидной и немногословной — типичная жена дипломата.

Эллери спросил о Расти Браун. По словам Фримена, Расти во время кризиса закрыла свой магазин на Мэдисон-авеню, поскольку «Творения Расти Браун» вышли из моды. Он понятия не имел о ее дальнейшей судьбе, пока спустя годы не столкнулся с ней на вечеринке в Беверли-Хиллз, когда был с визитом в Голливуде по поводу чьих-то авторских прав. Расти стала весьма успешным дизайнером интерьеров в Лос-Анджелесе. Она сменила четырех мужей, не родила ни одного ребенка и показалась Фримену глубоко несчастной женщиной. Насколько он знал, она все еще на калифорнийском побережье. Ему неизвестно, что случилось с ее матерью. Расти не упоминала о ней, а Фримен не спрашивал.

— Кстати, она больше не называет себя Расти, — с улыбкой добавил издатель. — Йоланда — и все.

О преподобном мистере Гардинере Фримен не имел сведений.

— Вряд ли он еще жив. Ему было бы уже за сто.

Доктор Сэмсон Дарк умер от коронарного тромбоза в 1935 году.

Роланд Пейн тоже умер. Он застрелился в конце 30-х годов по неустановленной причине. Пейн не оставил записки и всего за несколько минут до самоубийства с обычной учтивостью обсуждал с клиентом дело о завещании.

— Помню, спустя несколько лет я разговаривал о смерти Пейна с его сыном, литературным критиком. Уэнделл не имел ни малейшего представления, почему его отец покончил с собой. Тема была для него болезненной, и я не стал ее развивать.

— Но вы знали почему, — сказал Эллери.

— Каким образом?

— Разумеется, из-за женщины.

Фримен пожал плечами.

— Вполне возможно. Пейн был одним из тех лицемеров, которые ведут безупречную жизнь при дневном свете, а по ночам крадутся в злачные места. Вероятно, у него возникли неприятности, вероятно, шантаж на сексуальной почве, он не вынес угрозы разоблачения и выбрал наиболее легкий выход.

Валентина Уоррен вышла замуж за Мариуса Карло. Брак был бурным и завершился столь же бурным разводом. Никто из них больше не вступал в брак и не достиг успехов на профессиональном поприще. Валентина перешла от инженеру к характерным ролям, по-прежнему выступая в основном в летнем репертуаре и лишь иногда появляясь в маленьких ролях на Бродвее и в телеспектаклях. Мариус содержит довольно захудалую музыкальную школу в Техасе. Он живет с пожилой балериной, к которой очень привязан. Фримен навещал их прошлой зимой в связи с книгой о музыке, которую Карло пытался всучить ему для публикации.

— Книга называлась «Унисонное пение в восьми церковных ладах», — печально промолвил издатель. — Текст был столь же внушительным. Они живут в похожей на амбар квартире-студии в деловом районе Чикаго, которая выглядит как шедевр Дали, написанный после длительного запоя. Грязнее местечка я не видел.

Как ни странно, Артур Крейг был еще жив.

— Но ему, должно быть, за девяносто, — удивился Эллери.

— Он упрямый старик. Цепляется к жизни, как банный лист.

Незадолго до отъезда Джона Себастьяна из Штатов Крейг решил отойти от дел и предложил Фримену свою типографию. Фримен купил ее для старшего сына, который тогда стажировался в типографии Крейга. Несколько лет типографией Фрименов руководил старый сотрудник Крейга, пока молодой Фримен не приобрел достаточную квалификацию. Сейчас под его руководством и под присмотром отца типография процветает, как при Крейге, выпуская искусно оформленные подарочные и малотиражные издания.

Одновременно с типографией Крейг продал и поместье в Олдервуде, ликвидировал все свои вклады и покинул восток. Он обосновался в Сан-Франциско и все еще живет там. Фримен иногда писал ему и в память о старых временах посылал образцы печатной продукции типографии, но Крейг ни разу не отвечал на письма и не благодарил за книги.

— На старости лет он стал довольно странным, — продолжал издатель. — Живет в жуткой развалюхе, сам готовит еду, одевается как отшельник, хотя должен получать солидный доход с того, что реализовал здесь, на востоке. Фактически, он превратился в скрягу — когда я последний раз видел Эллен, она сказала мне, что он регулярно пишет ей, прося деньги, которые Эллен высылает ему годами! Я обычно навещал его, когда дела приводили меня в Сан-Франциско, но в последний раз он меня так расстроил, что я, честно говоря, прекратил это делать.

— Значит, у вас есть его адрес? — быстро спросил Эллери.

— Конечно. Я все еще пишу ему.

— Могу я его получить?

Фримен выглядел удивленным. Он поговорил с секретаршей, и она вскоре появилась с адресом.

— Собираетесь написать старику, Эллери?

— Собираюсь нанести ему визит.

— Чего ради? — воскликнул Фримен.

— Я на двадцать семь лет задолжал ему кое-какие объяснения. — Эллери поднялся. — Спасибо, Дэн.

В половине двенадцатого ночи он вылетел в Сан-Франциско.

ДНЕМ ПОЗЖЕ

В которой мистер Квин, доказывая свою теорию, путешествует в пространстве, преодолевая более чем две с половиной тысячи миль, а путешествуя во времени, углубляется более чем на три тысячи лет

Дом Артура Крейга находился неподалеку от побережья — ветхий желто-коричневый каркасный коттедж на маленьком холме, снабженный лесенкой со сломанными ступеньками и втиснутый между двумя складами. Очевидно, он являлся реликтом того времени, когда здесь были грязевые отмели, и ничто не заслоняло вид на залив. Каким образом ему удалось избежать сноса, пережить рост города и оказаться собственностью Крейга, Эллери никогда не узнал.

Все же, если примириться с его убожеством, дом имел свои достоинства. Морской запах Эмбаркадеро^[107] щекотал ноздри старика днем и ночью, а спускаясь по сломанным ступенькам и выходя за пределы складов, он мог созерцать Телеграф-Хилл^[108]. Далекие крики чаек радовали слух. Пройдясь по берегу, можно было наслаждаться зрелищем судов всех форм и размеров, стоящих у причалов. Человек не слишком требовательный в отношении материальных благ мог спокойно проводить здесь старость.

На крыльце, давно лишившемся перил, с трубкой, движущейся из стороны в сторону в беззубых челюстях, восседал в соломенном кресле-качалке Артур Бенджамин Крейг.

Физически он был абсолютно неузнаваем. Величественный каркас, который помнил Эллери, усох и сжался, превратившись в небольшую и нескладную грудку лома. Рука, тянувшаяся к трубке, теперь походила на сморщенную птичью лапу, коричневую в тех местах, где она не была пурпурно-серой. Когда лапа с трубкой удалялась ото рта, челюсти смыкались наподобие птичьего клюва. Даже лицо стало птичьим — время словно оперило и взъерошило кожу, на которой поблескивала пара лишенных век глаз. Череп являл собой сплошную сверкающую лысину. Пышной бороды как не бывало.

Однако по мере того, как Эллери поднимался по весьма рискованным для лодыжек ступенькам, его впечатления менялись.

Опустившиеся старые развалины не бреются. Одежда, на первый взгляд казавшаяся коллекцией тряпья, оказалась просто старым костюмом, залатанным во многих местах, но вполне чистым. Если бы тело старика не так усохло, костюм и вовсе не выглядел бы одеянием отшельника.

Эллери задержался за три ступеньки от крыльца, поскольку упомянутые ступеньки отсутствовали. Очевидно, старик был еще достаточно проворен, если мог спускаться с крыльца и подниматься на него, не ломая ноги.

— Мистер Крейг? — осведомился Эллери.

Блестящие глаза окинули его неторопливым взглядом с головы до пят.

— Я вас знаю, — неожиданно сказал Артур Крейг. Голос удивил Эллери — он был хрипловатым, но четким и без всяких признаков старческого слабоумия.

— Безусловно, мистер Крейг, — с улыбкой отозвался Эллери. — Но мы встречались очень давно.

— Когда?

— На Рождество 1929 года.

Лицо старика избороздили мириады морщинок. Он хлопнул себя по бедру и закашлялся.

— Вы Эллери Квин, — с трудом вымолвил он, вытирая глаза.

— Совершенно верно, сэр. Могу я подняться?

— Конечно! — Старик вскочил с качалки, как птица, игнорируя протесты Эллери. — Нет, лучше садитесь там, а я присяду на край крыльца. — Он так и сделал. — В детстве я всегда свешивал ноги с отцовского крыльца, у которого тоже не хватало ступенек. Тогда мне это не мешало, да и теперь тоже. Итак, вы проделали такой дальний путь, чтобы навестить старого Крейга? Очевидно, летели самолетом? Я не люблю летать — слишком рискованно. Я знал, что вы когда-нибудь меня разыщете. Давно не виделся ни с кем из старых знакомых. Дэн Фримен раньше бывал у меня, но теперь не появляется — не одобряет мой образ жизни. — Старик снова хлопнул себя по бедру. Он не приглашал гостя в дом, и Эллери понял, что его болтливость отчасти преследовала цель скрыть нежелание это делать. — Полагаю, Дэн дал вам мой адрес?

— Да, мистер Крейг. А почему вы знали, что я когда-нибудь разыщу вас?

Старик повернулся, чтобы прислониться спиной к треснувшей подпорке, подтянул левую ногу и свесил правую с края крыльца. Достав коробок спичек, он аккуратно вынул одну из них, чиркнул об пол, поднес к трубке и стал попыхивать, пока не окутался облаком дыма, словно какой-нибудь древний индеец.

— Потому что вы так и не закончили то дело в Олдервуде, — ответил Крейг. — Вы похожи на меня — ненавидите небрежную и недоделанную работу, особенно свою собственную. — Он вынул трубку изо рта и устремил вопросительный взгляд на Эллери. — Похоже, вам понадобилось чертовски много времени, чтобы решить эту проблему.

— Ну, я не работал над ней постоянно, — усмехнулся Эллери. Ситуация начинала ему нравиться — она совсем не походила на ту, которую он ожидал. — Фактически, я едва думал о ней более четверти века. Но вчера...

И Эллери рассказал Артуру Б. Крейгу, как он вернулся к этому делу.

— Я разложил все на полу моего кабинета — двенадцать карточек и двадцать подарков. — Он сделал паузу, чтобы зажечь сигарету. — Знаете, мистер Крейг, ведь я понял смысл подарков еще в Олдервуде.

— Вот как? — Старик казался удивленным. — Но, насколько я помню, вы об этом не упоминали.

— Верно, — согласился Эллери.

— Почему?

— Потому что от меня ожидали, что я об этом упомяну. Кое-кто пытался ложно обвинить кое-кого в убийстве Джона, а я должен был попасться на удочку клеветника. Но давайте начнем с альфы, а не с омеги^[109], мистер Крейг.

— Хорошо сказано. — Беззубый рот скривился в усмешке. — Значит, все это было подтасовкой? Продолжайте, мистер Квин. На ближайшее Крещение исполнится двадцать восемь лет с тех пор, как я этого жду.

Эллери улыбнулся иронической реплике.

— Долгое время меня вводили в заблуждение числа. Особенно мне не давало покоя число «двенадцать». Двенадцать человек в доме,

помимо слуг, двенадцать дней и ночей Святков, двенадцать знаков зодиака, двенадцать ежевечерних подарков и так далее — некоторые явно были всего лишь совпадением, другие так же явно спланированы намеренно. Я не сомневался, что число «двенадцать» имеет решающее значение. Но это был ложный след — специально помещенное на моем пути препятствие, чтобы сделать цель более желанной. Число «двенадцать» было всего лишь приманкой — можно сказать, копченой селедкой размером с кита^[110].

Но число «двадцать» относилось к иному подразделению класса рыб. — Эллери стряхнул пепел на землю. — Это было число отдельных подарков или, по крайней мере, выделенных разрядкой слов в стихах. Оно ассоциировалось с конкретным понятием — набором из двадцати предметов: вола, дома, верблюда, кнута и прочих. Могли ли они составлять серию? В каком контексте двадцать предметов выглядят серией? Серия означает определенный порядок: за первым предметом следует второй, за вторым третий и так далее. Я стал изучать предметы. Первым был вол, вторым — дом, третьим — верблюд, четвертым — дверь; всего двадцать разных предметов. Несколько раз я едва не находил ответ, но всегда спотыкался о число «двадцать». Я не мог понять смысл последовательности двадцати различных предметов, а когда понял, то сообразил, что мне мешало. Число «двадцать» было еще одним ложным следом. Оно имело смысл, но не для нашего времени. В современной культуре, определяющей мыслительные процессы, его заменяет другое число.

— В самом деле? — весело осведомился старик.

— Открытие произошло случайно — поздно вечером 5 января. Я поднялся в свою комнату, захватив подарочный экземпляр сборника стихотворений Джона. Открыв его на титульном листе, я увидел ключ, который отпер дверь. А за дверью находился ответ.

— Что же это за ответ?

— Ал-фа-вит.

— Алфавит. — Старик почти любовно произнес эти три слога. — Звучит основательно!

— Вот именно, мистер Крейг! — подхватил Эллери. — Ибо алфавит, завещанный нам древними финикийцами, вначале представлял собой коллекцию изображений знакомых предметов, служивших основой для жизни примитивных народов, — пищи, крова,

средства передвижения, частей человеческого тела и тому подобного. Подумав об алфавите, я сразу понял, что именно его означала коллекция хорошо знакомых предметов в подарочных посылках. К дьяволу числа! Для нас алфавит состоит из двадцати шести букв, но в 1300–1000 годах до Рождества Христова, когда финикийский алфавит находился в процессе формирования, он состоял из двадцати двух «картинок», двадцать из которых дошли до нас, а остальные шесть происходят из других источников.

Действительно ли меня поддразнивали финикийским алфавитом? Все указывало на это. Вол, точнее, воловья голова, дошедшая до нас в перевернутом виде, была предметом пищи, выбранным финикийцами для первой буквы своего алфавита: «алеф» или «А». Вторым подарком был дом, а дом — «бет» или «В» — служил второй «картинкой» в финикийском алфавите. Третьим подарком был верблюд, а финикийский верблюд — «гимель» или «гамель» — стал нашей буквой «С»^[111]. «D» происходит от двери, «E» — от окна, «F» — от крюка или гвоздя. Буквы «G» не существовало до третьего века до Рождества Христова — этот звук передавала буква «C». Наша «H» произошла от финикийского «хет», обозначающего забор, а именно частокол получил Джон после гвоздя или крюка. «I» — рука; «J», являющееся римской пролонгацией «I», превращающей ее из гласной в согласную, стала отдельной буквой только в шестнадцатом веке, поэтому Джон не получил соответствующего ей предмета; «K» — ладонь; «L» — кнут; «M» — вода; «N» — рыба; «O» — глаз; «P» — рот; «Q» — обезьяна; «R» — голова; «S» — зуб; «T» — знак креста; «U», «V» и «W» появились позднее; «X» — столб; «Y» мы унаследовали от греков; наконец, «Z» имеет мрачный смысл, исходя от «зайин», обозначающего кинжал, «последний удар» которым оборвал жизнь близнеца Джона. Двадцать предметов, точно совпадающих с двадцатью основными источниками финикийского алфавита.

— И что это для вас означало? — с интересом спросил старик.

— Очевидно, ум, замысливший этот зловещий план, обладал знаниями алфавитных истоков. Другие события указывали, что дарителем был один из присутствовавших в доме. Кто же были эти люди? Поэт-дилетант, дизайнер драгоценностей и тканей, любительница оккультизма, протестантский священник, юрист, врач,

актриса, музыкант, юная студентка, а также книгоиздатель и типограф. Миссис Дженсен, Мейбл и Фелтона я считал слишком абсурдными кандидатами для серьезного рассмотрения.

Мне сразу стало ясно, что выбор лежит между мистером Фрименом и вами. В действительности это даже не являлось выбором. Издатель связан с языком в редакторском и коммерческом смысле, а типограф связан с ним технически. Вы были не просто типографом, но и книжным дизайнером, мастером высокого класса, который должен обладать обширными техническими знаниями в области полиграфического искусства. Я не сомневался, что финикийский алфавит в основе серии подарков указывает на вас, мистер Крейг, как на их отправителя, планировавшего убийство Джона.

— Понятно, — задумчиво промолвил старик. — Но вы этому не верили.

— Нет, так как был столь же уверен, что ни один человек не стал бы изобретать серию таких изощренных улик с единственной целью указать на себя как на злодея в пьесе. Поэтому я решил не выдавать вас полиции, Джону и вашим гостям, мистер Крейг. Если вы были оклеветаны, я не собирался подыгрывать клеветнику.

Вопрос, который беспокоил меня той январской ночью 1930 года и продолжал беспокоить более двадцати семи лет, состоит в том, кто оклеветал вас, мистер Крейг.

Старик прищурился, глядя на Эллери сквозь табачный дым.

— И теперь вы это знаете, а?

Эллери кивнул:

— Теперь знаю.

Глава 20

ПРОДОЛЖАЮЩАЯ И ЗАВЕРШАЮЩАЯ

В которой мистер Квин признается в ошибке молодости и, хотя и с опозданием, приводит к концу историю двенадцати вечеров

— Я знаю это, — продолжал Эллери, — благодаря тому, что недавно смог синтезировать три ключа, что мне не пришло в голову сделать накануне Крещения много лет назад.

Первым была группа странных рисунков. Вы помните, мистер Крейг, что на обороте некоторых белых карточек автор стихов нарисовал карандашом примитивные на вид изображения? Они появлялись не на каждой карточке и даже не на большинстве из них — только на четырех из двенадцати. Их случайный характер указывал на скорее невольное, чем сознательное появление — как если бы автор, задумавшись, поигрывал карандашом.

В таком случае рисунки могли быть важным ключом к подсознательному «я» автора, в противоположность стихам и другим сознательным его творениям. К сожалению, сами по себе они ничего мне не говорили. Рисунки выглядели всего лишь предельно упрощенными изображениями предметов, о которых упоминалось в стихах на этих карточках.

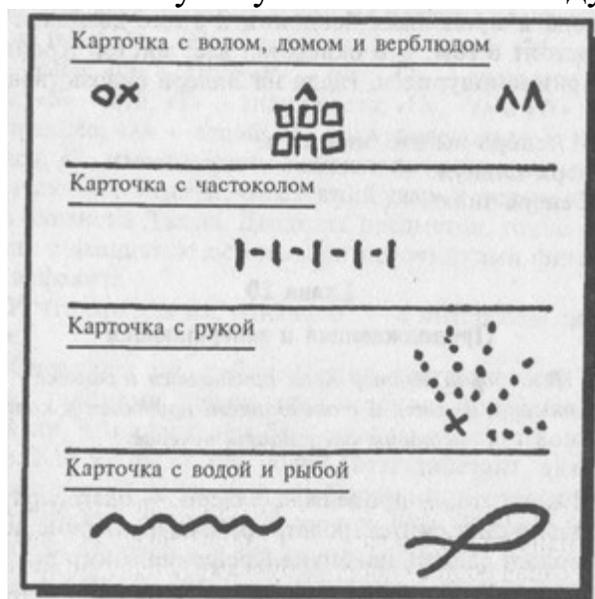
Старик внимательно слушал.

— Да-да, — нетерпеливо сказал он. — Продолжайте, мистер Квин.

Эллери вынул из кармана лист бумаги и развернул его.

— Прошлой ночью я скопировал их с карточек, мистер Крейг. Возможно, они освежат вашу память. Взгляните на них.

Птичья лапа схватила бумагу. На ней было следующее:

— Тогда мы все считали, что рисунки изображают предметы, о которых говорится на карточках, — продолжал Эллери. — На обороте карточки со стихком про вола, дом и верблюда были нарисованы буквы «ОХ», маленький домик с островерхой крышей, пятью окнами и дверью, а также наиболее характерная черта верблюда — горбы. На обороте карточки, где говорилось о частоколе, находился рисунок, похожий на забор. Карточка со стихком про руку и ладонь — между прочим, наиболее интересная — имела на обороте нечто вроде трафаретного изображения кисти руки, состоящего из пяти растопыренных пальцев и знака креста вместо ладони. А на обороте карточке со стихком о воде и рыбе были нарисованы волнистая линия, могущая означать только воду, и простейшее абстрактное изображение рыбы.

Говорили ли мне рисунки что-либо о художнике? — Эллери покачал головой. — Нет, до полутора суток тому назад. А что они говорят вам об их авторе, мистер Крейг?

Старик изумленно уставился на рисунки.

— Невероятно! — воскликнул он. — Я только сейчас это заметил.

— Да, подсознание откалывает странные трюки, — кивнул Эллери. — Рука, рисовавшая оригиналы этих картинок, сознательно, хотя и праздно иллюстрировала содержание карточек, но подсознательная техника выдала ее обладателя. Доказательством того, что это делалось неосознанно, служит то, что автор положил в коробки карточки с рисунками. Если бы он знал, что они способны его разоблачить, то разорвал бы карточки и напечатал бы стихи на дубликатах с чистыми оборотами.

Что же это за подсознательная техника, которая выдала автора и стала очевидна мне только спустя двадцать семь лет? Все дело в том, что каждый элемент этих рисунков — каждый кружок, квадратик, линия, точка, крестик и так далее — тождественны определенной системе знаков, своего рода коду, используемому в специфической фазе редакторской и типографской работы — корректуре. Если корректор, вычитывая рукопись или гранки, находит число или цифру, которую, по его мнению, следует напечатать буквами, он ставит на полях маленькое «о», означающее «набрать буквами». Если он натывается на дефектную литеру в гранке, то рисует на полях маленькое «х», и печатник знает, что искать. Отсюда «о» и «х» в «ОХ».

Сами по себе они могли быть всего лишь совпадениями. Но возьмем «дом». Он состоит из семи элементов. Маленький квадратик, использованный для пяти из них, — корректорский значок, означающий пробел или отступ в один знак. Значок, похожий на дверцу, означает «далее в указанном направлении». Маленький островерхий значок — вставку буквы или слова. Два таких значка, которыми художник изобразил верблюжьих горбы, — две вставки рядом.

«Частокол» состоял из вертикальных и коротких горизонтальных линий. Вертикальные имеют, по крайней мере, два значения для корректора и наборщика, а горизонтальные просто означают тире.

Точки, образующие пальцы на «руке»? Точками под словами — корректорский знак, предписывающий сохранить слова, вычеркнутые при корректуре, — они также переносятся на поля, указывая на отмену правки. А «х» вместо ладони — снова шрифтовой дефект.

Волнистая линия «воды» под словом означает «набрать курсивом». А абстрактное изображение рыбы — один из нескольких способов указания «изъять».

Учитывая то, что все без исключения элементы являются корректорскими знаками, не может быть сомнений, что рисовальщик был настолько близко знаком с ними, что использовал их подсознательно. Вы согласны, мистер Крейг?

— Абсолютно. — Старик слушал как завороченный.

— Это мой запоздалый ключ номер один. — Эллери зажег очередную сигарету. — Ключ номер два столь же интересен.

Как вы помните, ключевые слова стихов на всех карточках были выделены разрядкой, то есть буквы были напечатаны не подряд, а через интервал. Конечно, я сразу понял, что это означает, и в первый же вечер указал, что таким образом автор выделяет важнейшие слова. Но до прошлой ночи я не замечал, что сам метод разрядки подсознательно выдает типографа.

Каким образом обычный человек выделил бы нужные слова? Просто подчеркнул бы их, а в типографии набрал бы курсивом. Еще в 1931 году знаменитый британский художник, гравер и шрифтовик Эрик Гилл настаивал в печати на универсальном применении того, что тогда использовали лишь типографы-пуристы, — выделении слов посредством разрядки, а не курсива или подчеркивания. Практика до

сих пор не принята повсеместно, однако многие пуристы-типографы продолжают пользоваться разрядкой.

— Верно, — пробормотал старик.

— Два ключа вели к неизбежному выводу, — продолжал Эллери. — Но прошлой ночью я обнаружил третий, который проглядел во время рождественских каникул, и этот ключ решил все.

Помните, мистер Крейг, две последние строчки в последней карточке, полученной Джоном, — карточке, которую я обнаружил под Джоном Третьим, лежащим с кинжалом в спине? «Кинжал, что последним ударом жизнь заберет без остатка»?

Это может показаться притянутым за уши, но если не помнить о причудливых путях подсознания. Слова «последний удар» связаны с библиографическим термином «колофон», ведущим происхождение от древнего ионийского^[112] города Колофона, чья знаменитая кавалерия якобы всегда наносила «последний удар» в битве, который, как мне едва ли следует напоминать вам, сэр, означает выходные данные, помещенные в конце книги, — имена типографа, автора, иллюстратора, место и дату выхода в свет и так далее.

Здесь подсознание клеветника-убийцы окончательно его выдало, побудив, убивая одного из близнецов, которого он считал Джоном Первым, и таким образом завершая осуществление своего плана, использовать типографский термин, означающий то же самое!

И как бы подводя некий итог, Эллери отбросил сигарету с характерным завершающим щелчком.

— Кто из находившихся в доме был настолько близко знаком с корректорскими значками, что подсознательно использовал их как элементы рисунков? Кто выделял ключевые слова разрядкой, применяемой лишь отъявленными пуристами среди представителей типографской профессии? Кто вероятнее всего мог привлечь к делу точное значение термина «колофон»? Кто во всей группе мог это сделать, кроме профессионального типографа и наборщика, который настолько «погряз» в своем ремесле, что, повторяя кем-то сказанное, возвысил его до искусства? Вы печатали эти карточки, мистер Крейг. Вы рисовали эти картинки. Вы присылали «подарки». Вы нанесли последний удар кинжалом в спину человека, которого считали вашим подопечным. И вы же оклеветали сами себя.

Старик молчал. Он сидел, сжимая в руке погасшую трубку, свесив с крыльца правую ногу и задумчиво двигая челюстями.

— Вы сказали, я оклеветал сам себя, — наконец проговорил он с хитрой усмешкой. — Но незадолго до того вы же сказали, что ни один умный человек не станет строить изощренную систему улик с единственной целью указать на себя как на преступника и что, поняв это, вы решили, что я невинная жертва клеветы.

— В январе 1930 года я был очень молод, мистер Крейг, и к тому же все это звучит вполне логично, не так ли? Действительно, никто бы не поверил, что умный человек станет наводить на себя подозрения. Но мне понадобилось более четверти века, чтобы понять, что умный человек мог наводить на себя подозрения именно по той причине, что никто бы этому не поверил.

Старик кашлял так долго, что начал задыхаться и хватать ртом воздух. Эллери встал и осторожно похлопал его по спине. Когда Крейг отдышался, Эллери снова сел.

— Вы умны, мой мальчик, — с присвистом произнес старик.

— Но вы были гораздо умнее, мистер Крейг. Вы прочитали мою книгу, расспрашивали обо мне Джона, пока не узнали, из какого теста состоит мой ум, и соответственно все спланировали. Вы предложили мне очевидное решение, не сомневаясь, что я его отвергну, и были правы. Этот мастерский двойной блеф одурачил меня целиком и полностью. Могу лишь выразить вам запоздалое восхищение.

— Но на какой риск я шел, — ухмыльнулся старик. — Было глупо так рисковать, верно?

— Нет, — покачал головой Эллери, — потому что вы шли на куда больший риск. Вы хотели убить Джона. Но если бы вы убили его без всяких ухищрений, даже не оставив никаких улик, то стали бы главным подозреваемым. Ибо у вас имелся веский мотив желать, чтобы Джон умер до 6 января 1930 года. И скрыть этот мотив вы никак не могли. Согласно завещанию его отца, если бы Джон умер до достижения двадцатипятилетнего возраста, вы, Артур Бенджамин Крейг, унаследовали бы состояние Себастьяна. Единственным способом, которым вы могли надеяться отвлечь внимание от этого мотива, было привлечь его к чему-то другому. Если бы меня удалось убедить, что улики против вас подтасованы, я бы счел, что клеветник всего лишь воспользовался вашим мотивом. В итоге так и произошло.

— Все же это не вполне характерно, не так ли? — В голосе старика послышались нотки горечи. — Зачем мне, состоятельному человеку, стремиться заполучить еще и состояние Себастьяна? Разве я производил впечатление столь алчного субъекта, мистер Квин?

— Нет, — ответил Эллери, — но это было Рождество 1929 года. Всего за два месяца, 29 октября, биржевой рынок обрушился с величайшим грохотом за всю его историю. Очевидно, крах задел и вас, как и сотни тысяч других людей. Но я не верю, что вы совершили бы убийство только для того, чтобы возместить собственные финансовые потери. Вы были опекуном состояния Джона-старшего, вы распоряжались его капиталом, вносили вклады под проценты с него почти двадцать пять лет. Думаю, вы проиграли на бирже в основном деньги Себастьяна, делая рискованные ставки, которые тогда служили всеобщей приманкой, — а за это вы могли попасть в тюрьму. Единственным способом скрыть ваши растраты было избавиться от Джона, прежде чем он вступит во владение состоянием. Тогда бы его остатки отошли к вам, и никто бы ни о чем не догадался... Альтернативой было не убивать Джона, а признаться ему, что он унаследовал очень мало или вовсе ничего, и отдать себя на его милость. Но полагаю, у вас были основания сомневаться в милосердии Джона, мистер Крейг. Я сам подмечал в его характере жесткие, безжалостные черты. Вы знали, что он, по всей вероятности, не только заставил бы вас ликвидировать всю принадлежавшую вам собственность, но и отправил бы вас в тюрьму. И чтобы избежать этого, вы решились на убийство.

— Да, — пробормотал старик, — но все пошло не так... Во время краха я потерял все состояние до единого цента. В течение следующих двух месяцев я все спланировал — изготовил подарки, отпечатал стихи на машинке, которую прятал в типографии, приготовил для вас все вплоть до самой мельчайшей детали... Но, совершив преступление, я узнал, что убил не того человека.

Его голос перешел в жалобный шепот.

— Я понятия не имел, что третий близнец жив. Я не знал о тройне... не знал, что Джон прячет своего брата у меня в доме... А когда узнал, что Джон живой, было слишком поздно. Когда он появился той ночью без четверти двенадцать, в доме была полиция, и у меня не осталось возможности исправить ошибку. Через пятнадцать

минут наступила полночь, Джону исполнилось двадцать пять лет, и он вступил во владение отцовским состоянием... Я был разорен.

— Вам пришлось продать все, что у вас было, — сказал Эллери. — Вашу типографию, ваш дом, все ваше имущество и ликвидировать все вклады. Вы наскребли достаточно денег, чтобы передать Джону капитал, равный отцовскому, и ни он, ни кто другой не заподозрили, что это не его, а ваши деньги. Поэтому вы живете в этой хижине на подачки Эллен.

— Да, — с достоинством произнес старик. — Я разорился и стал нищим. Несколько лет мне удавалось зарабатывать своим ремеслом, но потом мне сказали, что я слишком стар... Эллен считает меня богатым скрягой, но все-таки присылает деньги, благослови ее Бог. Если бы не она, я бы уже давно голодал.

Голова Крейга опустилась на грудь. Эллери молчал. Увидев, что старик забыл о нем, он тихо сказал:

— Мистер Крейг.

Голова дернулась.

— А?

— Вы убили и доктора Холла, не так ли?

— Что? А, Холл. Да, я убил и его.

— Признаюсь, что не понимаю, почему вы это сделали, ничего не зная о тройне.

— Произошла скверная путаница... Доктора Холла тайком привел в дом другой Джон — которого вы называете Джоном Третьим, — но я этого не знал. Впервые я увидел его в библиотеке, поджидающим меня. Доктор Холл сказал, что он тот врач, который принимал роды у матери Джона в 1905 году. Близнецов он не упоминал, вероятно зная о сюрпризе, который планировали ребята, и обещав не выдавать их.

Доктор Холл говорил о Джоне, но я думал, что он имеет в виду моего Джона, а он подразумевал своего. У него возникли подозрения на мой счет, он начал вынюхивать и выяснил, что кризис уничтожил состояние. Доктор посвятил годы тому, чтобы его Джон получил половину капитала, и был в ярости. Он угрожал разоблачить меня и отправить в тюрьму, если я не возмещу потери. Я уже принял решение убить Джона ночью накануне Крещения, а этот Холл собирался нарушить все мои планы. Поэтому мне пришлось убить и его.

Если бы я смог потихоньку вынести тело из дома и где-нибудь похоронить, все вышло бы по-другому. Но я знал, что при таком количестве народу меня кто-нибудь заметит. Поэтому я сделал что мог — удалил все указатели на его личность, которые сумел обнаружить, сжег их в камине и стал надеяться на лучшее.

В старике уже не ощущалось радости и веселья. Его голова снова поникла, но на сей раз быстро поднялась.

— Теперь вам известно все, мистер Квин. Что вы намерены делать со мной?

— Не знаю. — Эллери нашарил очередную сигарету и устался на нее. Но потом он посмотрел старику в глаза. — А может быть, и знаю, мистер Крейг. Эти преступления были совершены двадцать семь лет назад. Возможно, моя разгадка, как вы сказали, очень умная, но с точки зрения закона абсолютно тщетная. В юридическом смысле нет никаких доказательств для ареста и суда. А если бы даже были... Сколько вам лет, сэр?

— Будет девяносто два.

— Девяносто два... — Эллери поднялся. — Думаю, мистер Крейг, я пожелаю вам всего хорошего.

Старик долго глядел на своего гостя, потом дрожащими пальцами порылся в складках одежды, достал древний кисет и стал набивать трубку, а Эллери начал спускаться по сломанным ступенькам.

— Погодите, — сказал Артур Б. Крейг.

Эллери остановился.

— Да?

— У меня странный склад ума, — продолжал старик. — Активный и пытливый. Вроде вашего.

Эллери улыбнулся.

Старик чиркнул спичкой и глубоко затянулся.

— Примерно час назад, мистер Квин, вы говорили о том, как впервые поняли, что означают двадцать предметов, которые я прислал Джону. Вы сказали, что открыли ваш экземпляр подарочного издания стихов Джона, напечатанного мною, и увидели на титульном листе нечто, давшее вам ключ к тому факту, что двадцать предметов означают буквы алфавита. Я никак не могу вспомнить ничего на той странице, что могло бы подсказать вам это. Что это было, мистер Квин?

— Название вашей типографии, которое, насколько я понимаю, частично составлено из ваших собственных инициалов, — ответил Эллери. — «Эй-Би-Си^[113] пресс», содержащее три первые буквы алфавита.

«ЛИЦОМ К ЛИЦУ»

Часть первая

ПРОФИЛЬ

Глава 1

На предпоследнем этапе своего кругосветного путешествия, в ходе которого он терзал шефов полиции различных городов в поисках пригодных для новых романов историй, Эллери планировал остановиться в Лондоне на одну ночь. Но, прилетев из аэропорта Орли, он столкнулся в кабинете комиссара Вейла в Новом Скотленд-Ярде с сотрудником Интерпола. Сотрудник был отличным парнем, поэтому одна история сменяла другую, один паб — другой, в результате чего несколько дней и ночей пролетели незаметно, и Новый год оказался прямо-таки на носу.

Следующим утром Эллери, подстрекаемый совестью и головной болью, отправился в авиакассу за билетом. Там он познакомился с Гарри Берком, который собирался лететь в Нью-Йорк тем же рейсом.

Сотрудник Интерпола представил Берка как частного детектива — «одного из лучших, Квин, а это, разумеется, значит, что он не превышает свой отчет о расходах больше, чем на десять процентов». Берк засмеялся — это был рыжеватый коротышка с шеей борца, производивший впечатление отличного партнера в драке, с очень светлыми, почти прозрачными глазами, обладавшими способностью исчезать, словно они не существовали вовсе. Берк походил на немца, фамилия же предполагала, что он должен говорить с ирландским акцентом, однако его речь была картавой, и сотрудник Интерпола, прежде чем покинуть их, шутливо представил его как ренегата-шотландца.

Потягивая пиво и покуривая старую трубку в ближайшем пабе, Берк осведомился:

— Значит, вы Квин-младший? Это фантастика.

— Неужели? — отозвался Эллери.

— Я имею в виду, встретить вас вот так. Не прошло и пятнадцати часов с тех пор, как я пребывал в обществе вашего отца.

— Моего отца?

— Инспектора Ричарда Квина из Главного полицейского управления Нью-Йорка, — торжественно произнес Берк.

— Вы только что прилетели?

Шотландец кивнул.

— Но я видел, как несколько минут назад вы покупали билет назад в Нью-Йорк.

— Сойдя с самолета, я обнаружил поджидающую меня телеграмму от инспектора Квина. Кажется, произошли изменения в деле, которое первый раз привело меня в Штаты. Он хочет, чтобы я немедленно летел обратно.

— В этом весь папа, — усмехнулся Эллери. — Он не упоминает, почему?

— Нет, но телеграмма содержит слово «срочно».

— Должно быть, это важно. — Эллери с благодарностью принял еще одну кружку эля у барменши, которая выглядела так, будто могла принести на ладони целый бочонок. — Что это за дело, Берк? Не из тех ли, которым у меня не хватает сил противостоять?

— Не знаю, сколько вы в состоянии вытерпеть. — Берк улыбнулся толстой барменше и зарылся каледонским^[114] носом в кружке. Он был весьма недурен собой.

Они полетели на запад, сидя плечом к плечу. По поводу своего дела шотландец молчал, несмотря на все намеки Эллери, словно работал на ЦРУ. Впрочем, на прочие темы он охотно распространялся. Ранее Гарри Берк был детективом-инспектором Скотленд-Ярда, но недавно ушел в отставку, чтобы создать собственное агентство.

— Вначале бизнес продвигался со скрипом. Если бы не мои связи в Ярде, я бы еле сводил концы с концами. Но комиссар Вейл был очень любезен.

Эллери понял, что теперешнее расследование Берка было результатом любезности Вейла. Дело поступило в Скотленд-Ярд, но Вейл, сочтя его неподходящим для Ярда, порекомендовал для этой работы Берка. Эллери подозревал, что это было отнюдь не первой услугой Вейла подобного рода. Поэтому Берк теперь прыгал с места на место.

— Но я холостяк, — продолжал он, — и не обязан отчитываться перед какой-нибудь нудной особой в своем местопребывании. Нет, и на повестке дня никого не предвидится, благодарю покорно. Я слишком мало нахожусь на одном месте, чтобы у меня возникла привязанность к какой-нибудь женщине.

— А по-моему, — поддразнил его Эллери, — вас ничего не стоит подцепить на крючок.

— Еще не родился рыболов, способный меня поймать.

— Подождите, пока не окажетесь на моей стороне пирога. Американские женщины любят ловить рыбку, которая срывается с крючка.

— Но вас они, похоже, упустили, Квин.

— Ну, я умею увертываться со дня рождения.

— В таком случае у нас много общего.

Это оказалось соответствующим действительности, включая склонность к маленьким разногласиям. Ко времени приземления в Гэндере они дружелюбно пререкались по поводу того, как следует подавать шотландского копченого лосося — с луком или без, — и едва не пропустили наступление Нового года, которое произошло во время продолжения полета.

В аэропорту Кеннеди они приземлились рано утром 1 января в тумане, чуть менее густом, чем тот, который окружал их в Гэндере.

— Нет смысла в такой час искать ощупью комнату в отеле, Гарри, — сказал Эллери. — Поехали ко мне домой.

— Нет-нет. Я не могу причинять неудобства вам и инспектору.

— Чепуха. У меня в кабинете есть кушетка. Кроме того, это поможет вам поскорее выяснить, почему мой отец вернул вас в Нью-Йорк. — Но этот пробный шар не вызвал у Гарри Берка никакого ощутимого отклика, кроме добродушного кивка. — Такси?

Они проехали на север через Таймс-сквер, которая выглядела как призрачный город, куда вторглось перекаати-поле.

— Все-таки люди ужасные грязнули, верно? — заметил Берк, указывая черенком трубки на мусор. — Каждый раз, когда я вижу такое, я вспоминаю последнюю сцену в «На берегу».^[115]

— Может быть, грязнули тоже ее вспоминали.

Прибыв в квартиру Квинов, они не обнаружили там инспектора ни в кровати, ни где-либо еще.

— Отмечает Новый год? — рискнул спросить Берк.

— Только не папа. Если он ушел, то по делу. Что это?

В кабинете Эллери к его пишущей машинке был прислонен лист бумаги с сообщением, написанным неровным почерком старика: «Дорогой сын, некая мисс Роберта Уэст с Восточной Семьдесят третьей улицы хочет, чтобы ты ей позвонил, как только вернешься, — в любое время. Я по уши в одном деле. Скоро тебе звякну. Совсем забыл — с Новым годом!»

Внизу стояла подпись «Папа» и был добавлен телефонный номер.

— Это образец семейной жизни Квинов? — осведомился шотландец.

— Только в случае чего-либо экстраординарного. Обычно мы с папой встречаем Новый год, подремывая у телевизора. — Эллери набрал номер. — Поставьте чемоданы в мою спальню, Гарри, она вон там. Да, а бар в гостиной, если хотите выпить... Алло!

— Эллери Квин? — послышался обеспокоенный голос.

— Да. Я получил сообщение с просьбой позвонить мисс Уэст.

— Я мисс Уэст. Чудесно, что вы позвонили мне так рано. Мне сказали по телефону, что вы летите из Англии. Вы только что прибыли, мистер Квин?

— Да. В чем дело, мисс Уэст?

— И вы говорите из дому?

— Да.

— Я бы хотела приехать.

— Сейчас? — удивленно переспросил Эллери. — Я еще не брился, не завтракал, а сон в трансатлантическом авиалайнере едва ли можно назвать отдыхом. Не может ли это подождать?

— Я тоже не спала, ожидая вашего звонка. Пожалуйста...

Судя по голосу, она была хорошенькой девушкой. Поэтому Эллери вздохнул и осведомился:

— Вы знаете адрес?

Глава 2

Роберта Уэст оказалась еще более хорошенькой, чем сулил ее голос. С первого же взгляда Эллери мысленно отметил ее ярлыком «Театр», добавив в скобках «маленький?». У нее были изящная

фигура, светлая кожа, рыжевато-каштановые волосы, блестящие глаза с темными тенями бессонной ночи или огорчений и очаровательная родинка на правой щеке, похожая на крошечного мотылька. Вывод Эллери относительно ее профессии был сделан на основании ряда быстрых наблюдений — того, как она шла и скидывала голову, несколько напряженной осанки, умения контролировать работу мышц, а главное — четкой, словно тщательно тренированной дикции. На ней были юбка, свитер из шерсти, похожей на ангорскую, модное пальто, брошенное на плечи, шарф, чей рисунок мог бы принадлежать Пикассо, и перчатки с крагами. На миниатюрных ножках красовались туфельки без каблуков с пряжками в виде бабочек — последние, как не сомневался Эллери, были выбраны с целью уравновесить родинку на щеке.

В целом девушка являла собой настолько явный образец умения создавать впечатление небрежности, что Эллери ощутил искушение усомниться в собственных выводах. Он знал по опыту, что, если женщина выглядит так, словно только что сошла со страниц журнала «Вог», она почти всегда оказывается прислугой в чьем-то офисе.

— Вы актриса, — сказал Эллери.

Блестящие, почти обжигающие глаза в удивлении расширились.

— Откуда вы знаете, мистер Квин?

— У меня свои методы, — усмехнулся он, провожая ее в гостиную. — Это мистер Берк. Мисс Уэст.

Девушка что-то пробормотала, а Гарри Берк произнес «здравствуйте» таким тоном, будто обо что-то споткнулся.

— Я пойду умоюсь, Эллери, — с неохотой сказал он, направляясь к кабинету. — Или еще чем-нибудь займусь.

— Возможно, мисс Уэст не станет возражать против вашего присутствия. Мистер Берк — частный детектив, прибывший из Лондона по делам.

— В таком случае конечно, — быстро отозвалась мисс Уэст, почему-то опустив голову.

Берк, устремив на Эллери взгляд преданного пса, скользнул к одному из окон и остановился там, уставясь на девушку.

— А теперь, — сказал Эллери, когда девушка села и взяла зажженную для нее сигарету, — может быть, перейдем к делу, мисс Уэст?

Несколько секунд она сидела неподвижно.

— Я едва знаю, с чего начать... — Внезапно девушка склонилась вперед и стряхнула пепел в пепельницу. — Полагаю, вы помните Глори Гилд?

Эллери, безусловно, помнил Глори Гилд. Он предпочел бы признаться в недостатке любых чувств, но только не в амнезии. Эллери не просто помнил Глори Гилд — он слушал ее в молодости развесив уши, мечтал о ней, и одно воспоминание о ее голосе вызывало у него дрожь. Воспоминания были всем, что оставалось людям, которых пресс-агент в пору расцвета таланта Глори Гилд не слишком удачно именовал ее «клеветами».

О да, Эллери слышал Джи-Джи, как называли Глори Гилд близкие ей люди (к коим он, увы, никогда не принадлежал), а в лунные ночи, чувствуя свои года, нередко ставил ее старые пластинки на 78 оборотов. Это было то же самое, как если бы девушка с рыжеватокаштановыми волосами упомянула Хелен Морган, Галли-Курчи или девочку с пульсирующим горлом в фильме «Волшебник из Оз». [\[116\]](#)

— А при чем тут Глори Гилд? — Едва заметное движение Гарри Берка подсказало ему, что Берк тоже удивлен, и не только удивлен. Эллери испытывал жгучее желание узнать, что с ним, но вынудил себя вновь перенести внимание на Роберту Уэст.

— Я влюблена в мужа Глори Гилд, — сказала девушка. — Вернее, была влюблена в Карлоса. — Эллери почудилось, что она вздрогнула, хотя он знал, что в действительности это делают лишь немногие, несмотря на рассказы писателей. — Как могут женщины быть такими слепыми, безмозглыми дурами! — И она заплакала.

Плачущие женщины были не в новинку в квартире Квинов, а причина слез была очевидной. Тем не менее Эллери был тронут и позволил ей выплакаться. Наконец девушка достала из сумочки платок и поднесла его к маленькому носику, сопя как ребенок.

— Простите. Я не собиралась этого делать. Ведь все кончилось уже семь месяцев назад. Или я так думала. Но теперь кое-что случилось...

Глава 3

История Роберты походила на фрагменты мозаики, которую следовало понемногу собирать воедино. Она начиналась с краткого описания жизни и творчества Глори Гилд.

Ее настоящее имя было Глория Гулденстерн, она родилась в 1914 году на Среднем Западе, который покинула в 30-х годах с чисто льюисовским намерением взять штурмом Нью-Йорк, а впоследствии все Соединенные Штаты. Глори никогда в жизни не брала уроки музыки — она самостоятельно обучалась пению, игре на фортепиано, теории музыки и аккомпанировала сама себе.

О Глори Гилд часто говорили, что она играет и на своем голосе. Безусловно, ее вокальная техника была такой же точно рассчитанной, как четкая нотная запись на ее бумаге. В ее тихом голосе звучал трепет страсти, почти отчаяния, который завораживал публику, словно дудочка факира, и в ночных клубах заставлял умолкнуть даже пьяных. Критики называли это «интимным» голосом, подходящим только для баров, и все же его магия действовала безотказно. К концу 30-х годов она каждую неделю пела в собственном радио-шоу для десятков миллионов слушателей, став звездой американского радио.

Глори Гилд появлялась в эфире под звуки «Боевого гимна республики»,^[117] негромко и медленно исполняемого ее оркестром из сорока двух музыкантов. Естественно, что в те наивные дни обозреватель назвал ее «Глори-Глори». Но при этом «Глори-Глори» была весьма практичной женщиной. Самым разумным ее поступком явилась передача дел в цепкие руки театрального агента Селмы Пилтер, которая быстро стала ее менеджером. Миссис Пилтер (существовал и мистер Пилтер, но он давно исчез в тумане суда по бракоразводным делам) так ловко вела дела Глори, что ко времени потери голоса и ухода на покой в 1949 году певица, как говорили, была миллионершей.

Глори обладала пытливым умом; конец артистической карьеры позволил ей вернуться не только к изучению музыки, но и к другой ее страсти — всевозможным интеллектуальным загадкам. Она была фанатиком высококачественной радиоаппаратуры задолго до того, как это стало общенациональным помешательством; ее фонотека современной музыки являлась мечтой коллекционеров. Причины увлечения загадками были не так ясны. Глори происходила из сельской семьи в Миннесоте, чьи интересы к подобного рода

времяпрепровождению никогда не поднимались выше потрепанного сборника кроссвордов в гостиной фермерского дома. Тем не менее Глори проводила многие часы за кроссвордами, анаграммами и детективами (классическими образцами жанра — ее не увлекали истории о сексе и насилии или психологические тайны, начавшие заполнять книжные полки после Второй мировой войны). Нью-йоркская квартира Глори и ее уединенный коттедж среди сосен на берегу озера неподалеку от Ньютауна в штате Коннектикут были завалены проигрывателями, пластинками, коротковолновыми радиоприемниками, звукозаписывающим оборудованием (ей не доставало сил с ним расстаться), музыкальными инструментами, целыми кучами детективных историй и сборников загадок, а на открытой террасе стояли стулья, сплетенные из сырого тростника в Португалии, чей секрет состоял в том, что, каждый раз попадая под дождь, они становились все более крепкими.

В течение карьеры певицы Глори оставалась одинокой, хотя была красивой полногрудой блондинкой, не испытывавшей недостатка в ухажерах. Когда голос начал подводить ее в возрасте тридцати пяти лет, безжалостная ирония судьбы приговорила ее к уединению в стиле великой Гарбо, и (как и в случае с Гарбо) пресса утверждала, что она никогда не выйдет замуж. Глори оправдывала это мнение девять лет. Но в 1958 году, в возрасте сорока четырех лет, она познакомилась с графом Карлосом Армандо (которому тогда было тридцать три года), и спустя три месяца они поженились.

Графский титул Карлос пожаловал себе сам, и никто, кроме него, не принимал его всерьез. Происхождение Армандо было весьма туманным, и даже подлинность его имени вызывала сомнения. В зависимости от настроения он объявлял себя то испанцем, то итальянцем, то португальцем, то сыном грека и румынки, а однажды даже заявил, что его мать была египтянкой. «Очевидно, ты являешься прямым потомком Клеопатры», — пошутил один из членов его интернациональной компании (настоящий граф). «Разумеется, саго, [\[118\]](#) — отозвался Карлос с ослепительной улыбкой. — Со стороны Ромео». Претендовавшие на достоверную информацию утверждали, что его родители были цыганами, и что он родился в крытой телеге на обочине убогой албанской дороги. Это вполне могло быть правдой, однако не влияло на отношение к нему женщин. Они целыми рядами падали под

натиском его чар, как оловянные солдатики. Карлос держал порох сухим из чисто практических соображений, не тратя его на искренние эмоции. Женщины были его профессией. Другой работой он не занимался ни один день за всю свою жизнь.

Первый раз Карлос женился в возрасте девятнадцати лет на вдове нефтяного магната из Оклахомы, которая была ровно втрое старше его и испытывала алчность к молодым самцам, что весьма его забавляло. Через два года она бросила Карлоса ради красивого юноши из Афин. «Выходное пособие» было более чем солидным, и Карлос провел безумный год, тратя его.

Второй его женой была состоятельная датская баронесса с лицом горгульи,^[119] чьим главным развлечением было причесывать черные вьющиеся волосы супруга, как если бы он был куклой. Четырех месяцев лежания на диванах с ощущением жутких пальцев, ползающих по его голове, хватило Карлосу с избытком — он соблазнил секретаршу жены, устроил так, чтобы его застали на месте преступления, и дерзко настоял на «выходном пособии».

После очередного года бурной жизни Карлос вновь начал оглядываться по сторонам.

Связь с аппетитной шестнадцатилетней дочкой сенатора Соединенных Штатов, проводящей лето в Альпах, привела к скандалу с участием высокооплачиваемого подпольного швейцарского акушера (от которого Карлос получил пятнадцать процентов гонорара) и сенаторскому чеку на огромную сумму в качестве платы за молчание с угрозой судебного иска в случае нарушения договора.

Проходили годы, а вместе с ними и парад жен — богатых, глупых и достаточно старых, чтобы годиться Карлосу в матери: дамы из нью-йоркского высшего света, которая развелась с мужем-банкиром, чтобы выйти замуж за Карлоса (этот союз распался после скандала во время ночной вечеринки на вилле жены в Ньюпорте, обошедшегося ей в сотню тысяч долларов и ставшего достоянием бульварных газет); старой девы-алкоголички из фешенебельного Бэк-Бей, чьи предки высадились на Плимутской скале;^[120] венгерской графини, умирающей от туберкулеза (она не оставила Карлосу ничего, кроме замка, окруженного рвом со стоячей водой, поскольку он успел растратить состояние супруги до ее кончины); пожилой красавицы евроазиатского происхождения, которую Карлос буквально продал

богатому турку, подлинной целью которого (как и Карлоса) являлась ее достигшая брачного возраста дочь; вдовы чикагского мясоконсервного промышленника, которая в сопровождении фотографа застала Карлоса в постели ее горничной и вышвырнула его вон без единого цента, предъявив, к удивлению Карлоса, фотографии в суде, несмотря на присутствие прессы.

Последний развод привел его к финансовым затруднениям, которые были в самом разгаре, когда он встретил Джи-Джи Гилд.

Глори была все еще привлекательна и куда моложе всех предыдущих жен Карлоса, но для него самым важным вопросом было, достаточно ли она богата. Праздная жизнь начинала оставлять следы на его смуглой атлетической плоти — по крайней мере, так ему казалось при изучении себя в зеркале. Пожилые и старые дамы, которые, подобно его первой жене, жадно стремились лакать из источника мужской юности, могли скоро заметить изменения вкуса воды в этом источнике в лице графа Армандо. Когда этот день наступит, коровам понадобится пастбище позеленее.

Армандо решил, что на данном этапе своей жизни он не может позволить себе ошибки. Тайком он осуществил проверку финансов Глори Гилд, которая не посрамила бы опытного агента организации по предоставлению кредитов. Результаты ободрили его, и он устремился вперед к победе.

Это было нелегко, хотя Глори оказалась достаточно восприимчивой. Она стала совсем одинокой, а отражение в зеркале все сильнее ее беспокоило. Учитывая все это, появление молодого человека типа Карлоса Армандо выглядело неизбежным. Поскольку до нее доходили слухи о нем, Глори обратилась в надежное агентство с целью проверки его прошлого. Ее подозрения подтвердились, и она твердо решила не идти тем путем, которым шли ее глупые предшественницы.

— Мне нравится твое общество, — сказала Глори Карлосу в ответ на предложение брака, — а тебе нужны мои деньги, верно? Ну, я выйду за тебя замуж при одном условии.

— Должны ли мы говорить об этом в такое время, дорогая моя? — осведомился Карлос, целуя ей руки.

— Условие таково: ты подпишешь добрачное соглашение, по которому заранее отказываешься от любой доли моего состояния.

Карлос издал негодующий возглас.

— Даже от одной трети наследства, которую закон гарантирует вдовцу, — сухо добавила Глори. — Я посоветовалась со своим поверенным, и он сказал, что подобный контракт в этом штате будет абсолютно законным, в случае если тебе придет в голову разорвать его впоследствии.

— Как же плохо ты обо мне думаешь, bonita,^[121] — заныл Карлос, — если ставишь такое несправедливое условие. Я ведь предлагаю тебе всего себя.

— Это немало, — промолвила Глори, ласково ероша ему волосы (он вовремя удержался, чтобы не отпрянуть). — Поэтому я придумала то, что юристы называют *quid pro quo*.^[122]

— А что это такое, сокровище мое? — спросил Карлос, как будто не знал этого.

— Зуб за зуб.

— Понятно. Ты имеешь в виду срок действия договора? — У Карлоса была острая интуиция во всем, что касалось женщин.

— Вот именно, беби. Дай мне минимум пять лет замужней жизни, и я разорву контракт. Я расследовала твое прошлое, Карлос, и выяснила, что самый долгий срок, который ты проводил с одной женщиной, был менее двух лет. Мой срок — пять лет, после которых ты вступишь в обычные законные права моего мужа.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Я безумно влюблен в тебя, — сказал Карлос, — но любовь — это еще не все. Ты согласна?

— Безусловно, — отозвалась Глори.

В результате Карлос подписал добрачное соглашение, и их связали не вполне священные брачные узы.

Глава 4

— Я встретила Карлоса в Истхэмптоне, — продолжала Роберта Уэст, — когда выступала летом в репертуарном театре. Это было в конце сезона, и он вместе с Глори прошел за кулисы. Старик директор поднял невероятную суету при виде Глори, но для меня она была не более чем именем, — она ушла на покой, когда я была еще девочкой, — и я видела перед собой только толстую женщину с

крашеными волосами, выглядевшую как стареющая Брунгильда^[123] из второразрядной оперной труппы и цепляющуюся за руку молодого человека, годившегося ей в сыновья. Но Карлос показался милovidным, и мне, очевидно, льстило его одобрение. В его голосе есть что-то, — мрачно добавила она, — что безотказно действует на женщин. Они понимают, что он сплошная фальшивка, но для них это не имеет значения. Дело не в том, что говорит Карлос, а в том, как он это говорит... Полагаю, я кажусь вам доверчивой душой.

Оба мужчины благоразумно промолчали.

— После истечения моего летнего ангажемента я и суток не провела в Нью-Йорке, когда Карлос мне позвонил. Не знаю, каким образом ему удалось раздобыть мой номер, — он был новым и еще не фигурировал в справочнике. Карлос чего только не наплел мне: и о том, как его впечатлил мой талант, и о том, что он может поспособствовать моей карьере, предложив это обсудить. И я попала на эту старейшую уловку в шоу-бизнесе, отлично зная, что напрашиваюсь на неприятности... Самое забавное, что он действительно устроил мне прослушивание и роль в какой-то пьесе, идущей, разумеется, не на Бродвее. До сих пор не знаю, как ему это удалось, если не принимать во внимание, что режиссером была женщина. Мужчины не питали к Карлосу ничего, кроме презрения или зависти, но женщины не могли противиться его чарам. Полагаю, режиссер не являлась исключением, хоть и была старой перечницей, похожей на циркулярную пилу. Но он уговорил ее, как и меня.

Девушка с рыжевато-каштановыми волосами прикрыла глаза, потом достала из сумочки сигарету. Гарри Берк подскочил к ней с зажигалкой. Она улыбнулась ему поверх язычка пламени, но как будто не видела его.

— Карлос продолжал встречаться со мной — он обладал упорством, против которого невозможно устоять, как бы вы ни были осторожны... Я влюбилась в него. По-своему он очень красив, и, когда обращает внимание на какую-нибудь женщину, ей кажется, что она единственная женщина в мире. Она понимает, что во всем его теле нет ни единой честной косточки, что он проделывал те же трюки с сотнями женщин, но это ее не заботит... Я влюбилась в Карлоса, и он уверял меня, что может стать счастливым, только женившись на мне.

— Насколько вы обеспечены финансово, мисс Уэст? — спросил Эллери.

Девушка засмеялась.

— У меня есть маленький доход с траста и случайные заработки тут и там. Это меня и одурачило, — с горечью сказала она. — Ведь Карлос всегда женился только на деньгах. Я начала думать, что, может быть, на сей раз его чувства искренни. Как же наивна я была! Я понятия не имела, что у него на уме, пока однажды вечером, чуть более семи месяцев тому назад...

По какой-то причине Глори отправилась в свой коттедж в Ньютауне, и Карлос воспользовался случаем повидать Роберту. На сей раз он продемонстрировал свои истинные намерения.

Роберта знала о его добрачном соглашении с женой, и что пятилетний срок уже истек — к тому времени Карлос и Глори были женаты пять с половиной лет. По словам Карлоса, Глори выполнила свое обещание и порвала контракт, поэтому теперь, если с ней что-нибудь случится, он унаследует по крайней мере одну треть ее состояния по праву вдовца или еще больше, если она упомянула его в своем завещании, в чем он не был уверен.

Сначала, по словам Роберты, она не понимала, куда он клонит.

— Как могло прийти такое в голову любому нормальному человеку? Я честно ответила ему, что понятия не имею, о чем он говорит. С его женой что-то не так? Она неизлечимо больна? У нее рак? «Глори здорова, как корова, — ответил Карлос. — Dios!^[124] Она переживет нас обоих». — «Значит, ты имеешь в виду развод?» — спросила я. «Развод? Глори не даст мне ни цента, если я предложу развод!» — «Карлос, я не понимаю...» — «Конечно, не понимаешь, *ralomilla mia*.^[125] Ты еще ребенок! Но послушай меня, и я объясню тебе, как мы можем избавиться от этой коровы, пожениться и наслаждаться молоком из ее вымени».

И Карлос спокойно, словно пересказывая сюжет романа, изложил Роберте свой план. Глори стоит на пути, значит, ее нужно устранить. Но мужа заподозрят в первую очередь, если у него не будет железного алиби, то есть в момент убийства он должен находиться в другом месте. Это можно устроить тысячью способами. Тогда кто же устранил Глори? Кто, как не она, Роберта, которая также выигрывает от ее смерти? Теперь она понимает?

— Теперь я все понимала, — продолжала Роберта. — Своим насмешливым голосом, словно говоря о прогулке в парке, он предлагал мне убить его жену, чтобы мы могли пожениться и жить на кровавые деньги. Я была в таком ужасе, что с минуту не могла вымолвить ни слова. Очевидно, Карлос принял мое молчание за согласие и попытался заняться со мной любовью. Это мигом разрушило все чары. Я оттолкнула его с такой силой, что он пошатнулся. Разговор происходил в квартире Глори и Карлоса, и я выбежала оттуда, как будто за мной гнался сам дьявол. Впрочем, он и был дьяволом. Как только мне могло казаться, что я влюблена в это чудовище! У меня по коже бегали мурашки, и я могла думать лишь о том, чтобы оказаться подальше от него. Я приехала домой в такси и всю ночь металась по комнате, дрожа как осиновый лист.

Карлос позвонил ей на следующий день, продолжала девушка. Она велела ему больше никогда ей не звонить и не пытаться с ней увидеться и положила трубку.

— Чертов ублюдок! — пробормотал Гарри Берк. Он выглядел так, словно сам был готов совершить убийство.

— Вам повезло, что вы остались целой и невредимой, — заметил Эллери. — Подобные типы, сталкиваясь с препятствием, могут быть ужасно грубыми. Но мне не все понятно, мисс Уэст. Если это произошло больше семи месяцев тому назад, почему вы молчали так долго? И почему теперь возникла такая срочность?

Девушка казалась озадаченной.

— Срочность? Что вы имеете в виду, мистер Квин? Я думала...

— Очевидно, я забегаю вперед, — улыбнулся Эллери. — Ваша история еще не окончена?

— Разумеется. — Она переводила взгляд с него на Берка. — Или вы мне не верите? Что касается того, почему я молчала все это время... я не знаю. Все это было настолько страшным, что казалось кошмарным сном. Мысль обратиться в полицию или к кому-то вроде вас никогда не приходила мне в голову. Во-первых, я твердила себе, что Карлос не мог действительно иметь это в виду. А во-вторых... — ее светлая кожа порозовела, — это означало бы, что наша связь будет фигурировать во всех газетах. Так как Карлос больше не звонил и не появлялся, я выбросила это из головы — во всяком случае, пыталась

выбросить. Пока мне об этом не напомнили позавчера. Какой сегодня день?.. Да, это было позавчера — в среду вечером.

— 30 декабря? — резко осведомился Гарри Берк.

Эллери удивленно посмотрел на него.

— Да. Карлос позвонил мне. Как я сказала, я не слышала о нем с прошлой весны.

— И что хотел этот подонок? — прорычал Берк.

— Он заявил, что должен меня видеть. Я сказала то же, что несколько месяцев назад, и положила трубку. Через полчаса в дверь позвонили, и когда я открыла ее, то увидела Карлоса. Я попыталась захлопнуть дверь перед его носом, но он просунул ногу внутрь. Карлос говорил так громко, что я испугалась, как бы не выбежали соседи, и впустила его.

— Что ему было нужно? — спросил Эллери.

— Тогда я не могла этого понять. Он не пытался снова сделать это фантастическое предложение и говорил о разных пустяках — о пьесах на Бродвее, о том, чем они с Глори недавно занимались, и так далее. Я просила его уйти, но он продолжал разглагольствовать. Карлос не был пьян — он никогда не пьет так много, чтобы потерять голову; по крайней мере, я его таким не видела. Мне казалось, будто Карлос тянет время, так как он то и дело смотрел на часы.

— О! — одновременно произнесли Эллери и Гарри Берк. Но если голос Эллери был задумчивым, то в тоне Берка ощущалось дурное предчувствие, что снова удивило Эллери.

Роберта Уэст склонилась вперед.

— Около полуночи я наконец избавилась от Карлоса. Вернее, он сам внезапно решил уйти. Помню, Карлос опять взглянул на часы и произнес: «Уже полночь, Роберта. Я должен идти». Как будто он куда-то опаздывал. Я все поняла только потом, поэтому пришла сюда, мистер Квин! Он использовал меня!

— Похоже на то, — согласился Эллери. — Но для чего?

— Разве вы не знаете?

— Не знаю что, мисс Уэст?

— Что Глори Гилд Армандо была убита в среду вечером?

Глава 5

Эллери долгое время не видел нью-йоркских газет, а если в лондонской «Таймс» сообщалось об убийстве Джи-Джи, он пропустил это в пивном тумане какого-то паба.

Что касается Гарри Берка, то он выглядел осведомленным и испуганным. Подойдя к шкафу с напитками, он сделал большой глоток из первой попавшейся бутылки, которая оказалась наполнена бурбоном, и аккуратно поставил ее на место, не более осознающий свои действия, чем человек, поднявший руку, чтобы почесаться.

Эллери внимательно наблюдал за девушкой и Берком.

— Как глупо с моей стороны, — сказала Роберта. — Конечно, вы не знаете об убийстве — ведь вы были в Европе. И вы не видели утреннюю газету?

— Нет, — ответил Эллери. — Не знаете, когда это произошло, мисс Уэст?

— Точного времени не знаю. Но в новостях сообщали, что это случилось, когда Карлос был в моей квартире в среду поздно вечером. Теперь ясно, что ему было нужно. Не сумев прошлым летом уговорить меня убить его жену, он начал искать другую простофилю и нашел ее. Несомненно, это была женщина, мистер Квин, — мужчины не стали бы иметь с ним дело. Поэтому в среду вечером, когда эта женщина выполняла поручение, он явился ко мне домой и использовал меня в качестве своего алиби. А я-то думала, что избавилась от Карлоса, его жены и всего этого кошмара!

Роберта была на грани истерики, и Эллери с трудом удалось ее успокоить. Берк маршировал взад-вперед, как гренадер, очевидно сражаясь с какой-то проблемой.

— У меня вопрос, — обратился Эллери к девушке. — Почему вы пришли именно ко мне?

Она теребила ремешки своей сумочки.

— Ну... я оказалась совсем одна, мистер Квин, и чувствую себя по горло увязшей в жуткой ситуации, хотя ни в чем не была виновата... ну, возможно, я была виновата, что попала на удочку Карлоса, но откуда я могла знать, чем это кончится? Мне и в голову не приходило, что он и в самом деле планирует убийство... Разумеется, Карлос сразу сообщил полиции о своем алиби, понятно, они уже побывали у меня в квартире, и мне пришлось сказать им правду — что он был со мной в среду вечером до полуночи.

— А вы рассказали полицейским, что Карлос в прошлом мае предлагал вам убить его жену?

— Нет... Очевидно, мне следовало это сделать, но я просто не могла себя заставить. Мне казалось, что чем больше я буду говорить, тем глубже в этом увязну. Поэтому я только отвечала на вопросы. Что мне делать, мистер Квин? Как мне из этого выпутаться?

— Боюсь, уже слишком поздно. Мой совет — все рассказать полиции, и чем скорее, тем лучше.

Она закусила губу.

— Эллери, — внезапно произнес Гарри Берк, — я бы хотел поговорить с вами.

— Надеюсь, вы извините нас, мисс Уэст? — Когда они вышли в кабинет и закрыли за собой дверь, Эллери обратился к Берку: — С тех пор как девушка пришла сюда, Гарри, у вас внутри словно пытается взорваться бомба. Вы тоже замешаны в этом деле, не так ли?

— Теперь замешан, — уныло отозвался Берк. — Еще недавно я знал об убийстве не больше вашего. Но моя первая поездка в Нью-Йорк была связана с Глори Гилд. Она обратилась в Скотленд-Ярд с просьбой, которая была за пределами его компетенции, и Вейл рекомендовал ей меня в качестве частного детектива. Это было рутинное расследование — не вижу, какое оно может иметь отношение к убийству, хотя кто знает... — Шотландец нахмурился. — Факт в том, Эллери, что в среду вечером я находился с Глори Гилд в ее квартире до начала двенадцатого по делу, которое привело меня за океан. Я отчитался перед ней и прямо оттуда отправился в аэропорт. Мой самолет вылетел в час ночи. Я оставил ее живой и невредимой.

— Значит, ее убил тот, кто проник к ней в квартиру после вашего ухода в начале двенадцатого и до полуночи, когда Армандо покинул квартиру Роберты Уэст.

— Похоже на то. — Берк выглядел чем-то обеспокоенным, но больше ничего не сказал.

Эллери покосился на него.

— Вы консультировались с моим отцом по делу, приведшему вас в Нью-Йорк?

— Да. Оно требовало сотрудничества с нью-йоркской полицией.

— Значит, вот почему папа телеграфировал вам, прося вернуться, — решил, что ваше дело может быть связано с

убийством. — Эллери сделал паузу, рассчитывая на комментарии, но Берк молчал. — Должно быть, он начал расследование спустя некоторое время, а когда оставлял мне записку с просьбой позвонить мисс Уэст, не связывал ее с этим делом или еще не знал факты. Такими вещами обычно вначале занимаются на уровне полицейских участков. Да, Гарри, это все усложняет. Теперь я тоже в этом замешан, нравится вам это или нет.

Берк ограничился кивком.

Они вернулись в гостиную.

— Хорошо, мисс Уэст, я в вашем распоряжении, — обратился Эллери к девушке, которая испуганно уставилась на него. — По крайней мере, пока что-нибудь не прояснится. Прежде всего вы должны сообщить полиции всю вашу историю. Несмотря на алиби Карлоса, он может быть виновным в убийстве жены, так же как если бы совершил его собственноручно. Мне это кажется весьма вероятным.

— Я сделаю все, что вы скажете, мистер Квин. — На лице девушки отразилось облегчение.

— Этот Армандо, по-видимому, хитрый субъект. Кем бы ни была женщина, выполнившая для него грязную работу, он, по-видимому, виделся с ней тайно, как, насколько я понимаю, виделся с вами.

— Да, — еле слышно произнесла Роберта.

— А теперь Армандо будет стараться не видеться с ней вовсе или в один прекрасный день притворится, будто встретил ее впервые. Ему придется ждать, пока все не уляжется. Ну, посмотрим. Она может оказаться его слабым местом. В любом случае ее следует разыскать, и у меня предчувствие, что это будет нелегко.

В этот момент в кабинете зазвонил телефон.

— Сынок? — послышался в трубке слегка гнусавый голос инспектора Квина. — Значит, твой самолет наконец приземлился? Можно подумать, что он всю дорогу из Лондона прыгал по волнам. Эллери, у меня тут одно любопытное дельце...

— Знаю, — сказал Эллери. — Глори. Глори аллилуйя.

— Выходит, эта девица Уэст уже добралась до тебя. Ее опрашивали участковые детективы, и я смог сложить два и два, только получив первые рапорты. Она сейчас у тебя?

— Да.

— Ну, приезжай ко мне и присоединяйся к вечеринке. Прихвати с собой девушку. Кстати, ты, случайно, не встретил в самолете человека по имени Гарри Берк?

— Встретил. Сейчас он со мной в качестве гостя.

— Будь я проклят! — воскликнул инспектор. — Еще один твой фокус. Я ожидал известий от Берка — полагаю, он говорил тебе, что я вызвал его телеграммой. Захвати и его тоже.

— Где ты, папа?

— В квартире Джи-Джи на Парк-авеню. Знаешь адрес?

— Нет, но его знают Берк и мисс Уэст.

— Это точно. — Старик чертыхнулся и положил трубку.

Глава 6

У привратника кооперативного дома был дикий взгляд. Один патрульный дежурил в вестибюле, а другой — в прихожей квартиры Гилд Армандо. Несколько детективов, включая сержанта Вели, трудились в двойных апартаментах пентхауса. Эллери оставил Роберту Уэст в маленькой гостиной и по указанию Вели поднялся вместе с Гарри Берком по железной витой лестнице в главную спальню, где застал инспектора Квина роющимся в стенном шкафу с одеждой.

— Привет, сынок, — поздоровался старик, едва подняв взгляд. — Черт возьми, где же это? Простите, что притащил вас назад через океан, Берк, но у меня не было выбора. Это должно быть где-то здесь.

— Прежде чем мы приступим к делу, папа, — обиженно сказал Эллери, — позволь напомнить, что мы не виделись почти два месяца. Я не ожидал жирного тельца,^[126] но ты мог хотя бы удостоить меня рукопожатием.

— Проклятие! — выругался инспектор. — Помогите мне найти это!

— Найти что, инспектор? — спросил Берк. — Что вы ищете?

— Ее дневники. Я помешан на делах, где жертвы ведут дневники. Ее секретарша, Джин Темпл, сказала мне, что Глори вела дневник после ухода на покой — каждый вечер перед сном записывала все события дня. Теперь это уже целые тома. Несколько месяцев назад она начала работать над издательским проектом — автобиографией или мемуарами — с помощью своего мужа-жиголо и мисс Темпл,

используя дневники как справочный материал, когда не могла полагаться на свою память или искала какие-то подробности. Ну и где же эти тома? Или том? Особенно мне хочется увидеть последнюю запись в среду вечером, если она успела ее сделать. Мы ищем дневники уже два дня.

— Они все исчезли? — спросил Эллери.

— Включая рукопись автобиографии.

— Инспектор, — сказал Берк, — я видел Глори Гилд в среду вечером.

— Я надеялся на что-то в таком роде, поэтому вас и вызвал. В какое время вы ушли от нее?

— В самом начале двенадцатого.

— Отлично, — рассеянно промолвил инспектор. — Она не казалась нервной или возбужденной?

— По-моему, нет. Конечно, я не слишком хорошо ее знал — мы всего несколько раз говорили о работе, которую я выполнял для нее.

— Эти дневники наверняка связаны с делом, иначе бы они не пропали. Их украли. Вопрос в том, почему?

Эллери разглядывал кровать в голливудском стиле, с атласным покрывалом, шелковыми валиками под подушками и золотистым камчатным балдахинном. В постель не ложились.

Отец заметил его взгляд и кивнул:

— В среду вечером она так и не добралась до постели.

— Насколько я понимаю, папа, ее убили не в этой комнате?

— Нет. — Инспектор направился мимо обширной ванной с золоченой арматурой в кабинет, который, если бы речь шла о человеке, Эллери назвал бы «растрепанным». — Ее застрелили здесь.

Если не считать беспорядка, обстановка была спартанской. Ковер на паркетном полу, письменный стол с двумя тумбами и кожаными вращающимся стулом, повернутым к двери, темное деревянное кресло, обитое, как Эллери мог бы поклясться, слоновьей шкурой, вырезанная из черного дерева фигура воина африканского племени ватузи на пьедестале — туземная работа не слишком высокого качества. На стенах не было ни одной картины, а люстры на лампе у кресла начал шелушиться. Высоко над воином ватузи, в стене у потолка, виднелась решетка в деревянной раме, затянутая грубой тканью, похожей на мешковину, с регулятором громкости, которая, как

догадался Эллери, скрывала громкоговоритель, передававший музыку с замысловатого проигрывателя, который он видел внизу в гостиной. Такие же громкоговорители Эллери заметил в стенах спальни и ванной. Помимо этого в комнате были только книжные полки высотой около восьми футов, тянущиеся вдоль трех стен. Они были уставлены неровно стоящими и лежащими книгами, в основном детективами. Эллери с интересом обнаружил здесь Эдгара По, Эмиля Габорио, Анну Кэтрин Грин, Уилки Коллинза, Конан Дойла, Фримена, Кристи, Сейерс, Ван Дайна и многих других авторов, в том числе собственные ранние произведения. На полках также присутствовало множество сборников кроссвордов, ребусов и прочих загадок, очевидно накапливавшихся годами. Эллери вытащил наугад сборник кроссвордов, где все клеточки были заполнены чернилами. Ему казалось бессмысленным хранить уже разгаданные кроссворды, тем более что стереть слова было невозможно. Вероятно, Глори Гилд Армандо была не в состоянии расстаться с чем-либо связанным с ее хобби, даже если эти предметы стали бесполезными.

На письменном столе царил беспорядок. Папка с промокательной бумагой, лежащая неподалеку от вращающегося стула, была запятнана засохшей кровью.

— Рана в грудь? — спросил Берк, изучая кровавые пятна.

— Целых две, — ответил инспектор Квин. — Одна пуля прошла через правое легкое, другая попала в сердце. По-видимому, Глори Гилд вошла сюда — вскоре после вашего ухода, Берк, — чтобы сделать запись в дневнике или какие-нибудь наброски для своих мемуаров. Мисс Темпл говорит, что последние несколько месяцев она поступала так практически каждый вечер перед сном, а на следующий день диктовала записи мисс Темпл, которая отпечатывала их. Вероятно, Глори просто сидела у стола, когда убийца вошел и выстрелил в нее, — по словам дока Праути, возможно стоя в дверях. Угол, под которым пули вошли в тело, это подтверждает. Кровь попала на папку, когда она упала лицом вниз. Наверняка Глори видела, кто в нее стрелял.

— Она умерла мгновенно? — спросил Эллери.

— Нет, док говорит, прожила несколько минут, — довольно странным тоном ответил инспектор.

— Жаль, что она не оставила предсмертную записку, — вздохнул Эллери. — Но ожидать этого было бы чересчур.

— «Просите, и дано будет вам»,^[127] — произнес инспектор тем же таинственным голосом. — Может, это сообщит тебе больше, чем нам. Лично для меня это все равно что древнемарсианский язык.

— Неужели...

— Вот именно. Глори прожила достаточно долго и имела достаточно сил, — хотя откуда они у нее взялись, док Праути не может себе представить, учитывая пулю в сердце, — чтобы взять ручку... хотя, возможно, она ее уже держала, и написать кое-что на ближайшем листе бумаги.

Эллери дрожал от возбуждения.

— Подойди сюда. И вы тоже, Берк.

Они присоединились к старику у письменного стола Глори. Одним из предметов на испачканной кровью папке была полицейская фотокопия обычного листа разлинованной писчей бумаги. («Желтая?» — пробормотал Эллери, словно цвет имел значение, на что его отец кивнул с непроницаемым лицом.) На одной из линеек внизу листа корявым почерком, свидетельствующим о крайнем напряжении сил, было написано одно слово: *f a c e*.^[128]

Глава 7

— Лицо, — произнес Эллери, словно пробуя надпись на вкус.

— Лицо? — спросил Берк.

— Лицо, — ответил инспектор Квин. — И это все, джентльмены. Коротко и неясно. Это еще одна причина, по которой мы ищем дневники и рукопись автобиографии. Возможно, они в состоянии объяснить, чье лицо имеется в виду.

— А может, это чье-то имя? — предположил шотландец. — Хотя я никогда не встречал имени Фейс.

— Вам следовало проводить больше времени на наших танцплощадках, — сказал Эллери. — Как бы то ни было, Гарри, вы не правы в другом отношении. Буква «f» явно строчная. Нет, это означает именно «лицо» — возможно, начало фразы, вроде «лицом к лицу».

— Лицом к лицу с неприятностями придется столкнуться мне, если мы не раскроем это дело, — промолвил инспектор. — Я уже

слышу брюзжание начальства. Тебе это слово что-нибудь говорит, сынок?

— Нет. — Лицо самого Эллери было кислым, как лимон.

— И еще одно. — Инспектор тоже нахмурился, приобретя необычайное сходство с сыном. — Мы все еще не знаем, как убийца проник в квартиру. Вроде бы существуют только два ключа — самой Глори и ее мужа. Согласно рассказу мисс Уэст, у Армандо твердое алиби, к тому же он предъявил свой ключ. А к ключу Глори, по видимому, никто не прикасался. Более того, дверь квартиры, по видимому, была заперта — по всем свидетельствам, Глори до смерти боялась грабителей.

— Возможно, она знала убийцу и впустила его — или ее, — предположил Берк, но тут же покачал головой. — Нет, это не пойдет. В таком случае она написала бы его имя перед смертью.

Эллери кивнул, продолжая хмуриться.

— Мне лучше побеседовать с этой девушкой. — Инспектор окликнул сержанта Вели и велел ему привести Роберту Уэст.

Гарри Берк подошел к старику, остававшемуся у двери, и они начали перешептываться. Эллери посмотрел на них.

— Ваше совещание строго секретно? — осведомился он, но они не обратили на него внимания.

Девушка с рыжевато-каштановыми волосами поднималась по лестнице, явно с трудом держа себя в руках. Инспектор Квин прервал разговор с Берком и сердито уставился на нее. Это заставило Берка устремить на инспектора столь же сердитый взгляд. Шотландец ободряюще коснулся локтя девушки, которая ответила слабой улыбкой.

— Я инспектор Квин и расследую это дело, — резко начал старик. — Я читал рапорты детективов, которые опрашивали вас, и хотел бы знать, можете ли вы что-нибудь добавить к вашему заявлению.

Роберта посмотрела на Эллери, и он кивнул. Она судорожно глотнула и поведала инспектору то, что рассказала Эллери и Гарри Берку о невероятном предложении, которое сделал ей Карлос Армандо семь месяцев назад.

— Значит, он хотел, чтобы для него прикончили его жену, — с каким-то извращенным удовлетворением заметил инспектор. — Отлично, мисс Уэст. Могли бы вы заявить это под присягой?

— В суде?

— Под присягой дают показания именно там.

— Не знаю...

— Если вы боитесь его...

— Как боялась бы любая девушка на моем месте, инспектор. Кроме того, я только начала мою карьеру, и любая нежелательная огласка...

— Ну, у вас есть время подумать, — с неожиданной добротой сказал старик. — Сейчас я не стану на вас давить. Вели, позаботься, чтобы мисс Уэст благополучно добралась домой.

Девушка встала, попыталась улыбнуться и удалилась вместе со слоноподобным сержантом. Гарри Берк наблюдал за ее стройной фигуркой, спускающейся по ступенькам, пока она не скрылась за входной дверью.

Старик довольно потирал руки.

— Вот так удача! Наверняка за этим стоит Армандо. И кто бы ни была женщина, которую он уговорил сделать для него грязную работу, теперь ясно, как она вошла в квартиру. Армандо сделал дубликат своего ключа и дал его ей. А так как с этой женщиной он, несомненно, изменял жене, то Глори никогда не видела ее раньше, поэтому не могла написать ее имя.

— Очевидно, она что-то подразумевала под словом «face», — возразил Эллери. — Значит, в этой женщине было что-то, о чем Глори знала или догадывалась...

— Что-то с ее лицом? — спросил Берк.

— Нет-нет, Гарри. В таком случае она бы это уточнила.

— Что вы знаете о времени ее смерти, инспектор? — осведомился Берк.

— Время известно нам с точностью до минуты. На письменном столе стояли маленькие электрические часы в кожаном корпусе, которые Глори, должно быть, падая, сбросила со стола левой рукой, так как мы нашли их на полу слева от нее, с вырванной вилкой. Часы остановились в 11.50. Нет, сейчас их здесь нет, Эллери, они в лаборатории, хотя вряд ли сообщат нам что-нибудь еще. Глори Гилд получила две пули без десяти двенадцать. Между прочим, док Праути приблизительно так же определяет время смерти.

— В связи с этим, — сказал Берк, — я только что вспомнил, что, когда я уходил отсюда в среду вечером, миссис Армандо сказала мне, что ожидает мужа вскоре после полуночи.

— Это означает, — медленно произнес Эллери, — что Глори, когда ее застрелили, знала, что Армандо должен войти в квартиру с минуты на минуту.

Инспектор кивнул:

— Он обнаружил ее между пятнадцатью и двадцатью минутами первого. Если Армандо покинул квартиру Роберты Уэст в полночь, что, кстати, тоже следует проверить...

— Это проясняет один аспект оставленного Глори «ключа», — продолжал Эллери. — Зная, что она умирает и что муж почти наверняка первым обнаружит ее тело, Глори понимала, что он также первым увидит ее предсмертное сообщение. Если бы она написала нечто, описывающее его сообщницу или обвиняющее его самого, он бы просто уничтожил записку, прежде чем уведомить полицию о случившемся. Поэтому...

— Поэтому ей пришлось оставить «ключ», способный внушить Армандо, что это не имеет отношения к ее убийству? — Берк достал трубку и начал рассеянно набивать ее табаком из кисета, расшитого шотландским узором.

— Правильно, Гарри. Нечто, могущее одурачить Армандо, — возможно, напоминающее начало одной из игр в загадки, которыми она так увлекалась, но достаточно привлекающее к себе внимание, чтобы насторожить полицию.

— Не знаю. — Берк с сомнением покачал головой.

— Жаль, что Глори не оставила что-нибудь попроще и пояснее, — проворчал инспектор. — Потому что вся ее изобретательность в последние минуты жизни оказалась ненужной. Она упала лицом вниз среди бумаг на столе, закрыв головой слово, которое написала на верхнем листе бумаги. Вероятно, Армандо вообще его не заметил — он наверняка старался держаться подальше от тела. По его словам, он даже не зашел в кабинет — просто остановился в дверях, увидел кровь и жену, лежащую лицом вниз на столе, и сразу пошел в спальню звонить в полицию. И знаете, я ему верю.

— Все это приводит нас туда, с чего мы начали, — промолвил Эллери. — Что она подразумевала под словом «лицо»?

— Начали мы не с этого, — возразил его отец, — а с пропавших дневников, и хотя, строго говоря, это вас не касается, я настолько туп, что спрашиваю вас обоих: где они могут быть? — Он высунул голову из двери кабинета и крикнул: — Вели! Есть что-нибудь новое насчет дневников? — Получив отрицательный ответ, старик втянул голову назад и почти взмолился: — Есть какие-нибудь предположения?

Эллери и Гарри молчали.

— Убийца, — заговорил наконец Берк, — или Армандо, прежде чем позвонить в полицию, могли забрать их из квартиры.

— Только не Армандо — ему бы не хватило на это времени. Может быть, женщина. — Старик покачал головой. — Хотя это не имеет смысла. Зачем забирать все дневники и все биографические материалы? Не забывайте, одно обладание ими было бы столь же опасным для виновного, как отпечатки пальцев. Кстати, об отпечатках — в кабинете нет иных, кроме отпечатков Армандо, Глори, горничной и секретарши, Джин Темпл, а горничная и секретарша не ночуют в этой квартире.

— Значит, дневники где-то здесь. — Берк посасывал трубку, являя собой типичную фигуру британского офицера полиции. — Вы обследовали все книги на полках, инспектор? Возможно, дневники скрыты под фальшивыми обложками или переплетами.

— Например, замаскированы под книги моего сына? — Тон отца заставил Эллери поморщиться. — Нет, это не так. Я подумал об этом в первую очередь.

— Из этой комнаты что-нибудь убрали? — внезапно осведомился Эллери.

— Много чего, — ответил инспектор. — Тело, часы...

— Уже два предмета. Что-нибудь еще?

— Лист бумаги с предсмертным сообщением.

— Три. Продолжай.

— Продолжать нечего. Это все, Эллери.

— Ты уверен?

— Конечно нет. Вели! — крикнул инспектор. Сержант потопал наверх. — Что убрали из этого кабинета?

— Тело, — начал сержант Вели, — часы...

— Нет-нет, сержант, — прервал Эллери. — Что-то, внешне не связанное с преступлением.

Вели почесал в затылке.

— Например, что?

— Например, трехступенчатую стремянку, — ответил Эллери. — Насколько я помню, рост Глори Гилд не превышал пяти футов и шести дюймов, а эти полки высотой в восемь футов. Чтобы добраться до верхней полки, ей требовалась небольшая стремянка. Не могу представить себе, чтобы каждый раз, когда ей нужна была книга с верхней полки, она подтаскивала к стене это чудовищное кресло, обитое слоновьей шкурой, или рисковала сломать себе шею, становясь на вращающийся стул. Итак, сержант, где стремянка?

Берк уставился на Эллери. Усы инспектора приподнялись в озадаченной улыбке. Вели разинул рот.

— Закрой свою мухоловку, Вели, и иди за стремянкой, — велел инспектор и добавил, когда сержант удалился, качая головой: — Я забыл о стремянке. Она действительно была здесь, но детектив вчера позаимствовал ее, чтобы обследовать полку в столовой внизу, и не принес назад. Зачем она тебе, Эллери? Мы проверили верхние полки.

— Посмотрим, — отозвался Эллери.

Сержант Вели вернулся с библиотечной стремянкой черного дерева, инкрустированного слоновой костью, с покрытыми пластиком ступеньками, оцарапанными тяжелыми полицейскими ботинками.

— Пожалуйста, сержант, уберите отсюда эту статую, — попросил Эллери и, когда Вели отодвинул в сторону воина ватузи, поставил стремянку на его место и поднялся на верхнюю ступеньку, едва не касаясь волосами потолка. — Громкоговоритель, — объяснил он. — Я заметил, что такой же аппарат в спальне привинчен к рамке, а здесь решетка держится на крючках. Твои ребята заглядывали внутрь, папа?

На сей раз инспектор ничего не сказал — только бросил взгляд на побледневшего сержанта Вели.

— Ну и глаза у вас, Эллери! — воскликнул Гарри Берк. — Я все это упустил.

Эллери снял крючок, отодвинул решетку, пошарил внутри громкоговорителя, нащупал кнопку, нажал ее, и громкоговоритель повернулся на невидимых петлях. Рука Эллери полностью скрылась в отверстии.

— Как раз такой тайник, который мог придумать любитель загадок вроде Джи-Джи, — с удовлетворением заметил он, вытащив

металлический ящичек, похожий на миниатюрный сейф. — Буду очень удивлен, папа, если то, что ты ищешь, не окажется в этих ящичках.

Глава 8

В тайнике было шесть одинаковых металлических ящичков, доверху набитых дневниками, рукописями и другими бумагами. В одном лежал конверт из плотной бумаги, запечатанный сургучом, с надписью: «Мое завещание. Вскрыть моему поверенному Уильяму Мелону Вассеру». Квины отложили конверт в сторону, продолжая искать последний дневник.

Эллери нашел его и открыл на декабрьских страницах. Завершающая запись была сделана во вторник 29 декабря в 23.15 — накануне убийства Глори Гилд Армандо. Инспектор произнес крепкое словечко. Очевидно, Глори не успела сделать запись в день своей гибели — это подтверждалось тем, как указал Эллери, что они нашли дневник в тайнике, а не на ее столе.

Все записи были сделаны авторучкой и тонким, четким почерком, похожим больше на типографский курсив. Буквы были не только наклонными, но и разъединенными, как в слове «*f a s e*» в предсмертной записке, что также отметил Эллери. С другой стороны, расстояние между строчками на разлинованной бумаге было очень маленьким, что, вкупе с отдельными буквами, затрудняло чтение.

Они просмотрели дневник страницу за страницей, начиная с самых ранних записей, и нашли пропуск. Помимо дня смерти — 30 декабря, пустой оказалась страница с датой 1 декабря.

— Почему же она не сделала запись в тот день? — пробормотал Эллери.

— 1 декабря произошло что-нибудь необычное? — спросил Гарри Берк. — Я имею в виду, вообще?

— Насколько я помню, нет, — ответил инспектор. — Да и это едва ли бы ее остановило. Разве только она была больна.

— Заядлым авторам дневников болезнь не помеха, — сказал Эллери. — Они обычно вносят запись позже. Кроме того, насколько я могу судить, — он перелистал страницы еще нескольких дневников, — она годами делала записи ежедневно. Нет, причина пустой страницы

не связана с болезнью или небрежностью... Ну конечно! — Он полез в карман и достал зажигалку.

— Что ты собираешься делать? — с тревогой осведомился инспектор Квин. — Поаккуратнее с огнем!

Сложив дневник вдвое, прижав друг к другу обе стороны обложки и свесив вниз пустую страницу, Эллери начал осторожно водить вдоль нее пламенем зажигалки.

— Невидимые чернила? — спросил Берк. — Не может быть.

— Учитывая ее своеобразный ум, — сухо отозвался Эллери, — позволю себе не согласиться.

Однако даже его удивило, когда на пустой странице начали проступать буквы. Похоже, запись состояла из одного слова, так как, несмотря на все старания Эллери, на бумаге больше ничего не появилось.

Они молча уставились на слово «*f a c e*», написанное тем же курсивообразным почерком с разделенными буквами, как и в предсмертном сообщении, но более твердой рукой.

— Снова! — пробормотал Эллери. — Глори написала то же самое слово 1 декабря в своем дневнике, за четыре недели до гибели! Почему она это сделала?

— Может быть, она предчувствовала смерть? — предположил Берк.

— Очевидно, это было нечто большим, чем предчувствие, — раздраженно сказал инспектор, — если она сделала запись невидимыми чернилами. — Он воздел руки к потолку. — Почему я вечно сталкиваюсь с такими невероятными делами? Симпатические чернила! Остается ожидать кроликов из шляпы!

— Вполне возможно, — сказал Эллери. — Похоже, это дело именно такого рода.

— Разве в Штатах не принято давать актерам прозвища? — напомнил шотландец. — Бинга Кросби называют Голос; Бетти Грейбл — Ноги; была еще одна звезда... как бишь ее... Мэри Макдоналд, которую именовали Тело. Не припоминаете никого с прозвищем Лицо?

— Если такой и был, то я его не знаю, — ответил Эллери. — Но, Гарри, я снова обращаю ваше внимание на то, что в обоих случаях — предсмертном сообщении и дневниковой записи невидимыми

чернилами — слово начинается со строчной буквы. Нет, это не прозвище... Папа.

— Что?

— Было что-нибудь необычное в лице Глори?

Старик пожал плечами:

— Лицо как лицо. Мертвые все выглядят похоже.

— Я бы хотел взглянуть на нее.

— Будь моим гостем.

Они оставили инспектора Квина, сидящим за письменным столом Глори Гилд и с мрачным видом листающим ее дневники.

Глава 9

— Теперь, вдали от замораживающего взгляда моего отца, Гарри, — заговорил Эллери в такси по пути в морг, — как насчет того, чтобы рассказать мне о деле, которым вы занимались совместно?

— Ах, это, — рассеянно отозвался Берк. — Я не хотел упоминать о нем без разрешения вашего старика... — Он улыбнулся. — Не забывайте, что я в чужой стране и должен следовать туземным законам. Но инспектор дал добро.

Шотландец откинулся на сиденье.

— Это связано с делом, которое привело меня сюда в первый раз. Мисс... миссис Армандо обратилась в Ярд с просьбой разыскать ее племянницу, Лоретт Спанье. Поскольку девушка не являлась преступницей или исчезнувшим лицом, а речь шла просто о племяннице, чье местонахождение было неизвестно тете, дело не попадало под юрисдикцию Ярда, и комиссар Вейл, как я вам говорил, рекомендовал меня для этой работы. Я заключил по трансатлантическому телефону финансовое соглашение с мисс Гилд... черт возьми, не могу думать о ней как о миссис Армандо!.. и начал работать.

Данные для поисков, как объяснил Берк, были самыми обычными. Все родственники Глори в Миннесоте очень давно умерли, кроме младшей сестры, которая вышла замуж за британского фермера и уехала в Англию. Сестра и ее муж много лет назад погибли в авиационной катастрофе во время летних каникул, но у них осталась дочь, которой теперь должно быть двадцать лет с небольшим.

— Похоже, Глори никогда не была особенно близка с сестрой, — сказал Берк между двумя облачками табачного дыма. — По ее словам, она не одобряла брак сестры и просто потеряла все следы племянницы. Теперь она хотела найти девушку.

— Звучит так, будто она искала наследницу, — заметил Эллери.

Берк вынул трубку изо рта.

— Знаете, это никогда не приходило мне в голову. Возможно, причина была в этом.

— А как Глори связалась с Ярдом?

Берк уставился на него.

— Письмом. Вейл передал его мне. Ради бога, какое это имеет значение?

— Авиапочтой? — спросил Эллери.

— Конечно.

— Не помните, когда пришло письмо?

— 4 декабря.

— Любопытно. Возможно, даже многозначительно. Страница в последнем дневнике с написанным невидимыми чернилами словом «face» датирована 1 декабря, а письмо Глори с просьбой найти ее племянницу прибыло в Ярд 4-го. Следовательно, она написала это слово примерно в то же время, когда писала в Англию.

— Вы имеете в виду, что между «лицом» и племянницей существует связь?

— К сожалению, я не имею в виду ничего, — печально отозвался Эллери. — Я просто исследую возможности. Насколько я понимаю, вы нашли девушку?

— Да.

— Где?

Берк усмехнулся:

— В Нью-Йорке. Ирония судьбы, не так ли? Я проследил путь Лоретт Спанье от сиротского приюта в Лестершире, где она воспитывалась после смерти родителей, до квартиры в нью-йоркском Вест-Сайде, всего в паре миль от жилища ее тети! Правда, мне понадобилось целых семь недель, чтобы отыскать приют. Там мне сказали, куда она уехала, хотя не знали ее точного адреса или рода занятий — приют не контролирует передвижения своих питомцев после достижения ими совершеннолетия. Прибыв в Нью-Йорк, я сразу

заручился помощью Сентр-стрит,^[129] откуда меня направили в Бюро розыска без вести пропавших, но там мне не могли помочь, так как девушка не числилась исчезнувшей в Штатах. Тогда меня направили к вашему отцу. Похоже, у него палец в каждом полицейском пироге Нью-Йорка. Не человек, а ходячая энциклопедия полицейских дел.

— Папа что-то вроде универсального пылесоса, — рассеянно промолвил Эллери. — Лоретт Спанье... С одним «н» или с двумя? Она замужем?

— С одним. И не замужем — она еще очень молода. Думаю, ей двадцать один, хотя нет, уже двадцать два. Подходящий возраст для замужества, но в ней есть нечто девственное и антимужское, если вы меня понимаете.

— Не понимаю.

— У нее нет времени для мужчин.

— Теперь понимаю, — сказал Эллери, хотя не был в этом уверен. — Чем она зарабатывает на жизнь?

— Прибыв в Штаты, она заняла должность секретаря — насколько я понимаю, в вашем городе тогда был спрос на молодых и хорошеньких английских секретарш. Но этого хватало только на то, чтобы удерживать душу в теле. По словам Лоретт, она мечтала о шоу-бизнесе. У нее хороший голос по поп-стандартам и весьма индивидуальная манера.

— Как у Глори? — неожиданно спросил Эллери.

— Как мне сказали, очень похоже, хотя я не силен в поп-музыке. Я состою в хоровом обществе, где исполняют оратории Генделя и Мендельсона.

— Наследственность, — пробормотал Эллери.

— О чем вы?

— Очевидно, это в крови. Думаю, Глори была бы довольна. Девушке удалось куда-нибудь устроиться?

— Да. Она участвовала в нескольких коммерческих радиопередачах. Это побудило ее оставить секретарскую работу и посвятить все время пению. Лоретт несколько раз выступала в третьесортных ночных клубах, насколько я понял, почти ничего не заработав. Но она независимая девушка — не хнычет и не жалуется. Я не мог не восхищаться ее смелостью.

— А почему она приехала в Соединенные Штаты?

— Разве не здесь делают деньги? Посмотрите на «Битлз».

— Смотрите на них сами.

— Нет уж, спасибо... Она очень практичная девушка.

— Значит, Лоретт не собиралась разыскивать свою знаменитую тетушку?

— Конечно нет! Она хочет добиться всего самостоятельно.

— И она не делала никаких попыток отыскать свою единственную родственницу?

— Лоретт говорила мне, что понятия не имела, где живет Глори Гилд — в Нью-Йорке или на острове в Паго-Паго. Нет, это явное совпадение.

— Не такое уж совпадение. Где еще могла жить Глори Гилд? И куда еще могла прибыть девушка, решившая занять место на эстраде? Вы присутствовали при их встрече?

— Да. Но свести их друг с другом было нелегко. Я рассказал Лоретт, почему разыскивал ее, и тут же столкнулся с другой проблемой — убедить ее посетить миссис Армандо.

— И когда все это происходило?

— Я нашел Лоретт только во второй половине дня 30-го числа — в среду, — повел ее обедать и большую часть вечера уговаривал пойти со мной к Глори. Она не испытывала никаких чувств к тете — эта женщина была для нее всего лишь именем в детские годы, а после гибели родителей, на которую Глори никак не прореагировала, имя начало стираться из памяти. Ведь Лоретт попала в приют совсем юной.

— Она кажется обиженной пренебрежением тети.

— Вовсе нет. Лоретт Спанье — замечательная девушка. Она сказала, что не понимает, почему тете вдруг пришло в голову разыскивать ее после стольких лет. Все, чего ей хотелось, — это чтобы ее оставили в покое и позволили жить своей жизнью. Откровенно говоря, я тоже не понимал, почему миссис Армандо внезапно захотела увидеть племянницу, поэтому мне пришлось изобретать убедительные аргументы.

Эллери засмеялся.

— Так вот о чем вы перешептывались с папой. — Внезапно он стал серьезным. — В котором часу вы с девушкой явились в квартиру Глори в среду вечером, Гарри?

— Приблизительно без четверти одиннадцать. — Трубка Берка погасла, и он огляделся по сторонам в поисках места, куда можно было вытряхнуть остаток табака. Но пепельница в такси отсутствовала, и он сунул трубку в карман. — Ситуация сложилась неловкая. От Лоретт не было никакой помощи — в конце концов, Глори была для нее абсолютно посторонней. Миссис Армандо так неубедительно объясняла девушке, почему не искала ее до сих пор, что я почувствовал себя лишним и удалился. Свою задачу я выполнил. Миссис Армандо проводила меня до двери, выдала мне чек — я заранее предупредил ее по телефону о нашем приходе, и она приготовила чек, — я ушел около пяти минут двенадцатого, поехал в аэропорт, улетел в Лондон в час ночи, но тут же вылетел обратно, получив телеграмму инспектора Квина.

— Значит, вы оставили Лоретт Спанье наедине с Глори Гилд, — уточнил Эллери. — А Глори застрелили без десяти двенадцать.

— Насколько я понимаю, Лоретт сказала, что тоже вскоре ушла, — ответил Берк. — Ваш отец говорил мне, что ее расспрашивали и что показания Лоретт вроде бы освобождают ее от подозрений. Но сегодня с ней должны побеседовать снова, так что можете присутствовать и сами сделать выводы.

Глава 10

— Кого хотите повидать сегодня, мистер Квин? — осведомился служащий морга.

— Глори Гилд Армандо, Луи.

— Вот она. — Он выдвинул большой ящик с телом и поднял крышку. — На нее большой спрос.

Глори смотрелась непривлекательно даже для трупа. Жирное тело было почти бесформенным; потемневшие ввалившиеся щеки под растрепанными светлыми волосами выглядели отежшими и распухшими.

— Sic transit Глори,^[130] — пробормотал Эллери. — Можете поверить, что когда-то она была секс-бомбой, вызывающей страстные мечты?

— С трудом, — ответил Гарри Берк. — Не вижу в ее лице ничего примечательного, Эллери, кроме одутловатости. Ни шрамов, ни

родимых пятен.

— Значит, она имела в виду не свое лицо.

— А разве кто-то утверждал, что ее?

— Кто знает. Как говорил поэт: «Лицо, что может многое поведать. Как много лиц в одном лице таится!» Но он также сказал: «Бывают лица вроде книг, где нет ни строчки, кроме, может, даты».

— Какой поэт?

— Лонгфелло.

— О!

— «Гиперион».

— Какое облегчение! — саркастически усмехнулся Берк. — Ну, на этом лице не написано ничего, кроме тучности.

— Не знаю... Спасибо, Луи. Пошли, Гарри.

— Куда теперь? — осведомился шотландец, когда они вышли.

— В офис медэксперта. Мне пришла в голову еще одна мысль.

— Надеюсь, без поэтической цитаты?

— Постараюсь припомнить какую-нибудь не из наших местных бардов.

Они застали дока Праути за ленчем у собственного письменного стола. Заслуженный ветеран сдвинул потрепанную шляпу на затылок и корчил гримасы сэндвичу.

— А, Эллери! Опять помидоры и салат-латук. Господи, я сто раз говорил жене, что человек моей профессии не обязательно должен быть вегетарианцем! Что теперь у тебя на уме?

— Дело Армандо. Это Гарри Берк, доктор Праути. — Медэксперт хрюкнул, продолжая жевать. — Кажется, вы уже сделали вскрытие?

— Да. Разве ты не видел заключение?

— Еще нет. Что-нибудь обнаружили?

— Смерть от огнестрельных ранений. А ты чего ожидал?

— Не ожидал, а надеялся.

— «Ох уж это распространенное убеждение в том, что всякие шероховатости «сгладятся!»»^[131] — пробормотал Берк.

— Что-что? — переспросил Эллери.

— Диккенс, — объяснил Гарри. — Чарлз.

Док Праути уставился на обоих.

— Вы заглядывали ей в рот, док?

Теперь на них уставился Берк.

— Конечно, заглядывал. Это стандартная процедура при поисках отравления. Вообще-то ничто не указывало на яд, — добавил Праути. — Но я образец добросовестного медика.

— И что вы там нашли?

— То, что ожидал. Ничего.

— Ни клочка бумаги?

— Конечно нет!

— Идея не сработала, — сказал Эллери Берку, когда они вышли.

— Я ничего не понимаю, — пожаловался Берк.

— Это достаточно просто. Лицо — рот. Я подумал, что Глори написала слово «лицо» как указатель заглянуть ей в рот, где она спрятала более конкретное сообщение, вроде имени убийцы. Увы, это не так.

Все, что мог сделать шотландец, это покачать головой.

Глава 11

Они заехали в любимый ресторанчик Эллери, где съели пару бифштексов — Берк, к ужасу Эллери, велел прожарить свой бифштекс насквозь, — а затем вернулись в квартиру Квинов поспать несколько часов. Прежде чем свалиться от усталости, Эллери позвонил отцу в Главное полицейское управление, где старик, по его словам, просматривал дневники и прочие бумаги.

— Когда ты собираешься допрашивать Лоретт Спанье, папа?

— В пять.

— Где?

— А что?

— Я хочу присутствовать.

— Я просил ее прийти в управление.

— Вызови и Армандо, ладно?

— По какой-нибудь особой причине? — осведомился старик после паузы.

— Я просто хочу понаблюдать за ними, когда они окажутся вместе. Ведь они якобы ни разу не встречались.

— Лоретт Спанье и Армандо? — В голосе инспектора слышалось удивление. — Да у нее еще молоко на губах не обсохло. Еще недавно она жила в английском сиротском приюте.

— По словам Роберты Уэст, Армандо падок на любых девиц, у которых хоть что-нибудь торчит под свитером. Лоретт соответствует этому требованию?

— О да.

— Тогда вызови Армандо.

— Ладно.

— Кстати, ты еще не интересовался женщинами из богатого прошлого Армандо?

— Уже начал, — мрачно отозвался инспектор.

— Я спрашиваю по той причине, что женщина, которой Армандо поручил грязную работу, может оказаться одной из тех, которых он знал раньше и, возможно, бросил. Таких у него легионы. Это может быть даже одна из бывших жен.

— Я уже об этом подумал, сынок.

Но если между Карлосом Армандо и Лоретт Спанье что-то было, они скрывали это, как актеры, которым хорошо заплатили. Армандо казался озадаченным вызовом в офис инспектора Квина, а Лоретт, бросив на него быстрый взгляд из-под невыщипанных бровей, полностью его игнорировала. Эллери подумал, что для наивной девушки это была весьма проницательная оценка, но потом приписал ее инстинкту, часто свойственному даже самым юным представительницам слабого пола. Что касается Армандо, то его взгляд тестировал Лоретт, как зонд дантиста. Под свитером у нее действительно имелось немало.

В Лоретт не было ничего от сухощавых англичанок, чей облик она могла унаследовать от лестерширского папаши. Светловолосая и полногрудая, она скорее походила на скандинавку, явившуюся в кабинет инспектора прямо со шведского корабля. В среднем возрасте ей, очевидно, предстояло вести тяжелую битву с чрезмерным весом, которую ее тетя безнадежно проиграла. У нее было лицо ангелочка с маленьким прямым носом, ярко-голубыми глазами, алыми губами и кожей светлой, как попка младенца. Сложенные бантиком губки добавляли сексуальный штрих к детскому лицу, напоминая мужчинам о том, что она женщина (впрочем, об этом не менее ярко говорила ее фигура). Армандо пожирал ее глазами, улыбаясь от удовольствия.

Сам Армандо оказался не таким, как ожидал увидеть Эллери. Он не обладал грацией ящерицы, и волосы его не были напояженными,

как у патентованного жиголо. У него была мускулистая, даже приземистая фигура, и двигался он несколько неуклюже. Черные, жесткие и курчавые волосы придавали ему почти негритянский облик, а загорелая едва ли не дочерна под кварцевыми лампами кожа усиливала это впечатление. Пару смысленных черных глаз наполовину прикрывали длинные, как у женщины, ресницы. Только пухлый рот создавал впечатление слабости и бесхарактерности. Эллери не мог понять, что в нем находят женщины. Он возненавидел этого типа с первого взгляда и быстро осознал причину своей ненависти. Каждая пора на коже Армандо буквально излучала сексуальную самоуверенность, что, возможно, и привлекало к нему прекрасный пол.

Инспектор Квин представил друг другу присутствующих. Армандо удостоил Эллери и Берка ленивым «Buon giorno»,^[132] проворковав это, как зобатый голубь. Лоретт крепко и серьезно пожала руку Эллери и улыбнулась Гарри Берку, словно осветив тусклое помещение. После этого все сели. Эллери занял стул в углу, откуда мог наблюдать, не привлекая внимания.

— Я пригласил вас сюда, мистер Армандо, — начал инспектор, — поскольку дело касается вашей жены, и мне кажется, вы вправе знать, что происходит. Кстати, вам было известно, что миссис Армандо разыскивала свою племянницу?

— Между Джи-Джи и мною не было никаких тайн, — ответил Карлос. — Она все мне рассказала.

Эллери в этом сомневался. Армандо явно импровизировал на ходу.

— И как вы к этому относились?

— Я? — Армандо поджал пухлые губы. — Я был опечален. У меня нет родственников, кроме двух дядей за железным занавесом, да и они, вероятно, уже умерли. — Его влажные глаза скользнули по Лоретт. — Мисс Спанье заслуживает глубочайших соболезнований. Найти такую, как Джи-Джи, и потерять ее в один и тот же вечер настолько ужасно, что лучше об этом не говорить.

Лоретт с любопытством посмотрела на него. Белые зубы Карлоса сверкали в улыбке, подчеркивающей, словно знаки препинания, по-уюжному цветистые обороты речи, в то время как глаза говорили на универсальном языке. Понимала ли она, что он собой представляет? Эллери не был в этом уверен.

Инспектор Квин повернулся к девушке:

— Мистер Берк привел вас в квартиру миссис Армандо в среду вечером без четверти одиннадцать. Она была дома одна. Мистер Берк пробыл с вами до начала двенадцатого. Расскажите мне как можно подробнее, что происходило после его ухода.

— Пока я была там, не происходило ничего, инспектор Квин, — с упреком отозвалась Лоретт.

Старик продемонстрировал зубные протезы в виноватой улыбке.

— Я имею в виду, о чем вы говорили с вашей тетей?

— Она хотела, чтобы я переехала жить к ней и мистеру Армандо. Я поблагодарила ее за любезность, но отказалась, объяснив, что дорожу своей независимостью. Понимаете, я провела большую часть жизни, живя с другими людьми — в приюте трудно рассчитывать на уединение. Я попыталась объяснить миссис Армандо... тете Глори, что впервые в жизни наслаждаюсь одиночеством. Кроме того, я ее совсем не знала. Это было все равно что переехать к чужому человеку. Думаю, она была обижена, но что другое я могла сказать? Ведь это правда.

— Конечно, — кивнул инспектор. — А о чем еще вы разговаривали, мисс Спанье?

— Миссис Армандо продолжала настаивать. Я даже почувствовала себя неловко. — Лоретт подняла свои изумительные голубые глаза. — Мне казалось, она зашла слишком далеко. Тетя Глори утверждала, что у нее много связей в шоу-бизнесе, что она в состоянии помочь моей театральной карьере и так далее. Честно говоря, я не понимала, как это связано с нашим совместным проживанием, — если она хотела помочь мне, то почему не могла сделать это без всяких условий? Она приманивала меня морковкой, как ослицу. Мне это не понравилось.

— И вы ей это сказали?

— Нет, это было бы грубо. Я не хотела оплачивать ей таким образом. Я просто ответила, что предпочитаю сама строить свою карьеру, как, насколько я понимала, делала и она, и что я не верю в чью-то поддержку, если речь идет об искусстве. Либо у вас есть талант, который рано или поздно поможет вам добиться успеха, либо его нет, и тогда любая поддержка бесполезна. Я действительно так считаю.

— Не сомневаюсь. И уверен, что вы правы, — сказал инспектор. «Хитрый старый лицемер!» — с восхищением подумал Эллери. Посмотрев на Берка, он увидел, что шотландец с трудом сдерживает усмешку. — В этом заключалась суть вашего разговора с миссис Армандо?

— Да.

— В котором часу вы ушли из квартиры вашей тети?

— Думаю, около половины двенадцатого.

— Она вас проводила?

— Да, до лифта.

— А она говорила, что хочет повидаться с вами снова?

— Да. Она просила позвонить ей на будущей неделе, чтобы сходить со мной на ленч в ресторан «Сарди». Я ответила, что постараюсь, хотя ничего не обещала, и ушла.

— Оставив ее одну — живую и невредимую?

— Разумеется.

— Когда вы спустились, в вестибюле кто-нибудь был?

— Нет.

— Куда вы отправились потом?

— Домой. — Подтекст вопросов инспектора Квина начал сердить девушку — ее розовые щеки покраснели, а грудь под свитером бурно вздымалась, что привлекало особое внимание Карлоса Армандо, чьи выпуклые глаза вздрагивали, как ртуть в поисках равновесия. — Куда еще я могла отправиться в такое время, инспектор?

— Полагаю, вы взяли такси?

— Нет. Я пошла пешком. Это нарушение каких-то правил?

— Пошли пешком?

— Через Центральный парк. Я живу в Вест-Сайде...

— Тогда это, безусловно, не по правилам, — сказал старик. — Неужели вам не говорили, как опасно для девушки одной идти через Центральный парк ночью? Разве вы не читаете газеты?

— Полагаю, это было глупо, — признала Лоретт. Эллери подумал, что она хотя и вспыльчива, но обладает удивительным для девушки ее возраста и происхождения самообладанием. Теперь Лоретт тщательно подбирала слова. — Но я была не столько расстроена, сколько... ну... возбуждена и, боюсь, не могла толком соображать. Мне внезапно захотелось пройтись, а прямая дорога шла через парк. Не понимаю,

инспектор, какое отношение к смерти моей тети имеет то, как я добралась домой в среду ночью?

— По дороге вы не встретили никого из знакомых?

— Нет.

— А в вашем доме?

— Нет.

— Насколько я понимаю, вы живете одна?

— Совершенно верно, инспектор Квин. — Голубые глаза сверкнули. — Если вас интересует, что я делала, придя в свою квартиру, — уверена, что это ваш следующий вопрос, — то я разделась, приняла ванну, почистила зубы, прочла молитву и легла спать. Хотите знать что-нибудь еще?

Эллери усмехался при виде выражения отцовского лица. Инспектору нравилось класть противника на лопатки, но этот ему не поддавался. Вставные зубы старика вновь блеснули в улыбке — на сей раз в почти уважительной.

— Ваша тетя упоминала о своем завещании?

— О завещании? Почему она должна была это делать?

— Упоминала или нет?

— Разумеется, нет.

— По словам мистера Берка, миссис Армандо, провожая его в тот вечер, сказала, что ожидает мужа вскоре после полуночи. — Муж миссис Армандо перенес внимание со свитера Лоретт на усы старика, но лишь на миг. — Вы слышали, как она это говорила, мисс Спанье?

— Нет, но она сказала мне то же самое после ухода мистера Берка.

— Однако вы не видели мистера Армандо той ночью?

— Я не видела мистера Армандо до сегодняшнего дня.

Если это правда, подумал Эллери, то Армандо всю навёрстывал упущенное. Его взгляд становился откровенно похотливым. Лоретт, казалось, этого не замечала, сосредоточившись на своем инквизиторе.

— У меня вопрос, — внезапно заговорил Эллери. — После того как Гарри Берк покинул квартиру Армандо, оставив вас наедине с вашей тетей, ей звонили по телефону? Или, может быть, в дверь?

— Нас ни разу не прерывали, мистер Квин. Конечно, я не знаю, что происходило, когда я ушла.

— Не помните ли вы, говорила ли миссис Армандо — какой бы мелочью это ни казалось — о чем-нибудь лице?

— О лице?

— Да, о лице.

Девушка покачала светловолосой головой. Она выглядела искренне озадаченной.

— Нет, не припоминаю ничего подобного.

— Тогда, думаю, это все, мисс Спанье. — Инспектор поднялся. — Кстати, полагаю, поверенный вашей тети, Уильям Мелоуни Вассер, говорил вам о чтении ее завещания?

— Да. Я должна прийти к нему в офис в понедельник, сразу после похорон.

Старик кивнул.

— Простите, что побеспокоил вас в первый день Нового года.

Лоретт встала и с довольно высокомерным видом направилась к двери. Каким-то образом Карлос Армандо опередил ее и первым взялся за ручку.

— Позвольте мне, Лоретт... Не возражаете, что я называю вас по имени? В конце концов, я ваш дядя.

Красивые брови слегка сдвинулись над голубыми глазами.

— Благодарю вас, мистер Армандо.

— О нет, не мистер Армандо! Карлос.

Девушка улыбнулась.

— Могу я подвезти вас домой? Или туда, куда вы идете?

— В этом нет необходимости.

— Но мы должны познакомиться поближе. Возможно, вы позволите угостить вас обедом? Должно быть, вы хотите побольше узнать о Джи-Джи. Теперь, когда она умерла так скоро после того, как нашла вас, я чувствую ответственность...

Это было все, что слышали трое мужчин, прежде чем дверь закрылась.

— Паршивый бабник. — Гарри Берк скорчил гримасу. — Не тратит время зря, верно?

— Похоже, — пробормотал Эллери, — наш противник очень умен.

Часть вторая

ПОЛОВИНА ЛИЦА

Глава 12

Эллери открыл глаза. Было обычное зимнее серое утро. Его отец уже ушел, а Гарри Берк в кабинете просматривал утреннюю газету.

— Вы спали так крепко, что мне не хватило духу разбудить вас, — сказал Берк. Шотландец был одет и чисто выбрит, постель на кушетке была убрана, а на электроплитке Эллери закипал кофейник. — Я уже несколько часов как поднялся.

— Вы плохо спали? — Эллери бросился к кофейнику, как человек, умирающий от жажды. Он спал урывками, и ему постоянно снилось безликое лицо, увенчанное крашеными волосами Глори Гилд, и, лишь когда дневной свет уже начал проникать сквозь жалюзи, он погрузился в глубокий сон без сновидений.

— Я спал как бревно, — весело отозвался Берк. — Ваша кушетка — идеальное место для сна. Моя единственная жалоба — отсутствие чая в кухонном шкафу.

— Сегодня я куплю чай.

— О нет, — запротестовал шотландец. — Довольно того, что я навязался вам на одну ночь. Я переберусь в отель.

— И слышать не желаю. Возможно, вам придется задержаться в Нью-Йорке, Гарри, но ваши расходы уже не оплачивает клиент, а цены в здешних отелях постоянно повышаются.

— Очень любезно с вашей стороны, Эллери.

— Я вообще жутко любезная персона. Что интересного в газете?

— Ничего, что бы мы не знали. Хотя в одной колонке говорится о прошлом Армандо.

— Кто автор статьи?

— Кип Кипли.

Эллери поставил чашку и схватил газету. Он хорошо знал бродвейского обозревателя — Кипли не раз поставлял ему ценную

информацию. Сегодняшняя колонка почти целиком была посвящена супругу покойной Глори Гилд. Эллери живо представил себе Армандо, демонстрирующего свои великолепные зубы.

— Большая часть этого давно стала достоянием публики, Гарри, но думаю, Кип придерживает напоследок самое интересное. Это подало мне мысль.

Он заглянул в свою адресную книгу и набрал номер телефона Кипли, отсутствующий в официальных справочниках.

— Кип? Это Эллери Квин. Я тебя разбудил?

— Нет, — откликнулся знакомый писклявый голос обозревателя. — Я уже завтракаю. Меня интересовало, когда ты позвонишь, Чарли. Ведь ты по горло увяз в деле Джи-Джи, не так ли?

— В общем да. Кип, я бы хотел повидаться тобой.

— В любое время. Мой дом открыт.

— Наедине.

— Разумеется. В час дня у меня?

— Договорились. — Эллери положил трубку. — Кип неистощим, как винный рог Тора,^[133] — сказал он Берку. — Дайте мне двадцать минут на завтрак, Гарри, и мы постараемся вытянуть у Кипа, какие сенсации он приберегает.

Глава 13

Журналист оказался маленьким смуглым суетливым человечком с профилем дожа,^[134] одетым в плотное шелковое кимоно ручной работы.

— Прошу прощения за неглиже, — сказал Кипли, вяло пожимая руку Эллери. — Я никогда не одеваюсь до четырех. А это кто?

Эллери представил Берка, который подвергся быстрому осмотру парой черных птичьих глаз.

— Гарри Берк? Никогда не слышал.

Кипли кивнул в сторону бара, где хлопотал слуга-пуэрториканец Фелипе; благодаря колонке Кипли он, вероятно, был самым разрекламированным слугой во всем Манхэттене. Квартира в пентхаусе была стерильно чистой, но абсолютно свободной от воздействия женской руки. Кипли был известным ипохондриком и

женоненавистником, испытывавшим при этом страсть к порядку не меньше любой домохозяйки.

— Что будете пить? — К тому же он был трезвенником.

— Спасибо, для меня пить рановато, — сказал Эллери.

Берк, почувствовав настрой, тоже отказался, хотя пожирал глазами бутылку «Джонни Уокера» с черной этикеткой. Кипли кивнул Фелипе, и слуга удалился. Берку казалось, что репортер доволен.

— Присаживайтесь, джентльмены. Что вы хотите знать?

— Все, что ты раскопал о графе Армандо, — ответил Эллери. — И я не имею в виду перепевы старого, которые ты напечатал сегодня утром.

Обозреватель усмехнулся:

— Всему свое время, Чарли, — тебе я не должен это объяснять. А что у тебя есть интересного для меня?

— Пока ничего, потому что я еще ничего не знаю. Если я на что-то наткнулся, то дам тебе знать, Кип, и ты получишь свое *quid pro quo*.
[\[135\]](#)

Кипли посмотрел на него.

— Насколько я понимаю, присутствие мистера Берка не мешает?

— Гарри — частный детектив из Лондона и в некотором роде связан с делом.

— Если хотите, мистер Кипли, я уйду, — без всякой обиды сказал Берк, приподнявшись.

— Сядьте, Чарли. Я просто предпочитаю знать, кому поверяю девичьи тайны. Значит, в деле есть британский элемент? Какой?

— Кто кому поверяет девичьи тайны? — усмехнулся Эллери. — Давай, Кип, колись. Я же сказал, что мы внакладе не останемся.

Кипли сморщил венецианский нос.

— Строго говоря, Армандо — порядочная сволочь. Настоящий сексуальный маньяк. И скользкий, как плита однорукой грязнули кухарки. То, как он загадил за пять лет гнездышко Джи-Джи, вызывает тошноту даже у меня, хотя эта глупая старая канарейка, насколько я знаю, ни о чем не подозревала.

— Он изменял ей?

— «Изменял» — не то слово. Тянул свои лапы к каждой бабе, которую видел. У него даже развилась ностальгия.

— Что ты имеешь в виду?

— Его тянет назад, к его прежним женщинам. К примеру, Армандо однажды видели в одном ночном заведении с номером семь из его хит-парада — предшественницей Джи-Джи, мясоконсервной дамочкой, миссис Герти Ходж Хаппенклаймер, которая застучала его с горничной и вышвырнула вон без единого цента. Сейчас Герти живет в Нью-Йорке, в шикарных апартаментах на Бикмен-Плейс, которые обходятся в пятьдесят тысяч за год, и Армандо каким-то образом удалось вернуть ее милость. Не спрашивай меня, как он это проделывает. Конечно, ни одна женщина не в состоянии видеть дальше резинки от своих панталон, но ведь жизнь состоит не из одной постели. Что они находят в этом проходимце? Разве только он изобрел способ, который упустили Крафт-Эбинг и Кинси.^[136]

— Вопрос в том, что Армандо нашел в миссис Хаппенклаймер, — вмешался Гарри Берк. — Когда я еще работал в Ярде, Эллери, то видел ее на одном из садовых приемов королевы. Фигура как у бифитера,^[137] увенчанная трехфутовой шляпой. Возможно, для Армандо это вопрос профессиональной гордости, поскольку первый раз ему не удалось обвести ее вокруг пальца.

— Это может быть его слабостью, — кивнул Эллери. — Что еще, Кип?

— Я пока не покончил с его экс-женами. Армандо видели с номерами три и четыре. Номером три была миссис Арден Влитланд, по прозвищу Платформа, которая развелась с банкиром Хендриком Б. Влитландом, чтобы выйти замуж за Армандо, — этот брак распался после скандала в Ньюпорте, где гости уворачивались от хрустальных канделябров и других ценных предметов, включая две картины Пикассо. Номером четыре была бостонская дама-алкоголичка Даффи Дингл, владелица скаковых лошадей, — она записалась в общество анонимных алкоголиков и продержалась четыре года, а Армандо видели в бостонских бистро покупающим ей водку и мартини целыми квартами — думаю, только из вредности.

— Симпатичный парень, — пробормотал Берк.

— Куда уж симпатичней, — усмехнулся Кипли.

— Хаппенклаймер, Платформа, Даффи, — перечислил Эллери. — Три экс-супруги. Насколько я понимаю, Кип, твой список не истощился?

— Приберег самое интересное напоследок, — ответил Кипли.

— Я весь дрожу от нетерпения.

— Секретарша Джи-Джи — как бишь ее... Джин Темпл.

— Ну и ну! — воскликнул Берк.

— Для него это было чертовски рискованно, — заметил Эллери. — Или он круглый идиот? Под самым носом у Глори!

— У Армандо бывают приступы чисто животной хитрости. С Джин Темпл он встречался в загородных ресторанчиках и не слишком часто. Только охотники за грязью вроде меня могли это раскопать.

— Я еще не встречал эту Темпл. Там хоть есть на что посмотреть?

— Пара сисек, окруженная стандартным количеством рук и ног, и с лицом, похожим на раздавленное яйцо.

— Бедного европейца поразила американская болезнь, — пробормотал Эллери. — Наша культура заиклена на женском бюсте. Кто-нибудь еще остался?

— Я только начал.

— Лучше я буду записывать. — Эллери действительно достал записную книжку и начал писать.

— Никудышняя актриса по имени Роберта Уэст. — Берк при этом слегка побледнел. — Денег у нее нет, но она молодая и хорошенькая. Очевидно, графу иногда требуется отдых от старых сучек. Но он не виделся с Уэст шесть или семь месяцев, так что с ней, вероятно, уже покончено. — Эллери и Гарри обменялись взглядом. — В чем дело? Я сказал что-то не то?

— Нет, — ответил Берк.

Черные глаза Киппли недовольно прищурились.

— Вы, часом, не скрываете что-то от меня?

— Да, — кивнул Эллери. Вид у Берка был страдальческий. — Но мы не имеем права посвящать тебя в это, Кип. К тому же связь Роберты Уэст с этим делом, по-видимому, скоро прекратится. Кто еще?

Репортер что-то отметил в блокноте.

— Этой информации официальные источники мне не предоставили. Спасибо за подсказку... Ну, еще Марта Беллина.

— Оперная певица?

— Собственной персоной. Беллина вроде была лучшей подругой Джи-Джи. Армандо подкатывался и к ней, и, видимо, Марта не устояла, хотя держала это в глубокой тайне. Ох уж эти женщины!

— Невероятно, — пробормотал Берк.

— Марта Беллина, — записал Эллери. — Кто следующая?

— Ее врач.

— Чей врач? — Эллери поднял взгляд.

— Джи-Джи.

Эллери выглядел ошарашенным, и Киппли засмеялся:

— Если Армандо гомик, то его на этом не застукали. Нет, это женщина-врач — Сьюзан Меркелл, доктор медицины.

— Ларинголог с Парк-авеню, популярная у представителей шоу-бизнеса?

— Она самая. Красивая женщина, никогда не была замужем. Как раз для графа. Все, что ему нужно было сделать, — это симулировать боль в горле и отправиться в приемную доктора Меркелл. Судя по моей информации, во время визитов Армандо обследованию подвергается не он, а она.

— Где вы раскапываете всю эту грязь? — с отвращением осведомился Гарри Берк.

— Разве я спрашиваю, где вы устанавливаете «жучки» для прослушивания? — дружелюбно отозвался журналист. — Далее следует шлюшка под вуалью.

— Что? — воскликнул Эллери.

— Графа видели в компании цыпочки, которая всегда носит фиолетовую вуаль — такую плотную, что лица не разглядишь.

— Всегда?

— Да.

— Сколько ей лет?

— Можно определить возраст женщины, не видя ее физиономии? Если бы солнце погасло, и электричество перестало работать, все старушки были бы вне себя от радости.

— А как насчет ее волос?

— Иногда они светлые, иногда рыжие, а иногда черные. Но это одна и та же женщина в париках... Вижу, вы оба заинтересовались мадам Икс. Я тоже. Армандо ведет себя глупо, появляясь в городе с дамой под вуалью. Это все равно как если бы она носила купальный костюм без верха. Неужели вы никогда не читали мою колонку?

— Не так часто, как буду читать теперь, — с энтузиазмом ответил Эллери. — Между прочим, тебе известно, когда Армандо в последний раз видели с таинственной леди под вуалью?

— По-моему, перед Рождеством. Ты задаешь наводящие вопросы, приятель. Какое значение имеет дата, а?

— Это всего лишь идея, над которой я работаю. Остался еще кто-нибудь?

— Я истощился, — ответил Кипли.

Эллери подал знак Берку.

— Не могу выразить, Кип, как я тебе благодарен...

— Можешь засунуть свою благодарность сам знаешь куда. Подкинь мне факт поинтереснее — и мы в расчете.

Глава 14

Они отправились в полицейское управление и провели остаток дня, просматривая страницу за страницей в дневниках и мемуарах Глори Гилд. Дневниковые записи большей частью были незначительны — приемы гостей, посещаемые вечеринки, уик-энды, реакции на премьеры, иногда ядовитые комментарии по адресу поп-певцов. То и дело попадались сплетни о звездах шоу-бизнеса, как будто покойная Джи-Джи так полностью и не выросла из провинциальных одежд Среднего Запада. В дневниках на удивление редко упоминался ее муж, а о связях Карлоса с другими женщинами, подлинных или воображаемых, не говорилось ни слова. Либо Глори Гилд не была осведомлена о его погоне за юбками, либо предпочитала ее игнорировать, по крайней мере в эпистолярном жанре.

В записях не было никаких указаний на то, что она могла подразумевать под «лицом». Отсутствовали также упоминания о женщине под вуалью и вообще о вуали, фиолетовой или какого-либо иного цвета.

Внимательное изучение мемуаров Джи-Джи — отпечатанных фрагментов или записей, на которых они были основаны, — в равной степени не обнаружило ничего, что могло быть даже отдаленно связано со смертью певицы.

Просмотр рапортов инспектора Квина также не привел ни к чему — в них не было ничего, о чем бы уже не знали Эллери и Берк. Полицейским детективам удалось раскопать несколько комьев грязи — возобновившийся альянс Армандо с экс-супругой номер три, Арден Влитланд, по прозвищу Платформа; его шашни с секретаршей жены,

Джин Темпл, и с ее врачом, доктором Сьюзан Меркелл; его дуэт с оперной певицей Мартой Беллиной. Но не было ни единого рапорта о супруге номер четыре, алкоголичке из Бэк-Бей Даффи Дингл, или номер семь, Герти Ходж Хаппенклаймер — непосредственной предшественнице Глори Гилд, — а тем более о женщине под вуалью.

— Я позвоню в Бостон насчет Дингл, — сказал инспектор, — но в первую очередь меня интересует эта дама под пурпурной вуалью...

— Фиолетовой, — серьезно поправил Эллери. — Это большая разница.

— Отвяжись, — отгрызнулся его отец. — Миссис Хаппенклаймер меня интересует меньше. Она единственная из жен, с которой Армандо не смог содрать ни цента. Не думаю, чтобы такая женщина пошла бы ради него на убийство.

— Все же, по словам Кипли, она продолжает с ним встречаться. Почему?

— Кто может понять женщин? Возможно, на нее нахлынули нежные воспоминания. Займись ею, если хочешь.

— Именно это мы с Гарри и намерены сделать.

Тем же вечером они отыскали Герти Хаппенклаймер на благотворительном балу в отеле «Американа». Она бросалась в глаза, как взрыв атомной бомбы в пустыне Нью-Мексико — женщина в виде грибообразного облака, возвышающегося над танцевальным залом.

— Что, если я попробую с ней познакомиться? — шепнул Берк. — Герти наверняка равнодушна к англичанам.

— Но вы шотландец.

— Можете мне поверить, старина, что она не почувствует разницы.

Эллери наблюдал, как Берк, маневрируя широкими плечами, приближается к столу с пуншем, где миссис Хаппенклаймер что-то кричала в ухо монополизированному ею африканскому дипломату. Спустя несколько минут англичанин уже танцевал с ней, аккуратно пристроившись под ее шляпой. Еще через некоторое время он вернулся.

— Легче легкого, Эллери. Мы приглашены на завтрак следующим утром. Она была очарована.

— Чем?

Берк усмехнулся:

— Я сказал ей, что мы встречались на приеме в саду у королевы. После этого я мог получить ее бюстгальтер в качестве сувенира. Хотя, если подумать, на кой черт он мне нужен?

— В качестве гамака, — мрачно предположил Эллери, глядя на внушительные формы Герти.

Солнечным воскресным утром ровно в одиннадцать их впустил в двойные апартаменты на Бикмен-Плейс дворецкий-англичанин с бакенбардами. Сообщив, что мадам ожидает их, он проводил гостей на застекленную террасу, где миссис Хаппенклаймер восседала в огромном плетеном кресле за столом, накрытым для троих.

— Как я рада вас видеть, мистер Берк! — громогласно воскликнула хозяйка дома. — И рада познакомиться с вашим другом... вы сказали, Эллери Квиг?.. Ах да, Квин! Как неловко с моей стороны! Пожалуйста, садитесь, мистер Квин! И вы тоже, мистер Берк...

Гарри Берк пустился в чисто британскую вежливую болтовню ни о чем, пока дворецкий подавал блюда из огромных размеров мармита.

[138] Миссис Хаппенклаймер поглощала в количестве, соответствующем ее габаритам, оладьи, яйца всмятку, сосиски, копченую лососину, тосты и кофе. Поскольку она была облачена в белое платье, Эллери, больше слушавший, чем говоривший, невольно подумал о Моби Дике. Не был ли Карлос Армандо неким подобием капитана Ахава, [139] преследуя ее из мести и настолько подчинив своей воле, что она согласилась совершить убийство? Или он скорее был Маугли, оседлавшим слона Хатхи к их обоюдному удовлетворению?

— Да, — говорил хозяйке Гарри Берк. — Я также недавно столкнулся с графом Армандо... О боже, полагаю, мне не следовало упоминать о нем, миссис Хаппенклаймер. Кажется, вы и граф когда-то были женаты?

— Были, но он никакой не граф, и нет причин, по которым вы не должны его упоминать, мистер Берк. — Женщина протянула руку к сигарете, и Берк быстро щелкнул зажигалкой. Закурив, она громко рыгнула, откинулась на спинку кресла и засмеялась, трясась всем телом. — Карлос — мошенник до мозга костей, но устоять перед ним невозможно — он такой галантный! Хотя вряд ли он простил мне, что я привела фотографа, подловив его с горничной. Я только позавчера вечером пошутила на этот счет, когда разговаривала с ним.

— Вот как? — отозвался Берк. — Вы снова с ним видите, миссис Хаппенклаймер? По-моему, это весьма достойно с вашей стороны. Как говорится, кто старое помянет...

— Почему я не могу с ним видаться? Ведь Карлос не может вытянуть из меня ничего, что я бы сама не хотела ему дать, не так ли? Конечно, — добавила миссис Хаппенклаймер с видом задумчивой слонихи, — учитывая ситуацию, в которой он оказался, мне, возможно, следует порвать с ним окончательно. — Она взяла ускользнувший от ее внимания тост с корицей и стала жевать его, держа дымящуюся сигарету между украшенными драгоценностями пальцами другой руки. — Я не могу позволить себе быть замешанной в подобную историю.

— Вы имеете в виду смерть его жены?

— Убийство его жены, — поправила женщина и бросила корку толстому кокер-спаниелю, ожидавшему подачки.

Эллери внезапно осенило. Несмотря на внешность, Гerti Хаппенклаймер отнюдь не была дурой. Говоря с Гарри Берком, она время от времени бросала взгляды на «Эллери Квига», как будто все время знала, кто он.

Эллери принял решение.

— Боюсь, мы съели ваш чудесный завтрак под фальшивым предлогом, миссис Хаппенклаймер, — заговорил он. — Мы пришли сюда, так как расследуем убийство миссис Армандо.

Берк выглядел обиженным.

— Все постоянно пытаются мною воспользоваться, — спокойно сказала Гerti. — Можете расследовать сколько душе угодно, мистер... как вас там. Мне нечего скрывать.

— Квин, — сказал Эллери. — Я очень этому рад, миссис Хаппенклаймер, так как с легким сердцем могу спросить, как вы провели полчаса до полуночи в прошлую среду.

— В последнюю ночь перед Новым годом? Дайте подумать... Ах да! Я была в ООН на приеме, устроенном для посла какой-то страны в Юго-Восточной Азии. Потом я и еще несколько человек отправились в один из... как их называют?.. диско-что-то... на Шеридан-сквер в Гринвич-Виллидж.

— В какое время вы ушли с приема?

— Около половины одиннадцатого. — Проницательные глаза, тонушие в складках жира, окинули Эллери взглядом. — Меня подозревают в убийстве Глори Гилд? Это было бы слишком забавно.

— Что же тут забавного, миссис Хаппенклаймер?

— Зачем мне убивать жену Карлоса? Чтобы снова выйти за него замуж? Одного раза было вполне достаточно, благодарю покорно. Он меня развлекает, и я вполне довольна нашими теперешними отношениями, вернее, была довольна до убийства Глори Гилд. Эта идея просто нелепа.

— Прямо с приема вы с группой людей отправились в Гринвич-Виллидж?

— Совершенно верно.

— Вы покидали дискотеку на какое-то время?

— Нет, мистер Квин. — Она широко улыбнулась.

— А когда закончилась вечеринка в Виллидж?

— Около трех часов ночи. Мне жаль вас разочаровывать. — Улыбка сменилась утробным смехом.

— Это дело в основном состоит из разочарований, миссис Хаппенклаймер. Разумеется, мы проверим вашу историю.

— Конечно. — Женщина продолжала усмехаться, но, повернувшись к Гарри Берку, надула губы, как исполинский обиженный ребенок. — А вам должно быть стыдно, мистер Берк! Я действительно клюнула на этот прием в саду у королевы, и я не имею в виду мистера Квина. [\[140\]](#)

— А я действительно был там, — не моргнув глазом отозвался Берк. — Присматривал за драгоценностями.

— Из вас бы вышел чудесный лорд, — вздохнула миссис Хаппенклаймер. — Хокинс... («Как же еще могут звать ее дворецкого?») — подумал Эллери.) проводите этих джентльменов.

Они нашли Джин Темпл в доме на Восточной Сорок девятой улице, где, судя по карточке под звонком в подъезде, она проживала вместе с девушкой по имени Вирджиния Уайтинг. Квартира состояла из спальни, гостиной и кухни — спальня и кухня были крошечными, а гостиная достаточно просторной. Всюду царил чисто девический беспорядок. Обе женщины были в вязаных кофтах, слаксах в обтяжку и босиком. Мисс Уайтинг оказалась довольно хорошенькой, с живыми серыми глазами, но Джин Темпл походила на мышку — ее

единственным заметным атрибутом был могучий бюст, напрягавший кофту до предела.

— Нет, я не возражаю против присутствия Вирджинии, — сказала Джин. Она выглядела лет на тридцать, но Эллери подозревал, что ей гораздо меньше. В карих глазах под стеклами очков в алюминиевой оправе мелькал страх. — Я даже предпочитаю...

— Спокойно, Джинни, — вмешалась другая девушка. — Тебе нечего бояться.

— Знаю, — отозвалась секретарша Глори Гилд, — но они, похоже, этого не знают. Почему вы не можете оставить меня в покое? Я уже рассказала все, что могла...

— Не все, мисс Темпл, — возразил Эллери.

Увядающая кожа на лице пожелтела.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду вас и Карлоса Армандо.

Желтизна начала краснеть.

— Меня и Карл... графа Армандо?

— Ваши отношения с ним.

— О чем вы? Он рассказал вам...

— По нашей информации, у вас и Армандо была связь в тайне от миссис Армандо.

— Это неправда!

— Боюсь, что правда. Вас неоднократно видели с ним в пригородных ресторанах и барах, мисс Темпл. Люди типа Армандо не встречаются тайком с секретаршами их жен для диктовки.

— Мы не хотим порочить вашу репутацию, мисс Темпл, — мягко заговорил Гарри Берк. — Нас интересуют только факты.

Женщина молчала, сплетая пальцы лежащих на коленях рук. Внезапно она подняла взгляд.

— Да, у нас была связь. Сама не знаю, как это случилось. Я пыталась прекратить ее, но Карлос не позволял. Он угрожал мне, что если я сделаю это, то потеряю работу. Мне нравилась моя работа — миссис Армандо хорошо платила и обращалась со мной прилично... ну, большую часть времени... Я чувствовала себя виноватой... Но после первого раза он не давал мне покоя...

— Мы знаем, какой он был свиньей, — проворчал Берк.

Эллери нахмурился при этом непрофессиональном замечании. Но оно подействовало на Джин Темпл, которая почувяла в шотландце союзника. После чего адресовала свои ответы только ему, словно в благодарность. Вирджиния Уайтинг сидела молча. Разумеется, она знала о связи — Джин едва ли могла скрывать это от нее.

— А вы знали Карлоса Армандо, мисс Уайтинг? — внезапно осведомился Эллери.

Сероглазая девушка выглядела удивленной.

— Я? Едва знала. Я видела его в этой квартире, по-моему, пару раз, но тут же уходила в кино, чтобы не мешать.

Вирджиния казалась Эллери все более симпатичной.

— Он не приставал к вам?

— Один раз, когда Джинни подкрашивала лицо в ванной, — мрачно ответила она. — Но я беру уроки карате и продемонстрировала их на нем. Больше он не пытался это делать.

Джин Темпл открыла рот от удивления.

— Ты никогда мне об этом не говорила, Вирджиния.

— Я о многом тебе никогда не говорила, Джинни. Включая то, какой простофилей ты была, попавшись в лапы этому волку.

— Я знаю, что была дурой, — вздохнула Джин.

— Армандо никогда не говорил, что женится на вас? — спросил ее Эллери.

— Нет.

— Я имею в виду, если вы избавите его от жены?

Ее глаза сверкнули.

— Конечно нет! За кого вы меня принимаете, мистер Квин? Полиция тоже так считает?

— Эта мысль приходила им в голову. Он никогда не делал вам такого предложения? Даже не намекал на это?

— Нет! В противном случае я бы сразу пошла к миссис Армандо и все ей рассказала! — Джин дрожала всем телом. Вирджиния Уайтинг взяла ее за руку, и она заплакала.

— Простите, что расстроил вас, мисс Темпл. Осталось немного. Как вы провели вечер 30 декабря — прошлой среды?

— Но я уже все рассказала детективам...

— Повторите еще раз, ладно?

— Я подтверждаю алиби Джин, — спокойно заговорила Вирджиния. — В тот вечер мы вместе ужинали. Никто из нас не покидал квартиру — я хотела отдохнуть, так как следующим вечером собиралась идти встречать Новый год. Мы с Джинни весь вечер смотрели телевизор — одиннадцатичасовые новости, потом часть шоу Джонни Карсона. В начале первого мы выключили телевизор и пошли спать — одновременно.

— Мисс Темпл ни разу не выходила в среду вечером?

— Нет. И я тоже, так что мне это известно.

— Пожалуй, это все. — Эллери поднялся, и Берк последовал его примеру. Джин Темпл вытерла глаза. — Да, еще одна деталь, мисс Темпл. Слово «лицо» о чем-нибудь говорит вам?

Девушка казалась недоуменной.

— Лицо — f-a-c-e.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Не помните, Глори Гилд когда-нибудь упоминала о чьем-нибудь лице? Около 1 декабря или позднее? Особенно в прошлую среду?

Секретарша покачала головой.

— При мне миссис Армандо никогда не упоминала ни о чьем лице. Она вообще была довольно рассеянна по отношению к лицам других людей — никогда не знала, какого цвета у кого глаза, и так далее. Миссис Армандо была близорукой и по какой-то причине не могла носить контактные линзы, а очками пользовалась только для чтения или работы. Она была довольно тщеславной и всегда обращала внимание на одежду других женщин, но не на лица.

— Благодарю вас, мисс Темпл.

— Должны существовать специальные законы для таких ублюдков, как Армандо, — проворчал Гарри Берк, когда они уже сидели в такси. — Чтобы их можно было по распоряжению суда кастрировать, как псов.

— У него есть подход к женщинам, — рассеянно отозвался Эллери. — Если бы мы только могли раздобыть ключ к тому, что она имела в виду...

— Кто?

— Джи-Джи. Под словом, которое она написала. Это могло бы все объяснить.

- Откуда вы знаете?
- Чую нутром, Гарри.

Глава 15

Доктор Сьюзан Меркелл обескуражила посетителей. Она принимала гостей в большой квартире на Парк-авеню, расположенной позади ее приемной, и не скрывала раздражения тем, что ее побеспокоили в воскресенье.

— Могу уделить вам только несколько минут, — резко сказала доктор Меркелл, провожая Эллери и Берка в кабинет. — Говорите, что вам нужно, и позвольте мне вернуться к моим гостям.

Это была маленькая женщина с фигурой, напоминающей песочные часы, грубыми мужскими руками и минимумом косметики. Но это в какой-то мере компенсировали классическая гладкая прическа, волосы натурального золотистого цвета и чувственные губы. Во всем ее облике ощущалась свойственная медикам печать власти.

— Что вы теперь хотите узнать? Меня уже расспрашивали.

— Мы хотим знать о ваших отношениях с Карлосом Армандо, — сказал Эллери.

— На этот вопрос я уже отвечала. — Суровые зеленые глаза не изменили выражения. — Граф Армандо был мужем одной из моих пациенток. Несколько раз он обращался ко мне за медицинской помощью. Следующий вопрос?

— Я еще не закончил с первым, доктор Меркелл. У вас когда-нибудь были отношения с Армандо, которые можно назвать непрофессиональными?

— Если вы думаете, что отвечу на это, то вы слабоумный.

— По нашим сведениям, такие отношения имели место.

— А ваши сведения включают доказательства? — Так как Эллери не ответил, доктор Меркелл улыбнулась и встала. — Думаю, что нет. У вас еще вопросы?

— Пожалуйста, сядьте, доктор. Мы не закончили. — Она пожала плечами и села. — Вы помните, где были в среду вечером? За день до кануна Нового года?

— В Центральной больнице.

— Что вы там делали?
— Меня вызвали на срочную консультацию.
— Кто был пациентом?
— Больной раком горла. Не помню имени.
— Кто именно вас вызвал?
— Врач общей практики по фамилии Кривитц — Джей Джером Кривитц. Присутствовал также хирург — доктор Исраэл Манчетти.
— В котором часу происходила эта консультация?
— Я прибыла в больницу около одиннадцати. Консультация продолжалась больше часа.
— Вы имеете в виду, что ушли уже после полуночи?
— А что еще я могу иметь в виду? Право, джентльмены, вы отнимаете у меня время и заставляете пренебрегать моими гостями. — Доктор Меркелл снова поднялась, и на сей раз было очевидно, что больше садиться она не намерена. — Как я вам уже говорила, все эти вопросы мне задавали раньше.
— Но не я, — парировал Эллери. — Доктор, слово «лицо» означает для вас нечто особо значительное?
Взгляд зеленых глаз стал стальным.
— Я ларинголог, а не дерматолог. Что именно это должно для меня означать?
— Не знаю, потому и спрашиваю. Не помните, упоминала ли когда-нибудь миссис Армандо о чьем-то лице или лицах вообще?
— Вы либо пьяны, либо невменяемы. Даже если она и упоминала, как я могу помнить подобные мелочи? Всего хорошего, джентльмены!

Глава 16

Марта Беллина, как выяснили Эллери и Берк, давала концерт в Лос-Анджелесе, поэтому они отправились в Главное полицейское управление, где, несмотря на воскресенье, застали инспектора, разбирающего горы рапортов.

— Ничего! — проворчал старик. — Ни капельки того, что можно было бы назвать развитием! А что вам удалось обнаружить?

Эллери рассказал ему.

— Ну, тогда эти линии отпадают. Я уже проверил местопребывание миссис Хаппенклаймер в ночь убийства.

— А я думал, она тебя не интересуется, — усмехнулся Эллери.

— Просто в качестве упражнения, — объяснил ему отец, — и все соответствует тому, что она тебе рассказала. Алиби секретарши подтверждает ее компаньонка по квартире, как вы только что выяснили. Бостон также очистил от подозрений экс-супругу номер четыре, Даффи Дингл, — ну и имечко для взрослой женщины! В прошлый понедельник она внезапно отправилась в спрингфилдскую лечебницу избавляться от последствий водки с мартини, которыми ее накачивал Армандо, и с тех пор ни разу не покидала больничную территорию. Экс-жена номер три, Арден Влитланд, плавает с друзьями на яхте в Карибском море с прошлой субботы — береговая охрана заявляет, что яхта не заходила в порт после отплытия. А рапорт о докторе Меркелл подтверждает ее алиби в связи с консультацией в больнице.

— Как насчет оперной певицы? — спросил Гарри Берк.

— Марта Беллина в Лос-Анджелесе.

— Это мы знаем, инспектор. Но где она была вечером в прошлую среду?

— В Сан-Франциско. Три недели назад она отправилась в концертное турне и с тех пор не возвращалась в Нью-Йорк. Мы проверяли ее особенно тщательно, так как в наш реактивный век добраться в Нью-Йорк не составляет труда ниоткуда. Но, согласно информации, полученной от властей Калифорнии, у нее железное алиби.

— Остается женщина под фиолетовой вуалью, — пробормотал Эллери. — Что у тебя есть насчет нее, папа?

— Большое толстое ничего. Вернее, то же, что о ней известно твоему другу Кипли. Последний раз женщину, соответствующую этому описанию, видели с Армандо как раз перед Рождеством. Если он появлялся с ней где-то потом, нам не удалось это отследить.

— Остается женщина под фиолетовой вуалью, — повторил Эллери.

— Ну вот, заладил!

— Она единственная женщина, которую видели с Армандо, и у которой нет алиби на вечер убийства.

— Если только вы ее не разыщете и не выясните, что алиби у нее имеется, — сказал Берк.

— О'кей, она могла быть сообщницей Армандо, — проворчал инспектор Квин. — Как и сотня других женщин, если на то пошло. Учитывая его магическое воздействие на противоположный пол, мы можем возиться с этим делом, пока НАСА^[141] не высадит человека на Венере.

Последний разговор в тот день состоялся с самим магом. Они нашли Армандо в его вдовьих апартаментах на Парк-авеню со стаканом сильно разведенного водой бурбона в наманикюренной руке смотрящим по телевизору шоу Эда Салливана. Он не предложил им не то что выпить, но даже сесть.

— Наедине с телевизором, граф? — осведомился Эллери. — А я ожидал застать вас в компании леди с центрального разворота «Плейбоя», которая утешает вас, держа за руку.

— Мужлан! — отозвался Карлос Армандо. — Неужели я никогда не избавлюсь от вашего общества? Мою жену завтра хоронят, а вы меня терзаете! Что вам нужно?

— Я мог бы спросить вас о секрете вашего обаяния, но боюсь, подобные тайны не раскрывают посторонним. Кто такая женщина под фиолетовой вуалью?

— Прошу прощения?

— Бросьте, Армандо, — сказал Гарри Берк. — Вы ведь не играете в крестики-нолики с кучей легковерных женщин. Нам известно, что вы среди прочих обхаживали некую даму под фиолетовой вуалью, причем вполне открыто, что делает вас еще глупее, чем я думал. Мы хотим знать, кто она.

— Ну и хотите на здоровье.

— Вы понимаете по-английски, не так ли?

— Вам не вытянуть из меня ни слова об этой леди, — с гордостью заявил Армандо. — Вы, англосаксы, неотесанные деревенщины во всем, что касается женщин...

— Я шотландский горец,^[142] старина, — возразил Берк, но Армандо не обратил на него внимания.

— Вот почему ваши попытки адюльтера так жалки в сравнении с техникой континентальных европейских мужчин. Мы знаем, чего хотят женщины, а вы знаете только то, чего хотите вы сами. А женщины хотят, во-вторых, — мне незачем говорить вам, чего они хотят во-первых, — чтобы их имена не трепали повсюду. Я слышал,

как американские мужчины обсуждают свои победы на стадионах, в клубах, за бренди и сигарами, словно речь идет об уличных девках. Мне плевать на ваши вопросы. — И он скривил пухлые губы, как будто действительно собирался плюнуть.

— Молодчина! — сказал Эллери. — Но, Карлос, это не обычный разговор и не обычное дело. Вашу жену застрелили, и, совершенно очевидно, не случайно. А вы это подстроили...

— Я полностью отвергаю подобные обвинения! — горячо воскликнул Армандо. — Они оскорбительные и клеветнические! Напоминаю, что, когда мою жену застрелили, я был с визитом в квартире мисс Уэст. Будь у меня незаинтересованный свидетель, я бы привлек вас к суду за клевету. Но, увы, такого свидетеля у меня нет, поэтому могу лишь просить вас немедленно покинуть мое жилище.

Ни Эллери, ни Гарри Берк не двинулись с места.

— Хорош, верно? — усмехнулся Берк. — Ни стыда, ни совести. Хотел бы я разобраться с вами, граф, чтобы узнать, насколько вы мужчина, когда у вас застегнуты брюки.

— Вы мне угрожаете, мистер Берк? — с тревогой осведомился Армандо и бросил взгляд на телефон. — Если вы немедленно не уйдете, я вызову полицию!

— Меня терзает искушение позволить вам узнать, что это вам даст, — сказал Эллери. — Женщина под вуалью была одной из ваших любовниц, которую вы уговорили застрелить вашу жену, Армандо? Рано или поздно мы ее найдем, обещаю вам это.

Армандо улыбнулся:

— Желаю удачных поисков, друг мой.

Эллери озадаченно уставился на него.

— Пошли, Гарри, — сказал он. — Мне нужен свежий воздух.

Глава 17

— Куда мы едем? — спросила у Гарри Берка Роберта Уэст.

— Мне пришла в голову одна мысль, мисс Уэст, — робко ответил шотландец. — Надеюсь, вам это понравится.

Подчиняясь импульсу, он позвонил ей в воскресенье вечером, расставшись с Эллери, и застал ее не только дома, но и в подходящем настроении для приглашения. Они пообедали при свечах в

итальянском ресторанчике на Седьмой авеню, запивая еду бутылкой кьянти с трехфутовым горлышком.

Такси выехало на Пятьдесят девятую улицу и повернуло на запад. Под зимним звездным небом перед ними расстилались пустынные улицы.

Роберта с любопытством посмотрела на него:

— Вы выглядите ужасно возбужденным.

— Возможно, так оно и есть.

— Могу я спросить почему?

— По разным причинам. — Даже в темноте Роберта могла поклясться, что шотландец покраснел. — Например, потому, что вы рядом, — быстро добавил он.

Девушка засмеялась:

— Это новейший образец британской любезности? Здесь такое давно уже вышло из моды.

— Это не образец любезности, мисс Уэст, — чопорно отозвался Берк. — Я был слишком занят, чтобы изучать их.

— О!

Они ехали молча, пока такси не остановилось на площади. Берк заплатил водителю, помог Роберте выйти и подождал, пока такси отъедет.

— Что теперь? — спросила Роберта.

— Теперь вот что. — Берк осторожно взял ее за локоть, покрытый мехом ондатры, и подвел к первому из трех запряженных лошадьми экипажей, ожидающих у тротуара. — Поездка по Центральному парку... если не возражаете.

— Великолепная идея! — воскликнула Роберта и вскочила в карету, романтично пахнущую лошадью, старой упряжью и овсом. — Знаете что? — обратилась она к шотландцу, когда тот сел рядом и начал возиться с меховой полостью. — За все время, проведенное мною в Нью-Йорке, я ни разу не каталась в таких штуках.

— Знаете что? — отозвался Берк. — За все время, проведенное мною в Лондоне, я тоже ни разу в них не катался.

— Вы имеете в виду, что никогда не ездили в двухколесном экипаже?

— Ни разу в жизни.

— Удивительно!

Позже, когда карета катилась по Центральному парку, рука Гарри Берка нащупала под полостью руку Роберты.

Рука девушки была вежливо холодной, но она не отдернула ее.

Еще позже, на обратном пути, Гарри склонился к Роберте и через несколько секунд нашел ее губы. Но они показались ему похожими на резиновые прокладки.

— И это все, что мне причитается, мисс Уэст? — удрученно спросил он.

Девушка хихикнула в темноте:

— Вам не кажется, Гарри, что при сложившихся обстоятельствах вы могли бы называть меня Роберта?

Расставшись с ней возле ее дома — Роберта запретила провожать ее наверх, — Берк осознал, что она так и не продемонстрировала, причитается ли ему что-нибудь еще.

Он вздохнул, надеясь, что со временем она это сделает.

Глава 18

Присутствие детективов на похоронах убитого является универсальной процедурой, основанной на магнетической теории, что убийцу тянет к его жертве до последнего возможного момента. Поэтому инспектор Квин отправил своих людей на кладбище Лонг-Айленда. Эллери не посетил церемонию — ему недоставало традиционной полицейской ментальности. Он и так знал, кто убийца — если не непосредственный, то, по крайней мере, вдохновитель преступления. Кроме того, Эллери был не в том настроении, чтобы лицезреть притворство Армандо. А на появление женщины под фиолетовой вуалью рассчитывать не приходилось — Армандо наверняка об этом позаботился.

— Он мог предупредить ее по телефону, — сказал Гарри Берк во время запоздалого завтрака. — До меня доходили сплетни, что в вашей прекрасной стране полиция иногда прослушивает телефонные разговоры.

— Не вижу зла и не слышу зла, — заявил Эллери между порциями яичницы с канадским беконом. — К тому же я сомневаюсь, что Армандо мог быть настолько беспечен. Если я правильно его оцениваю, то Фиолетовая Вуаль получила инструкции

заблаговременно. Меня куда больше интересует сегодняшнее чтение завещания.

— Кто будет при нем присутствовать?

— Из тех, с кем мы еще не встречались, только Селма Пилтер — старый менеджер Глори. Кстати, нам лучше попробовать разузнать о ней.

Он снял телефонную трубку и набрал номер.

— Фелипе? Есть шанс, что мистер Кипли уже поднялся? Это Эллери Квин.

— Пойду посмотрю, — ответил Фелипе.

— Удивительная страна, — пробормотал Берк, глядя на часы.

В трубке послышался пронзительный голос обозревателя:

— Черт возьми, приятель, ты когда-нибудь спишь? Что с делом Гилд? Какой-нибудь прогресс?

— Боюсь, что нет. Мне просто нужна кое-какая информация.

— Ты имеешь в виду, еще кое-какая информация. А когда я получу мое pro quo?

— Все в свое время, Кип, — успокоил его Эллери. — Тебе что-нибудь известно о менеджере Глори, Селме Пилтер?

— Известно ли мне что-нибудь о Сфинксе? Ни кусочка грязи, если тебя это интересует. А если ты думаешь, что граф обхаживал Селму, забудь об этом. Даже для него есть предел. Она настоящая египетская мумия.

— Сколько ей лет, Кип?

— Четыре тысячи, если у тебя стопроцентное зрение. А если ты слеп, то седьмой десяток. Когда-то она тоже была певицей, но не добилась успеха, бросила это дело и стала получать проценты с чужого таланта. В этом ей удалось преуспеть — она сделала Глори миллионершей.

— Это мне известно. Есть еще что-нибудь, что мне бы следовало знать о ней?

— Ну, Селма и Глори были дружной парочкой. Между ними никогда не возникало размолвок, как часто случается у темпераментных артистов с их менеджерами. Одна причина в том, что Селма просто не могла представлять угрозу для других женщин, а вторая — что она действительно умела вести дела. Что еще? Да

ничего. Если у нее и есть личная жизнь, то Селма о ней не распространяется. Она не из болтливых.

— Спасибо, Кип.

— Надеюсь, мне тоже представится возможность поблагодарить тебя, Чарли.

На чтение завещания они прибыли заблаговременно. Уильям Мелоуни Вассер оказался крупным, дородным мужчиной с галстуком-бабочкой в горошек и нервным тиком. Последнее забавляло Гарри Берка.

— Нет, я не могу утверждать, что хорошо знал Глори Гилд, — сказал нотариус, когда они ожидали в его офисе возвращения участников похорон. — Дела с ней в основном осуществлялись через Селму Пилтер — кстати, одну из самых толковых женщин, каких я когда-либо знал. Именно Селма рекомендовала Глори мою фирму, когда та подыскивала себе поверенного. Селма направила ко мне многих своих клиентов.

— Следовательно, вы не очень долго были поверенным Глори?

— Около пятнадцати лет.

— Вот как? А кто был вашим предшественником?

— Уиллис Феннимен из фирмы «Феннимен и Гауч». Но старый Феннимен умер, а Гауч не нравился Глори — она говорила, что у них скверный ансамбль. — Расспросы скорее веселили, чем раздражали Вассера. — Насколько я понимаю, мистер Квин, меня допрашивают по делу об убийстве?

— Привычка, мистер Вассер. Прошу прощения. Кроме того, с вами уже беседовала полиция и пришла к выводу, что вы и ваша фирма чисты и непорочны, как лилия.

Вассер усмехнулся, а его секретарь сообщил о прибытии группы с похорон.

— Еще одно, мистер Вассер, — быстро сказал Эллери. — Слово «лицо» имеет для вас какой-нибудь особый смысл?

Нотариус выглядел озадаченным.

— Вы имеете в виду, в контексте этого дела?

— Совершенно верно.

Вассер покачал головой.

Карлос Армандо ввел Лоретт Спанье в нотариальную контору с почтительностью, которая не могла вызвать сомнений ни у кого из наблюдателей, а менее всего у девушки. Эллери показалось, что она была чем-то довольна, а чем-то раздосадована. Армандо занял пост позади ее стула. Лоретт являлась таинственным ингредиентом в блюде, которое ему предстояло отведать, поэтому с ней следовало обращаться осторожно. Джин Темпл он попросту игнорировал — Эллери не мог определить, вызвано ли это презрением или благоразумием. В любом случае ситуация для секретарши покойной складывалась прескверная. Рядом с полногрудой блондинкой с детским личиком, пухлыми губами и ямочками на щеках Темпл выглядела блеклой, как передержанная фотография. Безусловно, она понимала это, так как ее карие глаза окинули Армандо ненавидящим взглядом, прежде чем устремиться на лежащие на коленях собственные руки в перчатках.

Зато Селма Пилтер потрясла Эллери, заставив его усомниться в правильности суждения Кипа Кипли о ее внешности. Безобразие пожилой женщины превратилось в некое эстетическое качество, подобно уродству Линкольна или баронессы Бликсен.^[143] Ее бесплотная фигура наводила на мысль о полых костях, как у птицы, — Эллери казалось, что она вот-вот взмахнет руками и полетит к стулу. Длинное лицо сужалось к почти отсутствующему подбородку, грубая смуглая кожа напоминала русло высохшей реки, изборожденное следами течений. Нос имел саблеобразную форму, губы состояли из множества мелких морщинок, и без того длинные мочки ушей вытягивались еще сильнее благодаря африканским серьгам из черного дерева. (Не были ли кресло, покрытое слоновьей шкурой, и воин племени ватузи в кабинете Глори Гилд подарками Селмы Пилтер? Запястья и пальцы пожилой женщины также украшали африканские изделия.) Тронутая серебром прядь крашенных черных волос выбивалась из-под шляпы без полей. Тощую фигуру скрадывал строгий костюм, а морщинистую шею — шарф; похожие на птичьи лапы ноги подпирала каблучки-шпильки. Но глаза — черные и блестящие, как у Карлоса Армандо, — были красивыми и смысленными. В этой женщине ощущалось нечто средневековое. Эллери сразу же оказался ею очарован — и Гарри Берк, как он заметил, тоже.

Инспектор Квин пришел последним, бесшумно закрыв за собой дверь и прислонившись к ней спиной. Когда Эллери знаком предложил ему свой стул — в комнате их было только два, — старик покачал головой. Очевидно, он хотел оставаться в положении, позволяющем наблюдать за лицами остальных.

— Мы собрались здесь сегодня, — начал Вассер, — для чтения завещания Глори Гилд Армандо. Двое из заинтересованных лиц не смогли присутствовать — Марта Беллина, находящаяся на гастролях в Калифорнии, и доктор Сьюзан Меркелл, которую вызвали из штата для консультации. Завещание, — нотариус отпер ящик стола и достал оттуда плотный конверт, запечатанный сургучом, — точнее, его копия, должным образом авторизовано и засвидетельствовано. — Он сломал печать и достал документ на голубом юридическом бланке. — Оно датировано 8 декабря прошлого года.

Эллери узнал конверт, который он нашел в одной из металлических коробок, спрятанных за громкоговорителем, — конверт с надписью: «Мое завещание. Вскрыть моему поверенному Уильяму Мелуни Вассеру». Дата показалась ему многозначительной. 8 декабря было всего неделей позже даты пустой страницы в дневнике Глори, к которой он поднес зажигалку, проявив слово «лицо». Очевидно, 1 декабря в жизни ушедшей на покой певицы произошло нечто важное, заставившее ее срочно организовать поиски племянницы, Лоретт Спанье, и в течение недели написать новое завещание — в существовании предшествовавшего Эллери не сомневался.

Он оказался прав, так как в этот момент Вассер прочел фразу: «Это мое последнее завещание, аннулирующее все предыдущие». Каков бы ни был результат, причина, очевидно, настолько встревожила Глори, что она не решилась упомянуть о ней в дневнике, написав лишь одно загадочное слово симпатическими чернилами, что все больше и больше напоминало приступ отчаяния.

Эллери постарался сосредоточиться на условиях завещания.

Вассер зачитал длинный перечень крайне незначительных сумм — от двадцати пяти до ста долларов, — оставленных отдельно поименованным благотворительным организациям. Учитывая размеры состояния покойной, это демонстрировало новую сторону ее характера. Очевидно, она принадлежала к тем бережливым натурам, которые раздают дары по мелочам, дабы совершить максимум добрых

дел с минимумом ущерба для себя, в силу конфликта между скупостью и стремлением прослыть щедрыми. Армандо, нависающий над светловолосой головой Лоретт Спанье, выглядел довольным.

Но завещание обнаружило парадоксы. Десять тысяч долларов были оставлены «моему преданному секретарю Джин Темпл». (Взгляд преданного секретаря на миг оторвался от колен и устремился на лицо нотариуса с удивлением, радостью и — Эллери был в этом уверен — стыдом.) «Моя дорогая подруга Марта Беллина» получила такую же сумму (парадокс заключался в том, что оперная дива была богата, как жена лидийского царя Крёза, благодаря не только профессиональным заработкам, но и состоянию двух мужей, которых она похоронила). «Моему дорогому врачу и подруге, доктору Сьюзан Меркелл» также достались десять тысяч долларов. (Еще одни pourboire^[144] для богатой — практика доктора Меркелл приносила ей доход в шестизначных числах.)

Очередь дошла и до Селмы Пилтер. «Моему дорогому другу, чьему многолетнему и блистательному менеджменту я обязана всем...» Эллери внимательно наблюдал за старухой, но на маленьком сморщенном лице не было заметно никаких эмоций. Либо она идеально владела собой, либо знала, что последует далее, «...я оставляю сумму в сто тысяч долларов». Эллери услышал, как Армандо негромко выругался по-итальянски.

Подойдя к основному пункту завещания, Вассер сделал паузу. Он казался смущенным или растерянным.

— «Моему мужу Карлосу...» — начал нотариус и снова умолк.

Черные глаза Армандо не отрывались от губ Вассера.

— Ну? — поторопил Армандо.

Эллери мысленно счел это недостойным его.

— «Моему мужу Карлосу... — нотариус снова помедлил, но только на мгновение, — я оставляю сумму в пять тысяч долларов, дабы он мог справиться с трудностями, пока не найдет новый источник дохода».

— Что? — пронзительно крикнул Армандо. — Вы сказали «пять тысяч»?

— Боюсь, что да, мистер Армандо.

— Но это... это чудовищно! Здесь какая-то ошибка! — Вдовец истерично размахивал руками. — Правда, Джи-Джи и я заключили

договор, согласно которому я отказывался от моей доли ее состояния. Но там говорилось, что по истечении пяти лет Джи-Джи должна уничтожить этот контракт. Пять лет истекли, и она разорвала его на моих глазах. Это было почти год назад. Как же она могла оставить меня с этим... с этими грошами?

— Не знаю, мистер Армандо, что она разорвала у вас на глазах, — сказал Вассер, — но ваше добрачное соглашение с Глори Гилд все еще в силе, — он взмахнул листом бумаги, — и вот его копия, приложенная к копии завещания миссис Армандо. Оригинал прилагается к оригиналу завещания, который уже передан в суд по делам о наследстве.

— Я хочу видеть эту копию!

— Разумеется. — Вассер быстро поднялся, но Армандо уже подбежал к его столу, выхватил у него бумагу и недоверчиво пробежал ее глазами.

— Говорю вам, Джи-Джи порвала оригинал на мелкие кусочки и сожгла их! — в панике бормотал он. — Я видел это! Правда, она не показала мне документ, а только сказала, что это тот самый договор, а я был настолько глуп, что поверил ей на слово... — Последовал поток брани на незнакомом Эллери языке — возможно, цыганском, на котором говорили вероятные предки Армандо. Лицо его искажала ненависть к Глори. То, что Джи-Джи Гилд знала или подозревала о его постоянных изменах, явно не приходило ему в голову. — Я подам в суд!

— Это ваше право, мистер Армандо, — сказал Вассер. — Но не вижу, чего вы надеетесь этим добиться. Вы едва ли можете оспаривать подлинность вашей подписи на этом соглашении, а само его существование после истечения пятилетнего периода является *prima facie*^[145] доказательством, что ваша жена считала вас не выполнившим условия сделки. Ваше ничем не подтвержденное заявление, что она уничтожила документ, опровергает само его наличие.

— Я мог бы получить хотя бы треть ее состояния — миллион долларов — по праву вдовца!

— Учитывая этот договор, мистер Армандо, вам придется удовлетвориться пятью тысячами, которые оставила вам жена.

Армандо стиснул голову руками и отвернулся.

— Я получу то, что мне полагается... — пробормотал он, потом, казалось, взял себя в руки и занял прежнее место за стулом Лоретт, мрачно уставясь перед собой.

Эллери догадывался, что Армандо размышляет об иронии судьбы. Он организовал убийство жены, рассчитывая на миллион, а получил всего пять тысяч. Состояние достанется кому-то другому... Эллери видел, как прищурились черные глаза Армандо при этой мысли. Кто же главный наследник Джи-Джи?

Нотариус продолжил чтение:

— «Основную часть моего состояния, движимое и недвижимое имущество, я завещаю моей единственной кровной родственнице, моей племяннице Лоретт Спанье, если ее удастся найти...» — Далее следовал длинный абзац, где говорилось, что в случае смерти Лоретт Спанье до кончины завещательницы либо если ее не обнаружат живой или мертвой в течение семи лет после смерти завещательницы, состояние должно быть обращено в фонд с целью обеспечения образования и выплаты стипендий молодым певцам и другим музыкантам. Однако этот пункт потерял силу, поскольку Лоретт Спанье была найдена живой и ее личность не вызывала сомнений.

— Поздравляю, Лоретт, — заговорил Армандо. — Не каждая сирота становится миллионершей в двадцать два года. — Граф обрел самообладание — в его голосе даже не слышалось горечи. Как хороший генерал, он не тратил время на переживания по поводу своего поражения и уже строил планы будущей битвы. Должно быть, он наградил себя медалью за то, что догадался соорудить плацдарм на пути к племяннице жены при их первой встрече, подумал Эллери.

Юная наследница выглядела ошарашенной.

— Не знаю, что и сказать. Я только один раз встречалась с тетей, и мы говорили менее часа. Я не чувствую себя вправе...

— Эта неловкость скоро исчезнет, дитя мое, — промолвил Карлос, склонившись к Лоретт. — Я не знаю чувств, которые могут устоять против таких денег. Завтра, когда вы вышвырнете меня из квартиры, где я прожил так долго — кстати, полностью выплаченной, — вы будете удивляться, что были такой бедной.

— Не говорите так, дядя Карлос! Конечно, я не сделаю ничего подобного. Вы можете оставаться в квартире сколько хотите.

Армандо покачал головой, словно старый мудрый дядюшка.

— Не будьте такой великодушной, а то я поддамся искушению и соглашусь — ведь теперь я стал бедняком. Кроме того, наш мистер Вассер этого не позволит — я прав, мистер Вассер? Думаю, что да. К тому же мы едва ли можем жить в одной квартире: пойдут сплетни, которые и так слишком часто ассоциируются с моим именем. Нет, я заберу свои жалкие пожитки и перееду в какие-нибудь меблированные комнаты. Не беспокойтесь о моей судьбе, сага.^[146] Я привык к уединению.

Эта превосходно разыгранная сцена тронула Лоретт Спанье до слез.

Глава 20

Когда группа начала расходиться, нотариус, к удивлению Эллери, попросил Селму Пилтер и Лоретт остаться. Гарри Берк посмотрел на Эллери, который кивнул в ответ, и вышел вместе с Джин Темпл и Армандо. Последний удалился весьма неохотно.

— Не возражаете, если я задержусь, мистер Вассер? — спросил инспектор Квин.

— Нет, — ответил нотариус. Эллери, бросившему взгляд на отца, эта сцена показалась отрепетированной заранее.

— Вы не против, миссис Пилтер?

— Я хочу, чтобы инспектор Квин присутствовал при этом, — ответила старуха высоким и чистым голосом.

— И мистер Квин тоже, поскольку он, очевидно, заинтересованная сторона.

— Безусловно, — пробормотал Эллери.

Вассер аккуратно закрыл дверь кабинета, потом вернулся к столу, сел и потер массивный подбородок. Лоретт выглядела озадаченной — она не знала, что на уме у нотариуса.

— Не знаю, как сказать об этом, мисс Спанье, — начал Вассер. — Ситуация необычная — ее не раскрасишь только в черное и белое... Полагаю, мне остается лишь изложить факты и предоставить вам судить о них.

— Факты? — переспросила девушка. — О миссис Пилтер?

Старуха сидела молча.

— Вам, конечно, известно, что миссис Пилтер в течение многих лет была доверенным менеджером вашей тети. Я слышал от самой Глори и знаю по личным отношениям с миссис Пилтер, насколько пронципательно и скрупулезно она вела дела миссис Армандо. То, что ваша тетя оставила миссис Пилтер такое большое наследство, служит доказательством ее благодарности. Однако... — Он умолк.

Слово прозвучало зловеще. Лоретт ошеломленно смотрела на Селму Пилтер.

— Думаю, миссис Пилтер, — сказал нотариус, — продолжать лучше вам.

Старуха шевельнулась на стуле, не сводя глаз с девушки. Что бы ни скрывалось за этим взглядом, оно было спрятано глубоко.

— Дорогая моя, я одна из тех глупых и несчастных людей, которые одержимы неконтролируемой страстью делать ставки на бегах, — заговорила Селма Пилтер. — Каждый сэкономленный мною цент уходил в карманы букмекеров. Если бы не моя слабость, я была бы сегодня состоятельной женщиной. В конце прошлого месяца я много задолжала букмекерам. Они не слишком благоразумные люди, и мне грозила физическая опасность. Разумеется, я не винила никого, кроме себя, но была ужасно напугана. Они дали мне двое суток, чтобы рассчитаться, а я не видела ни одного законного способа найти деньги. Поэтому... — Она заколебалась, потом вскинула сморщенный подбородок. — Поэтому впервые в жизни я совершила бесчестный поступок, позаимствовав — себе я говорила, что это всего лишь заем, — деньги из капитала Глори.

Понимаете, — продолжала старуха, — я знала, что Глори оставляет мне по завещанию сто тысяч долларов, — она сама говорила мне об этом. Поэтому я внушила себе, что только беру аванс из собственных денег. Конечно, это было не так — ведь Глори могла передумать. Но... я сделала это. А когда через несколько дней Глори неожиданно умерла, что само по себе было для меня шоком, я поняла, что проверка обнаружит недостачу. Возместить ее я не могла: я и так превысила кредит в моих банковских счетах. Такова ситуация, мисс Спанье. Наследство значительно превышает растрченную мною сумму, но это не меняет тот факт, что я взяла деньги, доверенные моему попечению, и вы вправе подать на меня в суд. Вот и все.

Она умолкла и стиснула маленькие кулачки.

— Не все, — быстро сказал Вассер. — Я ничего не знал о растрате, пока миссис Пилтер сама не привлекла к ней мое внимание. Она позвонила мне вчера вечером, и я решил перейти к этому делу после чтения завещания. Это основная причина, — продолжал он, повернувшись к инспектору Квину, — по которой я позвонил вам вчера так поздно и попросил обязательно присутствовать здесь, инспектор. Меня, естественно, не прельщает перспектива быть обвиненным в утаивании информации по делу об убийстве, хотя я уверен, что к убийству это не имеет никакого отношения. Что касается заимствованных денег, то, разумеется, мисс Спанье должна решить, предъявлять обвинение или нет. Она главный наследник.

— Боже мой! — воскликнула Лоретт. — Я не знаю вас, миссис Пилтер, но, судя по тому, что я слышала, вы практически обеспечили карьеру тети Глори. Если она настолько вам доверяла, то вы, безусловно, достойны доверия. Кроме того, не мне первой бросать в кого-то камень. Я видела слишком много горя в приюте... — ее голос дрогнул, — и сама отнюдь не безгрешна. Нет, я не стану предъявлять никаких обвинений.

Селма Пилтер глубоко вздохнула.

— Благодарю вас, — произнесла она дрожащим голосом. — Мне повезло, что вы так милосердны, дитя мое. Сама я считаю, что моему поступку нет оправданий. — Она встала. — Что-нибудь еще, мистер Вассер?

На лице нотариуса отразилось облегчение.

— Что вы скажете, инспектор Квин? — обратился он к старику.

— Если мисс Спанье не хочет предъявлять обвинений, то меня это не касается, — ответил инспектор, после чего оба Квина удалились.

— Знаешь, Эллери, — заговорил старик в такси, — эта растрата могла быть мотивом.

— Мотивом для чего? — рассеянно отозвался Эллери.

— Чтобы прикончить Джи-Джи и получить наследство в сотню тысяч, позволяющее покрыть недостачу.

— По-твоему, Селма Пилтер стала бы рассказывать обо всем Вассеру, еще даже не получив деньги? Если она хотела покрыть растрату, зачем ей было признаваться в ней?

— Возможно, это была уловка с целью представить себя честной по натуре женщиной и сорваться с крючка. Она знала, что не сможет

до бесконечности скрывать свой проступок ни от такой проницательной женщины, как Джи-Джи Гилд, ни от Вассера, которого также нелегко одурачить. По-моему, это возможный мотив.

— А по-моему, полная чушь, — резко отозвался Эллери. Он настолько сполз вниз, что практически сидел на лопатках. — Тем не менее кое-что в Селме Пилтер меня беспокоит.

— Что именно?

— Ее лицо. Это, безусловно, лицо столетия — безобразное до невероятности. Возможно, потому Глори, умирая, написала это слово.

— И ты способен поверить в это хоть на минуту? — фыркнул старик.

— Даже ни на секунду, — признался Эллери.

Глава 21

— Вы определенно знаете, как накормить мужчину, — сказал Берк, откинувшись на спинку изрядно потрепанного дивана.

— А вы определенно знаете, как подбирать подходящую к этому музыку, — отозвалась Роберта Уэст, сидя рядом с ним.

Они проводили вечер в квартире Роберты на Восточной Семьдесят третьей улице. Высокие потолки украшали замысловатые завитушки, которые могли бы служить обрамлением для гипсовых купидонов и дриад. Но на стенах не было ничего, кроме нескольких репродукций Дюфи и Утрилло без рамок и не слишком высокого качества. Высокие окна прикрывали портьеры из мешковины, выкрашенной в бордовый цвет, а древний итальянский камин бездействовал уже целое поколение. Поскольку мебели было мало, фигурка девушки, и без того миниатюрная, казалась уменьшившейся вдвое, напоминая рыжеволосую Алису^[147] в съезжившемся состоянии.

Берку казалось, что она выглядит восхитительно, но он, разумеется, не осмелился сказать ей об этом.

Роберта угостила Берка обедом, состоящим из ростбифа и йоркширского пудинга («чтобы вы чувствовали себя как дома»), и, хотя мясо было недожаренным, а пудинг — недопеченным на его вкус (и на любой другой, как виновато подумал он), Берк прибег к чисто мужской лжи относительно ее кулинарных способностей, поскольку

нельзя требовать всего от женщины, обладающей столь многими образцовыми качествами.

Что касается музыки, то это был его вклад в трапезу (помимо бутылки отнюдь не первоклассного калифорнийского бургундского). Роберта сказала, что у нее есть скромный проигрыватель, поэтому он по дороге зашел в магазин «Либерти» на Мэдисон-авеню и купил «Илию»^[148] в исполнении солистов и хора Хаддерсфилда, не зная, что у Роберты имеется маленькая коллекция пластинок, состоящая в основном из Манчини, старых записей Гленна Миллера, двух-трех дисков Уайтмена и тому подобного легкомысленного репертуара. Берк испытывал столь явное наслаждение от оратории, что Роберте хватило ума притвориться довольной, хотя музыка большей частью казалась ей скучной и непонятной.

Таким образом, оба галантно лгали, и вечер прошел великолепно.

Когда они сидели рядом на диване (он — с трудом подавляя желание, а она — прямо и чопорно), Берк пробормотал:

— Здесь так удобно, что хочется сбросить туфли.

— Не поддавайтесь этому чувству, — сказала Роберта.

— Почему, мисс... я хотел сказать, Роберта?

— Сбрасывание туфель может стать только началом.

Берк покраснел.

— Я не имел в виду...

— Конечно нет, дурачок, — проворковала Роберта. — Это было свинством с моей стороны. Можете сбрасывать туфли сколько душе угодно.

— Благодарю вас, — чопорно отозвался Берк, — но я, пожалуй, останусь в них.

Роберта засмеялась:

— О, вы такой... такой скотч!

— Правильно говорить «шотландец».

— Простите. У меня никогда еще не было знакомых скотч... шотландцев.

— А у меня не было знакомых молодых американок.

— Я не так уж молода, Гарри, но спасибо за комплимент.

— Чепуха. Вам наверняка не больше двадцати двух.

— Благодарю вас, но в следующий день рождения мне исполнится двадцать семь. — Учитывая, что ей должно было исполниться

двадцать восемь, Роберта считала ложь слишком мелкой, чтобы отягощать свою совесть.

— О! И когда же это будет?

Уже стоя в дверях со шляпой в руке, Берк внезапно обнял Роберту и впился в ее губы, прежде чем они успели превратиться в резиновые прокладки. Их мягкость и собственная вспышка сильно удивили его.

Вечер получился потрясающим до самого конца.

Глава 22

Лоретт Спанье обосновалась в апартаментах покойной тети в пентхаусе, которые покинул Карлос Армандо — страдающий, но все понимающий дядюшка, — а менее чем через две недели она поселила у себя компаньонку.

Катализатором послужил Гарри Берк.

Эллери ожидал, что он вернется в Англию, но шотландец не торопился с отъездом. В Нью-Йорке его держало явно не дело Глори Гилд — инспектор больше в нем не нуждался, а в случае надобности он мог бы прилететь снова. Тем не менее Берк ограничился тем, что перебрался из квартиры Квинов в скромный отель в центре города.

— Я не могу бесконечно пользоваться вашим гостеприимством, — объяснил он, — как «Человек, который пришел к обеду».^[149]

— Это не мое дело, Гарри, — сказал ему Эллери, — но меня мучит любопытство. Вам не нужно зарабатывать на жизнь? Или вас удерживает здесь причина, которую вы утаиваете от меня?

— В моем лондонском офисе у меня есть напарник, — ответил Берк, — который отлично может вести дела, пока я буду наслаждаться отпуском — первым за много лет. Кроме того, я чувствую определенную ответственность перед этой девушкой.

— Лоретт? Почему?

— Во-первых, она британская подданная. Во-вторых, это дело об убийстве. В-третьих, я вовлек Лоретт в это дело, разыскав ее для Глори Гилд. В-четвертых, она нравится мне все больше — напоминает мою сестру, которая четырнадцать лет назад выскочила замуж за австралийца, и которую я с тех пор не видел. Но самое главное — я беспокоюсь о ней.

— Из-за Армандо? У вас нет на это оснований. За ним следят днем и ночью.

— Не совсем из-за Армандо, хотя мне не нравится, как этот ублюдок на нее смотрит. Но Лоретт живет одна в этой квартире, похожей на музей, она неопытная двадцатидвухлетняя девушка и неожиданно унаследовала миллионы. Ей ничего не стоит стать мишенью для любого проходимца.

— Примите мои поздравления, Гарри, — искренне произнес Эллери. — Это чертовски достойно с вашей стороны.

Берк покраснел до корней рыжеватых волос.

— Я вообще чертовски достойный парень.

Эллери не сомневался в правдивости Берка, но подозревал, что у него есть еще одна причина задерживаться в Нью-Йорке, о которой он умолчал. Подозрения великого человека вскоре подтвердились. Берк регулярно виделся с Робертой Уэст. Вспоминая, как был поражен шотландец новогодним утром, когда Роберта явилась в квартиру Квинов рассказать об ужасном предложении, которое сделал ей Армандо, Эллери не был удивлен. Он в шутку упрекнул Берка за излишнюю скрытность.

— Вы и за мной шпионите? — осведомился шотландец.

Эллери впервые видел его сердитым.

— Конечно нет, Гарри. Но над этим делом работает так много детективов, что вы едва ли могли сохранить в тайне ваши встречи с Робертой Уэст.

— Тут нет никакой тайны, старина! Я просто не люблю выставлять свою личную жизнь на всеобщее обозрение.

— Вы влюблены в нее?

— Для вас нет ничего святого. — Берк неожиданно усмехнулся и серьезно добавил: — Думаю, да. Даже уверен в этом. Я еще не испытывал таких чувств ни к одной женщине.

— И Роберта отвечает вам взаимностью?

— Откуда мне знать? Мы не обсуждали ее чувства — и мои, коли на то пошло. Наши отношения еще не достигли этой стадии. Знаете, Эллери, вы любопытны, как подросток.

— Теперь это мнение обо мне станет трансатлантическим, — шутливо отозвался Эллери.

Именно Гарри Берк познакомил Лоретт и Роберту. Однажды вечером он повел девушек обедать, и девушки сразу понравились друг другу. Потом они вернулись в пентхаус, где Роберта и Лоретт провели остаток вечера, оживленно беседуя. У них оказалось много общего — взгляды на мужчин, мораль, Вьетнам, «Битлз», журнал «Плейбой», Мартина Лютера Кинга, бикини, Фрэнка Синатру, Джоан Баэз, поп-арт и театр. В глазах Лоретт Роберта уже добилась успеха как актриса. Миллионы, внезапно свалившиеся на голову Лоретт, очевидно, не поколебали ее намерений следовать по стопам покойной тети.

— Вы обе идеально подходите друг другу, — сияя, заявил Гарри Берк. — Это подало мне мысль.

Светловолосая и рыжевато-каштановая головы повернулись к нему. Увлечшись разговором, девушки почти забыли о его присутствии.

— Лоретт, вы просто не можете жить одна в этой огромной квартире. Почему бы Роберте не поселиться с вами?

— Вот это да! — ахнула Роберта. — Что такое вы говорите, Гарри? Я думала, англичане — сама сдержанность.

— Они — да. Но я шотландец. — Он снова улыбнулся.

— Отличная идея, Роберта! — воскликнула Лоретт. — Ты согласна?

— Но, Лоретт, мы ведь только познакомились...

— Ну и что из этого? Мы нравимся друг другу, у нас общие интересы, мы обе не замужем... Какой вы молодец, Гарри! Пожалуйста, Роберта...

— Право, не знаю, — промолвила актриса. — Все это так внезапно... — Она хихикнула. — Ты уверена, Лоретт? Мне придется кому-то сдать свою квартиру — моя аренда истекает только в октябре, — и, если мы не поладим, я должна буду подыскивать другое жилье, которое могу себе позволить.

— Об этом не беспокойся, Роберта. Я уверена, что мы отлично поладим. К тому же проживание здесь не будет стоить тебе ни цента. Представь себе, сколько денег ты сэкономишь.

— Ну, решайте это между собой, — сказал Гарри Берк, — а я пока вымою руки. — Он сделал это предложение без особой надежды, помня о стремлении Лоретт к независимости и ее робости с посторонними. Но по-видимому, грандиозные размеры апартаментов

Глори Гилд внушали ей страх. Жилище было слишком огромным для одинокой девушки, и предложение поселить вместе с ней симпатичную компаньонку пришлось кстати. Берк поздравил себя.

Когда он вернулся, девушки уже обо всем договорились.

Расследование убийства шло далеко не так гладко. Несмотря на интенсивную работу, детективы инспектора Квина не смогли подобрать ключ к таинственной женщине под фиолетовой вуалью — насколько им удалось выяснить, она больше не появлялась на публике, по крайней мере в компании Армандо. В эти дни он обрабатывал свежий урожай женщин: молодых и хорошеньких — для удовольствия, пожилых и богатых — в качестве потенциальных инвесторов. Всех их тщательно проверяли на предмет отождествления с Фиолетовой Вуалью, но без каких-либо результатов.

Ничто не указывало, что кто-либо из вновь присоединившихся к *liste d'amour*^[150] Армандо мог быть женщиной, с которой он имел дело раньше.

Не то чтобы граф пренебрегал своим прошлым. Он продолжал обхаживать некоторых бывших жен, особенно Герти Хаппенклаймер, и иногда звонил в пентхаус «узнать, как поживает моя маленькая племянница». В таких случаях Роберта находила предлог, чтобы выйти из комнаты.

— Не могу выносить звук его голоса. Меня от него тошнит, — сказала она, когда Лоретт спросила ее о причине. — Я знаю, дорогая, что это не мое дело, но как ты можешь с ним разговаривать? Ведь это Карлос повинен в смерти твоей тети.

Лоретт была расстроена.

— Я не поощряю его звонки, Роберта...

— Поощряешь, отвечая на них.

— Если я не буду этого делать, Карлос придет сюда и, возможно, устроит сцену. Кроме того, я не могу заставить себя в это поверить.

— Во что именно?

— В то, что он спланировал убийство тети Глори. Меня не заботит, что говорят Гарри Берк, Эллери Квин и полиция. Они должны сначала доказать это.

— Но, Лоретт, ведь он предлагал это сделать мне!

— Возможно, ты неверно его поняла...

— Черта с два! Неужели ты мне не веришь?

— Конечно, верю. Я верю, что ты думаешь, будто он виновен... О, я знаю, что Карлос отнюдь не ангел и что он часто вел себя скверно, особенно в том, что касалось женщин, но... убийство? — Лоретт покачала головой.

Роберта выглядела испуганной.

— Лоретт, ты, часом, не влюбилась в него?

— Что за нелепая идея! — Тем не менее светловолосая девушка покраснела. — Даже не думай об этом!

Роберта поцеловала ее.

— Не позволяй этой скотине увиваться вокруг тебя! — предупредила она.

— Конечно. — Но Лоретт отодвинулась от подруги, и между ними пробежала легкая тень. Она была мимолетной, но этим вечером обе девушки нашли предлог, чтобы лечь спать пораньше.

Это было первым облачком, предвещавшим грозу.

Глава 23

Однажды в воскресенье в середине февраля девушки пригласили Берка и Эллери на поздний завтрак. Шотландец прибыл в пентхаус на несколько минут раньше Эллери. Их впустила новая горничная — вся прислуга Глори Гилд уволилась под различными предлогами, руководствуясь невысказанным желанием оказаться как можно дальше от места убийства. Лоретт и Роберта еще одевались.

Закончив туалет, Роберта вошла в главную спальню.

— Ты готова?

— Одну минуту... — Лоретт подкрашивала губы. — Какой потрясающий крестик, Роберта! Где ты его купила?

— Я его не покупала. — Роберта прикоснулась к серебряному мальтийскому кресту на цепочке, сверкающему, как звезда. — Это подарок Гарри на день рождения.

— Ты мне не говорила, что у тебя день рождения.

Роберта засмеялась:

— Это в твоём возрасте, дорогая, можно позволить себе объявлять о дне рождения. А мне уже под тридцать.

— Только двадцать семь.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сказал Гарри.

— Никогда в жизни больше не доверю ему ни один секрет! К тому же я его слегка обманула. Мне двадцать восемь.

— Не будь глупышкой. Он сказал мне только вчера, и я купила тебе кое-что в «Сэксе».

— Вот уж незачем...

— Не болтай. — Лоретт встала из-за туалетного столика, подошла к стенному шкафу, чтобы снять с верхней полки, где находились шляпные картонки, лежащую на одной из них коробочку, перевязанную позолоченной тесемкой. — Прости, что я опоздала с подарком, — сказала она, встав на цыпочки, чтобы дотянуться до коробочки, — но ты сама виновата... Проклятие!

Потянув к себе подарочную коробку, Лоретт опрокинула одну из шляпных картонок, которая упала с полки вместе с коробочкой. Крышка свалилась, и из картонки к ногам Лоретт выпало нечто, безусловно, не являющееся шляпой.

— Что это? — воскликнула Роберта, указывая на предмет.

Лоретт уставилась на него.

— Это револьвер! — Она наклонилась, чтобы поднять его.

— Лучше не трогай, — остановила ее Роберта. — Чей он?

— Во всяком случае, не мой. Никогда не видела оружие так близко.

— Это шляпная картонка твоей тети Глори?

— Нет, это моя. Я купила шляпу две недели назад. Но в картонке, безусловно, не было револьвера, когда я ставила ее на полку.

Девушки молча смотрели друг на друга. Атмосфера в спальне стала напряженной.

— Думаю, — заговорила Роберта, — мы должны рассказать об этом Гарри и Эллери. Пусть они этим занимаются.

— Да, верно...

Они вместе подошли к двери и окликнули мужчин, которые быстро поднялись наверх.

— Револьвер? — Гарри Берк вбежал в спальню. Эллери последовал за ним. Никто из них не прикоснулся к оружию. Молча выслушав рассказ девушек, они подошли к стенному шкафу и обследовали упавшую шляпную картонку и пол вокруг нее.

— Патронов в картонке нет, — пробормотал Эллери.

— Интересно... — Берк умолк и посмотрел на Эллери, но тот стоял на четвереньках, подняв зад, и внимательно изучал оружие, не трогая его. — Какого он калибра, Эллери?

— «Кольт-детектив», 38-го калибра, шестизарядный, с двухдюймовым дулом. Выглядит достаточно старым — пластиковая рукоятка поцарапана, никелированная отделка потускнела. — Эллери вынул из кармана шариковую ручку, вставил ее в предохранитель и поднялся, держа револьвер на ручке.

Берк посмотрел на оружие.

— Заряжен четырьмя патронами 38-го калибра. Значит, из него произвели два выстрела. Глори Гилд прикончили двумя пулями. — Голос шотландца трещал, как отсыревший фейерверк.

— Вы имеете в виду, что это оружие, возможно, убило миссис Армандо? — тихо спросила Роберта Уэст.

— Да.

— Но как это могло быть? — воскликнула Лоретт. — И даже если так, я не понимаю, что револьвер делает в квартире. У моей тети было такое оружие?

— Официально — нет, — ответил Эллери. — Никакое огнестрельное оружие не зарегистрировано на ее имя.

— Значит, оно принадлежит убийце, не так ли? — рассудительно заметила Лоретт. — Но это только еще сильнее все запутывает. Убийца — кто бы он ни был — не стал бы оставлять оружие на месте преступления. Может быть, полиция недостаточно внимательно обыскала квартиру?

— Полиция обыскала ее, как собака, которая ищет блох, — сказал Гарри Берк. — Никакого оружия тогда здесь не было.

Глаза Лоретт сверкнули.

— То есть прежде чем квартира перешла ко мне? Вы это имеете в виду, Гарри? В конце концов, револьвер оказался в моей шляпной картонке.

Берк не ответил.

Затянувшаяся пауза стала неловкой, и Лоретт нарушила ее, тряхнув светлыми локонами.

— Это совершеннейшая чепуха. Никто никогда не поверит... — Она оборвала фразу. Очевидно, ей пришло в голову, что здесь находятся те, кто вполне способны в это поверить.

Эллери осторожно положил револьвер на кровать Лоретт.

— Пожалуй, я лучше позвоню, — сказал он.

— Зачем? — отозвалась Роберта. — Это же чушь! Наверняка существует самое невинное объяснение.

— В таком случае никто не пострадает. — Он подошел к телефону. — Вы позволите?

— Будьте моим гостем. — Лоретт с горечью произнесла американскую идиому, опустилась на кровать по другую сторону от револьвера и стиснула руками колени, являя собой воплощение детской беспомощности.

Роберта выбежала из комнаты. Они слышали ее плач, пока Эллери ожидал, когда его отец ответит на звонок.

Глава 24

Рапорт дактилоскопистов был сугубо негативным — на кольце 38-го калибра не оказалось никаких отпечатков пальцев. Зато у баллистиков были новости. Сравнение под микроскопом показало, что пули, которые извлекли из тела Глори Гилд и которыми для проверки выстрелили из револьвера, найденного в шляпной картонке Лоретт Спанье, выпущены из одного оружия. Следы на них были идентичны.

Следовательно, орудие убийства было найдено.

— Отлично, — с удовлетворением обратился инспектор Квин к двум мужчинам, молча сидящим в его кабинете. — Это все, в чем мы нуждались, чтобы предъявить обвинение Лоретт Спанье. Уверен, что окружной прокурор будет согласен.

— Объясни подробно, — сказал Эллери.

— Девушка утверждает, что Глори не рассказывала ей о новом завещании, делающем ее главной наследницей. Но почему мы должны ей верить? В конце концов, для чего Глори ее разыскивала? Неужели, найдя племянницу, она не сообщила ей о наследстве?

— Они провели наедине всего несколько минут.

— А сколько для этого нужно времени? Не больше пяти секунд. Это во-первых.

— Едва ли это можно назвать убедительным доказательством, инспектор, — запротестовал Гарри Берк.

— Я говорю о силе обстоятельств, Берк, что вам хорошо известно. Это объясняет мотив. Во-вторых, Лоретт заявляет, что в тот вечер оставила тетю живой и невредимой около половины двенадцатого. Но в этом мы опять можем полагаться только на ее слова. По ее же собственному признанию, никто не видел, как она уходила, как якобы шла пешком через Центральный парк и как входила в свой дом. Лоретт не может предъявить свидетеля ни одной детали отчета о ее передвижениях. Она вполне могла пробыть в квартире тети до без десяти двенадцать, застрелить Глори и вернуться домой — пешком или в такси — на двадцать минут или на полчаса позже, чем говорит. Вот вам возможность.

— Предполагаемая возможность и предполагаемый мотив, — уточнил Эллери.

— Дела об убийстве часто основываются на косвенных уликах, Эллери. Теперь в-третьих. Ты не можешь отрицать существование револьвера — и Лоретт тоже. Глори застрелили из оружия — это факт, — которое нашли в спальне Лоретт, в ее стенном шкафу и в ее шляпной картонке. Она говорит, что никогда его не видела и не знает, как оно туда попало. Но это ничем не подтвержденное отрицание. Правда, оружие не зарегистрировано, и мы не смогли установить факт его покупки Лоретт Спанье. Но она едва ли стала бы приобретать револьвер обычным способом, задумав совершить убийство. В этом городе ничего не стоит купить огнестрельное оружие под прилавком. Если нам удастся доказать нелегальную продажу ей револьвера, она у нас в руках. Но ей не отвертеться и без этого. По-моему, дело можно передавать в суд. Как думаешь, сынок? У тебя унылый вид.

Эллери молчал. Вместо него заговорил Гарри Берк:

— Неужели вы не понимаете, инспектор Квин, что все ваши аргументы делают Лоретт Спанье круглой идиоткой? Зачем ей было держать у себя револьвер, который постаралась приобрести, не оставив следов, если она застрелила из него свою тетку? Мне кажется, она бы после убийства тут же бросила его в одну из ваших рек.

— Так бы поступили вы или я, Берк. Но вы не хуже меня знаете, насколько глупо может вести себя убийца-любитель. Как бы то ни было, это аргумент для ее адвокатов. Едва ли окружной прокурор потеряет из-за него сон. Кстати, о прокуроре — пожалуй, я отправлюсь к нему и изложу все обстоятельства.

Старик взял рапорт баллистических экспертов и бодро удалился.

— Что вы об этом думаете, Эллери? — спросил Берк после долгой паузы.

— Вряд ли слово «думаю» тут уместно. — Эллери выглядел так, словно проглотил живого жука. — Не знаю, Гарри. С одной стороны, это одно из дел, построенных на косвенных уликах, которое представляет собой один лишь фасад, как голливудская декорация со стороны камеры. Стоит зайти за нее, и там не окажется ничего, кроме подпорок. И все же...

— По-моему, на это можно смотреть только так. — Шотландец поднялся. — При всем уважении к возрасту инспектора и вашим сыновним чувствам, должен сказать, что каждый, кто утверждает, будто эта девушка способна на убийство, просто не разбирается в людях. Полицейский ум — а я это знаю, так как много лет прослужил в Ярде, — обращает внимание на факты, а не на характеры. Лоретт Спанье виновна в убийстве Глори Гилд не более, чем я. Готов держать пари на все, что у меня есть.

— Куда вы собрались?

— К ней в квартиру. Если я правильно понял выражение лица инспектора и если я знаю прокуроров, ей понадобится друг. Да и Роберта даст мне отставку, если я не поддержу бедную девушку. Пошли?

— Нет, — мрачно отозвался Эллери. — Я побуду здесь.

Ждать ему пришлось недолго. Менее чем через два часа был выписан ордер на арест Лоретт Спанье.

Глава 25

Услышав новости, Уильям Мелуни Вассер действовал так, словно у главной наследницы его покойной клиентки началась бубонная чума. Спешно рекомендовав услуги адвоката по уголовным делам, он забаррикадировался за поистине невероятным количеством внезапно назначенных встреч. Адвокат по уголовным делам, ветеран юридических войн по имени Юрай Фрэнкелл, сразу же приступил к проблеме освобождения под залог.

Она оказалась сложной. Единственный капитал Лоретт Спанье, доставшийся ей по завещанию, помимо денег, выданных на

содержание квартиры и текущие расходы, застрял в суде по делам о наследстве вплоть до утверждения завещания, которое могло занять месяцы. Кроме того, преступник не мог пользоваться плодами своего преступления, поэтому, пока виновность или невиновность Лоретт не будет установлена юридически, ее права на наследство оставались в неопределенном состоянии. Где же тогда она могла получить дополнительное обеспечение, без которого поручители освобождаемого под залог тут же застегивали карманы на «молнии»? К тому же придирчивый судья едва ли согласится начать разбирательство дела об убийстве первой степени с освобождения обвиняемой под залог.

В итоге Лоретт отправили в тюрьму.

Она и Роберта плакали.

Гарри Берк бормотал нечто не слишком лестное по поводу американской юриспруденции. (Справедливости ради следует отметить, что ранее он многократно высказывался столь же неодобительно о юриспруденции английской.)

Фрэнкелл не думал, что у обвинения есть много шансов. Он заявлял, что наверняка сможет внушить присяжным достаточные сомнения в виновности девушки, чтобы добиться ее оправдания. (Эллери, в свою очередь, начал испытывать достаточные сомнения в разумности рекомендации Вассера. Он не доверял адвокатам, чрезмерно уверенным в благоприятном исходе дела об убийстве, и видел слишком много поддающихся внушению присяжных, но держал язык за зубами.)

— Ситуация такова, что я не знаю, в каком направлении двигаться, — жаловался Эллери Гарри Берку. — Приходится занимать выжидательную позицию.

Эллери не мог предпринимать ничего существенного в течение недель до начала суда над Лоретт. Он торчал в Главном полицейском управлении, ожидая рапортов о прогрессе в расследовании, часто посещал апартаменты Глори Гилд, где Роберта металась по всему пентхаусу, оплакивая судьбу Лоретт и свою собственную («Я не имею права жить здесь, пока Лоретт томится в этой жуткой камере! Но куда мне идти?») и ругая Гарри Берка за то, что он якобы уговорил ее сдать свою квартиру (это несправедливое обвинение шотландец выдержал в исполненном достоинства молчании), навещал Лоретт в тюрьме,

откуда выходил с коликами в животе от сознания своей беспомощности.

— Не понимаю, почему ты так волнуешься, — сказал ему как-то отец. — Что тебя гложет?

— Мне это не нравится.

— Что именно?

— Все дело. То, как его фрагменты не собираются воедино и как болтаются оборванные нити.

— Ты имеешь в виду историю с лицом?

— Хотя бы. Я знаю, папа, что это важно, но никак не могу связать ее с Лоретт.

— Или с кем-то еще, — добавил инспектор.

— Да. Она повисла в воздухе. Обвинять эту девушку было преждевременно. До того, как производить арест, ты должен был, по крайней мере, узнать, что Джи-Джи подразумевала под «лицом».

— Узнавай это сам, — отозвался старик. — У меня есть другие занятия. Как бы то ни было, теперь все в руках окружного прокурора и судьи... Что еще тебя беспокоит?

— Все. Например, мы руководствовались предположением, что убийство было инспирировано Карлосом Армандо, и какая-то женщина выполнила для него грязную работу. Теперь выходит, что этой женщиной была Лоретт.

— Я этого не говорил, — осторожно сказал инспектор.

— Значит, ты изменил мнение об Армандо? Он не имеет отношения к убийству жены? — Так как его отец не ответил, Эллери добавил: — Я по-прежнему считаю, что имеет.

— На каком основании?

— На основании того, что у меня чешутся пальцы.^[151] На основании исходящего от Армандо запаха. На основании всего, что я о нем знаю.

— Попробуй явиться с этим в суд, — фыркнул инспектор Квин.

— Благодарю покорно, — отозвался Эллери. — Но ты видишь, как все запутано. Знала ли Лоретт Армандо, прежде чем они якобы впервые встретились в этом кабинете, когда ты допрашивал ее после убийства? Если да, то была ли она Фиолетовой Вуалью — добровольной сообщницей Армандо? Это не имеет смысла. Зачем ей

соглашаться действовать в качестве орудия Армандо, если, как ты утверждаешь, она знала, что унаследует состояние тети?

— Тебе известно, какой у него подход к женщинам. Может быть, Лоретт Спанье влюбилась в него, как и остальные.

— Если она знала его раньше... — Эллери задумался.

— Послушай, сынок, существует аспект дела, которого мы еще не касались. Разумеется, мы никогда не сможем это доказать...

— О чем ты?

— Я не уверен, что мотивом убийства были деньги.

— Что ты имеешь в виду? Ты допускаешь...

— Я ничего не допускаю. Но если ты так хочешь копаться в теориях, как тебе эта? Джи-Джи Гилд порвала со своей сестрой, матерью Лоретт, после того, как та вышла замуж за англичанина. Когда родители Лоретт погибли в авиакатастрофе, Джи-Джи позволила девочке оказаться в приюте вместо того, чтобы удочерить ее или каким-либо иным образом взять на себя ответственность о ее будущем. Такое хладнокровное пренебрежение могло внушить Лоретт ненависть к тете, которая прорвалась наружу, когда Берк привел ее в квартиру Глори вечером в ту среду. Возможно, девушка прибыла в Нью-Йорк с целью выследить тетю и расправиться с ней. В таком случае Лоретт говорила правду, что ничего не знала о наследстве.

— Эта теория предполагает еще один интересный аспект, — сказал Эллери. — Если Лоретт убила Глори Гилд из ненависти, а не ради ее состояния, то Карлос Армандо мог планировать убийство Глори руками сообщницы, но Лоретт опередила эту сообщницу.

Инспектор пожал плечами:

— Вполне возможно.

— Если так, то зачем настаивать, что в гонке к убийству Фиолетовую Вуаль опередила Лоретт? Почему все не могло произойти совсем наоборот?

— Потому что, — ответил старик, — у нас нет доказательств в отношении Фиолетовой Вуали, как ты ее называешь, но есть доказательство против Лоретт.

— Револьвер 38-го калибра?

— Вот именно.

Эллери задумался. Он теоретизировал, исключительно упражняя мозг, и не верил ни в одну из своих теорий, хотя не мог бы объяснить

отцу, почему, если не считать упомянутого зуда в пальцах.

— Если только, — закончил инспектор, — Фиолетовой Вуалью не была сама Лоретт. Получаются два мотива: у Армандо — надежда получить наследство, а у Лоретт — месть.

Эллери молча воздел руки к потолку.

Глава 26

Накануне начала суда над Лоретт Спанье в конторе Юрая Фрэнкелла состоялось совещание. Была вторая половина вторника, и пасмурное небо угрожало снегопадом.

Адвокат, казавшийся Гарри Берку необычайно похожим на Уинстона Черчилля, усадил его и Роберту, предложил Берку сигару, от которой тот отказался, и стал задумчиво посасывать собственную сигару. Сегодня его уверенность выглядела несколько деланой. С улыбкой, дающей понять, что такие вещи случаются, он сообщил, что его расследование зашло в тупик.

— Вы не нашли никаких подтверждений рассказа Лоретт? — воскликнула Роберта.

— Никаких, мисс Уэст.

— Но кто-то должен был видеть ее выходящей из дома тети, идущей через парк, входящей в свой дом... Это невероятно!

— Да, — отозвался адвокат, косясь на кончик своей сигары, — если только она сообщила нам и полиции правду. Нельзя найти то, чего никогда не было.

— Я не верю такому объяснению, мистер Фрэнкелл, — сказал Берк. — Повторяю: девушка невиновна. Вы должны основываться на этом, иначе у нее не останется ни единого шанса.

— О, разумеется, — кивнул адвокат. — Я всего лишь высказал предположение, но для окружного прокурора это нечто гораздо большее. Лично я рассчитываю, что ее детское личико произведет впечатление на присяжных. Это наша единственная надежда.

— Вы вызовете ее свидетелем?

Фрэнкелл пожал плечами.

— У меня нет выбора. Это всегда рискованно, так как подставляет подзащитного под фронтальную атаку окружного прокурора при перекрестном допросе. Я много раз обсуждал это с Лоретт, играя роль

обвинителя, поэтому она имеет представление о том, что ее ожидает. Хотя кто знает, как она будет держаться при настоящем перекрестном допросе. Я постарался предусмотреть все варианты.

Вошла секретарша, закрыв за собой дверь.

— Я говорил вам, мисс Хантер, чтобы меня не беспокоили!

— Простите, мистер Фрэнкелл, но я подумала, что это может оказаться важным, и не хотела говорить при нем по внутренней связи...

— При ком?

— При человеке, который хочет немедленно вас видеть. Я бы сказала, что вас нет, но он говорит, что это по поводу дела Спанье. Одет он очень убого. Фактически...

— Меня не заботит его вид, даже если он в одном белье, мисс Хантер. Приведите его!

Даже Фрэнкелл был удивлен обликом существа, которого ввела в его кабинет секретарша. Человек был одет не просто убого, а катастрофически — рваное пальто выглядело так, словно его подобрали на свалке; под ним находился вельветовый пиджак, побитый молью, заляпанный пятнами от яиц, тушенки и другого, не столь явно идентифицируемого происхождения; пару грязных брюк, очевидно выброшенных каким-то толстяком, поддерживала столь же грязная веревка; ботинки были на два размера больше, чем нужно; рубашка и носки отсутствовали вовсе. Мужчина был тощим, как скелет, с отечными руками и лицом, слезящимися, налитыми кровью глазами и багрово-красным носом. Он не брился уже несколько дней.

Незнакомец стоял перед ними, дрожа всем телом и потирая ладони, издававшие звук наждачной бумаги.

— Вы хотели меня видеть? — обратился к нему Юрай Фрэнкелл. — О'кей, вы меня видите. В чем дело? Кто вы?

— Меня зовут Спотти,^[152] адвокат, — отозвался посетитель хриплым голосом пьяницы.

— Что вам нужно?

— Бабки, — ответил бомж. — И много. — Он ухмыльнулся — во рту у него не хватало половины зубов. — Лучше спросите, что у меня есть на продажу.

— Слушай, бродяга, — сказал адвокат. — Даю тебе десять секунд на то, чтобы ты все выложил. А если это уловка, чтобы получить

деньги, я дам тебе такой пинок, что ты пролетишь до самого. Бауэри.
[153]

— Не дадите, когда услышите, какой у меня товар.

— И какой же?

— Ин-фор-мация.

— О Лоретт Спанье?

— Верно, адвокат.

— Откуда ты знаешь о мисс Спанье?

— Я читаю газеты.

— В таком случае ты первый бомж за всю историю Бауэри, который это делает. Ладно, что у тебя за информация?

— Так не пойдет. — Спотти покачал головой. — Я вам расскажу и что получу за это? Пинок в зад? Сначала бабки, мистер.

— Пошел вон отсюда.

— Нет, подождите, — обратился к бродяге Гарри Берк. — Вы имеете в виду, что хотите получить деньги вперед?

Слезящиеся глаза в упор посмотрели на Берка.

— Вот именно, мистер. И никаких чеков — только наличными.

— Сколько вы хотите?

Бродяга высунул розовый кончик языка, который заскользил по губам, как автомобильный «дворник». Роберта Уэст наблюдала за ним, как замороженная.

— Штуку.

— Тысячу долларов? — недоверчиво переспросил адвокат. — По-твоему, мы полоумные? Убирайся отсюда.

— Одну минуту, мистер Фрэнкелл, — вмешался шотландец. — Будьте же благоразумны, Спотти. Вы приходите сюда и требуете тысячу долларов за ваше ничем не подтвержденное заявление, будто у вас есть информация, которая может помочь защите мисс Спанье. Но вы должны признать, что не выглядите самым надежным парнем в Нью-Йорке. Как вы можете рассчитывать, что такой известный адвокат, как мистер Фрэнкелл, выплатит вам крупную сумму из денег клиента за кота в мешке?

— А вы кто такой? — осведомился бомж.

— Друг Лоретт Спанье, как и эта леди.

— О ней я знаю — видел фото в газете. Вы спрашиваете, как я могу рассчитывать? Решать вам — соглашаться на мои условия или

нет. Судя по тому, что пишут в газетах, у него не так много шансов. — Грязный палец указал на Фрэнкелла.

Берк подумал, что этот пьяница за всю свою жалкую жизнь, вероятно, никогда не натыкался на такой прибыльный «товар». Обладавший природным цинизмом всех опустившихся на самое дно, Спотти явно не намеревался уступить. Тем не менее Берк решил попытаться.

— Не могли бы вы хотя бы намекнуть, какого сорта у вас информация, Спотти? — доверительным тоном обратился он к бродяге.

— Откуда я знаю, какого она сорта? Я ведь не адвокат.

— Но вы знаете, что защитник мисс Спанье может согласиться оценить ее в тысячу долларов?

— Я только знаю, что мне она кажется чертовски важной.

— А если она не окажется таковой?

— Значит, ему не повезло. Штука вперед — и адвокат может попытать счастья. Но возврат денег я не гарантирую. — Бродяга выпятил костлявый подбородок.

— Бросьте, мистер Берк, — устало произнес Фрэнкелл. — Поверьте, я знаю эту породу. Вероятно, это просто выдумка. Если я заплачу ему, мне придется нанять охрану в агентстве Пинкертона,^[154] чтобы держать всех бомжей из Бауэри подальше от моего офиса. Но даже если ему действительно кое-что известно... Вот что, Спотти. Ты немедленно сообщишь мне, что у тебя за информация. Если я решу, что она в состоянии помочь мисс Спанье, то заплачу тебе за нее столько, сколько она, по моему мнению, стоит. Это единственная сделка, которую я могу тебе предложить. Соглашайся или убирайся вон.

В слезящихся глазках бродяги алчность боролась с подозрением. Последнее одержало верх.

— Нет штуки — нет информации.

Он закрыл корявый рот.

— Ладно, тогда пошел вон.

Бродяга хитро усмехнулся:

— Если передумаете, адвокат, спросите в Бауэри о Спотти. Я предупрежу ребят.

Он вышел, шаркая ногами.

— Мы не можем отпустить его, мистер Фрэнкелл! — воскликнула Роберта, как только дверь закрылась. — Что, если он говорит правду и у него в самом деле есть важная информация? Раз вы не можете заключить сделку в качестве адвоката Лоретт, то я внесу деньги!

— У вас есть тысяча долларов, чтобы выбросить их на ветер, мисс Уэст?

— Я займу ее в своем банке.

— Это ваше дело. — Адвокат пожал плечами. — Но поверьте, Лоретт Спанье не оправдают на основании пьяных фантазий бомжа из Бауэри.

Роберта догнала бродягу в коридоре, где он ожидал лифта.

— Одну секунду, мистер Спотти! — запыхавшись, окликнула она. Берк стоял рядом, наблюдая за бродягой. — Я заплачу вам!

Спотти протянул грязную руку.

— У меня нет при себе таких денег. Я должна раздобыть их.

— Лучше поторопитесь, леди. Суд начинается завтра.

— Где я могу вас найти?

— Я сам вас найду, леди. Когда у вас будут бабки?

— Надеюсь, что завтра.

— Вы придете в суд?

— Конечно.

— Тогда я найду вас там. — Подмигнув ей, бродяга шагнул в кабину, и дверь лифта закрылась.

Гарри Берк бросился к двери на пожарную лестницу.

— Куда вы, Гарри?

— За ним.

— Это может его разозлить.

— Он меня не увидит.

— Подождите! Я пойду с вами... Думаете, он действительно что-то знает? — спросила Роберта, когда они бежали вниз по лестнице.

— Вероятно, Фрэнкелл прав, — бросил Берк через плечо. — Но мы не можем упустить даже слабый шанс, Берти.

Глава 27

Они следовали за бродягой зигзагами в южном направлении. Спотти то и дело останавливался попрошайничать у прохожих, но

делая это без энтузиазма — не столько ради десяти или двадцати пяти центов, сколько для того, чтобы не потерять квалификацию. За Юнион-сквер он ускорил шаг, а на Купер-сквер двинулся на восток вокруг Купер-Юнион и вернулся в Бауэри в точности как почтовый голубь.

Местом его назначения была двадцатипятицентровая ночлежка с покосившейся вывеской над обшарпанной дверью. Гарри Берк занял пост двумя дверями дальше, у заколоченного входа в пустой склад. Серое небо начало чернеть — в сыром воздухе ощущался снег. Роберта пожилаясь.

— Вам нет никакого смысла торчать здесь со мной, — сказал ей Берк. — Это может продолжаться до бесконечности.

— Но что вы собираетесь делать, Гарри?

— Я же сказал — торчать здесь, — мрачно ответил он. — Рано или поздно Спотти выйдет, и тогда я посмотрю, куда он пойдет. В этом могут быть замешаны другие.

— Если вы намерены оставаться здесь, Гарри Берк, то и я тоже, — заявила Роберта, начав топтать миниатюрными ножками, чтобы согреться.

— Вы дрожите. — Гарри привлек ее к себе.

Некоторое время оба молчали. Потом Берк покраснел и отпустил девушку.

— Мне не так уж холодно. — На ней было зеленое ворсистое пальто с поднятым воротником. — Но как не мерзнут эти бедняги? У большинства из них нет даже пальто.

— Если бы оно у них было, они бы продали его, чтобы купить пинту вина или порцию виски.

— Вы действительно так бессердечны, как стараетесь казаться?

— Факты остаются фактами. Хотя мое сердце действительно не истекает кровью. Я видел слишком много горя, которому никто не в силах помочь... — Внезапно он добавил: — Боюсь, вы проголодаетесь, Берти.

— Я уже проголодалась.

— Примерно в одном квартале к северу я заметил кафетерий. Почему бы вам не быть хорошей девочкой и не принести нам сэндвичи и пару стаканчиков кофе? Я бы пошел сам, но боюсь упустить Спотти.

— Ну... — Роберта с сомнением смотрела на проходящих мимо оборванцев.

— Не беспокойтесь из-за бомжей. Если они прицепятся к вам, скажите, что вы из полиции. Среди них вы в большей безопасности, чем среди мужчин в верхнем городе. Секс — не их проблема. Вот. — Берк сунул ей в руку пятидолларовую купюру.

— Я сама могу заплатить.

— Я старомоден. — Неожиданно для самого себя Берк шлепнул ее по круглой маленькой попке. Она выглядела удивленной, но не протестовала. — Поторапливайтесь!

Роберта вернулась через пятнадцать минут.

— Обошлось без неприятностей?

— Один человек остановил меня, но, услышав волшебные слова, так отскочил, что едва не растянул лодыжку.

Берк усмехнулся и снял крышку с картонного стаканчика.

Стало темно. Обшарпанная дверь ночлежки то и дело открывалась. Но не было никаких признаков человека, называющего себя Спотти.

Пошел снег. Через два часа он усилился, и Берк тоже начал топтать ногами.

— Не понимаю...

— Должно быть, он лег спать.

— Когда было еще светло?

— Не вижу, чего мы можем здесь добиться, Гарри, — пожаловалась Роберта. — Разве только заработаем пневмонию.

— Тут что-то не так, — пробормотал Берк.

— Не так? Что вы имеете в виду?

— Не знаю. Но то, что Спотти остается внутри, лишено всякого смысла. Ему ведь нужно поесть, а в этой дыре явно нет столовой. — Внезапно Берк принял решение. — Роберта.

— Да, Гарри?

— Я отправлю вас домой. — Он взял ее за руку и повел через тротуар к обочине.

— Но почему? Вы останетесь здесь?

— Я пойду в этот клоповник, чего вы сделать не можете. А если бы смогли, я бы вам не позволил. И предпочитаю не оставлять вас здесь одну.

Отмахнувшись от протестов Роберты, Гарри остановил такси и усадил ее внутрь. Когда машина отъехала, разбрызгивая слякоть, девушка высунулась из окна, растерянно глядя ему вслед. Но Гарри Берк уже шагал к ночлежке.

Глава 28

В конце темного коридора стоял маленький, скверно лакированный стол, за которым сидел старик с испещренным голубоватыми венами угреватым носом. Старик был в плотном свитере — несмотря на шипящий радиатор, в коридоре было холодно, как в могиле. Единственным источником света служила шестидесятиваттная лампа, висящая над столом под зеленым стеклянным плафоном. Ступеньки посредине были стоптаны, а перила тускло поблескивали в темноте.

— Я ищу человека, который зарегистрировался перед тем, как стемнело, — обратился Берк к старику. — Он называет себя Спотти.

Старик с подозрением уставился на него.

— Зачем он вам понадобился?

— В какой он комнате?

— Вы коп? — Не дождавшись ответа, старик осведомился: — Что он натворил?

— В какой он комнате? — повторил Берк более резким тоном.

— О'кей, мистер, не надо злиться. У нас нет отдельных комнат — только общие спальни. Он в спальне «А».

— Где это?

— Наверху справа.

— Вы пойдете со мной.

— Я должен оставаться у стола...

— Приятель, вы отнимаете у меня время.

Недовольно ворча, старик вышел из-за стола и начал подниматься по лестнице.

Спальня «А» напоминала сцену из Дантова «Ада». Это была длинная узкая комната с плотными рядами коек по обеим сторонам прохода, скрипучим полом, покрытым грязным, в разводах линолеумом и красной лампочкой без абажура, свисающей на шнуре в центре потолка и окрашивающей сцену в кровавые тона. Комнату

наполняли неприятные звуки — бормотание, храп, сопение, — запахи немых тел, грязной одежды, мочи и паров алкоголя. Отопление отсутствовало, а два окна выглядели так, будто их не открывали целый век.

— На какой он койке? — спросил Берк у старика.

— Откуда мне знать? Кто первый приходит, занимает лучшую.

Берк двинулся вдоль одного из рядов, наклоняясь над каждой койкой. От тусклого красного света слезились глаза. Зловоние вынуждало задерживать дыхание. Старик шел следом.

Человек по прозвищу Спотти лежал с другой стороны комнаты на самой крайней койке лицом к стене, укрытый одеялом по самую шею.

— Это он. — Старик отодвинул Берка в сторону и коснулся неподвижного плеча. — Спотти! Просыпайся, черт бы тебя побрал!

Спотти не шевельнулся.

— Должно быть, пьян в стельку. — Старик сдернул одеяло и в ужасе отпрянул.

С левой стороны спины бродяги, даже не снявшего пальто, торчала рукоятка пружинного ножа. Кровь поблескивала в красном свете.

Берк нащупал сонную артерию и выпрямился.

— У вас есть телефон?

— Он мертв?

— Да.

Старик выругался.

— Телефон внизу.

— Ничего не трогайте и не будите остальных.

Берк зашагал вниз по лестнице.

Глава 29

Инспектор Квин вел допрос до трех часов ночи. Берк и Эллери дважды выходили в ночной кафетерий выпить кофе — холод в ночлежке пробирал до костей.

— У него точно было что сказать, — пробормотал Берк. — А этот чертов Фрэнкелл спугнул его.

— Вы не узнали никого, входящего сюда, Гарри? — спросил Эллери.

— Я высматривал только Спотти.

— Скверно.

— Не сыпьте мне соль на рану. Я пытаюсь убедить себя, что убийца мог войти и выйти через заднюю дверь в переулке.

Эллери кивнул, потягивая скверный, но горячий кофе. Больше он ничего не сказал. Берк, похоже, воспринимал убийство бродяги как личное горе — от этой болезни не было лекарства.

— Здесь мы ничего не узнаем, — сказал инспектор, закончив опросы. — Орудием послужил дешевый пружинный нож, отпечатков на нем нет. А если этим бомжам что-то известно, они держат язык за зубами.

— Тогда чего ради мы здесь околачиваемся? — осведомился Эллери. — Я бы предпочел другое место — например, мою мягкую чистую постель.

— Пока ты и Берк выходили, — сказал его отец, — я допрашивал человека, который заявил, что у Спотти был закадычный друг по кличке Маггер.^[155] По словам Вели, прозвище ему подходит.

— Его «послужной список» длинный, как ваша рука, — заговорил сержант Вели. — Работает в уединенных местах по ночам. Насколько мы знаем, никогда не прибегает к насилию. В качестве жертв обычно выбирает стариков.

— Вы уже с ним беседовали? — спросил Берк.

— Его здесь нет, — ответил инспектор. — Поэтому я сижу и жду на случай, если он появится.

Маггер появился в половине четвертого утра, мертвецки пьяный. Понадобились три стакана крепкого кофе, чтобы он хоть немного протрезвел. Когда сержант Вели с намеренной черствостью сообщил ему, что его друга Спотти прикончили, воткнув нож в спину, Маггер не сдержал слез.

Зрелище было весьма причудливым, поскольку лицом и фигурой он напоминал боксера-тяжеловеса. Ни на один вопрос он не отвечал абсолютно ничего.

Но поведение Маггера резко изменилось, когда его привезли в морг и показали ему тело друга.

— О'кей, — буркнул он и плюнул на пол.

Ему нашли стул, на который он тяжело опустился, злобно глядя на антисептические стены.

— Теперь вы будете говорить? — осведомился инспектор Квин.

— Это зависит...

— От чего?

— От того, что вы будете спрашивать. — Было очевидно, что любой вопрос, касающийся его ночной деятельности, окажется за пределами зоны ответов.

— Ладно, — кивнул инспектор. — Давайте попробуем. Вы знали, что Спотти собирался продать, верно?

— Сведения о девушке, которую сегодня начнут судить за убийство.

— Вы с ним были партнерами? Намеревались поделить выручку?

— Спотти не знал, что мне это известно.

— Что это были за сведения?

Маггер молчал. Его налитые кровью глаза бегали, словно в поисках убежища.

— У вас могут быть неприятности, — предупредил его инспектор. — Спотти что-то знал, что, по его словам, должно было помочь мисс Спанье, и собирался получить за свои сведения тысячу долларов. А вы знаете, о чем идет речь. Это дает вам веский мотив стремиться убрать Спотти с дороги. Если бы Спотти умер, вы могли бы получить деньги сами. Пожалуй, нам лучше выяснить, не ваш ли это нож.

— Я прикончил Спотти? — Пустые глаза ожили. — Моего дружка?

— Не болтайте мне о дружбе. Такого понятия не существует в вашей компании, если дело касается денег.

— Мы были друзьями, — серьезно сказал Маггер. — Спросите любого.

— Вы либо всадили в него этот нож — а если так, мы это узнаем, — либо ждали, пока Спотти получит деньги, чтобы потребовать свою долю. Что вам больше нравится?

Маггер провел тыльной стороной ладони по перебитому носу и снова огляделся вокруг, но не увидел ничего, кроме враждебных взглядов.

— О'кей, — вздохнул он. — Я собирался позволить Спотти получить бабки и попросить у него половину. Он бы со мной поделился.

— Какие именно сведения собирался продать Спотти? — снова спросил инспектор Квин.

Было почти шесть утра, когда Маггер смог наконец выдать из себя драгоценную информацию, и то после того, как сержант Вели поделился собственной информацией. Маггера условно освободили из тюрьмы, где он отбывал срок за попытку ограбления. Одно слово надзирающему за ним чиновнику о его нежелании сотрудничать с полицией — и он бы снова оказался за решеткой. По крайней мере, так говорил Вели. Маггер не стал это оспаривать и быстро раскололся.

В качестве рутинной процедуры сержант проверил его на предмет возможной причастности к убийству Спотти. Алиби Маггера подтвердили два бармена в одной из забегаловок Бауэри. Он не покидал бар с трех часов дня до полуночи (чем он занимался от полуночи до половины четвертого утра, можно было легко догадаться, учитывая род деятельности, подаривший ему кличку).

Алиби усиливало надежность его показаний относительно Лоретт Спанье, хотя инспектор Квин напомнил, что в суде не приветствуют криками «ура» защиту, основанную на свидетельствах личностей типа Маггера.

Последнее, что они сделали на рассвете, — это отвезли громилу в уединенный отель, где заперли его под охраной полиции.

— Кто бы ни убил Спотти, — сказал Эллери, — он имеет тот же мотив для убийства Маггера. Постараемся продержать его в живых, по крайней мере, пока он не сможет дать показания.

После этого Эллери и Гарри Берк отправились по домам, чтобы поспать хотя бы несколько часов. Но Эллери никак не мог попасть в объятия Морфея. Ворочаясь в постели, он думал, что видит уже половину таинственного лица, также вращающегося вокруг своей оси. Но когда это лицо окажется в поле зрения хотя бы на три четверти, оставалось неведомым.

Часть третья

ТРИ ЧЕТВЕРТИ ЛИЦА

Глава 30

Для человека, так уверенного в том, что он может зародить у суда сомнение в виновности его клиентки, Юрай Фрэнкелл ухватился за соломинку, протянутую ему неожиданным свидетелем защиты, с необычайным проворством.

— Естественно, — заявил адвокат, — в суде присяжных я предпочитаю позитивное доказательство негативному.

— Почему бы вам не попытаться убедить окружного прокурора отозвать обвинение? — спросил Элери. — Тогда вам вовсе не придется иметь дело с присяжными.

— Херман на это не купится, — ответил Фрэнкелл, — учитывая личность моего свидетеля. Фактически, это наш главный повод для беспокойства. Он будет вгрызаться в Маггера, как бродяга в индейку от Армии спасения.

— Тем не менее вы решаете разумным ограничить меню индейкой?

— Это лучшее, что у нас есть.

— Я полагал, что вы рассчитываете на саму Лоретт. Вы уже передумали вызывать ее свидетельницей?

— Посмотрим. Все зависит от того, как пойдет дело с Маггером, — осторожно сказал Фрэнкелл. — Вы уверены, что ему не обещали деньги за его показания?

— Абсолютно уверен.

— Тогда почему он так охотно согласился свидетельствовать? Я не мог вытянуть у него причину.

— Во время полицейского допроса ему тактично намекнули, что он может отправиться назад в тюрьму, если откажется сотрудничать. Его освободили условно.

— Но ему угрожала полиция, а не кто-то с нашей стороны?

— Совершенно верно.

Фрэнкелл выглядел обрадованным.

Эллери заметил, что окружной прокурор выполняет свою работу без обычного *joie d'ouvrer*.^[156] Очевидно, подумал Эллери, ему не по душе ни само дело, ни его свидетели. За исключением официальных лиц вроде инспектора Квина и сержанта Вели, свидетели обвинения, вызванные в суд повесткой — Карлос Армандо, Гарри Берк, Роберта Уэст и сам Эллери, — сочувствовали подсудимой. При перекрестном допросе они вели себя куда более покладисто, чем при прямом.

Тем не менее окружному прокурору удалось весьма убедительно изложить дело против Лоретт Спанье. Насколько известно, она последней находилась наедине с Глори Гилд перед смертью певицы. Ее показания относительно времени ухода из квартиры Гилд, возвращения домой пешком через Центральный парк и прибытия в свою квартиру ничем не подтверждались. Револьвер 38-го калибра, ставший орудием убийства Глори, был найден в квартире обвиняемой в ее шляпной картонке. Она являлась главной наследницей огромного состояния жертвы. Наконец, прокурор добавил, что она брошена жертвой в раннем детстве на произвол судьбы, намекая, что мотивом могла быть не только корысть, но и ненависть.

Присяжные выглядели достаточно впечатленными. Они упорно избегали смотреть на детское личико подсудимой.

Единственным свидетелем защиты был Маггер. Он совсем не походил на того оборванца, каким его в прошлый раз видели друзья Лоретт. На нем были аккуратно выглаженный костюм, чистая белая рубашка, темный галстук и начищенные до блеска ботинки; он был гладко выбрит и абсолютно трезв, напоминая работягу-водопроводчика, приодевшегося перед походом в церковь.

— Херман наверняка заявит, что это мы его принарядили, — шепнул адвокат Эллери. — Но присяжных будет нелегко заставить забыть, как прилично выглядит этот парень. Лично я думаю, что Херману придется потрудиться. Более того, он это знает. Посмотрите на его нос.

Ноздри окружного прокурора раздувались и втягивались, словно ища дурной запах, который они, несмотря на весь свой опыт, не могли учуять.

Выяснилось, что настоящее имя Маггера — Кертис Перри Хэтауэй. Фрэнкелл быстро вытянул из него сведения о том, почему его «иногда» называют Маггером. («Зачем вы об этом спросили?» — осведомился позже Эллери. «Потому что, — ответил адвокат, — если бы я этого не сделал, то его спросил бы об этом Херман. Я просто вырвал у него жало».)

— Каким образом вы получили это прозвище, мистер Хэтауэй?

— В детстве я сломал нос, играя в бейсбол, — ответил Маггер. — Это обезобразило мою физиономию, а я к тому же привык строить рожи, так как стыдился этого. Вот меня и прозвали Маггером.

— О господи! — пробормотал Гарри Берк.

— Вы находитесь под присягой как свидетель защиты, я бы сказал — самый важный свидетель, — продолжал Юрай Фрэнкелл. — Поэтому нам нужно быть твердо уверенными, что судья и присяжные понимают, кто вы и какое отношение имеете к делу, дабы позднее никто не мог заявить, будто мы пытались что-то скрыть...

— Он имеет в виду меня! — всполошился окружной прокурор. — Я возражаю против такой формулировки!

— Мистер Фрэнкелл, у вас имеются еще вопросы к этому свидетелю?

— Очень много, ваша честь.

— Тогда задавайте их.

— Мистер Хэтауэй, вы только что объяснили нам, каким образом получили прозвище Маггер. Есть для этого какая-либо иная причина?

— Для чего?

— Для того, чтобы вас так называли.

— Нет, сэр, — ответил Маггер.

— Мистер Хэтауэй... — снова начал Фрэнкелл.

— Подсказка свидетелю! — перебил окружной прокурор.

— Не вижу, в чем произнесение имени свидетеля может быть подсказкой, — отозвался судья. — Продолжайте, мистер Фрэнкелл.

— Мистер Хэтауэй, на вас есть досье в полиции?

Маггер выглядел обескураженным.

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Не важно почему. Отвечайте.

— Меня несколько раз арестовывали. — Тон Маггера подразумевал: «А кого нет?»

— По какому обвинению?

— Они называли это уличным ограблением. Да я в жизни никого не грабил! Когда грабишь людей, ты их обижаешь, а я не из таких. Но если тебе хоть раз это пришили...

— Свидетель, ограничьтесь ответом на вопрос, — прервал судья. — Мистер Фрэнкелл, мне не нужны речи вашего свидетеля.

— Отвечайте на мой вопрос, мистер Маггер.

— Но они мне шьют...

— Не является ли это еще одной причиной, по которой вас иногда называют Маггер, мистер Хэтауэй? Ведь полиция несколько раз ловила вас во время попытки ограбления.

— Я же говорил вам — они мне пришили...

— Хорошо, мистер Хэтауэй, мы вас поняли. Но главная причина, по которой вы с детства носите это прозвище, заключается в том, что вы в детстве сломали нос, играя в бейсбол, а потом часто корчили забавные гримасы?

— Да, сэр.

— Мне казалось, этого свидетеля вызвали давать показания в пользу вашей подзащитной, а не себя самого, — обратился судья к Фрэнкеллу. — Нельзя ли перейти к делу?

— Да, ваша честь, но мы не хотим ничего утаивать от суда и присяжных...

— Попрошу без демагогии, адвокат!

— Хорошо, сэр. Мистер Хэтауэй, вы знали человека по имени Джон Тьюмелти?

— Кого-кого? — переспросил Маггер.

— Более известного как Спотти.

— Ах, Спотти! Конечно, знал. Он был моим приятелем.

— Где он сейчас?

— В холодильнике.

— Вы имеете в виду, в городском морге?

— Ага. Вчера вечером его прикончили. Кто-то воткнул ему перо в спину, пока он дремал. — Маггер говорил с возмущением, словно ему было бы легче, если бы Спотти погиб, будучи настороже и стоя лицом к лицу с убийцей.

— Поэтому Спотти не свидетельствует сегодня в пользу мисс Спанье?

— Возражаю! — крикнул прокурор, взмахнув кулаком.

— Протест принят, — кивнул судья. — Вы сами отлично это знаете, мистер Фрэнкелл. Вычеркните вопрос. Присяжные не должны его учитывать. — Маггер открыл рот. — Свидетель, не отвечайте! — Маггер тут же закрыл рот. — Продолжайте, защитник.

— Прежде чем мы перейдем к самой сути вашего свидетельства, мистер Хэтауэй, — сказал Фрэнкелл, — я хочу прояснить кое-что для этих добрых леди и джентльменов из жюри. Я спрашиваю вас — и помните, что вы под присягой, — предлагали ли вам деньги или другое материальное вознаграждение за ваши показания по этому делу?

— Не предлагали ни цента, — не без горечи ответил Маггер.

— Вы в этом уверены?

— Конечно, уверен.

— Подзащитная тоже не предлагала?

— Кто-кто?

— Леди, которую обвиняют.

— Нет, сэр.

— И я тоже?

— Вы? Нет, сэр.

— А кто-либо из друзей мисс Спанье?

— Нет, сэр.

— И никто...

— Сколько раз он должен отвечать на один и тот же вопрос? — осведомился окружной прокурор.

— И никто из связанных с защитой?

— Я уже говорил. Никто.

— Тогда почему вы согласились свидетельствовать, мистер Хэтауэй?

— Коп сказал мне, что, если я не буду отвечать на их вопросы, они сообщат офицеру, который отвечает за меня после условного освобождения.

— Вот как? Полиция предупредила вас об этом во время допроса? Когда это было?

— Ночью, когда прикончили Спотти.

— Значит, вы даете показания — правдивые показания — под давлением полиции?

— Протестую! — рявкнул окружной прокурор. — Необоснованный вывод! Дальше мы услышим о жестокости полиции при рутинном следствии!

— Сядьте на место, мистер окружной прокурор, — вздохнул судья. — Мистер Фрэнкелл, формулируйте ваши вопросы должным образом. Я уже устал напоминать вам. Никакие показания этого свидетеля не указывают на полицейское давление.

— Прошу прощения, ваша честь, — виноватым голосом произнес Юрай Фрэнкелл. — Суть в том, что свидетель дает показания в результате допроса с пристрастием, проведенного полицией, а не подкупа со стороны защиты...

— И не употребляете слова «допрос с пристрастием», мистер Фрэнкелл! Продолжайте!

— Да, ваша честь. Теперь, мистер Хэтауэй, я хочу вернуться к определенным событиям, происшедшим вечером в среду 30 декабря.

Атмосфера в зале суда сразу же стала напряженной. Казалось, все присутствующие — присяжные, публика, пресса — говорят себе: «Сейчас начнется!», не зная, что именно начнется, но чувствуя по поведению Фрэнкелла, что беднягу обвинителя ждет серьезный удар. Даже судья склонился вперед. Ведь именно вечером 30 декабря Джи-Джи Гилд отправилась в мир иной.

— Вы помните этот вечер, мистер Хэтауэй?

— Да, — ответил Маггер так горячо, словно стоял у алтаря.

— Прошло уже немало времени. Почему вы запомнили именно этот вечер?

— Потому что мне здорово повезло. — Маггер облизнул пересохшие губы. — Такого со мной еще не случалось.

— Что же столь необычное произошло в тот памятный вечер, мистер Хэтауэй?

Маггер колебался, беззвучно шевеля губами.

— Мы ждем, мистер Хэтауэй, — терпеливо произнес Фрэнкелл. Его взгляд говорил: «Перестань выглядеть так, будто репетируешь твои показания, черт тебя побери!»

— Ну, дело было так, — заговорил Маггер. — Вечер был холодный, а у меня не было ни гроша. Вот я и подошел к тому парню и спросил, не поможет ли он мне. «Конечно, приятель», — ответил он, достал бумажник, порылся в нем и сунул мне в руку деньги. Я

посмотрел и чуть не свалился в обморок. Пятьдесят баксов! Я все еще размышлял, не снится ли мне это, а он говорит: «Сейчас время веселиться, старина. Но не будем забывать, что уже гораздо позже, чем мы думаем. Так что возьмите и это». Он вынул из кармана часы, протянул мне и ушел, шатаясь, прежде чем я успел хоть слово сказать.

— Шатаясь? Вы имеете в виду, что он был пьян? — быстро спросил Фрэнкелл, не глядя на присяжных.

— Я не имею в виду, что он был трезв, — ответил Маггер. — Успел здорово нагрузиться. Славный парень. Лучший из всех, кого я встречал. — Эллери не удивился, когда Маггер добавил: — Благослови его Бог.

— Где произошла эта встреча?

— На углу Сорок третьей улицы и Восьмой авеню.

На сей раз Фрэнкелл посмотрел на жюри. Эллери мог только восхищаться его прозорливостью. Фрэнкелл знал, что ни один мужчина и ни одна женщина в зале суда не поверили рассказу Маггера о его неожиданной удаче. Он попросту ограбил беднягу. Требовалась фронтальная атака на неправдоподобную историю.

— Давайте говорить прямо. Вы сказали, что подошли к пьяному в района Таймс-сквер и попросили у него милостыню, а он добровольно отдал вам пятьдесят долларов и наручные часы?

— Я и не ожидал, что мне кто-то поверит, — отозвался Маггер. — Ведь я сам думал, что мне это приснилось. Но он сделал именно это, хотя я его и пальцем не тронул.

— И это произошло за день до кануна Нового года?

— Да. Должно быть, он заранее приложился к бутылке.

Жюри попало на крючок. В голосе Маггера слышалось изумление, напоминающее чувство Золушки при прикосновении волшебной палочки феи-крестной. Фрэнкелл был удовлетворен.

— Что случилось потом?

— Ничего. Мне не терпелось рассказать обо всем Спотти, поэтому я отправился в Центральный парк...

— Почему именно в Центральный парк?

— Спотти любил там делать свои дела. Я решил, что он работает на обычной территории, и действительно нашел его там.

— Давайте уточним, мистер Хэтауэй. Вы спешили рассказать вашему приятелю Джону Тьюмелти, или Спотти, как вы его называете,

о вашей удаче, поэтому пошли в Центральный парк, где он обычно работал, и разыскали его. Вы сразу же заговорили с ним?

— Я шел по аллее и увидел, как Спотти остановил эту молодую бабенку... леди. Поэтому я подождал за кустом, пока он с ней не поговорит.

— Значит, он просил милостыню у молодой леди. Вы видите ее в этом зале, мистер Хэтауэй?

— Конечно, вижу.

— Пожалуйста, покажите ее нам.

Маггер ткнул вымытым указательным пальцем в сторону Лоретт.

— Прошу занести в протокол, что свидетель указал на мою подзащитную, Лоретт Спанье. — Теперь Фрэнкелл был сама уверенность. — А сейчас, мистер Хэтауэй, я прошу вас быть внимательным и отвечать как можно точнее. В течение времени, когда вы ожидали за кустом, пока Спотти говорил с мисс Спанье в Центральном парке, вы смотрели на часы, которые отдал вам пьяный?

— Еще как смотрел.

— Почему?

— Да я смотрел на них всю дорогу в парк! У меня сто лет не было часов, и я едва мог поверить, что мне это не снится.

— Значит, вы смотрели на часы, пока ваш приятель Спотти попрошайничал у мисс Спанье, только чтобы порадоваться обновке?

— Можно сказать и так.

— Не знаете, часы показывали правильное время?

— Я по пути дюжину раз сверял их с уличными часами и часами в витринах магазинов. Какой смысл иметь часы, если они врут?

— Никакого, мистер Хэтауэй, полностью с вами согласен. А какое время показывали ваши часы, когда вы видели, как Спотти остановил мисс Спанье, чтобы попросить милостыню?

— Точно без двадцати двенадцать, — быстро ответил Маггер.

— Вы в этом уверены, мистер Хэтауэй?

— Конечно, уверен.

— То есть это произошло за двадцать минут до полуночи?

— Как я сказал.

— В среду 30 декабря — в ту ночь, когда была убита Глори Гилд?

— Да, сэр.

— В Центральном парке?

— Да.

Фрэнкелл направился к столу защиты. Выражение лица окружного прокурора, казалось, вызвало у него сочувствие. Он печально улыбнулся, словно говоря: «Простите, старина, *mais c'est la guerre, n'est-ce pas?*^[157]» Внезапно он снова повернулся к Маггеру.

— Еще один вопрос. Мисс Спанье — молодая леди, сидящая там, — дала что-нибудь Спотти?

— Да. Когда она отошла, я выбрался из-за куста и подошел к Спотти. Он показал мне двадцать пять центов, которые она ему дала, с таким видом, будто это сокровище. — Маггер покачал головой. — Бедный старина Спотти. Паршивый двадцатипятицентовик — когда у меня в кармане джинсов лежало полсотни баксов. Мне едва хватило духу показать их ему.

— Вы, случайно, не заметили, в какую сторону пошла мисс Спанье, расставшись со Спотти?

— Заметил — на запад. Это было на перекрестке аллеи, и она пошла к западному выходу.

— Благодарю вас, мистер Хэтауэй. Свидетель ваш. — Фрэнкелл махнул рукой окружному прокурору, который поднялся с места, слегка согнувшись, как будто у него были колики в животе.

Глава 31

На абсолютно невинной пирушке по случаю оправдания Лоретт было единогласно решено, что она истинное дитя Фортуны. Лоретт не могла объяснить, каким образом забыла о нищем, подошедшем к ней во время прогулки через парк после расставания с тетей, — очевидно, это просто не произвело на нее никакого впечатления. Эллери напомнил ей, что если бы не жалкий попрошайка и его друг, уличный грабитель, вердикт мог оказаться бы куда менее приятным. (Он не стал уточнять, что кое-кто навсегда заткнул попрошайке рот, дабы тот не появился в зале суда, — тот самый «кое-кто», который подложил кольт в ее шляпную картонку. Ему не хотелось портить праздник.)

Даже Кертис Перри Хэтауэй, приглашенный по настоянию Лоретт и поглощающий ирландское виски лошадиными дозами, казался ошеломленным. У него еще не зажили раны от перекрестного допроса окружного прокурора, который не давал ему пощады. Но мистер

Хэтауэй не отступал ни на дюйм, за что Гарри Берк нарек его Горацием.^[158] Карманы Маггера были набиты газетными вырезками, повествующими о его важной роли. Он выглядел усталым, ослепленным славой и полным благодущия не в меньшей степени, чем виски «Дагганс дью». Это был звездный час всей его жизни.

Теперь, когда Лоретт уже не грозило обвинение в убийстве, в ее британской броне стали заметны трещины. Она громко смеялась и весело болтала со всеми, но ее невыщипанные брови были сдвинуты, словно от боли или затуманенного зрения, голубые глаза прищурены, как будто им мешал свет, а крылья ноздрей побелели и походили на неглазированный фарфор. Понадобилось бы очень немного, чтобы из этих чудесных глаз хлынул поток слез. В то же время ее губы, ранее по-детски надутые, приобрели суровую складку. Подросток моментально превратился в женщину, со вздохом подумал Эллери.

— Вы выглядите так, словно проглотили испорченную устрицу, — чуть позже сказал ему Гарри Берк. — В чем дело, приятель?

— В лице, — буркнул Эллери.

— В чем? — спросил Берк, оглядываясь вокруг.

— В том-то и беда, Гарри, что не знаю.

— О!

Чье же лицо имела в виду Джи-Джи Гилд?

Глава 32

— С тобой что-то не так, Берти, — заметил Гарри Берк.

— Все в порядке, Гарри, — отозвалась Роберта.

— Меня тебе не одурачить, голубушка. Ты беспокоишься о Лоретт, верно?

— Ну...

— Ты должна немного притормозить, Берти. Я имею в виду отношения Лоретт с Армандо. Ты не можешь вечно опекать Лоретт. Ее это раздражает.

— О, Гарри, я не хочу об этом говорить! С трудом держу себя в руках. Пожалуйста, обними меня.

Лоретт дипломатично отправилась спать — по крайней мере, удалилась в спальню, оставив Роберту и Гарри наедине в огромной

гостиной пентхауса.

Держа Роберту в объятиях, Берк закрыл глаза. Она была такая теплая. Весь мир казался в эти дни полным света и радости, несмотря на периодическое появление смуглой недовольной физиономии Карлоса Армандо. Сколь же холостых лет он потратил впустую!

Роберта прижалась к нему, как усталый ребенок.

— Я не знала, Гарри, что мужчина может быть таким хорошим, — пробормотала она. — Я так тебе благодарна.

— Благодарна?

— Другого слова не подберешь. Я бы хотела...

— Да, Берти?

— Ничего.

— Но ты начала фразу и не договорила! Чего бы ты хотела?

— Чтобы ты появился в моей жизни много лет назад.

— В самом деле?

— Я бы не стала тебе лгать. С тобой я чувствую себя так... как, очевидно, должна чувствовать себя женщина. Совсем не как...

— Не как что?

— Не важно.

— Не как ты чувствовала себя, когда была влюблена в Армандо?

Она выпрямилась и сердито оттолкнула его.

— Никогда больше не упоминай об этом, Гарри Берк! Я была дурой — хуже, чем дурой! Теперь мне кажется, будто это происходило с кем-то другим, а не со мной... — Ее голос дрогнул. — С тобой все совсем по-другому, Гарри. Никогда не позволяй мне забывать об этом.

— Не позволю, — заверил ее Берк.

На сей раз их поцелуй был лишен обычной страсти. Он был праведным и словно predetermined самой природой вещей. Берк понимал, что крепко попался на крючок. Впрочем, попались они оба, и это было чудесно.

Глава 33

— Значит, это серьезно, — промолвил Эллери спустя несколько дней.

Сидящий напротив него за столом, накрытым к ленчу, Берк вопросительно приподнял рыжеватые брови.

— Я имею в виду вас и Роберту Уэст, — пояснил Эллери.

Шотландец выглядел смущенным.

— От вас ничего не скроешь. Как вы догадались?

— Раньше вы говорили, что не возвращаетесь домой, так как чувствуете ответственность за Лоретт Спанье. С Лоретт все в порядке, а вы еще здесь. Если это не Лоретт, значит, малютка Робби. Она уже об этом знает? Сколько времени требуется шотландцу, чтобы признаться в любви?

— Мы — осторожное племя. — Берк слегка покраснел. — И строго моногамное. В таких делах лучше не торопиться. Да, приятель, это серьезно, черт бы вас побрал!

— Так знает Роберта или нет?

— Думаю, что да.

— Думаете!

— Гораций, в мире много кой-чего, что попросту вас не касается.

[159] — Казалось, Берк старается перевести разговор на другую тему. — Есть что-нибудь новое о деле?

— Ничего.

— Выходит, вы покинули корабль?

— Черта с два. Эта история с лицом не дает мне спать. Между прочим, что это я слышал о Лоретт и Карлосе Армандо? — Газетные колонки сплетен изобиловали намеками, а Эллери не видел Лоретт после вечеринки по поводу ее оправдания.

— Просто невероятно! — сердито сказал Берк. — У этого парня стыда не больше, чем у обезьяны! Не могу понять женщин. Казалось, Лоретт должна видеть его насквозь — ведь она практичная девушка. Но, по-видимому, она становится такой же беспомощной гусыней, как остальные, когда он пускает в ход свои чары.

— С таким талантом нужно родиться, — заметил Эллери. — Очень жаль это слышать. Вроде бы «послужной список» Армандо должен говорить сам за себя.

— Вам, мне и всей мужской половине человечества, — отозвался Берк. — А для женщин это иностранный язык.

— И нет никакого способа открыть ей глаза?

— Видит Бог, Роберта старается изо всех сил. — Шотландец выбил из трубки остаток табака. — Из-за этого между девушками уже пробежала черная кошка. Я пытался убедить Берт не принимать это

так близко к сердцу, но она ненавидит Армандо и не может смотреть равнодушно, как он увивается вокруг Лоретт.

На следующей неделе Эллери узнал от Берка, что разногласия девушек из-за Армандо достигли критической стадии.

— Послушай, дорогая, — сказала Роберта. — Конечно, это не мое дело, но я просто не могу видеть, как тебя затягивает этот зыбучий песок в человеческом облике.

Лоретт выпятила подбородок.

— Предпочитаю больше не говорить с тобой о Карлосе, Роберта.

— Но кто-то должен вколотить тебе в голову хоть немного здравого смысла! Ты позволяешь ему присылать тебе цветы, назначать свидания, торчать здесь часами. Неужели ты не понимаешь, во что ты ввязалась?

— Роберта...

— Нет уж, я скажу все. Ты ведешь себя глупо, Лоретт. У тебя нет никакого опыта с мужчинами, а Карлос дюжинами обдирает как липку таких, как ты. Он даже не особенно скрывает это от тебя. Разве ты не видишь, что ему нужны только деньги, которых он не получил после смерти твоей тети Глори?

Лоретт с усилием сдержалась, наполовину отвернувшись и стиснув маленькие кулачки.

— Не могла бы ты перестать пытаться мною руководить?

— Я только пытаюсь спасти тебя от когтей одного из самых отъявленных негодяев. Который к тому же убийца.

— Карлос никого не убивал!

— Но он это подстроил, Лоретт. Он виноват куда больше той женщины, кем бы она ни была.

— Я этому не верю!

— По-твоему, я лгу?

— Может быть.

— С какой целью? Я сто раз рассказывала тебе, как Карлос пытался убедить меня сделать это для него...

Лоретт снова повернулась к ней, вскинув голову.

— Роберта, я изменила свое мнение о тебе. Теперь я понимаю, что ты мне просто завидуешь.

— Чему я завидую?

— Деньгам, которые оставила мне тетя Глори, и вниманию, которое оказывает мне Карлос!

— Ты совсем обезумела, дорогая! Твоему богатству я только радуюсь. А что касается Карлоса, то я предпочла бы внимание акулы — это было бы безопаснее. И для тебя тоже.

— Ты призналась, что была в него влюблена!

— Да, до того, как поняла, кто он. Слава богу, эта глава моей жизни уже окончена. Если хочешь знать, Лоретт, я влюблена в Гарри Берка и уверена, что он любит меня. А на этого слюнявого монстра мне наплевать.

— Довольно, Роберта! — Лоретт дрожала от гнева. — Если ты не в состоянии прекратить клеветать на Карлоса... — Она умолкла.

— Ты собиралась сказать, что хочешь, чтобы я ушла отсюда? — спокойно осведомилась Роберта.

— Я сказала, что если ты не можешь прекратить...

— Я знаю, что ты сказала, Лоретт. Я уеду отсюда, как только найду квартиру. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы я сделала это немедленно.

Девушки сердито уставились друг на друга. Наконец Лоретт заговорила ледяным британским тоном:

— Не обязательно делать это сегодня. Но при сложившихся обстоятельствах мне кажется разумным отказаться от совместного проживания.

— Я уеду завтра утром.

Роберта сдержала слово. Она перебралась в Христианскую ассоциацию молодых женщин, а Гарри Берк помог ей найти квартиру на Йорк-авеню в полуподвале ветхого здания с решетками на окнах и протекающей треснутой раковиной. В углу квартала был бар, из которого постоянно выходили подвыпившие мужчины.

— Это вонючая дыра, Берти, — сказал Гарри. — Не понимаю, почему ты на нее согласилась. Если бы ты прислушалась к голосу разума...

— То есть взяла у тебя деньги?

— Ну и что в этом плохого?

— Все, Гарри, кроме того, что с твоей стороны было очень любезно предложить их.

Берк выглядел сердитым и беспомощным.

— Квартира не такая уж плохая и, по крайней мере, меблированная, — утешила его Роберта. — Как бы то ни было, я не могу себе позволить ничего лучшего. И я предпочитаю жить здесь, чем в пентхаусе Лоретт, наблюдая, как эта скотина дурачит ее.

— Но здесь дурное соседство!

— Оно не хуже, чем присутствие Карлоса в квартире Лоретт.

Роберта переехала со своими немногочисленными пожитками на Йорк-стрит, и Гарри Берк стал ее личным телохранителем. Он выполнял взятую на себя работу с куда большим рвением, чем требовалось, — в доме проживало много совсем неплохих людей, которые были не в состоянии вносить более высокую арендную плату, и никто из них не страдал от «дурного соседства». Тем не менее Берк однажды схватил за шиворот длинноволосого юнца в черной кожаной куртке и сапогах, который, сидя на корточках у окна Роберты, подглядывал сквозь решетку и щели в портъере за раздевающейся девушкой. Шотландец не стал звать полицию. Он отобрал у парня пружинный нож, наградил его пинком в зад, предупредил, что бездельникам и извращенцам запрещено подходить к этому дому, и посоветовал сообщить об этом своим друзьям. После этого Берк почувствовал себя лучше. Он даже отремонтировал за свой счет ненадежный замок входной двери, сказав Роберте, что это должно развеять миф о скупости шотландцев. Роберта поцеловала его куда горячее, чем заслуживали истраченные им сорок девять центов, что даже в Шотландии сочли бы выгодной сделкой.

Глава 34

Происходившее с Лоретт не было новостью для Эллери, родившегося и выросшего в Америке, но Берку, несмотря на такие «англицизмы», как дело Профьюмо,^[160] это казалось невероятным. Следуя местной культурной традиции, девушка, освобожденная в зале суда, за одну ночь стала знаменитостью со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая контракт.

— Только невежество объясняет ваше удивление, Гарри, — сказал ему Эллери. — Мы здесь относимся к убийству как к событию общенационального масштаба. Мы помешаны на наших убийцах — фотографируем и интервьюируем их, кланчим у них автографы,

собираем деньги на их защиту, сражаемся за то, чтобы взглянуть на них, и проливаем слезы радости, когда их оправдывают. Некоторые даже вступают с ними в брак. Трумен Капоте провел последние несколько лет — лет, обратите внимание! — собирая материал об абсолютно бессмысленной бойне в Канзасе только для того, чтобы сделать из этого книгу. Теперь она продается миллионными тиражами. [161]

— Но Лоретт предложили выступать на Бродвее! — запротестовал Берк.

— Разумеется. Вы просто не привыкли к этому, Гарри. В наши дни гражданские права в США кое-что значат. Почему белую протестантку англосаксонского происхождения следует дискриминировать только из-за того, что мой отец и окружной прокурор посчитали, будто она убила свою тетю? Хотя, насколько я понимаю, случай с Лоретт объясняется не только верностью демократическим идеалам. У нее вроде бы есть талант.

— У Роберты тоже, — сердито сказал шотландец. — Но я не вижу, чтобы кто-нибудь предлагал ей контракт.

— Посоветуйте Роберте постараться, чтобы ее обвинили в убийстве.

Лоретт бомбардировали столькими предложениями выступать по телевидению, в ночных клубах, даже сниматься в кино, что она, по тактичному совету дядюшки Карлоса, обратилась за помощью к Селме Пилтер. Старая ветеранша войн за отчисление процентов, привязавшаяся к Лоретт после встречи в офисе нотариуса Уильяма Мелуни Вассера, ринулась в битву. Именно она добыла в качестве трофея бродвейский контракт.

— Но, Селма, ведь это Бродвей... — неуверенно начала Лоретт.

— Послушай, дорогая моя, — прервала ее Селма Пилтер. — Если ты серьезно думаешь о карьере певицы, то нет более быстрого способа добиться признания. Не можешь же ты годами околачиваться в клубах. Если хочешь стать звездой, нужно завоевать соответствующую публику. Хотя телевидение создает хорошую рекламу, это не кратчайший путь. Посмотри на Барбару Стрейзанд — она добилась всего, только попав на Бродвей. Джи-Джи карабкалась к вершине на радио, но то была другая эпоха. Рекламу ты получила, теперь тебе нужно показать себя, и поскорее, пока публика тебя помнит. Вот

почему я советую отказаться от голливудского предложения — Голливуд отнимает слишком много времени. Конечно, если бы у тебя не было качеств звезды, тогда другое дело. Но с твоим голосом и тем, что с тобой произошло, грех упускать такую возможность.

— Вы действительно так думаете?

— Я слишком давно в этом бизнесе, чтобы тратить время на посредственность. И Оррин Стайн тоже. Если Оррин приглашает тебя в свой мюзикл, значит, считает, что ты справишься. Он не станет рисковать почти полумиллионом долларов своих спонсоров, не говоря уже о своей репутации, только ради хорошенького личика и нескольких дюжин газетных вырезок.

— Мне дадут главную роль?

Старуха усмехнулась:

— Ты говоришь так, словно уже стала звездой. Это музыкальное ревю, дорогая, битком набитое свежими молодыми талантами, — Оррин умеет подбирать завтрашних звезд. Для тебя он предназначает сольный номер — только ты, фортепиано и прожектор для подсветки. Большой уверенности в тебе он не мог продемонстрировать. Так что советую тебе согласиться.

Лоретт согласилась — и рекламная машина начала работать всю благодаря Селме Пилтер и пресс-агенту Стайна, не упоминая уже Кипа Кипли и ему подобных. Марта Беллина, вернувшись с гастролей, стала давать девушке уроки вокального мастерства.

— Это самое малое, что я могу сделать для племянницы Глори, — говорила ей пожилая оперная певица. — А твой голос напоминает мне ее.

Эллери, все еще гонящийся за четырехбуквенным блуждающим огоньком в деле об убийстве Глори Гилд, выкроил время, чтобы приехать на такси к уже ветхому Римскому театру на Западной Сорок седьмой улице, где репетировала труппа Стайна, и с помощью шапочного знакомства со швейцаром, а также пяти долларов проскользнул в один из последних рядов.

Это оказалось правдой. Сходство заставляло вздрогнуть и покрыться гусиной кожей. Девушка от природы великолепно владела голосом — тем же голосом, который, как мог бы поклясться Эллери, звучал на старых пластинках Глори Гилд, доставлявших ему такое наслаждение.

Лоретт сидела у рояля на пустой сцене в своей повседневной одежде, без грима, изредка заглядывая в текст. Из ее горла исходил тот же тихий, трепетный голос, который некогда околдовывал миллионы радиослушателей ее тети. Он был столь же интимным, обращенным не ко всему залу, а к каждому слушателю, чтобы тот мог унести его с собой и мечтать о нем. Билли Годенс, которому Стайн поручил писать музыку для его ревью, уделял особое внимание соло Лоретт, подгоняя его стиль и настроение к ее голосу, пока музыкальный материал не стал составлять с ним единое целое. Годенс благоразумно отказался от стилей бит, рок и фолк, вернувшись к страстным балладам эпохи Глори Гилд — песням, которые трогали до глубины души. (Позднее Эллери узнал, что вся остальная музыка шоу была выдержана в современном стиле. Оррин Стайн предоставил Лоретт витрину. Он знал, что делает.)

Она произведет сенсацию, подумал Эллери, и в этот момент в голове у него вспыхнула молния, сулящая сенсацию куда большую, чем девушка на сцене.

Несколько минут он сидел неподвижно, пытаясь все обдумать.

Сомнений не было — Джи-Джи имела в виду именно это.

Поднявшись, Эллери отправился на поиски телефона.

Глава 35

— Не спрашивайте меня, почему мне пришло это в голову на репетиции Лоретт, — часом позже говорил Эллери в офисе Вассера нотариусу, своему отцу, Гарри Берку и Роберте. — Возможно, потому, что она создавала музыку, — именно создавала! — а в музыке заключена тайна этой штуки.

— О чем ты, сынок? — осведомился инспектор Квин. — Какой штуки?

— F-a-c-e, — ответил Эллери. — Сообщения, которое умирающая Джи-Джи оставила на своем столе.

— Ну и при чем тут музыка?

— При всем. — Эллери был слишком возбужден, чтобы говорить сидя, — он метался по кабинету Вассера, словно стараясь увернуться от шершней. — Не знаю, как я мог быть настолько туп. Ведь все

скрывалось в этих четырех буквах. Обратите внимание, что я говорю «четыре буквы», а не «слово».

— А вы обратите внимание, мистер Квин, — сказал Вассер, чей тик резко усилился, — что я уже перестал вас понимать.

— Сейчас поймете. Дайте мне прийти в себя. Я чувствую себя так, словно выпил десять порций виски и внезапно очутился на свежем воздухе... Слушайте. Джи-Джи написала «face». Было очевидно, что она подразумевала под этим указание на своего убийцу. Но мне также становилось все более очевидно, о чем свидетельствует моя жуткая мигрень, что как ключевое слово к личности убийцы «лицо» не означает ровным счетом ничего. Естественно, возникает вопрос. Что, если это не было ключевым словом?

Инспектор нахмурился.

— Но в таком случае...

— Вот именно. Если оно не было ключевым словом, то какого рода ключом это могло быть? Я обдумывал всевозможные варианты, кроме правильного, который был настолько очевиден, что никто из нас его не замечал. Ибо если «face» не являлось ключевым словом, то оно становилось ключом, состоящим из четырех букв английского алфавита, образующих не слово, а какую-то иную последовательность, имеющую смысловое значение.

— Код? — предположил старик.

— Пожалуйста, не прерывай полет моих мыслей. На чем я остановился? Ах да. Когда начинаешь думать об этом с такой точки зрения, сразу приходит в голову, что Джи-Джи написала свое послание как четыре отдельные буквы. Ведь она даже разделила их интервалами. Правда, подобные интервалы были вообще свойственны ее почерку, поэтому буквы походили скорее на печатные, чем на обычные письменные. Но если подумать о «f-a-c-e» не как о слове, а в ином контексте, все становится ясным.

— Только не мне. — Шотландец нахмурился. — В каком контексте?

— Что нам известно о занятиях Глори Гилд? Во-первых, будучи певицей, она посвятила всю себя музыке. Во-вторых, уйдя на покой, она помешалась на загадках. Теперь подумайте о «f-a-c-e» как о музыкальной загадке.

Последовало молчание — музыкальное и загадочное. Эллери сиял — в своих рассуждениях он достиг космической скорости, а это всегда приводило его в состояние эйфории. Его отец, Вассер и Берк не обнаруживали никаких признаков понимания. Большие глаза Роберты блеснули под сдвинутыми бровями, как будто ей что-то пришло в голову, но потом она покачала головой.

— В детстве я училась музыке, поэтому вроде должна понимать, куда вы клоните, Эллери. Но я не понимаю.

— Что в музыке означает «f-a-c-e», Роберта?

— Лицо?

— Не слово, а буквы.

— Вы имеете в виду, что f, a, c и e — это ноты?^[162]

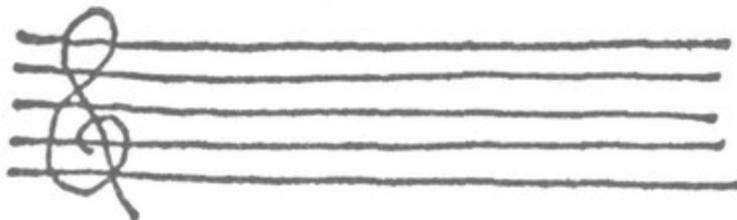
— А что же еще? Конечно, ноты! Какие именно?

— В каком смысле?

— Где они расположены на нотном стане?

— Если бы у меня была нотная бумага...

— Вы позволите, мистер Вассер?.. — Эллери схватил со стола нотариуса лист желтой писчей бумаги, ручку и начал быстро писать. Когда он поднял лист, все увидели нотный стан из пяти параллельных линий:

— Вот нотный стан в ключе «соль» — в скрипичном ключе. Роберта, покажите нам, где находятся на нем ноты f, a, c и e.

Роберта взяла ручку и бумагу, подумала и изобразила четыре ноты.

— Добавьте их названия.

Она повиновалась.

— Теперь смотрите.

Эллери пустил бумагу по кругу. Все увидели следующее:

— Значит, это ноты, — промолвил инспектор Квин. — И мисс Уэст, очевидно, разместила их в нужных местах, иначе ты бы не лоснился от удовольствия. Ну и что дальше, Эллери?

— Нотный стан состоит из пяти линий и четырех промежутков между ними. Где Роберта поместила ноты? На линиях или в промежутках?

— В промежутках.

— Вот именно. Что означает «между строк». — Эллери умолк с торжествующим видом.

— Нам следует выдвинуть твою кандидатуру на пост мэра? — фыркнул старик. — Не знаю, о чем ты говоришь, Эллери. Ты должен объяснить все таким образом, чтобы это стало понятным моему цыплячьему мозгу.

— Погодите. — Гарри Берк вцепился в подлокотники стула. — Она таким образом велела нам читать между строк!

— Выдайте этому джентльмену сигару, — сказал Эллери. — Да, в этом заключалась суть музыкальной загадки Джи-Джи. «Читайте между строк».

Последовала очередная пауза.

— Каких строк? — свирепо осведомился инспектор. — Где?

— Это вопрос.

— В ее дневниках?

— Логично, папа, но неразумно. Вспомни, как плотно исписаны страницы ее дневников. Там практически нет свободного места. Джи-Джи должна была обладать талантом человека, написавшего молитву «Отче наш» на булавоочной головке, чтобы втиснуть что-нибудь между строчками своих дневников.

— Тогда где же? В одной из ее книг?

— Еще менее вероятно. Их сотни.

— Это не может находиться между строк рукописи по причине, которую вы только что назвали, — пробормотал Берк. — Типографский текст тоже не подходит. Все же это должно быть что-то напечатанное механически, с достаточными и одинаковыми расстояниями между строчками...

— Попали в точку, Гарри.

Берк воодушевился:

— Какой-то машинописный текст. Джи-Джи оставила что-нибудь, что она отпечатала на машинке?

— Не обязательно она, Гарри.

— Господи! — медленно произнес Вассер. — Ее завещание!

Эллери кивнул.

— Я пришел к тому же выводу, поэтому и попросил устроить собрание в вашем офисе, мистер Вассер. Когда вы читали завещание наследникам, вы сказали, что оригинал уже передан в суд по делам о наследстве, а вы читаете копию. Я узнал в ней ту, которую мы обнаружили в металлическом ящичке в квартире Глори Гилд — ее собственную копию завещания. Она все еще у вас?

— Разумеется.

— Я бы хотел взглянуть на нее.

В ожидании, пока секретарша Вассера принесет завещание, Эллери заметил:

— Есть еще одна причина подозревать, что сообщение между строк скрыто в копии завещания Глори, — это длинный список даров благотворительным организациям. Мне уже тогда это показалось странным. Зачем было перечислять все мелкие суммы по отдельности? Куда удобнее было бы назвать общую сумму с указанием душеприказчику разделить ее по своему усмотрению. Но перечисление благотворительных организаций делало завещание куда более длинным, предоставляя место для достаточно длинного сообщения... Благодарю вас. — Эллери взял у секретарши копию завещания. — Одну минуту, пожалуйста. Кажется, я видел в приемной электрический тостер?

— Да, сэр. Мистер Вассер часто завтракает в офисе. Поэтому мы держим здесь тостер.

— Я бы хотел ненадолго его позаимствовать.

Девушка принесла тостер, и Эллери включил провод в розетку за столом. Затем он поставил тостер на стол и нажал кнопку.

— Это получше, чем трюк со спичкой. Ну, посмотрим, функционирует ли еще мой механизм догадок. — Он стал держать первую страницу завещания над теплом, исходящим из недр тостера, вода ее взад-вперед. Все столпились вокруг, вытягивая шею.

— Что-то появляется! — воскликнула Роберта.

В промежутках между отпечатанными строчками начал проступать знакомый почерк Глори Гилд.

— Будь я проклят! — пробормотал Гарри Берк.

— Кое-кто наверняка будет, — хищно усмехнулся инспектор Квин. — Теперь мы наконец-то продвинемся вперед!

Глава 36

Послание было длинным, как предвидел Эллери, и написанным ради экономии убористым почерком. Оно занимало все промежутки между строчками, кроме нижней половины последней страницы отпечатанного текста.

— Читай, папа. — Эллери сел, и инспектор начал читать вслух:

— «Я пишу это по причинам, которые вскоре станут понятными. Уже некоторое время мне хотелось поехать куда-нибудь отдохнуть, и я решила отправиться в свой коттедж в Ньютауне. Я предложила Карлосу отвезти меня на автомобиле, но он не согласился, сославшись на плохое самочувствие. Мне пришлось возиться с его головной болью, пока он не сказал, что ему немного лучше, поэтому я смогла уехать только под вечер. (Я уже хотела отказаться от такси, но Карлос настоял, чтобы я этого не делала.)

Прибыв в коттедж, я обнаружила, что электричество не включено, хотя я несколько дней назад велела Джин предупредить коннектикутскую электрокомпанию, чтобы они возобновили подачу тока. (Позже я узнала, что Джин просто забыла это сделать, что совсем на нее не похоже.) Мне пришлось обходиться свечами, но в доме было сыро и холодно — отопление там тоже электрическое. Чтобы не рисковать подхватить вирус (певцы никогда не перестают бояться простуды), я решила вернуться в город.

Поднявшись на лифте в пентхаус, я собиралась вставить ключ в замок, когда услышала голоса из гостиной — Карлоса и какой-то женщины. Женский голос был мне незнаком. Это явилось для меня шоком. В моем собственном доме! У Карлоса не было ни стыда, ни совести. Я была вне себя от ярости и отвращения.

Я спустилась вниз, снова поднялась, уже в служебном лифте, пробралась через кухню и буфетную к двери гостиной и стала слушать. Карлос и женщина продолжали разговаривать. Я бесшумно приоткрыла дверь и заглянула в щелку. Конечно, гордиться тут нечем, но я была готова задушить Карлоса за то, что он солгал, будто ему нездоровится, и сразу после моего отъезда привел в дом женщину. Мне хотелось посмотреть, как она выглядит. Она оказалась молодой, миниатюрной и красивой, с рыжими волосами и стройными ручками и ножками (а я ведь такая кобыла — вернее, как говорил мой муж этой девушке, «корова, которую нужно доить».)»

Роберта Уэст смертельно побледнела.

— Это была я, — прошептала она. — Должно быть, это происходило той ночью, когда он... А она подслушивала под дверью! Что же она обо мне подумала!

Гарри Берк взял ее за руку, заставив молчать. Инспектор Квин сердито посмотрел на Роберту и продолжил чтение:

— «Говорил в основном Карлос, и вскоре стало ясно, что он планирует мое убийство. Я не вообразила это — он произнес это вслух. У меня задрожали колени, и я подумала: «Это шутка — он не может говорить серьезно». Я уже хотела войти в комнату и сказать, что считаю это скверной шуткой, но что-то меня удержало, и я продолжала слушать, ненавидя себя, но не в силах оторвать ухо от двери.

Карлос сказал девушке, что сделал бы это сам, но боится, что его заподозрят в первую очередь. Поэтому ему нужно твердое алиби. (К этому времени я уже не была уверена, что он шутит.) Потом Карлос предложил, чтобы девушка совершила убийство, пока он создаст себе алиби, после чего унаследует мои деньги, женится на ней и они проживут счастливо. Значит, это была не шутка. Он действительно имел это в виду.

Больше я не могла этого выносить. Я выбежала через кухню, оставив их в гостиной, спустилась на служебном лифте и бродила по улицам большую часть ночи, не зная, что делать, куда идти, к кому обратиться. Потом я взяла свою машину, сама поехала назад в Ньютаун, где уже включили электричество, и оставалась в коттедже целых два дня, но не смогла ничего придумать. Если бы я обратилась в полицию, то что бы это дало? Мои слова никто бы не смог подтвердить, а Карлос и девушка все бы отрицали. История попала бы в газеты, вызвав жуткий скандал. Самое большее, чего бы я могла добиться, — это чтобы полиция приставила ко мне охрану, но они не могли охранять меня вечно, даже если бы поверили мне.

Я могла развестись с Карлосом. Но к этому времени я справилась с потрясением и страхом, и меня обуревал дикий гнев. Конечно, я знала, что представляет собой Карлос, и подозревала, что он волочится за другими женщинами, но убийство!.. Мне и в голову не приходило, что он способен испачкать руки кровью. Во всем этом было нечто нереальное. Я решила отомстить ему. Но развод для этого не подходил. Карлос должен был думать, что все идет по его плану.

Разумеется, я ставила на карту свою жизнь. Возможно, в глубине души я не до конца этому верила. Как бы то ни было, лучшая часть моей жизни уже миновала, и если она сократится на несколько лет... Это покажется бессмысленным всем, кроме женщины, которая, как и я, становится старой, толстой, безобразной и всеми забытой после многих лет славы, аплодисментов и всеобщего восхищения.

С тех пор я смотрела в оба и вскоре обнаружила, что мои подозрения насчет Карлоса и других женщин были более чем обоснованны. Он даже соблазнил мою секретаршу Джин Темпл — неудивительно, что бедняжка стала такой нервной. Женщин я не виню — Карлос обладает чем-то, против чего они не в силах устоять. Конечно, из-за своих подозрений я не стала рвать наше добрачное соглашение, хотя убедила Карлоса, что сделала это. Оно давало мне еще одно оружие против него, и притом самое болезненное.

Разумеется, у меня имеется и другое оружие — новое завещание, которое я написала симпатическими чернилами. Я также оставила ключ невидимыми чернилами на странице моего дневника за 1 декабря. Все это на тот случай, если меня убьют. Не знаю, чего ждет Карлос — вероятно, удобной возможности, которой я стараюсь ему не

предоставлять. Но что-то в его поведении подсказывает мне, что срок близится. Если я права относительно его намерений, — а я уверена, что это так, — то он получит по заслугам, и причем в самое больное место. Я начала поиски единственного ребенка моей сестры, Лоретт Спанье, которой завещала большую часть моего состояния. Это должно стереть все обаяние с лица Карлоса! Хотела бы я посмотреть на него во время чтения завещания!

Те, кто прочитают это, должны знать следующее. Если я умру насильственной смертью, то это подстроил мой муж. Хотя у него будет надежное алиби, он так же виновен, как если бы совершил убийство собственными руками. Женщина — всего лишь его орудие.

Я пыталась выяснить, кто такая девушка, которая была в моей квартире той ночью, когда я подслушала, как Карлос планирует мое убийство, но он был слишком осторожен и, насколько мне известно, больше не виделся с ней, разве только тайком. Поэтому я не знаю ее имени, хотя у меня есть странное чувство, что я уже видела ее раньше. Прилагаю ее описание: чуть больше двадцати пяти лет, очень светлая кожа, рыжевато-каштановые волосы, рост около пяти футов трех дюймов, изящная фигура, красивые глаза (цвет я не смогла разглядеть), говорит с актерской дикцией (возможно, я видела ее на Бродвее или на гастролях), одевается в стиле Гринвич-Виллидж. На правой щеке заметная родинка в форме почти абсолютно симметричной бабочки, по которой ее легко опознать. Эта девушка — сообщница Карлоса. Если меня убьют, то это сделала она — ради него.

Глори Гилд».

Инспектор Квин оторвал взгляд от последней страницы, покосился на родинку Роберты и пожал плечами, потом положил завещание на стол Вассера и отвернулся.

— Родинка в форме бабочки! — воскликнул Гарри Берк. — Вот почему Роберта показалась ей знакомой. Ты ведь говорила, Берти, что встречалась с ней и Армандо, когда играла летом в репертуарном театре. Должно быть, это застряло у нее в голове.

— Но Глори Гилд все неправильно поняла, — дрожащим голосом сказала Роберта. — Вероятно, она убежала из квартиры той ночью в мае прежде, чем я категорически отказалась от предложения Карлоса и тоже ушла. Если бы она задержалась хотя бы на несколько минут, то

знала бы, что я не пожелала принимать в этом участие, и никогда бы не написала такого — во всяком случае, обо мне.

Берк похлопал ее по руке.

— Конечно нет, Берти.

— А выследить меня она не смогла, потому что я больше не видела Карлоса вплоть до ночи убийства, когда он явился в мою квартиру, чтобы использовать меня в качестве алиби! — Родинка-бабочка на ее щеке вздрагивала от волнения. — Господи, почему я оказалась в этом замешанной?

Берк сердито уставился на Эллери, как будто ожидая от него слов утешения. Но Эллери сгорбился на своем стуле, посасывая костяшки пальцев.

Некоторое время все молчали.

— Итак, — пробормотал наконец инспектор Квин, — мы вернулись к тому, с чего начали. Единственный ключ, который у нас был, оказался пустым номером, не приблизив нас ни на дюйм к женщине, которая выполнила для Армандо грязную работу.

— Но это доказательство против него, инспектор, — запротестовал Вассер. — Теперь у вас есть не только показания мисс Уэст, но и документальное подтверждение предложения, которое Армандо ей сделал.

Но инспектор покачал головой.

— Чтобы добраться до Армандо, мистер Вассер, нам нужна женщина. — Он бросил угрюмый взгляд на сына. — Я заметил, что ты все время молчишь.

— А чего тут говорить? — отозвался Эллери. — Ты сам все сказал, папа. Нам придется все начать сначала.

Глава 37

Они начали все сначала, но в награду за свои труды не получили ничего, что бы не знали раньше.

Армандо вел себя крайне осторожно. Он больше не виделся с миссис Арден Влитланд (Платформой) — героиней ньюпортского скандала стоимостью в сотню тысяч долларов. Миссис Гerti Ходж Хаппенклаймер из Чикаго и с Бикмен-Плейс, в свою очередь, больше не виделась с ним, — очевидно, ее пристрастие к использованным

игрушкам сменилось более безопасными развлечениями, а Армандо также не делал видимых попыток возобновить встречи. Лошадница и алкоголичка Даффи Дингл все еще «просыхала» в лечебнице неподалеку от Бостона. Армандо бросил и Джин Темпл, остававшуюся в квартире на Восточной Сорок девятой улице с Вирджинией Уайтинг, иногда уезжая из нее, чтобы выполнять подвернувшуюся секретарскую работу, и, несомненно, все еще лелея в своей впечатляющей груди воспоминания о краткой любовной связи. Доктор Сьюзан Меркелл казалась слишком занятой профессиональными обязанностями, чтобы общаться с Армандо, а может быть, его горло внезапно исцелилось. Марта Беллина вновь гастролировала — в Европе или где-то еще. О Селме Пилтер они даже не стали беспокоиться — Армандо ловил рыбку помоложе. О таинственной женщине под фиолетовой вуалью по-прежнему не было известно абсолютно ничего, словно она была призраком из готического романа, созданным чьим-то разгоряченным воображением.

Армандо сосредоточился на Лоретт Спанье, играя роль доброго дядюшки и садовника, выращивающего молодые таланты. Он регулярно посещал ее репетиции, сидя в пустом партере Римского театра, пока она разучивала новый номер Билли Годенса или работала над старыми, появлялся за кулисами по окончании репетиции, отвозил ее домой или в уютный ресторанчик, если она не слишком уставала, утешал ее, когда она пребывала в угнетенном состоянии. Его видели с ней повсюду.

— Маленькая дурочка! — ворчал Гарри Берк. — Неужели у нее нет элементарного чувства осторожности?

— Ей одиноко, Гарри, — пояснила Роберта. — Ты просто не понимаешь женщин.

— Зато я хорошо понимаю таких, как Армандо!

— Я тоже, — мрачно отозвалась Роберта. — Но не суди Лоретт по своим мужским стандартам, дорогой. Она найдет способ позаботиться о себе. Большинству из нас это удается — женщины рождаются с подобным инстинктом. Сейчас она нуждается в человеке, которому можно излить душу. Карлос легко с этим справляется.

— Он обведет Лоретт вокруг пальца, как ее тетю, — фыркнул Берк.

— Но ведь он не смог обмануть Глори Гилд, судя по ее тайному посланию, верно?

— Тогда почему она лежит в гробу бездыханная?

— Карлос не причинит вреда Лоретт. Ему нужны ее деньги.

— Он и их получит! — Берк усмехнулся. — Впрочем, ненадолго, дорогая. Ты недооцениваешь малютку Лоретт. Сейчас она, возможно, строит из себя дуру, но это до поры до времени. Чтобы получить деньги, Карлосу придется на ней жениться, и я чувствую, что в этом вопросе Лоретт окажется не настолько доверчивой.

— Сумел же он жениться на ее тете!

— Джи-Джи была практически старухой, а Лоретт молода и красива. Это всего лишь эпизод. Как бы то ни было, к чему нам тратить время на разговоры о них? Завтра я должен рано встать.

Они переключились на другое занятие, от которого у обоих перехватило дыхание.

Роберта получила роль в захудалом театре, где не должна была произносить ни слова, а только появляться на сцене в каждом из трех бесконечных актов в телесного цвета бикини, танцуя фраг.^[163]

— Автор говорил мне, что написал это под влиянием ЛСД,^[164] — рассказывала она Берку, — и я ему охотно верю. — Каждый вечер Роберта возвращалась домой еле волоча ноги.

Для шотландца наступили трудные времена. Пока Роберта репетировала, он проводил большую часть времени с Эллери, без толку торча в Главном полицейском управлении. Они напоминали пару из третьесортной драмы, не переносящую друг друга на дух, но связанную воедино невидимыми узами, как сиамские близнецы.

Их диалоги были кошмарными.

— Вас тошнит от меня так же, как меня от вас? — спрашивал Эллери.

— Верно, — огрызнулся Берк.

— Тогда почему вы не выходите из игры?

— Не могу, Эллери. А вы почему?

— Я тоже не могу.

— Выходит, мы товарищи по несчастью?

— То-то и оно.

Инспектор Квин советовался с окружным прокурором.

— Как насчет того, чтобы отдать Армандо под суд без сообщницы, Херман?

Прокурор покачал головой.

— Но ведь у нас есть сообщение Глори между строк и показания Роберты Уэст, — настаивал инспектор. В действительности он спорил с самим собой, используя окружного прокурора в качестве резонатора.

— Ну и что из того, Дик? Это доказывает только возможность преступного намерения с его стороны за семь месяцев до самого преступления. Даже если я бы смог предъявить обвинение в суде, можешь представить, что бы из него сделала защита? А ты знаешь, что Армандо нанял бы лучших адвокатов. Если хочешь знать мое мнение, Дик, то этот ублюдок просто наслаждался бы рекламой. Будь я проклят, если доставлю ему такое удовольствие без полной гарантии выиграть дело. Наш единственный шанс — та женщина.

— Какая? — буркнул инспектор. — Начинаю думать, что она никогда не существовала.

Тем не менее старый воин не сдавался. Он регулярно вызывал Карлоса Армандо в управление с расчетливым намерением действовать ему на нервы, как объяснял Эллери и Гарри Берку. Но пока что это действовало на нервы только самому инспектору. Казалось, визиты на Сентр-стрит только развлекают Армандо. Он уже не жаловался на травлю и не грозил судом. Его отрицательные ответы были обильно смазаны елеем, с губ не сходила улыбка, а однажды он даже предложил старику сигару.

— Я не курю сигары, — рявкнул инспектор, — а если бы курил, то не стал бы курить гаванскую, а если бы стал, то не принял бы ее от вас, а если бы принял, то наверняка бы ею подавился.

Армандо предложил сигару Эллери, который принял ее с задумчивым видом.

— Передам сигару какой-нибудь крысе, которую захочу отравить, — вежливо сказал он.

Армандо продолжал улыбаться.

— Он издевается надо мной, — бушевал инспектор, — и наслаждается каждой минутой этого! Спрашивает, почему я его не арестовываю! В жизни никого так не ненавидел! Лучше бы я сделал карьеру в департаменте улучшения санитарных условий. — В ответ на

озадаченные взгляды своих сотрудников он добавил: — Тогда у меня были бы полномочия избавляться от подобного мусора.

В итоге старик перестал вызывать Армандо на Сентр-стрит.

— Выходит, дело останется нераскрытым? — спросил Берк.

— Черта с два, — огрызнулся инспектор. — Я не брошу его, пока из-под меня не выдернут стул. Но эти допросы вызывают катар желудка у меня, а не у Армандо. Мы временно оставим его в покое и будем надеяться, что он, в упоении собой, расслабится и совершит ошибку. Может быть, Армандо свяжется с женщиной под вуалью, или она попытается связаться с ним. Я держу его под круглосуточным наблюдением.

Слежку вели не только люди инспектора Квина, но и Эллери, который терял при этом в весе больше, чем мог себе позволить. Он повидал много интересного в клубах «Плейбой» и «Гэслайт», в ресторанах «Дэннис Хайдауэй», «Динти Мурс», «Сарди» и «Линди» и еще больше в пахнущих плесенью интерьерах Римского театра, но не мог похвастаться ничем, кроме изжоги и нередкого похмелья.

— Тогда почему вы это делаете? — спросил его Гарри Берк.

— Знаете, что говорят о надежде? — Эллери пожал плечами.

— Старая игра, — вздохнул Берк. — Посмотрим, у кого больше терпения — у лисицы или у охотника. Никаких результатов?

— Абсолютно никаких. Хотите поучаствовать в погоне за тенью?

— Нет, спасибо. У меня нет к этому склонности. Рано или поздно я бы придушил этого мерзавца. А вот и Роберта!

С появлением Роберты у Берка внезапно пропало желание огрызаться на Эллери и выслушивать ответные шпильки. Однажды вечером, когда Роберта вернулась в свою каморку из каморки в Гринвич-Виллидж, где она весь день танцевала фраг на сцене и потому была не в том состоянии, чтобы противиться естественным человеческим эмоциям, шотландец вооружился мужеством, как его предки — палашами, и отважно устремился в атаку.

— Роберта. Берт. Берти. Я больше не могу этого выносить. Можешь говорить что угодно о полицейских ищейках, но они ведут чертовски скучную жизнь. Я просто схожу с ума. Я имею в виду...

— Ты имеешь в виду, что хочешь вернуться домой, — закончила Роберта.

— Вот именно! Ты меня понимаешь, верно?

— О да, — отозвалась Роберта с тончайшим слоем льда в голосе, который она всегда жаждала использовать в роли шекспировской леди Макбет. — Конечно, понимаю.

Берк просиял.

— Тогда все решено. Не так ли? — с беспокойством добавил он.

— Что именно?

— Я думал...

К его ужасу, Роберта заплакала.

— О, я не виню тебя, Гарри...

— В чем дело, Берти?

— Н-ни в чем.

— Тогда почему ты плачешь?

— Я не плачу. Чего ради мне плакать? Конечно, ты хочешь вернуться домой — ведь ты на чужой земле. Ни игры в дартс в пабах, ни рокеров и модов,^[165] ни смены гвардейского караула... У меня болит голова, Гарри. Доброй ночи.

— Но... — Глаза Гарри выражали полное недоумение. — Но я думал... — Он не договорил.

— Да. Ты всегда думаешь. Ты такой рассудочный, Гарри. — Роберта внезапно оторвалась от подушки, на которую проливали слезы. — О чем ты думал?

— Я думал, ты понимаешь, что я не имел в виду...

— Иногда, Гарри, ты способен довести до белого каления. Неужели ты не можешь просто и внятно говорить по-английски?

— Я шотландец, — чопорно произнес Берк. — Возможно, мы говорим на разных языках, но то, что у меня в голове, должно быть понятно всем. Я не имел... то есть имел в виду...

— Да, Гарри?

— Черт побери! — Борцовская шея Берка побагровела от напряжения. — Я хочу, чтобы ты поехала со мной!

Роберта выпрямилась и стала приводить в порядок волосы.

— Это было бы очень приятно, Гарри, при других обстоятельствах. Конечно, ты не умеешь делать девушкам недостойные предложения — у тебя нет *savoir-faire*^[166] таких людей, как Карлос или даже Эллери Квин, но полагаю, учитывая источник, я должна воспринять это как комплимент. По-своему ты очень мил. Ты действительно предлагаешь финансировать мою поездку в Англию в

обмен на мои не освященные браком объятия? Я бы очень хотела повидать Англию — Стратфорд-на-Эйвоне^[167] и все прочее, хотя, конечно, не могла себе этого позволить. Но боюсь, дорогой, я не могу согласиться. Очевидно, у тебя сложилось неверное впечатление обо мне. То, что обстоятельства вынудили меня признаться в былой связи с этим чудовищем Карло-сом, не дает тебе права думать, что я... девушка подобного сорта. По крайней мере, спасибо за то, что тебе захотелось провести со мной хотя бы несколько ночей любви. Но сейчас я устала и хотела бы лечь спать — одна. Спокойной ночи, Гарри.

— Заткнешься ты или нет? — рявкнул шотландец. — Ни черта ты не поняла! Я хочу жениться на тебе!

— О, Гарри! — воскликнула Роберта. — Если бы я только знала...

Больше ей ничего не удалось произнести. Все остальное утонуло в объятиях и поцелуях.

— Ну, старина, — радостно сообщил Берк Эллери на следующий день, — я наконец сделал предложение.

Эллери усмехнулся:

— И как же Роберте удалось вытянуть его из вас?

— Прошу прощения?

— Бедная девушка неделями ожидала услышать это от вас. Может, даже месяцами. Это заметил бы всякий, кроме одуревшего от любви шотландца. Поздравляю. — Эллери пожал Берку руку.

Они решили пожениться, как только авангардистская дребедень, которую репетировала Роберта, сойдет со сцены, что, как предсказывала мисс Уэст, наверняка произойдет очень скоро.

— Мы подставим наши шеи под брачное ярмо в доброй старой Англии, — сказал Берк. — Мне не терпится оказаться в самолете, дружище. По правде говоря, я сыт по горло вашей прекрасной страной.

— Иногда, — с тоской отозвался Эллери, — мне хочется, чтобы вы победили нас в Йорктауне.^[168]

Прокляв графа Армандо и его цыганских предков, он вернулся к своему роману.

Рецензии на ревю Оррина Стайна читались так, словно они были нацарапаны впопыхах в момент оргазма, а не спокойно сочинены во время последующего расслабления. Театральный сезон протекал вяло, и время требовало выброса страстных эмоций критиков.

Или, возможно, причина была в легендарной удачливости Оррина Стайна. Он никогда не терпел фиаско, а в недобром мирке, где жили и работали театральные режиссеры, успех злорадно оценивали в терминах азартных игр, но не в контексте таланта к игре.

Но с Лоретт Спанье все было очевидно. Исполнитель по определению должен исполнять, и единственный вопрос — насколько хорошо он это делает. Ответ, о котором оповестили кричащие заголовки газет, был недвусмысленным. Критики называли Лоретт последней любовью Бродвея. «Стайн нашел звезду!» — оповещал «Вэрайети», сам Уолтер Керр^[169] провозгласил ее логической преемницей Глори Гилд, «Лайф» поместил ее краткий биографический очерк, очереди выстраивались у касс и осаждали служебный вход в театр, рассчитывая на автограф. Селма Пилтер подписала контракт, став официальным менеджером Лоретт Спанье — до сих пор старуха трудилась на основании устной договоренности — с полного одобрения Армандо: «Лучше иметь дело с Селмой, сага, чем подставляться всем акулам в этом беспощадном бизнесе». Из Западного Берлина пришла поздравительная телеграмма от Марты Беллины с напутствием контролировать подачу звука.

Премьера состоялась в четверг вечером. Во второй половине дня в пятницу Эллери позвонил по не указанному в справочниках номеру Кипа Кипли.

— Можешь достать мне два билета на ревю Оррина Стайна? Я пытался, но безуспешно.

— На какой год они тебе нужны? — осведомился обозреватель.

— На субботу.

— На эту субботу?!

— Вот именно.

— Кто я, по-твоему, — Джеки Кеннеди? Ладно, попробую. — Он позвонил через десять минут. — Не возьму в толк, почему я чешу тебе спину, когда ты должен мне невесть сколько pro quo. Билеты будут в кассе.

— Спасибо, Кип.

— Засунь свою благодарность сам знаешь куда. Дай мне что-нибудь для печати — и мы в расчете.

— Сам бы этого хотел, — искренне отозвался Эллери и со вздохом положил трубку.

Несмотря на приближающийся срок сдачи романа в издательство, дело Гилд продолжало его беспокоить. Он понятия не имел, почему внезапно решил посмотреть ревью. Это не имело никакого отношения к размерам таланта Лоретт — Эллери верил Бродвею на слово и, как правило, избегал посещать мюзиклы. Тем не менее, приписывая это профессиональному инстинкту держать палец на пульсе труппа, он в субботу вечером взял за руку сопротивляющегося отца (для инспектора мюзиклы умерли вместе с их постановщиками Флоренцом Зигфелдом и Эрлом Кэрроллом; «Оклахому» он считал скучной, а «Мою прекрасную леди» — фантастической чепухой) и отправился вместе с ним в Римский театр.

Их такси пришлось выдержать обычное сражение с транспортом (ни один житель Нью-Йорка в здравом уме не поехал бы на своей машине в театральный район субботним вечером). Обменявшись окрашенными ностальгией замечаниями по поводу вульгарной атмосферы современной Таймс-сквер и растолкав не желающую пропускать их очередь в кассу старого Римского театра — этой Валгаллы,^[170] о которой мечтал каждый фанат хит-шоу, — они наконец заняли места в середине шестого ряда партера, перед проходом.

— Неплохие места, — промолвил частично умиротворенный инспектор. — Как тебе это удалось? — Он не знал о просьбе, с которой Эллери обратился к Кипли. — Должно быть, они обошлись тебе в половину недельного жалованья. Моего жалованья, если на то пошло.

— Деньги еще не все, — нравоучительно отозвался Эллери и углубился в чтение программки. О некоторых вещах не стоило рассказывать даже отцу.

Ревю плавно подкатывалось к концу первого акта, где анонсировались песни в исполнении Лоретт Спанье. Казалось, все в зале держали программки открытыми на этой странице — Эллери косился по сторонам, чтобы убедиться в этом. В атмосфере старого театра словно вспыхнуло нечто, оставившее запах серы. Такое

случалось примерно каждые десять лет при рождении новой звезды. Можно было почти что слышать треск искр.

Но даже он замер, когда зал погрузился в темноту, предшествующую появлению Лоретт. Тишина была настолько тяжелой, что, казалось, вот-вот лопнет под собственным весом, а темнота — такой же ощутимой, как и безмолвие. Эллери напрягся на самом краю сиденья, чувствуя, что его отец — наименее впечатлительный из всех известных ему людей — сделал то же самое.

Никто не шаркал ногами и не кашлял.

Внезапно ослепительно-белый конус устремился в середину сцены. Лоретт сидела, купаясь в его свете, за широким розовым роялем, сложив руки на коленях. Фоном ей служил черный бархатный задник с вышитой на нем гигантской розой «американская красавица». Она была одета в украшенное блестками вечернее платье того же цвета, что и роза, с высоким воротником и голой спиной. Драгоценности отсутствовали, а белая кожа и золотистые волосы выглядели вытисненными на бархате. Лоретт смотрела не на публику, а на свои руки. Казалось, она пребывает в полном одиночестве, слушая нечто недоступное обычным людям.

Полминуты Лоретт оставалась в такой позе. Затем она повернулась к дирижеру в оркестровой яме. Он поднял палочку, застыл на миг, а когда опустил ее, оркестр разразился полным душевной муки мощным аккордом медных духовых, к которому примешивались вздохи публики.

За аккордом последовали нежные звуки вступления к уже успевшей прославиться песне Годенса «О где же ты?». Оркестр умолк, Лоретт подняла руки, сыграла быстрое арпеджио, вскинула голову и начала петь.

Голос был почти таким же, какой слышал Эллери на репетиции, но не вполне. Он стал объемнее, в нем появилось нечто неосязаемое, создающее разницу между качеством и стилем. Решила ли Лоретт продемонстрировать все свои возможности, или же Марта Беллина открыла ей какой-то уникальный секрет певческого искусства, но теперь голос обладал качеством Глори Гилд и индивидуальным стилем самой Лоретт. Уолтер Керр был абсолютно прав. В том смысле, в каком новое поколение, унаследовав родительские гены, добавляет к ним

нечто свое, образуя новые комбинации, племянница действительно являлась «логической преемницей» тети.

В голосе ощущалась свойственная Глори Гилд интимность, едва заметная пульсация страсти, обращенная к каждому слушателю в отдельности. Новым же была отсутствовавшая у Глори поразительная сосредоточенность на себе, как будто Лоретт вовсе не осознавала присутствия зрителей. Интимность являлась скорее следствием, чем причиной. Казалось, Лоретт поет для себя, в уединении своей спальни, позволяя себе эротическую свободу самовыражения, которую никогда бы не решилась продемонстрировать публично. Это превращало каждого мужчину и каждую женщину в зале в соглядатая, прикладывающего ухо к запретной двери, отчего подскакивает давление и затрудняется дыхание.

Впечатление было потрясающим.

Борясь с эффектом, производимым пением Лоретт на его нервную систему, Эллери старался наблюдать за тем, что происходит с публикой. Его отец склонился вперед, полузакрыв глаза, с улыбкой на стариковских губах, в которой ощущались радостные и горестные воспоминания. Другие лица, которые Эллери сумел различить в почти полной темноте, также вызывали чувство смущения — маски приличия и самоконтроля были с них сорваны; они демонстрировали собой целую гамму эмоций в полной наготе. Зрелище было не из приятных — оно отталкивало и притягивало одновременно. Господи, думал Эллери, эта девушка станет деструктивной социальной силой, она превратит людей в одиноких волков, уничтожит жажду общения среди молодежи и заменит марихуану и ЛСД в колледжских спальнях. Ее пластинки будут продаваться десятками миллионов. Конечно, она не может осознавать потенциальной опасности своего дара, но против нее следует принять закон.

За первой песней последовал ряд других: «Любовь, любовь», «Ты мое несчастье», «Больше луна не взойдет», «Возьми меня» и «Я хочу умереть».

Руки Лоретт вновь опустились на колени. Казалось, она не слышит рева и грохота аплодисментов, сотрясающих театр. Лоретт сидела, даже не оборачиваясь, опустив взгляд и погрузившись в эхо своего пения. Эллери не сомневался, что таковы были инструкции

Оррина Стайна, но он не думал, чтобы девушка реагировала иначе, даже если бы Стайн не дал ей никаких указаний.

Публика не давала ей закончить выступление. Занавес после первого акта опускался и поднимался вновь, а маленькая фигурка в блестящем платье все еще сидела у огромного фортепиано на пустой сцене. «Бис! Бис! Бис!» — гремело в зале. Наконец Лоретт повернулась к публике на вращающемся табурете, сверкая розовым в свете прожектора. Моментально воцарилась тишина. — Мне бы хотелось петь для вас еще и еще, — заговорила она. — Но впереди продолжение чудесного шоу мистера Стайна, поэтому у меня есть время только для одного биса. Думаю, Билли Годенс не будет возражать, если я вернусь в далекое прошлое. Текст этой песни написан человеком, который, вероятно, памятен вам по деятельности далекой от музыки, — Джеймсом Дж. Уокером,^[171] а музыка — Эрнестом Р. Боллом. Впервые песня была опубликована в 1905 году, а воскрешена и стала знаменитой в конце 20-х годов, когда Джимми Уокер был мэром Нью-Йорка. Она пользовалась особой любовью Глори Гилд — моей тети.

Эллери не сомневался, что это было пронизательным ходом Стайна — произнести вслух имя Глори Гилд, вытянув на свет то, что таилось в темных уголках мыслей всех присутствующих.

Лоретт повернулась к роялю. Снова воцарилось наэлектризованное молчание. Все затаили дыхание. Она начала петь.

Возможно, выбор был неудачным с музыкальной и поэтической точки зрения. Музыка Болла была приторно-сладкой, а скверно рифмованные стихи Уокера вызывали в воображении образы птиц в золоченых клетках и бедных девушек, трудящихся за швейными машинками.

Солнечным летом, моя дорогая,
Твердишь ты, что любишь меня.
Тебе отдаю я, восторгом пылая,
Всего без остатка себя.
Но я прошлой ночью увидел во сне
Себя стариком несчастным.
Будешь любить ли, подумалось мне,
Меня, как любишь сейчас ты?

Будешь любить ли меня в декабре.
Так же, как любишь в мае?
Об этом я думаю ночью и днем,
Но все же ответа не знаю.

Лоретт исполняла песню *molto espressivo*,^[172] в стиле английского мюзик-холла. Эллери качал головой. Это была ошибка, и он надеялся, что Оррину Стайну или Билли Годенсу вскоре придет в голову позаботиться о том, чтобы номер Лоретт на бис не казался столь пародийным. В устах любой другой певицы он вызвал бы только улыбки, если не смешки. К чести Лоретт, приходилось признать, что публика была так же захвачена этой песней из другого времени и другого мира, как действительно увлекательной музыкой Годенса.

Слушая юношеские излияния «Красавчика Джеймса» — именно так Джин Фаулер озаглавил свою биографию Джимми Уокера, — Эллери вспомнил, что тема сентиментальных виршей, особенно явственно звучащих в хоровом припеве, по-видимому, преследовала их автора до самого смертного часа. Согласно Фаулеру, через четыре десятилетия после первой публикации песни, которую Лоретт Спанье исполняла спустя еще почти двадцать лет, когда домогающийся известности поэт-песенник, впоследствии адвокат, сенатор, мэр и плейбой-политикан, сидел в затемненной комнате, страдая болезнью, вскоре сведшей его в могилу, он внезапно включил свет, схватил карандаш и начал сочинять текст для новой песни, закончив его следующими строчками:

Декабрь никогда не наступит,
Если ты не забудешь май.

После четырех десятилетий и двух мировых войн Джимми Уокер вернулся к тому, с чего начал.

«Хотел бы я проделать то же самое с расследованием убийства Глори Гилд», — подумал Эллери.

Декабрь никогда не наступит...

Эллери выпрямился, словно от удара током. По сути, так оно и было. При других обстоятельствах такое совпадение показалось бы забавным. Он переместил левый локоть на подлокотнике сиденья, и острый край надавил на чувствительный нерв в подлоктевой впадине. Эллери едва не вскрикнул от боли.

Инспектор Квин сердито шикнул на него. Пение Лоретт было для старика частичкой его молодости.

Но для Эллери оно явилось предвестником ближайшего будущего. Он мог бы вскрикнуть, даже не травмировав нерв, ибо был поражен в куда более уязвимое место.

— Папа...

— Заткнись! — прошипел отец.

— Папа, нам нужно уходить.

— Что?!

— По крайней мере, мне.

— Ты рехнулся? Черт возьми, из-за тебя я пропустил конец песни!

Лоретт умолкла, и со всех сторон грянули аплодисменты. Она поднялась с табурета, положив белую руку на розовое фортепиано; ее голубые глаза поблескивали в свете прожектора. Потом занавес опустился и в зале зажегся свет.

— Не понимаю, что на тебя нашло, — жаловался старик, когда они пробирались по проходу. — Ты способен все испортить, Эллери, — это у тебя от рождения. Господи, что за голос! — Он продолжал говорить о Лоретт и своих впечатлениях.

Эллери молчал, пока они не вышли в переполненный вестибюль. Он морщился, как от боли.

— Тебе не обязательно уходить, папа. Можешь остаться и досмотреть шоу. Увидимся дома.

— Погоди. Что тебя гложет?

— Я просто кое-что вспомнил.

— О деле Гилд? — тут же спросил старик.

— Да.

— Что именно?

— Предпочитаю пока не говорить. Сначала я должен кое-что проверить. Оставайся, папа. Я не хочу портить тебе вечер.

— Ты его уже испортил. Как бы то ни было, остальная программа меня не интересует. Я получил удовольствие за свои деньги, даже с избытком. Ну и певица! А дело Гилд мне тоже не дает покоя. Куда мы пойдем?

— Кажется, ты передал окружному прокурору копию завещания Глори Гилд с тайным посланием между строк, которую мы обнаружили в офисе Вассера?

— Да.

— Я должен разыскать его.

— Вассера?

— Окружного прокурора.

— Хермана? Субботним вечером?

Эллери молча кивнул.

Инспектор покосился на него, но ничего не сказал. Они с трудом выбрались на Сорок седьмую улицу, нырнули в ближайший ресторан, нашли телефонную будку, где Эллери провел двадцать пять минут, отслеживая окружного прокурора. Он оказался на политическом банкете в отеле «Уорддорф», и его голос звучал весьма недовольно. Банкет освещала пресса и телевидение.

— Сейчас? — переспросил он. — В субботу вечером?

— Да, Херман, — ответил Эллери.

— А это не может подождать до утра понедельника?

— Нет, Херман.

— Перестаньте говорить, как персонаж водевиля! — огрызнулся прокурор. — Ладно, таинственная личность, встречусь с вами и инспектором в своем офисе, как только туда доберусь. Но если от этого не будет никакой пользы...

— Польза — не то слово, — пробормотал Эллери и повесил трубку.

Глава 39

К тому времени как Эллери прогрызся сквозь бисерный почерк между отпечатанными строчками копии завещания Глори Гилд, он выглядел постаревшим на десять лет.

— Ну? — осведомился окружной прокурор. — Вы нашли то, что искали?

— Нашел.

— Что нашел, сынок? — спросил инспектор. — Когда я читал это вслух в офисе Вассера, то не пропустил и не изменил ни слова. В чем же дело?

— В этом самом. Вы оба должны дать мне время.

— Ты имеешь в виду, что не собираешься говорить даже теперь? — проворчал старик.

— Вытащил меня с банкета, где присутствовали все СМИ, — обратился к потолку прокурор, — да еще в субботний вечер, чтобы жена подумала, не улил ли я с какой-нибудь цыпочкой, и не желает открывать рот! Слава богу, Дик, что у меня нет такого чокнутого сынка. Я возвращаюсь в «Уорддорф» и не буду доступен до утра понедельника, если не хочу, чтобы меня бросила жена, а я этого не хочу. Когда этот шут гороховый будет готов сообщить простому слуге народа, что у него на уме, дай мне знать. Уходя, не забудьте запереть дверь.

— Ну? — осведомился инспектор Квин, когда хозяин офиса удалился в праведном гневе.

— Не сейчас, папа, — отмахнулся Эллери.

Старик пожал плечами. Он уже давно смирился с подобным поведением сына. Домой они ехали молча.

Оставив своего отпрыска в его кабинете, инспектор отправился спать, выпятив нижнюю губу и уставясь взглядом в какой-то таинственный туннель, который, судя по выражению его лица, был населен отвратительными чудовищами.

Глава 40

Итак, лицо тайны повернулось со своей трехчетвертной позиции, и Эллери наконец увидел его анфас.

Часть четвертая

ЛИЦО АНФАС

Глава 41

Инспектор с трудом разбудил сына.

— Что?! — крикнул Эллери, вскакивая в кровати.

— Я еще ничего не сказал, — усмехнулся его отец. — Вставай. У тебя гости.

— Сколько сейчас времени?

— Одиннадцать, и сегодня воскресенье, если ты забыл. Когда ты лег?

— Не знаю, папа. В четыре или в пять. Что за гости?

— Гарри Берк и Роберта Уэст. Если хочешь знать мое мнение, — добавил старик, задержавшись в дверях, — эти двое что-то замышляют. Они выглядят слишком счастливыми.

Это соответствовало действительности. Шотландец энергично посасывал давно погасшую трубку, его рыжеватые брови двигались, как поршни, бычья шея пламенела, а прозрачные гдаза отплясывали джигу. Правой ручищей он сжимал левую руку Роберты, которая явно не возражала против этого. Эллери еще никогда не видел ее такой оживленной. Она весело засмеялась, как только он вышел из спальни в полинявшем старом халате и стоптанных шлепанцах.

— Попробуйте угадать, Эллери! — воскликнула она. — Мы собираемся пожениться!

— А я по этому поводу должен пуститься в шотландскую пляску? — буркнул Эллери. — Это потрясающее известие дошло до меня уже некоторое время тому назад.

— Но мы изменили наши планы, Эллери.

— Мы не станем ждать, пока шоу Берти сойдет со сцены, чтобы отправиться в Англию, — возбужденно объяснил Берк. — Она уволилась оттуда, и мы намерены пожениться здесь и сейчас.

— В моей квартире? — мрачно осведомился Эллери.

— Я имел в виду, в Нью-Йорке и сегодня.

— Вот как? — Эллери оживился. — И какова же причина перемены стратегии? Пожалуйста, садитесь оба. Не выношу людей, которые скачут, как попрыгунчики, воскресным утром. Папа, в холодильнике есть томатный сок? Сегодня мне нужна лошадиная доза.

— Это все Гарри. — Роберта опустилась на стул у обеденного стола в нише гостиной. — Он такой нетерпеливый — совсем не может ждать.

— Не могу, — подтвердил Берк, садясь рядом с ней и снова беря ее за руку. — Какой смысл ждать? Если подумать, нам нужен только священник.

— Вам также нужна маленькая вещица, именуемая разрешением на брак... Спасибо, папа. — Эллери сделал большой глоток из стакана с кроваво-красной жидкостью. — Реакция Вассермана,^[175] трехдневный срок и так далее. Как вы предполагаете проделать все это сегодня?

— О, мы уже неделю назад получили результаты анализов и разрешение, — сказала Роберта. — Можно и мне сока, инспектор? Он выглядит так аппетитно, а я не завтракала и даже не ужинала. Гарри был так настойчив...

— Не сваливайте все на Гарри, — недовольно сказал Эллери. — Он не мог сдать за вас кровь на реакцию Вассермана. Ну, полагаю, я должен вас поздравить. Могу я сделать что-либо еще?

— В вас не чувствуется особого энтузиазма, — заметил Берк. — Вы нас не одобряете?

— Не злитесь, приятель. Чего ради мне испытывать энтузиазм? Ведь женитесь вы, а не я. У нас есть яйца, папа?

— Спасибо, инспектор. — Роберта с жадностью глотнула сок.

— Не за что, — отозвался старик. — Хотите еще что-нибудь?

— Я бы с удовольствием. — Девушка поставила стакан. — А ты, Гарри?

— Пошли, Берти. — Берк сердито уставился на Эллери. — Позавтракаем в кафе.

— Гарри!

— Не надо кипятиться, Гарри, — сказал Эллери. — В воскресенье утром я не в лучшей форме. Папа готовит самую лучшую яичницу-болтунью во всем Вест-Сайде. Попробуйте.

— Нет, благодарю вас, — чопорно отозвался Берк.

— И побольше тостов, пожалуйста, инспектор, — попросила Роберта. — Гарри, не будь занудой.

— Сейчас. — Инспектор снова исчез в кухне.

— Эллери мог бы проявить хоть какой-то энтузиазм, — пожаловался Берк. — И при чем тут воскресное утро?

— Все дело в том, что оно наступает после субботнего вечера, — объяснил Эллери. — А я лег спать, когда утро уже наступило.

— Нечистая совесть, головная боль или аппетитная бабенка? А может, все три причины сразу?

— Мы с папой вчера смотрели ревю Оррина Стайна.

Берк выглядел озадаченным.

— Ну и что? Его смотрели многие и, как я слышал, получили большое удовольствие. Иногда вы порете чушь, Эллери.

— Лоретт пела одну песню... — Эллери оборвал фразу. — Не важно. Мы говорили о вашем вынужденном браке. — Эллери выглядел так, словно проглотил что-то горькое.

— Вынужденном? — негодуя отозвалась Роберта. — Не знаю, где частные детективы заработали дурную репутацию. С Гарри девушка в большей безопасности, чем с фиалкой. Мы с Гарри долго обсуждали, идти нам смотреть Лоретт или нет. — Роберта резко переменяла тему. — Яичница и бекон пахнут восхитительно! А лучше запаха поджариваемых тостов вообще ничего не бывает... Она действительно так хороша, как о ней говорят, Эллери?

— Что? Да, великолепно.

— Тогда мы не пойдем. Не выношу чужих успехов. Этого ты еще обо мне не знаешь, Гарри. И мы все равно не сможем пойти, так как будем в Англии...

— Это достойная причина, — в унисон произнесли Берк и Эллери. После чего Берк усмехнулся и крикнул: — Добавьте яиц, инспектор! Я передумал!

— А кто же совершит церемонию бракосочетания? — мрачно напомнил им Эллери.

Роберта нахмурилась.

— В этом вся проблема. Вы ведь помните, какой сегодня день?

— Разумеется. Воскресенье.

— А какое воскресенье?

— Что значит «какое»?

— Вербное воскресенье — вот какое.

— Ну и что? — Эллери выглядел озадаченным. — Не понимаю.

— Язычник! Вербное воскресенье — начало Страстной недели. И кроме того, Великого поста. Ну, Гарри — ренегат-пресвитерианин,^[176] но я всегда соблюдала традиции епископальной церкви^[177] и хотела, чтобы нас обвенчал епископальный священник, однако во время Страстной недели и Великого поста это невозможно. Противоречит канонам.

— Тогда подождите неделю или две — когда заканчивается пост?

Роберта покачала головой:

— Мы не можем ждать. Гарри уже купил билеты на самолет. Мы проведем ночь в отеле и вылетим завтра утром.

— Это не кажется мне непреодолимым препятствием, — заметил Эллери. — Вы можете сдать билеты.

— Нет, — сказала Роберта. — Гарри не хочет.

— Или можете улететь в Англию завтра утром и отложить чертову церемонию до окончания поста.

— Это не чертова церемония, и я не смогу ждать так долго. — В голосе шотландца послышались угрожающие нотки. — Знаете, Квин, мне не нравится ваша позиция.

— Эллери, — поправил упомянутый джентльмен. — Будем вести эту эмоциональную беседу дружески. Между прочим, вы оба уверены, что хотите пожениться?

Они уставились на него, словно он произнес какую-то непристойность.

Потом Гарри вскочил на ноги.

— Пошли отсюда, Берти.

— Сядь, Гарри. — Он неохотно повиновался, свирепо глядя через стол. — Мы уверены, Эллери, — мягко сказала Роберта.

— Вы любите этого субъекта?

— Люблю.

Эллери пожал плечами.

— В таком случае вы могли бы обратиться к священнику церкви, не так строго придерживающейся канонов. Или, что еще легче, найти гражданского чиновника, который уполномочен штатом совершать

брачные ритуалы. Гражданское бракосочетание столь же надежно, хотя и не так пышно.

— Вы не понимаете... — начала Роберта, но в этот момент вошел инспектор, неся блюдо с яичницей, беконом и тостами, которое сразу отвлекло ее внимание.

— И я знаю такого человека, — сказал инспектор, ставя блюдо. — Кофе закипает. — Он достал из буфета салфетки, тарелки, ножи и вилки и начал раскладывать их. — Это Джей-Джей.

— Судья? — спросил Эллери.

— Судья? — с подозрением осведомился Берк. — Какой судья?

— Судья Дж. Дж. Мак-Кью, наш старый друг, — ответил инспектор и отправился за кофейником.

— И он это сделает? — допытывался шотландец.

— Если папа его попросит.

— Но он не священник, — с сомнением промолвила Роберта.

— Нельзя съесть яичницу, не разбив яиц, Берти, — *con amore*^[178] обратился к ней жених, к которому вернулось добродушие. — Судья мне подходит. Особенно если он друг семьи. В Англии мы всегда можем обвенчаться у англиканского священника. Мне все равно, сколько раз я буду на тебе жениться или сколько человек будет совершать церемонию и где. Вы можете сегодня связаться с судьей Мак-Кью?

— Постараемся, — ответил инспектор, возвращаясь с кофейником и наливая чашку Роберте. — Если, конечно, он в городе.

Роберта нахмурилась, потом со вздохом кивнула.

— Ну ладно, — сказала она и погрузила нос в ароматную чашку.

Берк просиял.

Роберта набросилась на яичницу. Инспектор сел и потянулся за тостом. Эллери жевал без всякого аппетита.

Глава 42

Весь день Эллери вел себя странно. Он даже не оживился, когда его отцу удалось разыскать судью Мак-Кью на какой-то переполненной площадке для гольфа, где муниципалитет организовал игру по случаю Вербного воскресенья. Поэтому Гарри Берк снова начал злиться.

— Церемония пройдет здесь, — сказал инспектор, положив трубку. — Судья говорит, что не может провести ее в своем доме: в предках его жены несколько поколений священников Высокой церкви, [179] и она считает заключение браков на Страстной неделе смертным грехом. К тому же у него уже были неприятности с ней из-за сегодняшней игры в гольф. Вечером он прибудет к нам. Вас обоих это устраивает?

— Вполне! — воскликнула Роберта, хлопая в ладоши.

— Я не хочу радоваться преждевременно, — сказал Берк, сердито косясь на Эллери. — Но с вашей стороны это очень любезно, инспектор.

Эллери изучал свой большой палец, который только что вынул изо рта. Палец выглядел так, словно над ним поработала крыса.

— Гарри, любовь моя, — быстро сказала Роберта. — Ты не должен кое-что сделать?

— Что именно?

— Ты не знаешь?

Шотландец покраснел.

— Я до сих пор ни разу не женился. О чем я забыл?

— Ни о чем важном. О цветах, шампанском и прочих мелочах.

— Господи! Прости меня!

— О шампанском не беспокойтесь, — сказал инспектор Квин. — Эллери приберег несколько бутылок на всякий случай — верно, сынок?

— Кажется, «Сазарак» 1947 года, — мрачно отозвался Эллери.

— Я не стану пить его шампанское, сколько бы в нем ни было пузырьков, — холодно заявил Берк.

— Придется, — сказал Эллери. — Где вы собираетесь купить шампанское в Нью-Йорке в Вербное воскресенье?

Берк вышел.

— Не забудь про сигареты! — крикнула ему вслед Роберта. — Мои кончились.

Хлопнула входная дверь.

— Не знаю, что нашло на вас обоих... Спасибо, Эллери. — Роберта затянулась предложенной сигаретой. — Хотя Гарри не виноват. У вас что-то на уме. Могу я спросить, что именно? Сегодня моя свадьба, и я не хочу, чтобы ее испортили.

— У меня проблемы, — признался Эллери. Инспектор допил вторую чашку кофе и быстро взглянул на него. Эллери поднялся. — Пожалуй, я вымою посуду.

— Этим займусь я. — Роберта вскочила. — Терпеть не могу, когда посуду моют мужчины, даже холостяки. Но вы не ответили на мой вопрос, Эллери. Какие проблемы?

Эллери покачал головой.

— Вы же сами сказали, что не хотите, чтобы вашу свадьбу испортили.

— Конечно, не хочу. Беру свои слова обратно. Можете оставить ваши проблемы при себе.

Эллери удалился в кабинет. Инспектор задумчиво посмотрел ему вслед, а Роберта слегка нахмурилась.

— Что происходит с вашим сыном, инспектор? — осведомилась она, собирая тарелки.

— Ему не дает покоя дело Гилд, — ответил старик, все еще глядя на дверь. — Эллери всегда так себя ведет, когда дело его тревожит. — Он последовал за ней в кухню, неся кофейник. — Не огорчайтесь из-за этого. — Инспектор выдвинул полочку посудомоечной машины. — Знаете, Роберта, это подало мне идею. Конечно, если вы не будете возражать...

— Против чего?

— Против присутствия нескольких гостей на церемонии.

Роберта сразу напряглась.

— Это зависит от того, кто они.

— Ну, Лоретт Спанье, Селма Пилтер, может быть, мистер Вассер, если мы сможем их отыскать. — Судя по его тону, он спрашивал разрешения всего лишь из вежливости.

— О боже! — вздохнула Роберта. — Зачем, инспектор?

— Точно не знаю, — ответил инспектор. — Можете назвать это предчувствием. Но я не раз видел, как такое срабатывало у Эллери. Присутствие всех замешанных в деле помогает ему на критической стадии расследования. Это прочищает ему мозги.

— Но ведь это моя свадьба! — воскликнула Роберта. — Жениха и невесту нельзя просить играть роль подопытных морских свинок для...

— Я знаю, что прошу многого, — мягко произнес старик.

— Кроме того, Лоретт не придет. Вы же знаете, при каких обстоятельствах мы с ней расстались. И она занята в ревю...

— Когда это шоу на Бродвее давали по воскресеньям? К тому же, мне кажется, что она придет. Возможно, Лоретт ищет шанса помириться с вами теперь, когда она добилась сногшибательного успеха и может себе позволить забыть прошлое. Не сомневаюсь, что и вы почувствуете себя лучше, если улетите в Англию, не оставив за собой никаких ссор и обид. — Инспектор Квин сохранял старомодную веру в эффективность этого способа разрешения подобных ситуаций. — Что скажете? — спросил он, следуя за девушкой в гостиную.

Роберта молча начала собирать чашки и блюдца.

— Будьте же спортсменкой, Роберта!

— Гарри это не понравится...

— Предоставьте Гарри мне. Он профессионал и понимает в таких вещах.

— Но ведь это и его свадьба!

— Подумайте как следует. Буду вам признателен, если вы согласитесь.

Инспектор направился в кабинет Эллери, закрыв за собой дверь. Эллери развалился за письменным столом, повернув вращающееся кресло таким образом, чтобы положить ноги на подоконник и смотреть на пасмурное небо сквозь решетки пожарной лестницы.

— Сынок.

Эллери даже не обернулся.

— Как насчет того, чтобы рассказать мне обо всем?

Эллери покачал головой.

— Ты еще в нерешительности или уже пришел к какому-то выводу?

Эллери не ответил.

— Ладно, — вздохнул инспектор. — Я собираюсь в магазин деликатесов Айзека Рубина заказать копченую индейку и сандвичи с солониной на вечер. С улицы я бы хотел позвонить Лоретт Спанье, Карлосу Армандо, миссис Пилтер и Уильяму Вассеру — пригласить их на свадьбу.

Эллери моментально опустил ноги на пол.

— Ты ведь так бы и поступил, сынок, если бы тебя что-то не удерживало?

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — медленно произнес Эллери. — Да, папа, полагаю, ты прав. Но смешивать свадьбу с делом об убийстве... По-твоему, я с возрастом становлюсь сентиментальным? Как бы то ни было, ты не можешь этого сделать, не посоветовавшись с Робертой и Гарри.

— С Робертой я уже говорил, хотя не упомянул о приглашении Армандо, а с мистером Берком я как-нибудь справлюсь. Вопрос в том, хочешь ли этого ты.

Эллери потянул себя за нос и щелкнул костяшками пальцев.

— Хочу? Ни капельки. Но боюсь, у меня нет выбора.

— Мне позвонить кому-нибудь еще, кроме тех, кого я назвал?

Эллери задумался.

— Нет, — сказал он и вновь повернулся к хмурому манхэттенскому небу.

«Он даже не попросил меня заказать пастрому», — выходя, подумал инспектор.

Глава 43

С Гарри Берком инспектору действительно удалось справиться необычайно легко.

— Свадьба превращается черт знает во что, — проворчал шотландец, качая рыжеватой головой. — Но для меня самое главное жениться на Берти и увезти ее из вашей чертовой страны, инспектор. Завтра утром это покажется дурным сном, и мы с Берт сможем проснуться.

— Молодчина, — одобрил инспектор и повернулся к Роберте.

— Ну, если Гарри не возражает... — промолвила она, толкая ногой коврик.

— Вот и отлично.

Старик отправился в лавку деликатесов и к телефонной будке, так и не упомянув об Армандо, поскольку, будучи методичным человеком, считал, что всему свое время.

С Лоретт ему пришлось потрудиться, как и с мистером Рубином, обслуживавшим деликатесами целую очередь не соблюдающих пост

язычников, для которых его лавка была оазисом в воскресной пустыне. Наконец инспектор сделал заказ и закрылся в телефонной будке с несколькими монетами, препоясав тощие чресла перед боем.

С Уильямом Мелуни Вассером не возникло никаких проблем. Инспектор напомнил, что Вассер является сторожевым псом крупного состояния, доверенного его попечению (как будто это имело отношение к свадьбе!). Нотариус какое-то время мялся и хмыкал, но потом заявил, что должен присутствовать, хотя Роберта Уэст и Гарри Берк тут ни при чем и ему придется пропустить «Бонанзу» и «Открытый конец».^[180] С Селмой Пилтер было еще проще.

— Если придет Лоретт, то приду и я, инспектор Квин, — сказала она, посопев средневековым клювом. — Только обращайтесь с ней поосторожнее — она теперь достояние всего города. Я не хочу, чтобы она даже поцарапалась. Кто, вы говорите, женится? — Старик не упомянул, что еще не пригласил Лоретт и что собирается позвать Карлоса Армандо.

С Лоретт получилось труднее.

— Я не понимаю, инспектор. Чего ради Роберте приглашать меня на свадьбу?

— Но ведь вы ее лучшая подруга, мисс Спанье, — ответил инспектор, изображая удивление.

— Мы уже давно не подруги. С этим покончено. Кроме того, если Роберта хочет меня видеть, то почему бы ей не позвонить самой?

— Она занята подготовкой. Все решилось в последнюю минуту.

— Благодарю вас, инспектор, но...

В этот момент в трубке издали послышалось «сага», произнесенное медоточивым голосом Карлоса Армандо.

— Одну минуту, — извинилась Лоретт.

Последовала оживленная дискуссия неподалеку от телефонного аппарата. Старик, усмехаясь, ожидал в будке. Армандо советовал принять приглашение — значит, он все еще чувствовал себя в безопасности. Тем лучше. Эллери будет доволен. Инспектор в который раз задал себе вопрос, что на уме у его сына, стараясь не думать о грязном трюке, который он собирался сыграть с женихом и невестой.

— Инспектор Квин, — послышался голос Лоретт.

— Да?

— Хорошо, мы придем.

— Мы? — переспросил старик с наигранным недовольством. Двух птичек удалось зашибить одним камнем. Он не ожидал, что Армандо явится союзником.

— Мы с Карлосом. Без него я не пойду.

— Право, не знаю, мисс Спанье. Учитывая отношение к нему Роберты, не говоря уже о Гарри Берке...

— Простите, но если они хотят моего присутствия, им придется смириться с присутствием мистера Армандо.

— Ладно, — вздохнул инспектор. — Надеюсь, он... э-э-э... с уважением отнесется к столь торжественному событию. Я не хочу, чтобы свадьба Роберты и Гарри была испорчена. — Старик повесил трубку, чувствуя себя Иудой и стараясь задушить это чувство на корню.

«Свадьба будет та еще!» — виновато подумал он, выйдя из будки и снова спросив себя, что же все это значит.

Глава 44

Свадьба действительно оказалась та еще.

Судья Мак-Кью прибыл в семь — это был высокий старик с седой шевелюрой, телосложением каменщика, носом боксера и чисто судейскими голубыми глазами. Он возвышался над инспектором Квином, как Фудзияма, и постоянно посматривал на часы, даже когда его представили злополучной паре, уже начавшей проявлять классические симптомы предсвадебного невроза.

— Не хочу торопить вас, — произнес судья Мак-Кью шаляпинским басом, — но мне пришлось солгать миссис Мак-Кью насчет того, куда я иду, и она ожидает моего скорого возвращения. Моя жена не одобряет свадьбы в Великий пост.

— Начинаю с ней соглашаться, — отозвался Гарри Берк с неподобающей жениху резкостью. — Но похоже, нам придется подождать, судья Мак-Кью. Инспектор Квин пригласил несколько гостей на нашу свадьбу. — Подчеркивание местоимения носило явно обвиняющий смысл.

— Скоро все закончится, дорогой, — нервно сказала Роберта. — Судья, не могли бы вы провести не просто гражданскую церемонию, а

епископальную службу? Я бы чувствовала себя более замужней, если бы...

— Почему бы и нет, мисс Уэст? — ответил судья Мак-Кью. — Правда, у меня нет с собой англиканского молитвенника.

— Он есть у Эллери в его библиотеке, — сказал Берк. Весь его облик говорил: «Делайте что хотите, лишь бы это поскорей кончилось».

— Я принесу его, — неожиданно заявил Эллери. Он вернулся из кабинета с маленькой книжкой в красном переплете, неся ее так, словно это требовало напряжения всех мышц его руки. — Кажется, страница 300.

— Вам нездоровится, Эллери? — спросил судья Мак-Кью.

— Я в полном порядке, — бодро отозвался Эллери, вручил книжку судье, отошел к окнам, между которыми Роберта поместила корзину чахлых хризантем, заказанную Берком, и мрачно уставился на улицу внизу. Он все время дергал себя за нижнюю губу, пощипывал за нос и выглядел так же празднично, как Уолтер Кронкайт, сообщающий о неудаче на мысе Кеннеди.^[181]

Берк понюхал пахнувший корицей воздух со стороны Эллери и что-то пробормотал.

— Идут Вассер и миссис Пилтер, — внезапно сообщил Эллери.

— Ожидается кто-нибудь еще? — Судья Мак-Кью снова посмотрел на часы.

— А вот подъехало такси с Лоретт. — Помолчав, Эллери добавил: — И с Карлосом Армандо.

— Что?! — рявкнул взбешенный Гарри Берк.

— Не кипятитесь, Гарри, — быстро сказал инспектор. — Лоретт Спанье отказалась приходить без него. Я ничего не мог поделать. Если вам нужна Лоретт...

— Мне не нужна Лоретт! Мне никто из них не нужен! — бушевал шотландец. — Чья это свадьба, в конце концов? Черт возьми, у меня большое желание все отменить!

— Гарри! — простонала Роберта.

— Плевать я на них хотел, Берти! Эти люди превращают самый священный день нашей жизни в чертово шоу! Я не хочу, чтобы нас с тобой использовали...

— Что все это значит? — неуверенно осведомился судья Мак-Кью. Ему никто не ответил.

В дверь позвонили.

Роберта, почти в истерике, убежала в ванную.

Следующие минуты напоминали киноавангард, французскую «Новую волну» и отчасти Феллини. Нежеланные гости входили друг за другом, встречаемые сердитым взглядом Гарри Берка, дурацкой улыбкой Эллери, деланым радушием инспектора и озадаченным видом судьи Мак-Кью. Единственным, кто, казалось, наслаждался происходящим, был Карлос Армандо, чьи черные глаза и смуглое лицо светились злорадством. Все сновали взад-вперед по маленькой гостиной, словно карты, тасуемые неопытным игроком, под аккомпанемент сконфуженных представлений, скомканных приветствий, негромкого ворчания, враждебных рукопожатий, сожалений по поводу запаздывающей весны, чрезмерно сердечных поздравлений по адресу Лоретт и повторяющихся, как вагнеровский лейтмотив, вопросов о местопребывании невесты — в основном их задавал Армандо самым невинным тоном.

Инспектор Квин каждый раз отвечал, что Роберта в ванной, где приводит себя в порядок перед счастливым событием.

Наконец появилась Роберта, бледная, но с высоко поднятой головой, словно героиня викторианской пьесы. Тишина, воцарившаяся в гостиной, не улучшила атмосферу. Присутствие Армандо отравляло церемонию, и Эллери однажды даже пришлось схватить Гарри Берка за руку с целью удержать эту мускулистую конечность от крайних мер. Положение, как ни странно, спасла Лоретт. Она обняла и поцеловала Роберту, после чего увела ее в кухню доставать из холодильника свадебный букет. Когда они вернулись, Роберта объявила, что Лоретт будет подружкой невесты, а инспектор поспешно достал из корзины несколько хризантем и сымпровизировал букет для корсажа подружки, использовав для этого атласную ленту, которая осталась с прошлого Рождества.

Наконец все было готово. Судья занял позицию между окнами, спиной к цветочной корзине и лицом к Берку, стоящему справа от него, и к Роберте, стоящей слева, как предписывал ритуал. За спиной у Роберты стояла Лоретт, за спиной у Берка — Эллери, а остальные — позади них. Судья Мак-Кью открыл молитвенник на трехсотой

странице и начал читать своим *basso profundo*^[182] текст брачной службы, установленный протестантской епископальной церковью Соединенных Штатов Америки на соборе, состоявшемся 16 октября 1789 года от Рождества Христова.

— Возлюбленные чада мои! — начал судья и откашлялся.

Инспектор Квин с заранее предусмотренного им наблюдательного пункта в стороне следил за Эллери. Он еще никогда не видел свое возлюбленное чадо столь напряженным и нерешительным. Плод чресел инспектора явно грыз какой-то червь, и, пока судья продолжал чтение, старик тщетно пытался найти и классифицировать этого червя.

— Мы собрались здесь перед лицом Господа нашего, чтобы соединить этих мужчину и женщину священными узами брака...

Комната наполнилась ароматом неведомого, присущего всем свадебным церемониям, но на сей раз этот аромат таил в себе угрозу. Роберта инстинктивно прижимала к белому кружеву подвенечного платья купленную Берком розовую бархатную муфту, приминая приколотые к платью гардении; коренастый жених, казалось, вырос на несколько дюймов, словно ему внезапно поручили стоять в карауле у Букингемского дворца, — инспектор живо представлял его в кивере и с мушкетом у плеча. Лоретт Спанье выглядела одинокой и растерянной. Селму Пилтер обуревала тайная зависть старухи, для которой свадебные церемонии были в прошлом, а живот Уильяма Мелоуни Вассера покачивался в такт декламации судьи, словно в подражание подсмотренному где-то обряду культа плодородия. Только Армандо по-прежнему злорадно усмехался — его удовольствие от происходящего, очевидно, усиливал собственный многократный опыт подобных церемоний.

— ...который является почетным состоянием, учрежденным Господом... — Судья продолжал бубнить о священных узах и первом чуде в Кане Галилейской, а инспектор Квин вновь устремил взгляд на своего единственного отпрыска, неподвижного как труп.

Старик начал спрашивать себя, не совершил ли он ошибку, взяв дело в свои руки. Что-то было не так — это явственно ощущалось в атмосфере.

— ...и потому в него следует вступать не неразумно или легкомысленно, а скромно, обдуманно, почтительно и в страхе Божиим...

В чем же причина?

— Этими священными узами вскоре будут соединены двое из присутствующих здесь...

Старик видел, что его сын ведет жестокую борьбу с неведомым противником. Его челюстные мышцы нервно подергивались, костяшки пальцев на стиснутых кулаках побелели, он стоял по стойке «смирно», как нервничающий жених впереди него. «Но у Берка есть на то основания, — думал инспектор. — Что же происходит с моим сыном?»

— Если кто-нибудь знает причину, по которой они не могут быть соединены узами брака, — продолжал бас, — пусть откроет ее теперь или молчит о ней в будущем.

«Так не может продолжаться, — думал старик. — Что-то должно произойти, иначе он взорвется...» Эллери открыл рот, но тут же закрыл его.

— Я прошу и требую от вас обоих, как в день Страшного суда, когда все тайное станет явным: если кто-то из вас знает препятствие, из-за которого вы не можете быть соединены законным браком, пусть признается в этом немедленно...

— Я знаю такое препятствие, — сказал Эллери.

Казалось, он невольно выразил свои мысли. Эллери выглядел столь же потрясенным своими словами, как судья Мак-Кью, Роберта Уэст и Гарри Берк. Обвиняющий взгляд суровых голубых глаз судьи устремился на него поверх головы Берка; жених и невеста протестующе повернулись к Эллери; взгляды остальных, в том числе Карлоса Армандо, были обращены на него, как будто он случайно издал неприличный звук во время безмолвной молитвы в церкви.

— Я знаю такое препятствие, — повторил Эллери, — и больше не могу молчать о нем. Судья, вы должны остановить церемонию.

— Вы спятили! — рявкнул Берк.

— Нет, Гарри, — отозвался Эллери. — Я в здравом уме. Увы, в слишком здравом.

Глава 45

— Я должен извиниться перед вами, Роберта, — продолжал Эллери. — Возможно, для этого сейчас не время и не место, но в

другом смысле это единственно возможные время и место. Как бы то ни было, у меня нет выбора.

Он шагнул вперед, пока остальные стояли неподвижно, словно актеры в живой картине.

— Вам лучше сесть, так как это потребует времени. — Эллери придвинул стулья для Роберты, миссис Пилтер и Лоретт Спанье. Они сели, но мужчины остались стоять. Атмосфера напряглась до такой степени, что напоминала последние минуты перед линчеванием. Но кто были линчеватели и кто жертва?

Эллери с усилием взял себя в руки.

— Только что я упомянул время и место. Место может быть случайным, но как насчет времени? Мы лицом к лицу с ним. Время — суть этого дела. Дела об убийстве Глори Гилд.

Я должен вернуть вас назад, к копии завещания Глори и тому, что она написала симпатическими чернилами между отпечатанными строчками. Это отчет о событиях того вечера, когда она нечаянно подслушала то, как вы, Армандо, думая, что ваша жена находится в своем коннектикутском коттедже, и пригласив в ее квартиру Роберту Уэст, пытались уговорить эту девушку убить ее.

— Вы не поймаете меня на эту дешевую уловку, — сказал Армандо, демонстрируя сверкающие белизной зубы. — Вы ловко подготовили сцену, мистер Квин, но меня нелегко застигнуть врасплох. Сообщение в копии завещания Джи-Джи, написанное симпатическими чернилами? Фантазия у вас богатая, но придумайте что-нибудь поубедительнее.

— Вопрос в том, — Эллери повернулся к нему спиной, — в какое время происходил этот инцидент...

Но его снова прервали.

— Вы не могли повредить мне больше, чем делаете сейчас, — огрызнулся Гарри Берк. — С вами что-то не так, Квин. У вас мозги в башке начали плавиться. Не понимаю, о чем вы говорите.

— О времени. — Эллери достал из кармана документ. — Это копия завещания Глори с вписанным ею сообщением. Вы, Гарри, Роберта и мистер Вассер присутствовали, когда мой отец читал расшифрованное сообщение в офисе мистера Вассера, так что вы знакомы с его содержанием. Но судья, миссис Пилтер и, что самое важное, Армандо — нет. Поэтому потерпите, пока я прочитаю его им.

— Наверняка вы сами это написали, — пробормотал Армандо, но его улыбка стала настороженной. — Ладно, читайте.

Эллери не обратил на него внимания.

— «Я пишу это по причинам, которые вскоре станут понятными. Уже некоторое время мне хотелось поехать куда-нибудь отдохнуть, и я решила отправиться в свой коттедж в Ньютауне...» — Эллери читал бесстрастным голосом, как школьный учитель, дающий урок, о том, как жена Армандо приехала в Ньютаун, обнаружила, что ее секретарша забыла уведомить коннектикутскую электрокомпанию о подаче тока, как «сыро и холодно» было в коттедже, как она, опасаясь простудиться, вернулась в Нью-Йорк, вошла в квартиру и подслушала разговор Армандо с неизвестной ей девушкой, ее описание внешности Роберты, отзыв Армандо о ней как о «корове, которую нужно доить», как Армандо предложил Роберте убить его жену, пока он обеспечит себе алиби, после чего унаследует деньги Глори и женится на Роберте, как Глори Гилд, будучи не в силах выносить это, выбежала из квартиры, бродила по улицам большую часть ночи, потом поехала назад в коннектикутский коттедж, где провела два дня, обдумывая свое положение, и так далее, вплоть до конца.

Все молчали, кроме Армандо.

— Я все отрицаю, — заявил он. — Это подлог.

— Помалкивайте. — Эллери спрятал завещание в карман. — Я спрашиваю вас: слышали ли вы в прочитанном мною сообщении хоть одно указание на время, когда эта неприглядная сцена имела место? — Он покачал головой. — Факт в том, что послание Глори не содержит даты разговора Армандо с Робертой.

— Но Роберта назвала нам дату! — напомнил Гарри Берк. — Ночь, когда этот подонок предложил ей совершить убийство, и когда она выбежала из квартиры Глори Гилд вне себя от страха и отвращения, была в мае. К чему же вся эта чепуха насчет времени?

«Гарри, Гарри!» — подумал Эллери.

— Доставьте мне удовольствие, Гарри, — сказал он. — Давайте рассмотрим эту чепуху. Глори была убита вечером 30 декабря прошлого года. Вы, я и мой отец изучили ее дневники и мемуары, уделяя особое внимание прошлому году, и обнаружили каждую страницу прошлогоднего дневника заполненной записями, кроме одной. Но нигде в этих записях, включая сделанные в мае, не

упомянуто о происшествии в квартире Глори Гилд той ночью, когда Армандо сделал свое очаровательное предложение Роберте. В противном случае мы кричали бы об этом на всю Сентр-стрит. Но нигде в дневнике за прошлый год Глори не написала ни слова о подслушанном плане ее мужа. Не написала прямо...

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился инспектор Квин. — Она вообще об этом не упомянула. Ты сам так сказал.

— Я сказал «прямо». Но не упомянула ли она об этом в своем дневнике косвенно?

— Пустая страница? — осведомился его отец после недолгой паузы.

— Вот именно. Каким числом она датирована?

— 1 декабря?

Эллери кивнул.

— Учитывая отсутствие упоминания об этом событии на других страницах дневника, можно сделать вывод, что Глори подслушала, как Армандо планирует ее убийство, 1 декабря. Этому имеется подтверждение — пустая декабрьская страница содержала буквы «f-a-c-e», написанные симпатическими чернилами, которые служили указателем на чтение между строк в копии ее завещания, где и содержался отчет о событиях той ночи. Несомненно, это происходило 1 декабря.

1 декабря, — повторил Эллери, впервые обращаясь к Роберте Уэст, — а не в мае, Роберта. Более того, это не могло быть вашей оговоркой. Насколько я помню, вы неверно датировали этот разговор маем не однажды, а по крайней мере дважды. Первый раз это было утром в день Нового года, когда Гарри и я только что прилетели из Англии — спустя менее тридцати шести часов после убийства. Я нашел записку отца с просьбой позвонить вам и сделал это, а вы пришли сюда и рассказали нам о вашей связи с Армандо, прекратившейся, когда он предложил вам убить его жену. Вы сказали, что он сделал вам это предложение ночью «чуть более семи месяцев назад». Так как вы сообщили нам это 1 января, разговор с Армандо должен был иметь место в конце мая.

Одна ошибка в дате могла быть случайной, хотя разница более чем в полгода делает это маловероятным. Но вы повторили ее вторично в тот день, когда я наконец понял значение букв «f-a-c-e»,

обнаружив послание, скрытое в завещании Глори, которое мой отец тут же прочитал в вашем присутствии. Вы без промедления указали время сцены в квартире Гилд, как «ту ночь в мае», о чем только что нам напомнил Гарри. С вашей стороны, Роберта, это было весьма находчиво. Вы раньше всех нас обратили внимание на отсутствие даты в сообщении Глори и воспользовались для подтверждения вашей первоначальной истории.

Утром 1 января вы сказали Гарри и мне, что не видели Карлоса Армандо после «той ночи в мае» до вечера 30 декабря, когда, по вашим словам, Армандо внезапно явился к вам в квартиру, обеспечив себе алиби на время убийства жены, вроде бы происшедшего, когда он был с вами.

Но теперь мы знаем, что вы видели вашего любовника, с которым якобы порвали в мае, вечером 1 декабря, в квартире его жены, которую он предложил вам убить именно тогда, а не шестью месяцами ранее. Если вы не бросили Армандо в мае, логично предположить, что вы продолжали видеться с ним летом и осенью — вплоть до вечера 1 декабря.

Поскольку вы солгали нам об этом, Роберта, вся ваша история становится подозрительной. В таком случае мы больше не можем полагаться ни на одно ваше слово, в том числе и на алиби, которое вы обеспечили Армандо на вечер убийства его жены. Но если это алиби ложно, то и у вас нет алиби на время убийства. Любое алиби действует в двух направлениях, доказывая невиновность не только подозреваемого, но и того лица, которое это алиби ему предоставляет. В этом была самая хитроумная часть плана — она позволяла вам прийти ко мне вскоре после убийства. Обеспечив алиби своему любовнику, вы заодно освобождали себя от подозрений, могущих возникнуть в ходе расследования. Но невиновные не изобретают столь изощренные способы освободить себя от подозрений.

Эти логические умозаключения, Роберта, ведут к единственно возможному выводу. Вы могли быть той женщиной, которую Карлос Армандо использовал в качестве своего орудия. Вы могли быть той женщиной, за которой мы охотились, — женщиной, застрелившей Глори Гилд.

Роберта, белая, как гипсовая статуя, так сильно прижимала букет гардений, символ ее свадьбы, к кружеву платья, что цветы ломались.

Шотландец рядом с ней выглядел такой же статуей из еще больше затвердевшего гипса, только прозрачные глаза оставались живыми, светясь невыразимой мукой. Армандо облизнул пухлые губы и приоткрыл рот, словно собираясь помешать Роберте Уэст говорить, но тут же закрыл его, очевидно предпочтя молчание риску, что его предупреждение расценят как признание.

Эллери отвернулся от Роберты и Гарри Берка, как будто смотреть на них было выше его сил, но потом снова обратился к Роберте.

— Вы могли быть той женщиной, — повторил он. — Вопрос в том, были ли вы ею. Да, были. Я заявляю это, поскольку существуют три подтверждения вашей вины, вытекающие из фактов.

Первое. В отчете, который Глори оставила нам между строк своего завещания, она точно описала вас, вплоть до родинки в форме бабочки на щеке, как женщину, с которой ее муж обсуждал план ее убийства. Так как мы больше не можем верить вам на слово, что вы отвергли предложение Армандо, достоверным фактом является то, что вы были женщиной, которую обвиняла Глори. «Эта девушка — сообщница Карлоса, — завершила она свое послание. — Если меня убьют, то это сделала она — ради него». Думаю, Глори едва ли оставила бы столь недвусмысленное обвинение, если бы то, что она подслушала той декабрьской ночью, не давало ей достаточно оснований полагать, что вы согласны с планом Армандо. Если бы вы, как говорили нам, были ошарашены, испуганы и не могли вымолвить ни слова, Глори не стала бы обвинять вас так безапелляционно. Очевидно, вы сказали Армандо нечто убедившее Глори в вашем согласии с планом убийства.

Кстати, проясним еще один момент в загадочном ключе, указывающем на сообщение, скрытое в завещании. Когда Глори, сидя за столом, смертельно раненная, смогла взять ручку и написать «f-a-s-e» на листе бумаги, прежде чем свалиться замертво прямо на него, это не было вдохновением, осенившим ее всего за несколько секунд до гибели. Теперь мы знаем, что она придумала этот ключ почти за месяц до того, написав те же четыре буквы симпатическими чернилами на пустой странице своего дневника, датированной 1 декабря.

Между прочим, страсть Глори к загадкам не являлась причиной использования ключа в виде букв «f-a-s-e» и симпатических чернил. Это был всего лишь *modus operandi*,^[183] вызванный вполне

определенной мотивацией. Глори опасалась, что, если она оставит открытые указания и отчет о том, что ей удалось услышать 1 декабря, Армандо или ее секретарша Джин Темпл, имеющие доступ к ее бумагам, найдут их и уничтожат: Армандо — по очевидным причинам, а Джин Темпл — потому, что у нее была связь с Армандо и она могла пребывать от него в зависимости.

Это приводит к подтверждению номер два. — Эллери неожиданно повернулся к Карлосу Армандо, который невольно шагнул назад. — Планируя убийство жены, вы полагали, что ваше добрачное соглашение с ней — о пятилетнем испытательном сроке — более не существует. Во время чтения завещания вы горячо настаивали, что по истечении пяти лет Глори порвала его у вас на глазах. Но выяснилось, что она не сделала ничего подобного, а порвала совсем другую бумагу. Поэтому, когда мистер Вассер прочитал наследникам завещание после похорон вашей жены, вы впервые узнали, что она вас одурачила, что добрачное соглашение все еще действует, что все ваши усилия, включая организацию убийства, принесли вам всего лишь пять тысяч долларов.

Для большинства убийц это означало бы шах и мат. Они бы капитулировали, взяли пять тысяч и занялись бы другими играми. Но вы сделаны из более крепкого материала и не сдались. Вам показалось, что вы нашли способ отыграться, несмотря на обманный ход Глори. Общеизвестно, что закон не позволяет убийце получать прибыль от своего преступления. Если бы Лоретт Спанье, унаследовавшую основную часть состояния Глори, осудили за убийство тети, состояние перешло бы к вам, несмотря на добрачное соглашение. Убрав с пути Лоретт, вы бы стали единственным наследником. У Глори Гилд больше не было живых родственников.

Поэтому вы расширили ваш первоначальный план, подставив Лоретт под обвинение в убийстве Глори. Вы знали, что ей можно приписать очень веский мотив — новое завещание делало ее главной наследницей, — а утверждение Лоретт, что Глори не говорила ей о завещании, подтвердить было невозможно. Вы также знали, что Лоретт можно приписать и возможность преступления — ее слова, что тетя была жива, когда она уходила из ее квартиры в ночь убийства, также ничем не подтверждались. При наличии мотива и возможности вам оставалось только снабдить Лоретт последним фактором

классической триады доказательств — средствами. Нужно было всего лишь подстроить, чтобы оружие, из которого застрелили вашу жену, нашли в распоряжении ее племянницы.

Кому легче всего было подложить револьвер в стенной шкаф спальни Лоретт? Вы больше не жили в квартире Глори Гилд, но там жила Роберта. Несомненно, Роберта спрятала револьвер в шляпной картонке в стенном шкафу Лоретт. Мы знаем, что именно Роберта, когда оружие выпало из картонки, предложила немедленно сообщить об этом Гарри Берку и мне, находящимся тогда в квартире.

И наконец, третье подтверждение, — быстро продолжал Эллери, словно спеша избавиться от тяжелого бремени. — Перед вами возникло неожиданное препятствие. Бродяга из Бауэри по прозвищу Спотти внезапно явился с заявлением, что располагает информацией, которая может оправдать Лоретт от обвинения в убийстве. Вы уже организовали гибель вашей жены, подтасовали улики против Лоретт и больше чем когда-либо жаждали состояния Глори, поэтому решили избавиться от Спотти, пока он не дал показания, оправдывающие Лоретт, и не уничтожил ваш последний шанс завладеть добычей целиком и полностью.

Вы выполнили свое намерение, Армандо. Так как Спотти был убит в ночлежке в Бауэри, вы, очевидно, проникли туда, переодевшись бомжем, зарегистрировались под фальшивым именем, поднялись в общую спальню, ударили ножом лежащего на койке Спотти и спокойно вышли в зимнюю ночь под носом у Берка или через заднюю дверь.

Но вопрос в том, как вы узнали о существовании Спотти. Каким образом вам стало известно об опасности, которую он представляет для вашего плана оклеветать Лоретт? И самое важное, как вы узнали, где искать Спотти? Вас не было в офисе Юрая Фрэнкелла, когда Спотти пришел туда с предложением продать свою информацию. Но там была Роберта! И более того, она сопровождала Гарри Берка, когда он отправился следом за Спотти на Бауэри. Очевидно, когда Роберта на несколько минут оставила Берка наблюдать за ночлежкой и отошла в кафетерий за сэндвичами, она позвонила вам, Армандо. Только так вы могли быстро узнать о неожиданном появлении Спотти; тогда же вы решили, когда и где можно его убить.

Вот вам вся кошмарная история, — устало промолвил Эллери. — План был невероятно хитроумный, если обладаешь способностью восторгаться подобными вещами, — блестяще разработанный, блестяще исполненный, блестяще сымпровизированный там, где требовалась импровизация, и один из самых гнусных, с какими мне когда-либо приходилось сталкиваться.

Именно вы, Роберта, проникли в квартиру Глори Гилд вечером 30 декабря с помощью дубликата ключа, предоставленного вам Армандо. Вы старались постоянно быть в курсе дела, чтобы служить для Армандо надежным источником информации по мере расследования. Должно быть, вы сначала намеревались попробовать свои чары на мне, как на сыне полицейского офицера, ведущего следствие, но, когда Гарри Берк влюбился в вас, решили, что гораздо безопаснее переключить внимание на него, зная, что он имеет такой же доступ к расследованию, как и я. Это вы, Роберта, направили нас по следу женщины, которой никогда не существовало, — «другой» женщины, которую Армандо якобы использовал в качестве орудия, хотя в действительности он использовал вас. Вы были женщиной под фиолетовой вуалью, которую после убийства больше ни разу не видели. В этом деле, Роберта, вы были не только убийцей, но и одновременно служили отвлекающим маневром — редкая комбинация в истории преступлений.

К концу повествования в утомленном голосе Эллери зазвучали нотки неумолимости, более грозные, чем целый отряд спецназа. Роберта по-прежнему стояла неподвижно. Армандо не сводил взгляд черных глаз с ее лица, предупреждая, напоминая, угрожая. Но она, казалось, не видела ни его, ни остальных.

— Я почти закончил, — сказал Эллери. — Если я что-то упустил или в чем-то ошибся, Роберта, вы можете дополнить или поправить меня. («Нет!» — вопили глаза Армандо.) Думаю, кризис в ваших отношениях с Армандо наступил после оправдания Лоретт в суде. С этого момента ваши интересы разошлись. Состояние Глори Гилд — или та его доля, ради которой вы трудились, — оказалось вне досягаемости для вас.

Но было ли оно вне досягаемости для Армандо? Едва ли. У Армандо инстинкты летучей мыши, именуемой вампиром. Он постарался очаровать Лоретт, как очаровывал многих женщин до нее,

включая ее тетю, и вы поняли, Роберта, что теперь он вознамерился жениться на ней, дабы получить состояние, на которое не смог наложить руки с помощью убийства. Если бы это произошло, для вас в этой игре больше не оставалось бы места. Вы стали бесполезной для Армандо, за исключением взаимно предоставляемого друг другу алиби. Будучи женщиной, вы проявили чрезмерную реакцию. Вы начали предостерегать Лоретт против ухаживаний Армандо, пытаетесь воспрепятствовать его новому плану и, полагаю, сохранить единственное, что у вас осталось после всей печальной истории, — самого Армандо. Должно быть, вы были безумно влюблены в него, если позволили ему уговорить вас совершить убийство, но теперь вы поняли, что теряете его...

— А как же я? — осведомился Гарри Берк хриплым голосом птицы из джунглей.

— Как же вы, Гарри? — отозвался Эллери тоскливым тоном. — Вы все еще верите в волшебную сказку про то, что Роберта влюблена в вас? В этой игре вы были пешкой, Гарри, — самой мелкой фигурой на шахматной доске, которой легко жертвуют.

— Тогда почему она выходит за меня замуж? — Шотландец впервые повернулся к Роберте. — Почему ты это делаешь?

Роберта облизнула губы.

— Гарри...

— Какая польза тебе от меня, как от мужа?

— Гарри, я полюбила тебя...

— С твоими руками, заляпанными кровью?

Ее губы дрогнули.

— Да... — произнесла она еле слышно, но затем ее голос вновь обрел силу. — Да, Эллери прав во всем — я застрелила Глори Гилд («Нет, нет, нет!» — кричали глаза Армандо.), но только не в этом. Я пыталась забыть весь этот кошмар, хотела начать новую жизнь...

— Идиотка! — завизжал Карлос Армандо. — Глупая, безмозглая идиотка! Ты же попала в ловушку Квина! Все, что он от тебя хотел, это признание вины, и ты дала ему это! Неужели ты не понимаешь, что, если бы ты держала язык за зубами, они ничего не смогли бы предпринять против нас? Кроме болтовни Квина, у них не было ничего — ни частицы доказательств, которую они могли бы предъявить в суде! Дура! Тупица!

— Мисс Уэст, вы хотите сделать официальное заявление? — заговорил инспектор Квин.

Роберта посмотрела на Гарри Берка. То, что она увидела в его лице, заставило ее отвернуться.

— Да, — ответила она.

Глава 46

Самолеты прилетали и улетали; строго распланированный хаос аэропорта бешено вращался и шумел вокруг, но они ничего не видели и не слышали, словно прятались от тайфуна в пещере на необитаемом острове, хотя в действительности ожидали объявления о посадке на самолет Берка.

Глаза шотландца больше не были прозрачными — они приобрели цвет крови. Он выглядел так, словно не спал и не переодевался целую неделю. Губы его были плотно сжаты. Он не просил Эллери провожать его — напротив, ясно дал понять, что больше не желает его видеть. Но Эллери это не обескуражило.

— Я понимаю ваши чувства, Гарри, — говорил он. — Да, я использовал вас, хотя с трудом смог заставить себя сделать это. Когда Лоретт пела песню Джимми Уокера о декабре и мае, это открыло мне глаза, и я все увидел предельно четко. Мне пришлось выдержать жесточайшую внутреннюю борьбу. Я не знал, как поступить. А когда вчера вы и Роберта пришли к нам и объявили, что намерены немедленно пожениться, борьба стала еще более жестокой, потому что это давало мне возможность вынудить ее признаться. Потом отец предложил пригласить на свадьбу остальных. Зная меня вдоль и поперек, он чувствовал, что конец близок, и, даже не будучи осведомленным о моих намерениях, понял, как мне помочь.

В конце концов я сдался, Гарри. Полагаю, в глубине души я не сомневался в том, что должен делать. У меня не было выбора. Армандо был прав — ни один из моих аргументов не приняли бы в суде. Поэтому мне было нужно вынудить Роберту признаться. И не только это. Я должен был найти способ помешать вам жениться на ней. Я не мог позволить вам жениться на убийце и знал, что только ее признание убедит вас в ее виновности. Разумеется, я также не мог позволить убийце выйти сухой из воды...

«Посадка на рейс Британских трансатлантических авиалиний номер девятнадцать начинается у ворот номер десять», — объявили по громкоговорителю.

Берк схватил чемодан и почти побежал к десятым воротам.

Эллери поспешил за ним.

— Гарри...

Шотландец повернулся.

— Убирайтесь к черту! — свирепо рявкнул он и устремился к проходу, так сильно толкнув плечом старую леди, что она пошатнулась и чуть не упала.

Эллери подхватил ее.

— Этот джентльмен неважно себя чувствует, — объяснил он.

Эллери стоял у ворот, пока самолет не вырулил на взлетную полосу, не оторвался от земли и не скрылся в небе.

Конечно, Берк был несправедлив. Но трудно ожидать справедливости от человека, жизнь которого только что выбили у него из-под ног одним ударом.

Или от человека, который нанес этот удар, успокаивая себя доводами разума.

Эллери все еще стоял на своем необитаемом острове, когда к его руке прикоснулись.

Обернувшись, он увидел инспектора Квина.

— Пойдем, Эл, — сказал старик, беря сына за руку. — Я куплю тебе чашку кофе.

notes

Примечания

Астор Кэролайн Уэбстер Шермерхорн (1830–1908) — жена миллионера Уильяма Бэкхауса Астора-младшего, блиставшая в высшем свете Нью-Йорка. (Здесь и далее примеч. пер.)

Кресло с регулируемой спинкой, названное по имени английского поэта, художника и мебельного дизайнера Уильяма Морриса (1834–1896).

Первый роман Эллери Квина.

День благодарения — праздник в память первых колонистов Массачусетса, отмечаемый в США в последний четверг ноября.

Персонаж поэмы английского поэта Сэмюэла Тейлора Колриджа (1772–1834) «Сказание о Старом мореходе».

Голуэй — графство на западе Ирландии.

«Зеленые рукава» — популярная английская песня XVI в.

Шекспир У. «Двенадцатая ночь, или Как вам угодно». Перевод М.Лозинского.

Перифраз слов Христа из Нагорной проповеди: «По плодам их узнаете их» (Евангелие от Матфея, 7:16).

10

Понятно? (фр.)

Джеймс, Джесси (1847–1882) и его брат Генри — легендарные бандиты Дикого Запада.

Боу, Клара (1905–1965) — американская актриса.

Медуза — в греческой мифологии одна из сестер-горгон, чей взгляд обращал в камень.

Крофорд, Джоан (1904–1977) — американская актриса. Фильм «Неукротимая» с ее участием вышел в 1929 г.

Святой Грааль — согласно средневековой легенде, чаша, из которой Христос пил на Тайной вечере, и куда Иосиф Аримафейский собрал последние капли Его крови; объект поисков Рыцарей Круглого Стола.

Эдип — в греческой мифологии царь Фив, сам того не подозревая, убивший отца и женившийся на собственной матери.

Судьба (перс.).

Псалтырь, 9:2.

Чудесная (фр.).

После рождения (лат.).

Трапписты — члены ветви католического ордена цистерцианцев, созданной в 1664 г. в монастыре Ла-Траппе (Нормандия) и отличавшейся строгим уставом, в том числе обетом молчания.

Кастор и Полидевк (у римлян Поллукс) — в греческой мифологии близнецы-Диоскуры, сыновья Зевса и Леды. В созвездии Близнецов появляются на небе попеременно, так как Полидевк отдал смертному Кастору часть своего бессмертия.

В повести Чарлза Диккенса «Рождественская песнь в прозе» скряге Скруджу является призрак его покойного компаньона Джейкоба Марли.

И других (лат.).

Таммани-Холл — политическая организация нью-йоркских демократов, названная по зданию, где они собирались. Таммани (Таменунд) — вождь индейцев-делаваров в XVII в., позднее в шутку канонизированный, как святой покровитель США.

24 октября 1929 г. — день краха Нью-Йоркской биржи.

Смит, Альфред Эмануэль (1873–1944) — американский государственный деятель, в 1929 г. баллотировался в президенты.

Бактрия — историческая область в Средней Азии по среднему и верхнему течению Амударьи. Бактриан — двугорбый верблюд.

Образ действий (лат.).

Вол (англ.).

Барни Гугл — персонаж серии карикатур.

«Уиджа» — названное по фабричной марке приспособление для спиритических сеансов из двух небольших досок, на нижней из которых написаны слова и буквы. Передвигая верхнюю доску вдоль нижней, медиум получает ответы на вопросы.

Этруски — племена, жившие в 1-м тысячелетии до н.э. на северо-западе Апеннинского полуострова в области Этрурии.

Эктоплазма — излучение, якобы исходящее из тела медиума.

См. роман «Тайна исчезнувшей шляпы».

Пост, Эмили Прайс (1873?–1960) — американская писательница, автор нескольких книг о правилах поведения в обществе.

Голландец Шульц (Артур Флегенхаймер) (1902–1935); Багси (Джордж) Моран (1893–1957) — американские гангстеры периода «сухого закона».

«Милая Аида» (ит.) — романс Раламеса из оперы Джузеппе Верди (1813–1901) «Аида».

Браун Хейвуд (1888–1939) и Адамс, Франклин П. (1881–1960) — американские журналисты и обозреватели.

Уокер, Джеймс (1881–1946) — мэр Нью-Йорка в 1926-1932 гг.

Великосветская дама (фр.)

Аргумент, атакующий личность оппонента, а не отвечающий на его доводы (лат.).

Драйден, Джон (1631–1700) — английский поэт и драматург.

Бойся данайцев (греков), даже приносящих дары (лат.) (Вергилий. Энеида. I, 2, 49). Этой фразой жрец Лаокоон предупреждал троянцев, чтобы они не вносили в город оставленного греками деревянного коня, в котором, как оказалось, прятались греческие воины.

«Ханс Бринкер, или Серебряные коньки» — детская повесть американской писательницы Мэри Элизабет Додж (1831–1905).

Шекспир У. Бесплодные усилия любви. Перевод Ю. Корнеева.

Ничего (нем.).

Хьюзинг, Эдмунд Бритт (1901–1962) — американский спортивный радиокomentатор.

База — один из четырех углов бейсбольного поля.

14 февраля 1929 г., в День святого Валентина, гангстеры из шайки Аль Капоне расстреляли в чикагском гараже членов банды Багси Морана.

Капоне Аль (Альфонсо) (1899–1947) — знаменитый американский гангстер по прозвищу Меченый (из-за шрама на лице).

И так далее до тошноты (лат.).

Роды (фр.).

Два экземпляра (фр.).

Карл Великий (742–814) — император франков с 768 г. и Священной Римской империи с 800 г. В средневековых легендах прославлены его двенадцать паладинов (рыцарей), самым знаменитым из которых был Роланд.

«Песнь о Роланде» — эпическая поэма (ок. XI в.), повествующая о подвигах Роланда.

Роланд прославился пятидневным поединком с паладином Оливье, в котором никто не одержал победу. Выражение «Роланд за Оливье» означает «ударом за удар».

«Чайлд Роланд» — поэма английского поэта Роберта Браунинга (1812–1889).

Книга Бытия, 49.

Покоящийся в мире (иврит).

Евангелие от Луки, 6:45.

Евангелие от Марка, 14:26, 32, 33.

Евангелие от Марка, 14:36.

В Евангелии рассказывается, как фарисеи, пытаясь поймать Иисуса на слове, спросили, позволительно ли давать подать кесарю. Иисус потребовал показать динарий, которым платится подать, и спросил, чьи на нем изображение и надпись. Получив в ответ: «Кесаря», Он сказал «Итак, отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу» (Евангелие от Матфея, 22:15-22).

Буквально — жир, сало (нем., идиш). В переносном смысле —
сентиментальная, слащавая музыка.

Английская королева Елизавета I Тюдор (1533–1603) славилась привычкой сквернословить.

Гуинан, Мэри Луиза Сесилия Тексас (1884–1933) — американская эстрадная актриса и антрепренер. Обычно начинала выступления, обращаясь к публике: «Привет, сосунки!»

Золотые Ворота — мост в Сан-Франциско.

«Римская свеча» — разновидность фейерверка.

Розеттский камень — плита с греческим и древнеегипетским текстом 196 г. до н. э., найденная в 1799 г. близ города Розетта (ныне Рашид в Египте). Дешифровка французским египтологом Жаном-Франсуа Шампольоном (1790–1832) иероглифического текста камня положила начало чтению древнеегипетских иероглифов.

Буддийский символ — три обезьяны, закрывающие уши, глаза и рот, — означающий «не слышу зла, не вижу зла, не говорю о зле».

Евангелие от Матфея, 10: 24. В русском варианте «игольные уши».

Английская поговорка: «Те, кто живут в домах из стекла, не должны бросать камни».

Популярный английский детский стишок «Гвоздь и подкова».
Перевод С. Маршака.

Эйнштейн, Альберт (1879–1955) — физик-теоретик, один из создателей теории относительности. Эйнштейн, Изадор (1880–1938) — американский полицейский офицер, отличившийся в борьбе с гангстерами при «сухом законе».

Евангелие от Матфея, 4: 4.

Эдмон Дантес — герой романа Александра Дюма-отца (1802–1870) «Граф Монте-Кристо».

Вышедшая из строя (фр.).

«Додсворт» и «Эрроусмит» — романы американского писателя Синклера Льюиса.

Шекспир У. «Двенадцатая ночь, или Как вам угодно». Перевод М. Лозинского.

Забавная история (фр.).

В период «сухого закона» гангстеры часто замуровывали конкурентов в жидкий бетон, оставляя снаружи только голову и обрекая их на мучительную смерть. Эта расправа называлась «бетонным кимоно».

Астор Мэри (1887–1977) — американская актриса.

Сатурналии — в Древнем Риме ежегодные празднества в декабре в честь бога Сатурна, во время которых отменялись сословные различия.

В Евангелии от Иоанна (2:1–10) рассказывается, как Иисус, присутствуя на свадьбе в Кане Галилейской, обратил воду в вино.

Левант — устаревшее название восточного побережья Средиземноморья, где изготавливался сафьян высокого качества.

Фальстаф — персонаж пьес У. Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские насмешницы», обжора и толстяк.

Главное блюдо (фр.).

Два десятка (англ.).

У. Шекспир. «Двенадцатая ночь». Перевод М. Лозинского.

Персонаж английского детского стишка.

Шекспир У. «Двенадцатая ночь». Перевод М. Лозинского.

Здесь пародируются названия пьес У. Шекспира «Много шума из ничего», «Бесплодные усилия любви» и «Комедия ошибок».

Трупное окоченение (лат.).

Живое окоченение (лат).

Все кончено (ит., нем.).

По поводу (лат.).

Икар — в греческой мифологии сын зодчего Дедала, который, спасаясь от царя Крита Миноса, улетел с острова вместе с сыном на крыльях из перьев, скрепленных воском. Икар поднялся слишком близко к солнцу, воск растаял, и он упал в море.

Интерн — молодой врач, работающий в больнице и живущий при ней.

Нарцисс — в греческой мифологии прекрасный юноша, влюбившийся в собственное отражение в воде и умерший от тоски.

Родимое пятно (лат).

Лично (фр.).

Следовательно (лат.).

Аргоннский лес — лесистый регион на северо-востоке Франции, место сражений в Первую (1918) и Вторую (1944) мировые войны.

По шкале Фаренгейта — около 25 градусов по Цельсию.

АПР — Администрация проектов работ (AV) — федеральное агентство, функционировавшее в США в 1935–1943 гг. с целью ликвидации безработицы.

Эмбаркадеро — прибрежный район Сан-Франциско.

Телеграф-Хилл — холм в Сан-Франциско, где в свое время был установлен первый в городе телеграф.

Альфа и омега — первая и последняя буквы греческого алфавита.
В переносном смысле — начало и конец.

Непереводимая игра слов. Red herring (буквально — копченая селедка) означает также отвлекающий маневр, ложный след.

Camel — верблюд (англ.).

Иония — древний регион на западном побережье Малой Азии и соседних островах Эгейского моря, колонизированный греками.

Эй-Би-Си (англ. A,B,C) — начальные буквы имени A.B.Craig (Артур Б. Крэйг).

Каледония — древнее наименование Шотландии. (Здесь и далее примеч. пер.)

«На берегу» — фильм американского кинорежиссера Стэнли Крамера (1913–2001) по роману английского писателя Невилла Шута (1899–1960), где рассказывается о гибели человечества после ядерной войны. В последнем кадре ветер разносит мусор по опустевшим улицам.

Морган, Хелен (1900–1941) — американская актриса и певица. Галли-Курчи, Амелита (1889–1964) — американская певица (сопрано) итальянского происхождения. Гарленд, Джуди (1922–1969) — американская актриса и певица, сыгравшая главную роль в фильме «Волшебник из Оз» (1939) по сказке американского писателя Фрэнка Баума (1856–1919).

Имеется в виду песня «Тело Джона Брауна» с припевом «Glory, glory, hallelujah» («Слава, слава, аллилуйя»), ставшая боевым гимном северян во время Гражданской войны в США.

Дорогой (ит.).

Горгулья — резная фигура в виде гротескного изображения человека или животного, нередко украшающая готические соборы.

Плимутская скала — место высадки первых британских колонистов в Массачусетсе в 1620 г.

Милашка (исп.).

122

Услуга за услугу (лат.).

Брунгильда — валькирия, героиня опер Рихарда Вагнера (1813–1883) «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов».

Боже! (исп.)

Моя голубка (исп.).

Имеется в виду притча о блудном сыне (Евангелие от Луки, 15:11–32), по возвращении которого отец заколол жирного тельца.

Евангелие от Матфея, 7:7.

Лицо (англ.).

Сентр-стрит — улица в Нью-Йорке, где находится Главное полицейское управление.

Sic transit gloria mundi — Так проходит мирская слава (лат.).

Цитата из романа Чарлза Диккенса (1812–1870) «Холодный дом».
Перевод М. Клягиной-Кондратьевой.

Добрый день (ит.).

Тор — в германской и скандинавской мифологии бог грома и бури.

Дож — глава Венецианской (VII–XVIII вв.) и Генуэзской (XIV–XVIII вв.) республик.

135

Одно за другое (лат.).

Крафт-Эбинг, Рихард, барон фон (1840–1902) — немецкий невролог. Кинси, Альфред Чарлз (1894–1956) — американский биолог.

Бифитер — страж лондонского Тауэра.

Мармит — стальной шкаф с подогревом для пищи.

Моби Дик — белый кит из одноименного романа американского писателя Германа Мелвилла (1819–1891). Капитан Ахав — герой романа «Моби Дик».

Queen (Квин) — королева (англ.).

Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства.

Жители горной Шотландии, в отличие от равнинной, кельтского, а не англосаксонского происхождения.

Линкольн, Авраам (1809–1865) — 16-й президент США. Бликсен, Карсн (1885–1962) — датская писательница.

Чаевые (фр.).

Неопровержимое (лат.).

Дорогая (ит).

Алиса — героиня сказок английского писателя Льюиса Кэрролла (Чарлза Латуиджа Должсона) (1832–1898) «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

«Илия» — оратория Ф. Мендельсона-Бартольди.

Американская кинокомедия 1942 г. режиссера Уильяма Кигли (1889–1984) по пьесе Мосса Харта (1904–1961) и Джорджа Саймона Кауфмана (1889–1961).

Любовный список (фр.).

Эллери цитирует слова Второй ведьмы из трагедии У. Шекспира «Макбет»: «Пальцы чешутся. К чему бы? К посещенью душегуба». Перевод Б. Пастернака.

Прыщавый (англ.).

Бауэри — один из беднейших районов Нью-Йорка с весьма дурной репутацией.

Американское детективное агентство, основанное Алланом Пинкертоном (1819–1884).

Грабитель и кривляка (англ.).

Радость от труда (фр).

Но это война, не так ли? (фр.)

Публий Гораций Коклес — легендарный римский герой, в одиночку оборонявший от этрусков мост через Тибр.

«Гораций, в мире много кой-чего, что вашей философии не снилось» (Шекспир У. Гамлет. Перевод Б. Пастернака).

Профьюмо Джон (1915–2006) — британский государственный деятель, в 1960–1963 гг. госсекретарь по военным делам (упраздненная ныне должность), ушедший в отставку после громкого скандала из-за связи с шоу-герл Кристин Килер.

Капоте, Трумен (1924–1984) — американский писатель. Его роман «Хладнокровно» (в русском переводе «Обыкновенное убийство») был основан на факте реального убийства фермерской семьи в Канзасе.

Буквенные обозначения нот фа, ля, до и ми.

Фраг — танец типа твиста.

ЛСД (сокращение от нем. Lysergsaurediethylamid) — диэтиламид лизергиновой кислоты, наркотик, обладающий галлюциногенным действием.

Моды — враждовавшие друг с другом английские молодежные группировки 1960-х гг.

Сноровка, сметливость (фр.).

Стратфорд-на-Эйвоне — город в Центральной Англии в графстве Уоркшир, родина У. Шекспира.

Йорктаун — деревня на юго-востоке Вирджинии, где английский генерал Чарлз Корнуоллис 19 октября 1781 г. сдался Джорджу Вашингтону во время Американской революции.

Керр, Уолтер (1913–1996) — американский театральный критик.

Валгалла — в германской и скандинавской мифологии дворец, куда попадают души воинов, павших в битве.

Уокер, Джеймс Дж. (1881–1946) — мэр Нью-Йорка в 1926–1932 гг.

Очень выразительно (ит., муз.).

Диоген Синопский (ок. 400 — ок. 325 до н. э.) — древнегреческий философ-киник.

Диоген Лаэртский (1-я пол. III в.) — древнегреческий писатель, автор биографий древнегреческих философов.

Закон штата Нью-Йорк для получения брачной лицензии требовал сдачи анализа крови на реакцию Вассермана — метод диагностики сифилиса, изобретенный немецким бактериологом Аугустом фон Вассерманом (1866–1925).

Пресвитерианство — разновидность кальвинизма в Великобритании (особенно в Шотландии) и США.

Епископальная церковь — другое название англиканской церкви.

С любовью (ит., муз.).

Высокая церковь — ответвление англиканской церкви, сохраняющее многие католические обряды.

«Бонанза», «Открытый конец» — американские телесериалы.

Кронкайт Уолтер (р. 1916) — американский журналист. На мысе Канаверал, называвшемся в 1963–1973 гг. мысом Кеннеди (в честь президента США Дж. Ф. Кеннеди), находится американский космодром.

Глубокий бас (ит., муз.).

Способ действия (лат.).